

Мартин Лутц

КАРЛ ФОН СИМЕНС

1829 – 1906

Жизнь между семьей
и всемирно известной
компанией

Мартин Лутц

КАРЛ ФОН СИМЕНС

Martin Lutz

CARL VON SIEMENS
1829–1906

Ein Leben zwischen Familie
und Weltfirma

München
C. H. Beck
2013

Мартин Лутц

КАРЛ ФОН СИМЕНС
1829–1906

Жизнь между семьей
и всемирно известной
компанией

Москва
«Сименс»
2014

УДК 621.39:658 (470) (092)
ББК 32.88г
Л86

Охраняется законом РФ об авторском праве.

Перевод с немецкого

Martin Lutz
CARL VON SIEMENS
C. H. Beck
2013

Лутц Мартин

Л86

Карл фон Сименс (1829–1906). Жизнь между семьей и всемирно известной компанией / Пер. с нем. – М.: Сименс, 2014. – 424 с.

ISBN 978-5-9905647-0-1

УДК 621.39:658 (470) (092)
ББК 32.88г

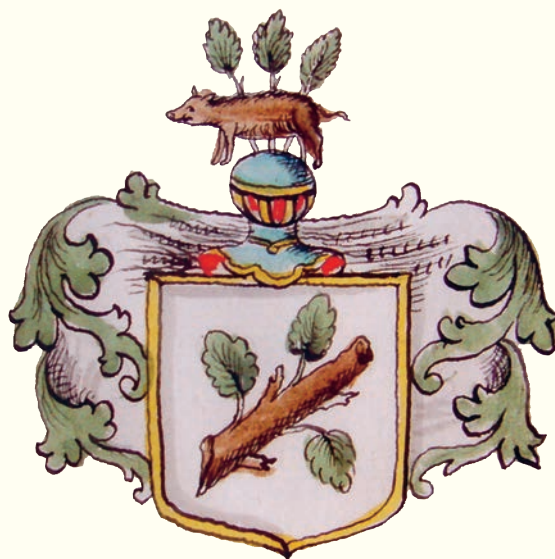
Три брата Сименс – Вернер, Вильгельм и Карл – вместе со своим деловым партнером Иоганном Георгом Гальске в середине XIX века создали условия для того, чтобы небольшая берлинская телеграфно-строительная фирма «Сименс и Гальске» смогла вырасти в крупную международную компанию. Мартин Лутц впервые подготовил биографию младшего из трех братьев и представил историю становления компании «Сименс», которая была и по сей день остается пионером глобализации.

© Verlag C. H. Beck oHG, 2013

© Kunst oder Reklame, оформление обложки, 2013

© ООО «Сименс», издание на русском языке, 2014

Посвящается памяти

баронессы Марии фон Гревениц
1860–1939
дочери Карла фон Сименса

Оглавление

- 11 **Предисловие**
- 17 **Пролог**
- Введение
- 19 **Пионер глобализации**
- Глава 1
- 25 **В простых условиях**
Предки 25 – Детство в Менцендорфе 29 – Школьные годы 32 – Любек 36 – Берлин 38
- Глава 2
- 43 **«Лучший предприниматель из всех нас»**
Телеграф 43 – Предпринимательские таланты Карла 46 – Основание телеграфно-строительной компании 50 – Революция 1848 года 54
- Глава 3
- 59 **Деньги на обучение потрачены не зря**
Выход «Сименс и Гальске» на рынок 59 – На Всемирной выставке в Лондоне 63 – Прибытие в Париж 67 – Разногласия по договору 71 – Прощание с Парижем 74
- Глава 4
- 77 **Строительство телеграфа в России**
Новый рынок 77 – Испытание 81 – Строительство телеграфа во время Крымской войны 85 – Тяжелые строительные работы и выгодные контракты на техническое обслуживание 92 – Партнерство в «Сименс и Гальске» 96

- Глава 5
- 99 Ubi bene ibi patria?**
Что такое Родина? **99** – Трудности адаптации **101** – Герман Капгер **105** – Свадьба **106** – Другой образ жизни **109** – Родина – Санкт-Петербург? **112**
- Глава 6
- 117 В поисках новых проектов**
Переориентация после 1855 года **117** – Подданный царя **119** – Несостоявшиеся заказы **121** – Новые направления бизнеса **124** – Превратности судьбы **128**
- Глава 7
- 133 Упорядочение общего дела**
Выговор из Берлина **133** – Составные части общего дела **136** – Подводные кабели братьев Сименс **142** – Разногласия между братьями **146** – Учредительный договор 1867 года **150**
- Глава 8
- 155 На Кавказе**
Кедабек **155** – «От Лондона до Калькутты» **159** – Переезд в Тифлис **164** – Смерть Марии **169** – Строительство Индо-Европейской телеграфной линии **172**
- Глава 9
- 177 «Прокладка кабеля по всему миру»**
Берлин или Лондон? **177** – Новые перспективы **179** – В Лондоне **182** – Трансатлантический кабель **186** – Международное признание **193**
- Глава 10
- 197 Обманутые ожидания**
Внутренний конфликт **197** – Дети **200** – Трудности в делах **203** – «Старый ворчун»? **207**
- Глава 11
- 213 Триумфальное возвращение**
Чужая Родина **213** – Экономическая ситуация в России **217** – «Истинный триумф» **222** – Электрическое освещение **225** – «Общество электрического освещения» **230**

- Глава 12
- 237 Конфликты, кризисы, конкуренция**
«Вильгельм скоропостижно скончался» **237** – Борьба за международный рынок **241** – Яростный конфликт между братьями **246** – Рост конкуренции **252** – Необходимость реформ **255**
- Глава 13
- 261 Глава дома**
Наследники вступают в свои права **261** – Последняя совместная поездка в Кедабек **265** – Новый исполнительный директор в Санкт-Петербурге **269** – Трудности выхода на биржу **275** – «Хоть немного насладиться свободой» **279**
- Глава 14
- 283 «Настоящий аристократ»**
Три свадьбы **283** – Образцовое имение **287** – Участие в общественно-политической жизни **290** – «Верноподданный Сименс» **293** – Возвращение в Берлин **296**
- Глава 15
- 301 «Последний из могикан»**
«На благо наших потомков» **301** – Кризис и слияние **306** – 50 лет «Сименс и Гальске» в России **312** – Для будущих поколений **315**
- 319 Эпилог**
- 323 Приложение**
Степень изученности темы исследования **325** – Примечания **333** – Список использованных источников и литературы **398** – Источники иллюстраций **412** – Слова благодарности **413** – Указатели **415** – Генеалогическое древо **422**

Предисловие

Почему мы читаем биографии? Хотим ли насладиться колоритом ушедшей эпохи? Ищем ли универсальных подтверждений человечности, способных по сей день растрогать наши сердца? Или мы разглядываем жизни людей в зеркале истории потому, что это помогает нам в более ясном свете посмотреть на события последующего времени? Возможно, мы зададимся этими вопросами, когда будем решать, стоит ли взяться за чтение биографий трех братьев Сименс – Вернера, Вильгельма, а теперь и Карла. Занявшись строительством телеграфных линий и «прокладкой кабеля по всему миру», они во второй половине XIX века заложили основы компании, которая по сей день носит их имя.

Все трое выросли в тесноте небольшого арендованного имения в Мекленбурге, но обосновались в разных европейских столицах. Старший из братьев, Вернер, который в большой мере взял на себя ответственность за младших братьев и сестер после ранней кончины родителей, направился в Берлин, где в 1847 году вместе с мастером по точной механике Иоганном Георгом Гальске основал телеграфно-строительную компанию «Сименс и Гальске». Вильгельм переселился в Лондон. Карла занесло в Санкт-Петербург. Благодаря созданию самостоятельных отделений фирмы «Сименс» под тремя разными коронами они стали людьми, которых принято называть состоятельными уважаемыми гражданами.

Вильгельм умер, будучи известным ученым и инженером, «сэром Вильямом». Он был гражданином Великобритании, почетным доктором Оксфордского университета и членом Королевского общества. После смерти его память была увековечена в одном из окон Вестминстерского аббатства. Гениальный изобретатель Вернер, видимо, всегда немного опасался, что младший брат может обойти его по популярности. Когда в 1888 году жизнь Вильгельма была описана «известным английским писателем мистером Вильямом Пуолом во всех подробностях и с добросовестным использованием доступных ему источников», Вернер немедленно принял

сочинять собственные «Воспоминания». Он и Карла призывал следовать своему примеру. Но Карл, самый прагматичный из трех братьев, всю жизнь предпочитал оставаться в тени Вернера, который был старше на 13 лет и заменил ему отца, а потому не воспользовался этой идеей.

Для того чтобы мемуары «пришлись по вкусу», как писал он Вернеру одним дождливым летним днем 1890 года из своего имения Гостилицы под Санкт-Петербургом, «представленная в них личность должна быть интересна уже сама по себе либо обладать выдающимся талантом по части беллетристики, чего у меня, к сожалению, нет и следа. Я только опозорюсь и, более того, могу прослыть назойливым».

При этом Карлу было что рассказать. Его биография, которая теперь, по прошествии более чем 100 лет после написанного в Гостилицах отказа, подготовлена историком д-ром Мартином Лутцем, начинается в заряженной атмосфере исторического периода перед Мартовской революцией 1848 года и переносит нас в давно канувшую в Лету страну – Российскую империю. Здесь есть место путешествиям на лошадях и почестям придворных льстецов. Телеграфная линия выводит нас на арену Крымской войны, берега рек соединяются мостами, и через степи прокладываются пути. Карл страдает от «собачьего климата», на Кавказе сооружается медный рудник, бандиты ведут стрельбу, пароход для прокладки кабеля выходит в море, а в 1884 году – точно к православному Рождеству – Невский проспект в Санкт-Петербурге впервые «иллюминируется» электрическим светом. Лица многонационального государства, голодные и сытые, смешались в кучу под новыми лампами, и вполне может случиться так, что то или иное из них снова всплывет в революции 1905 года, когда всеобщая забастовка на фабриках и мануфактурах положит начало беспорядкам.

Сегодня мы пользуемся телефонами или отправляем письма по электронной почте, и от наших разговоров остается мало следов. Подчас я задаюсь вопросом о том, на какую информацию в будущем смогут опираться историки, когда захотят заняться изучением людей нашего времени. В XIX веке в качестве основного средства коммуникации использовались письма, и даже появившиеся телеграммы поступали на письменные столы и секретеры исключительно в напечатанном виде. Карл и его братья оставили после себя обширную переписку, из которой мы также кое-что узнаем о взаимоотношениях, событиях и несчастьях в жизни этой семьи в то время, когда смерть еще была гораздо ощутимее, чем сегодня. При этом картина той, казалось бы, беззаветной братской любви, какую патриархальный Вернер рисует в своих «Воспоминаниях»,

приобретает более реалистичную окраску. В ней появляется место переговорам и предостережениям, спорам и ссорам, неудачам и проклятиям, но в конце концов братьям все же как-то удается сплотиться.

Из трех братьев именно Карлу было суждено провести больше всех лет, служа семейному предприятию. Его мобильность сродни карьере современного менеджера, которого жизнь гоняет по миру. Выстроенный им в России бизнес обеспечивал выживание телеграфно-строительной компании на протяжении более чем 10 лет после размолвки с прусским государством. И после смерти брата Вернера именно Карл вместе с его сыновьями в 1897 году преобразовал фирму в акционерное общество. Этим он создал необходимые предпосылки для того, чтобы выстоять в конкурентной борьбе с быстро развивавшейся на рынке компанией АЕГ Эмиля Ратенау.

История жизни Карла – это еще и история становления концерна, который стоял у истоков многих технологических прорывов и уже в XIX веке вырос в одно из ведущих предприятий империи Бисмарка. Такими прорывами стали строительство наземных и подводных телеграфных линий, а позднее – генерация электрического тока и света. Подобно инновациям современных интернет-компаний, они изменили облик нашего мира. Это – история изобретателей и их предприятия, которое благодаря крупным проектам выросло в международную компанию. В компанию, предоставлявшую услуги в области инфраструктуры и поэтому зависевшую от заказов разных государств, в скором времени вступивших друг с другом в гонку вооружений на волне индустриализации. В компанию, которая процветала в России, едва не стала английской и судьба которой окончательно оказалась связана с судьбой Германии после того, как ее штаб-квартира прочно обосновалась в Берлине.

С чего начать, на чем остановиться? Возведенный в дворянство последним царем Николаем II, Карл фон Сименс умирает в 1906 году в Ментоне. Становится ли это концом его истории? Или эта история продолжает жить, если оценивать то значение, которое его начинания имели для Германии и, прежде всего, для России? Давайте еще на мгновение задержим свое внимание на России и находившихся там заводах «Сименс», которые – вместе с АЕГ – доминировали в электротехнической промышленности империи, ведь в конечном итоге именно они и были делом рук Карла.

В преддверии Первой мировой войны во главе российского отделения становятся два местных управляющих – Леонид Борисович Красин и Альфред Шварц. Красину, бывшему соратнику Ленина, еще во время берлинской эмиграции удалось сделать карьеру на заводах «Сименс» – правда, при условии отказа от какой бы то ни было политической дея-

тельности. Альфред Шварц, немец по происхождению с российским паспортом, уже долго работал в компании, и Карл, вероятно, был лично знаком с ним. В ходе войны российские заводы «Сименс» и их руководство оказываются под контролем царского правительства, хорошо зарабатывают на войне и даже расширяются. Но после Октябрьской революции их национализируют. Ранее та же участь постигла и английские заводы «Сименс». Мемориальное окно сэра Вильяма в Вестминстере демонтировано и попадает в хранилище.

В первые годы Веймарской республики Леонид Красин служит связующим звеном между компанией «Сименс» и формирующимся Советским Союзом. Поскольку мировой революции не случилось, новая власть в Москве вынуждена строить собственное социалистическое государство в полной изоляции. «Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны», – торжествует Ленин и возлагает всю ответственность за решение этой задачи как раз на Красина и Шварца. Поскольку при реализации своей экономической программы советское правительство по-прежнему зависит от импорта техники из капиталистических стран, «Сименс» получает возможность – в том числе благодаря таким контактам – снова приступить к работе в России.

В течение первой пятилетки Советский Союз становится крупным импортером промышленных товаров. Он финансирует свои потребности частично за счет кредитов, а частично и за счет того, что отнимает зерно у голодающих крестьян, снабжает им своих рабочих на заводах по обработке сырья, а излишки за валюту продает за границу. «Фирмы, объединенные в концерн «Сименс», придерживаются того принципа, – пишет еще в 1924 году Адольф Франке, председатель Правления «Сименс и Гальске», советскому торговому представителю Борису Спиридоновичу Стомонякову, – что рассматривают себя в качестве чисто коммерческих предприятий и не вовлекают политические вопросы в сферу своей деятельности». Компания «Сименс» в больших объемах поставляет оборудование для крупнейшего в Советском Союзе металлургического комбината в Магнитогорске, который во время Второй мировой войны сыграл важнейшую роль основного производителя стали в СССР. «Сименс» поставляет технику для завода ферромарганца в грузинском городе Зестафони и многих других фабрик и комбинатов, а также оборудование для электростанций. Компания принимает участие в электрификации железнодорожной сети и даже разрабатывает планы для строительства Московского метрополитена. В 1931 году заказы из Советского Союза составляют 6,5% от общего объема новых заказов «Сименс и Гальске».

В международных отношениях внешняя торговля ставится под контроль правительств и осуществляется теперь в рамках заключаемых соглашений. Собственно говоря, нуждающийся в технологиях Советский Союз и зависящая от ресурсов Германия являются идеологическими противниками. Но едва только над полями сражений Восточной Европы развеивается пороховой дым, их представители опять идут напрямик навстречу друг другу. В международной дипломатии у обоих государств мало друзей. В Рапалло Европу накрывает тень мрачных предчувствий, и они сбываются в 1939 году с подписанием пакта Молотова – Риббентропа: Гитлер обменивает у Сталина оборудование стоимостью несколько сотен миллионов золотых марок прежде всего на зерно, нефть и железную руду, чтобы насытить военную машину и развязать себе руки для захватнической войны.

В скором времени бывший Санкт-Петербург с прежними заводами «Сименс», где Карл в 1853 году начинал строительство телеграфных линий, армия вермахта берет в кольцо осады, обрекшей на смерть свыше миллиона человек. В Лондонское хранилище, где находится мемориальное окно сэра Вильяма, попадает бомба. Мечта трех братьев о создании «международного предприятия по образу и подобию дела семьи Фуггер», не зависящего от отдельных государств, в которых они работают, находит свое символическое завершение. Крах Третьего рейха является поворотным пунктом в отношениях между «Сименс» и Россией и ставит точку еще более решительно, чем это сделала Октябрьская революция, – деловые отношения возобновляются только в конце 1950-х гг. Но они все же возобновляются. Мне кажется, что каким-то образом так было всегда: у кого-то есть нечто, чего нет у другого, а тот, второй, обладает чем-то, чего нет у первого. В результате получается, что движущие силы торговли оказываются более стабильными, чем жизненные пути отдельных людей. Когда в 1906 году Карл фон Сименс навсегда смыкает веки, в словах и делах уже набирает обороты страшный XX век. Эта биография возвращает нас в те времена, когда «прокладка кабеля по всему миру» еще сулила большие приключения.

Карл фон Сименс

(Карл фон Сименс – писатель и журналист,
пра-пра-правнучатый племянник Карла фон Сименса,
чья жизнь описана в этой биографии)

Пролог

Обрыв кабеля произошел 4 сентября 1874 года около четырех часов дня¹. «Фарадей», специальный корабль братьев Сименс для прокладки морских подводных кабелей, уже несколько дней находился в Северной Атлантике, держа курс на восточное побережье Америки. Цель экспедиции – совместно с компанией «Дайрект Юнайтед Стэйтс Кэйбл» установить первое прямое телеграфное соединение между Европой и Америкой, поскольку три существовавших на тот момент трансатлантических кабелей пролегли через территорию Канады. При этом для братьев Сименс – Вернера, Карла и Вильгельма – на карту было поставлено многое, так как они не только вложили в этот проект значительную часть своего состояния, но и серьезно рисковали личной репутацией. Они занимались прокладкой уже не первого подводного кабеля, и обрывы, стоившие им больших сумм, случались и раньше. Но сейчас под «Фарадеем» было почти 5000 метров, и пока еще никому не удавалось поднять разорванный кабель с такой глубины².

Карл, младший из братьев Сименс, руководил работами на борту корабля. В свои 45 лет он был уже опытным предпринимателем и за долгое время жизни в России успешно справился не с одним серьезным кризисом. Но ситуация, возникшая на «Фарадее», у которого не было никакой связи с материком, стала для Карла новым испытанием. Казалось, что единственный выход – смириться с потерей и снарядить повторную экспедицию для прокладки другого кабеля. Вернер писал в своих мемуарах, что это стало бы «тяжелым ударом»³ и могло нанести большой ущерб как личной, так и деловой репутации братьев.

Карл, однако, продемонстрировал настойчивость, решительность и готовность пойти на риск – свойства, которые его отличали и при реализации более ранних проектов. Он распорядился спустить траловый якорь, который через шесть часов наконец достиг дна⁴. Без

каких-либо иных вспомогательных средств «Фарадей» начал медленно обшаривать морское дно, и через сутки стрелка приборов вдруг отклонилась в сторону. Металлический якорь на 5-километровой глубине задел медный провод кабеля, и тем самым была установлена электрическая связь с побережьем Ирландии, где находился Вернер. Еще несколько часов ушло на то, чтобы добиться надежного соединения между «Фарадеем» и наземной станцией. Этот успех был встречен на берегу «с нескончаемым ликованием»⁵. Карл распорядился осторожно подцепить и поднять кабель якорем. Через несколько месяцев прокладка была завершена. В июне 1875 года открылась телеграфная линия Лондон – Нью-Йорк.

Электрический телеграф стал ключевой технологией, которая в середине XIX века произвела революцию в области коммуникаций. Корабельная почта доставляла письмо из Нью-Йорка в Лондон за две недели⁶. На передачу телеграммы уходило всего несколько минут. Телеграф заложил основу для глобализации и существенно изменил представления людей о пространстве и времени. Мировая телеграфная сеть стала, по сути, Интернетом XIX столетия⁷.

Одной из главных предпосылок глобализации является коммуникация, а точнее – способность обмениваться информацией на больших расстояниях за короткое время. В эпоху телефона и Интернета это кажется вполне естественным, однако подобное стало возможным только благодаря техническим новшествам и их распространению в последние два столетия. Создание трансграничных и трансконтинентальных телекоммуникаций сыграло здесь решающую роль.

«Теле» в древнегреческом языке обозначает «далеко, вдаль», а электрический телеграф – удаленное буквопечатающее устройство – впервые позволил быстро передать сообщение на большое расстояние¹. К 1840-м гг. техническая база достигла такого уровня, что в Европе и Северной Америке можно было заняться прокладкой коммерческих телеграфных линий. Первый международный телеграфный кабель соединил в 1846 году США с Канадой, а в 1851 году подводная линия связала Англию с Францией. Еще через семь лет трансатлантический кабель был проложен между Ирландией и канадской Новой Шотландией. Затем настала очередь Южной Америки, Африки, Азии и Австралии. В течение всего нескольких десятилетий была создана глобальная телеграфная сеть, обеспечивавшая быструю передачу информации между всеми континентами. Братья Сименс внесли в это значительный вклад.

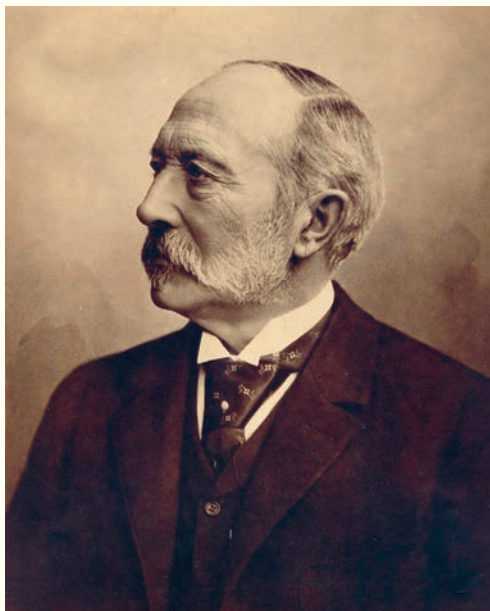
Их современники связывали с этой коммуникационной революцией надежды, но и в то же время испытывали опасения². За торжественным открытием первой американской телеграфной линии между Вашингтоном и Балтимором последовали протесты обеспокоенных представителей церкви, которые увидели черную магию в новых технологиях. Приверженцы прогресса, напротив, с энтузиазмом приветствовали телеграф как спасителя, который через коммуникации объединит человечество и даже обеспечит мир во всем мире. Последующее расширение глобальных кабельных сетей не подтвердило ни позиции

критиков, ни мнения сторонников. Телеграф не привел к миру во всем мире, так как уже скоро эту технологию стали использовать в военных целях³. Он не разрушил божественное мироздание, а лишь облегчил передачу информации в политических, деловых и личных целях. Но не каждый мог себе это позволить, потому что отправка телеграмм стоила очень дорого. Независимо от того, был ли телеграф изобретением «хорошим» или «плохим», он оказал огромное влияние на современников: их представления о пространстве и времени уплотнились с каждым километром кабеля. Мир стал меньше⁴.

Однако глобализация – это не процесс, протекающий сам по себе. За ним стоят личности, которые изменяют существующие структуры и создают новые. К ним относятся не только ученые и изобретатели революционных технологий. Нет, это прежде всего готовые к риску пионеры, которые подхватывают изобретения, находят им практическое применение и тем самым приводят в движение механизм общесоциальных изменений. Карл фон Сименс был одним из таких пионеров.

Вместе со своими братьями Вернером и Вильгельмом и с деловым партнером Иоганном Георгом Гальске Карл создал в середине XIX века условия для того, чтобы небольшая берлинская телеграфно-строительная фирма «Сименс и Гальске» смогла вырасти во «всемирно известную компанию»⁵. Это была великая мечта старшего брата Вернера, который заменил Карлу отца и одновременно был лучшим другом. Почти 60 лет Карл работал на благо фирмы в Германии, России и Англии. Современный концерн «Сименс АГ» является и его наследием.

Но как создают международные предприятия и что же на самом деле составляет ядро глобальной компании? Братья Сименс и Иоганн Георг Гальске часто ссорились по этому поводу, иногда дело почти доходило до разрыва отношений. Гальске вообще не хотел создавать крупное предприятие – проект казался ему слишком рискованным. Вернер был движущей силой в реализации этих планов и с большим упорством боролся за осуществление мечты своей жизни. Но в то же время приоритетом для него оставалось развитие бизнеса в Германии, недаром же в 1847 году он основал фирму именно в Берлине. Телеграфно-строительная компания была, по сути, немецкой, а иностранные отделения «Сименс и Гальске» – лишь «детьми» своей берлинской «матери», как Вернер однажды написал Карлу⁶. Вильгельм, напротив, жил в Англии и придерживался совершенно иной позиции. В XIX веке Лондон являлся мировым центром, конкуренция была сильной, и развитие глобальной компании могло вестись, по его

Карл фон Сименс.
Около 1900 г.

мнению, только из столицы Британской империи. То и дело между Вернером, Вильгельмом и Иоганном Георгом Гальске возникали конфликты из-за разногласий по корпоративной стратегии, конструкторским проектам, а иногда и просто из-за уязвленного самолюбия. Карл в таких случаях часто выступал в роли посредника. С братом Вернером его связывали близкие доверительные отношения, которые выдержали немало кризисов и оставались основой столь важной для компании сплоченности семьи⁷.

Именно Карл выстроил международный телеграфный бизнес «Сименс и Гальске». В 1852 году в возрасте 23 лет он основал в Париже первое совместное предприятие с участием своей компании за пределами Германии. Через три года проект прокладки российского телеграфа вырос под его руководством в направление бизнеса, которое временами имело наибольшее значение для фирмы. В конце 1860-х гг. Карл занимался на Кавказе строительством Индо-Европейского телеграфа от Лондона до Калькутты общей протяженностью в 7000 километров. Из Лондона еще через несколько лет он проложил первый трансатлантический кабель своей компании. Выйдя за рамки электротехнического бизнеса, Карл фон Сименс проявил себя талантливым предпринимателем, который не боялся идти на

серьезные финансовые и репутационные риски. На Кавказе он руководил одним из крупнейших медеплавильных заводов России и стал первопроходцем в области европейской нефтедобычи.

Большую часть своей жизни Карл посвятил созданию международной компании – с далеко идущими последствиями для себя лично. По завершении строительства телеграфа он осел в России, в 1855 году женился на дочери петербургского банкира. Четыре года спустя Карл отказался от своего мекленбургского гражданства и стал подданным Российской империи. В 1895 году за заслуги перед электротехнической промышленностью Николай II возвел его в российское дворянство. Дети Карла росли в многоязычной среде в Санкт-Петербурге, Тифлисе (сейчас Тбилиси. – *Ред.*) и Лондоне. Семье приходилось часто переезжать, отец практически не мог обеспечить им стабильную жизнь.

Вместе с тем международные проекты Карла стали вехами на пути превращения «Сименс и Гальске» в глобальную компанию. «Кажется, я от природы создан для больших дел – куда бы ни заносила меня судьба, везде возникало что-то крупное»⁸, – написал он однажды Вернеру. Размещение заказов на дорогостоящие масштабные проекты в телеграфном бизнесе во многом зависело от престижа претендента и доверия к нему, и небольшой компании сначала пришлось зарабатывать их кропотливым трудом. Именно поэтому успехи Карла в строительстве телеграфной сети в России и Индо-Европейского телеграфа или в прокладке трансатлантического кабеля имели большое значение для «Сименс и Гальске», которая всего за несколько десятилетий превратилась в крупную компанию. Когда в 1897 году телеграфно-строительная фирма была преобразована в акционерное общество, Карл стал председателем Наблюдательного совета одного из крупнейших в мире электротехнических предприятий. На момент его кончины в 1906 году в «Сименс и Гальске АГ» было занято уже 40 тысяч сотрудников⁹. В организационном плане фирма была выстроена достаточно прочно для того, чтобы пережить кризисы XX века. Пройдя сложный путь развития, «Сименс» сегодня снова является одной из самых больших электротехнических компаний мира.

У Вернера в последние годы его жизни созрело желание сохранить для потомков историю братьев Сименс и их предпринимательских успехов. Биография безвременно скончавшегося Вильгельма появилась в 1888 году¹⁰. А летом 1890 года Вернер предложил своему брату Карлу также зафиксировать истории их жизней. Незадолго до

своей кончины Вернер написал воспоминания, которые до нашего времени выдержали несколько переизданий и были переведены на многие иностранные языки¹¹. Карлу же, напротив, трудно было заняться описанием собственной жизни. Он объяснял своему брату, что буквально испытывает «страх», потому что «ничего в этом не смыслит»¹². Летом 1890 года Карл в личном письме Вернеру так обозначил все свои сомнения:

«Я хотел воспользоваться этим ненастным днем, чтобы приступить к описанию своего жизненного пути, чего ты так жаждешь, но по мере размышлений столкнулся с целой горой сложностей. [...] Мои мемуары [...] должны быть крепко связаны с твоими и с биографией Вильгельма, а то особое, что я мог бы, вероятно, рассказать, вряд ли будет интересно публике, так как я не таков, чтобы моя личность вызвала у нее интерес. [...] Мне вряд ли удастся написать простое жизнеописание или такие мемуары, которые весь мир читал бы с разинутым ртом, потому что представленная в них личность должна быть интересна уже сама по себе либо обладать выдающимся талантом по части беллетристики, чего у меня, к сожалению, нет и следа. Я только опозорюсь и, более того, могу прослыть назойливым»¹³.

На том и порешили. Карл фон Сименс не оставил после себя автобиографии. При этом ему, наверное, не стоило бояться «прослыть назойливым». В конце концов, речь идет о пионере глобализации и одном из создателей всемирно известной компании.

Dem Königl. preussischen Lieutenant der 3ten Artillerie
Brigade Herrn Werner Siemens in Berlin vor-
zuseh und bewilligende ich somit, über die seiner speci-
ellen Aufsicht übergebenen und zur ferneren Ausbildung
bei ihm sich befindenden 3 Brüder

August Friedrich Siemens
Carl Heinrich Siemens
Ferdinand Walter Siemens

in der Art meine Rüste und Anordnungen
zu übernehmen, dass der Allot was zu der Ausbildung
dieser meine Erwände erforderlich ist, zu ordnen, ihre
Lernfertigkeiten leiten, zu dem Nutzen zu unterstützen
sowie Rosten derselben die nöthige Aufsicht zu stellen
und überwacht sich der Sorge dieser meine Brüder so an-
nehmen, als ich, wenn ich persönlich in Berlin anwe-
send wäre, nach der mir obliegenden Pflicht, zu thun
würde.

Allot was der Herr Lieutenant W. Siemens in
dieser Aufsicht thun wird genehmigt ich somit ihm
Vorwärts völlig.

Warsow den 10ten November 1845.

H. E. Krenn
als genehmigt bestellter Vor-
sicht der Brüder des verstorbenen
Dominikus Siemens
zu Menzendorf.

V. S.

Предки

Начало всему положил Ананиас. По крайней мере, у истоков семьи Сименс стоял основатель рода Ананиас, родившийся в 1538 году, живший в Госларе и там же скончавшийся в 1591 году¹. Старинные документы свидетельствуют о том, что уже с XIV века семья жила в Госларе и имела статус городских граждан, занимающихся земледелием. Тем не менее точных родственных отношений за этот период однозначно выявить не удалось. Нельзя четко установить и происхождение самой фамилии. Она, вероятно, образована от мужского имени Симон или Зигмунд и была в эпоху позднего Средневековья широко распространена в Северной Германии.

Ананиас Сименс был уважаемым жителем этого имперского города у подножья Гарца. Он владел пивоварней и маслобойней, а также несколькими домами. Будучи членом купеческой гильдии, он был избран в городской совет Гослара и занимал различные официальные должности. Потомки Ананиаса также были успешными деловыми людьми. Внук Ганс построил в XVII веке дом, которым семья Сименс владеет и сегодня и где хранится семейный архив. Последующие поколения Сименсов дали Гослару четырех бургомистров, многочисленных членов гильдии и городского совета, пока в ходе наполеоновских войн в 1803 году город не отошел к Пруссии.

К тому времени семья уже имела много ветвей, которые распространились далеко за пределы Гослара. Так, свое начало от Ананиаса ведут многие голландские семьи Сименс. Фамилия Сименс очень распространена даже среди немцев-меннонитов Северной и Южной Аме-

На фото: свидетельство об опеке Вернера фон Сименса над братьями Фридрихом, Карлом и Вальтером от 10 ноября 1845 г.

рики. К концу XVIII века одна из ветвей семьи обосновалась близ местечка Вассерлебен, всего в нескольких километрах от Вернигероде на северо-восточном склоне Гарца. Иоганн Георг Генрих Сименс жил там как арендатор поместья Шауэн с женой Софией, которая родила ему 15 детей. Их младший сын, Кристиан Фердинанд, появился на свет 31 июля 1787 года.

Вскоре после этого привычный политический строй Европы подвергся серьезным изменениям. Штурм Бастилии в 1789 году привел к революции во Франции, последствия которой на протяжении некоторого времени ощущались и во всех германских государствах. Французская армия принесла республиканские идеи в немецкое феодальное общество, и они были восторженно приняты прогрессивно настроенными гражданами. Устаревшая система Священной Римской империи германской нации прекратила свое существование в 1806 году. Через два года умер Иоганн Георг Генрих Сименс. Его сын, Кристиан Фердинанд, к этому времени уже получил образование в монастырской школе в соседнем Ильфельде. Он поступил в Геттингенский университет, где недолгое время обучался расчету доходов и расходов, готовясь к карьере управленца. Затем он вернулся домой, чтобы освоить сельское хозяйство². Посещение университета в то время было явлением необычным, тем более для молодого человека из многодетной семьи арендатора.

Кристиан Фердинанд был, судя по всему, чрезвычайно любознательным. По воспоминаниям его сына Вернера, он был «умным, высокообразованным человеком»³, который прекрасно разбирался как в сельском хозяйстве, так и в истории с философией. Кроме того, Кристиан Фердинанд интересовался политикой. Он восхищался идеями Французской революции и мечтал об объединенной Германии. Но он не смог закончить учебу из-за неразберихи, царившей во времена наполеоновских войн. Кристиан Фердинанд работал с Людвигом Августом и Элеонорой (Хеленой) Дайхман, владельцами недвижимости в Поггенхагене под Ганновером⁴.

У Дайхманов была дочь Элеонора Генриетта, родившаяся в 1792 году, о чьем детстве и юности ничего не известно. Ее имя появляется только после того, как 11 июня 1812 года в окрестностях Поггенхагена Фердинанд и Элеонора поженились. Спустя три месяца родился их первый сын Людвиг. Исходя из этого, можно сделать вывод, что брак не был полностью добровольным. Однако считать, что он был заключен только по соображениям выгоды, тоже нет оснований. Из последующих документов видно, что Кристиан Фердинанд и Элеонора были любя-

Усадьба Ленте под Ганновером, справа – дом арендатора. Без даты

щей парой и самоотверженно заботились о своей семье⁵. Вскоре после рождения Людвига молодая чета переехала в окрестности Ганновера, где в 1813 году они взяли в аренду усадьбу Ленте. Один за другим у них родились еще семеро детей: Матильда – 17 апреля 1814 года; Вернер – 24 августа 1815 года (умер в младенчестве); Эрнст Вернер (позже – основатель компании «Сименс и Гальске») – 13 декабря 1816 года; Ганс – 3 декабря 1818 года; Фердинанд – 24 июля 1820 года; София Генриетта – 22 сентября 1821 года (умерла в младенчестве); Вильгельм (впоследствии сэр Вильям Сименс) – 4 апреля 1823 года.

Но ситуация в немецком сельском хозяйстве в то время была не слишком благоприятной, что отразилось и на Ленте. Наполеоновские войны, перепроизводство после окончания войны и падение цен на зерно тяжелым бременем легли на плечи производителей, которые хотели, как и прежде, зарабатывать деньги. Кроме того, расширение прибыльного сельскохозяйственного производства требовало увеличения инвестиций, что далеко не каждый мог себе позволить⁶. Кристиан Фердинанд и Элеонора Сименс не могли больше содержать Ленте.

Отец Карла
Кристиан Фердинанд Сименс
(1787–1840)

В 1823 году они отказались от усадьбы и арендовали хозяйство в тихой сельской местности Менцендорф между Любеком и Висмаром.

Переезд в Менцендорф должен был стать для Кристиана Фердинанда и Элеоноры серьезным испытанием. С шестью маленькими детьми и изрядным количеством скарба по плохим дорогам они преодолели расстояние более 200 километров. Им предстояло обосноваться в сельской местности в княжестве Ратцебург, которое принадлежало Великому герцогству Мекленбург-Штрелиц, одному из небольших и наименее развитых среди 30 государств – членов Германского союза. Великое герцогство было преимущественно аграрным, там не было крупных городов и господствовал устаревший социальный порядок, который базировался на аристократии и обездоленном крестьянстве⁷. Новые веяния времени там ощущались мало. Мысли об индустриализации, технологических инновациях, а также социально-политические идеи были непопулярны среди буржуазии земли Ратцебург.

Как быстро семья Сименс почувствовала себя комфортно в новой обстановке, неизвестно. Вполне вероятно, этот переезд принес им большие перемены. Менцендорф, как и Ленте, расположен на Северо-Германской равнине, но последний находился в непосредственной близости от королевской резиденции – города Ганновера – и был ча-

стью формирующейся Британской империи, а Любек, ближайший город к Менцендорфу, был крупнейшим центром Ганзейского союза, но давно пережил свой расцвет. Завязались ли у семьи Сименс контакты с любекским обществом, неизвестно. Управление хозяйством и воспитание детей занимали очень много времени. Причем с каждым годом от родителей требовалось все больше усилий, так как один за другим родились еще шестеро детей. Первым был Фридрих – 8 декабря 1826 года. Следом за ним 3 марта 1829 года появился десятый ребенок в семье Сименс. Родители окрестили его именем Карл Генрих.

Детство в Менцендорфе

Вкладывали ли Кристиан Фердинанд и Элеонора глубокий смысл в имена детей, определенно сказать трудно. В то время имена Карл и Генрих были широко распространены и встречались в семье Сименс и раньше. Родители уже называли своего сына, который родился в апреле 1823 года, именем Карл со вторым именем Вильгельм. Но так как Карл Вильгельм не использовал свое первое имя, младший брат Карл мог пользоваться им как основным.

Как прошло раннее детство Карла, можно только догадываться. Воспоминаний об этом периоде его жизни почти не сохранилось. С одной стороны, вряд ли детство, проведенное в семье с многочисленными детьми и постоянной финансовой нагрузкой на родителей, было беззаботным. Вслед за Карлом – с промежутками в два года – появилось еще четверо детей: Франц родился 5 февраля 1831 года, Вальтер – 12 января 1833 года; София Августа – 29 декабря 1834 года; наконец, Отто – 7 ноября 1836 года. Семья с двенадцатью детьми жила в Менцендорфе довольно скромно. С другой стороны, в сельской местности было множество занятий для детей. Вернер писал в своих мемуарах о «счастлимом детстве»⁸, которое он провел с братьями и сестрами в Менцендорфе. Леса в окрестностях служили большой детской площадкой, а деревенские дети вскоре стали товарищами по играм. Карл также, по всей видимости, чувствовал себя очень комфортно в Менцендорфе. Летом 1838 года мать написала Вернеру, что Карл теперь настоящее «дитя природы»⁹.

В своих поздних письмах Карл почти никогда не упоминал детство. В них изредка содержатся отрывочные воспоминания о его

прежней жизни, например история тяжелого падения с лестницы в родительском доме, из-за которого у него были проблемы со спиной на протяжении всей жизни. Почти ничего не пишет Карл и об отношениях с родителями, братьями и сестрами в Менцендорфе. По воспоминаниям Вернера, отец придерживался железной дисциплины и не пренебрегал суровыми наказаниями, чтобы держать в узде множество детей¹⁰. Однако Карл, конечно, не был лишен родительской любви. Несколько сохранившихся писем того периода свидетельствуют о том, что Кристиан Фердинанд и Элеонора очень любили свою семью. По воспоминаниям Вернера, именно любовь матери стала той основой, «той скрепляющей силой, которая объединяла всю семью»¹¹. Родители очень заботились о детях, занимались их воспитанием, но не были слишком навязчивы. Имеющиеся источники подтверждают тесную связь Карла с бабушкой. В его письме Вернеру от 1857 года мы находим одно из немногих личных воспоминаний о том времени:

«Смерть престарелой бабушки, пусть ее и нельзя назвать неожиданной, я принял очень близко к сердцу. Несмотря на то что с годами она становилась мне все более далекой, бабушка всегда занимала важное место в моих воспоминаниях о самых ранних годах»¹².

Удивительная сдержанность Карла в отношении его детства может быть также связана с трагическими событиями, которые потрясли семью в 1839 году и резко изменили ее жизнь. Кристиан Фердинанд Сименс писал своему сыну Вернеру 8 июля 1839 года о беде, постигшей семью:

«Дорогой сын! Убитый горем, должен сообщить тебе о смерти твоей драгоценной матери. Не было никакой надежды на ее выздоровление: важнейшие органы были разрушены, кровотечение возобновлялось три раза на протяжении восьми дней. Я пригласил превосходного врача из Любека, за ней очень хорошо ухаживали. Все эти восемь дней она постоянно спрашивала о детях, но за два с половиной часа до смерти потребовала меня к себе, схватила за руку, и сквозь постоянные стоны можно было слышать только: о Боже! и мое имя. Я не мог больше терпеть, потому что сам был болен в течение пяти недель и до сих пор не могу оправиться от желудочной лихорадки. Более чистой души мне уже не встретить. Дети мои! Сердце мое обливается кровью, и поскольку я долгое время наблюдал за развитием этой болезни, темнота вокруг меня еще не рассеялась»¹³.

Элеонора долго и тяжело болела. Тем не менее ее смерть летом 1839 года стала шоком для семьи. Кристиан Фердинанд, и сам не очень

Бабушка Карла
Элеонора Дайхман
(1765–1857)

здоровый, потерял любимую жену. Теперь он остался один с 12 детьми, младшему из которых, Отто, было всего три года. И хотя бабушка Дайхман после смерти своего мужа жила с семьей дочери, но охваченному горем отцу нужно было справляться со всеми проблемами самому. В последующие месяцы Кристиан Фердинанд был занят поисками подходящего жилья хотя бы для части детей. И особенно своего 10-летнего сына Карла, который был в трудном возрасте, он ни при каких обстоятельствах не хотел оставлять в Менцендорфе. «Карл в любом случае должен уехать»¹⁴, – написал он Вернеру вскоре после смерти Элеоноры. Двумя неделями позже он известил старшую дочь Магильду: «Карл уедет, я все еще не знаю куда, но, без сомнения, далеко»¹⁵.

Как Карл пережил потерю матери, неизвестно. Три десятилетия спустя он назвал свою младшую дочь Элеонору, что указывает на его эмоциональную привязанность к матери. Но даже и без письменных доказательств можно предположить, что 10-летний осиротевший мальчик страдал. Его строгий отец, который едва справлялся с новыми обстоятельствами, не мог ему помочь. Кристиан Фердинанд почти сердито написал Вильгельму в ноябре 1839 года:

«К моему большому удовлетворению Ганса я устрою до Пасхи. У этого Мих. [Михаэлиса, 29 сентября] Карла мне пристроить не удалось; он бегаёт, как осел, вокруг да около. Когда я этих двоих устрою и не буду раздражаться из-за их лени, я, наверное, смогу воспрянуть духом»¹⁶.

Кристиан Фердинанд уже несколько месяцев болел. Зимой его состояние ухудшилось, и 16 января 1840 года он умер. Через три месяца после смерти отца Карл должен был смириться еще и с потерей своего младшего брата Франца, который по возрасту шел следом ним.

После ранней смерти родителей нужно было что-то срочно решать с хозяйством в Менцендорфе. Самый старший сын Людвиг уже в течение нескольких лет жил вдали от дома, Матильда с 1838 года была замужем в Киле, а Вернер только что окончил офицерскую школу в прусской армии. Он служил в частях Магдебургского гарнизона и контролировал обучение Вильгельма, который посещал торговоремесленное училище. Управление хозяйством в Менцендорфе взяли на себя Ганс и Фердинанд. Бабушка Дайхман тоже оставалась на ферме и заботилась о воспитании Вальтера и Отто. Дядя по материнской линии забрал к себе в Любек Софию, а затем и Карла с Фридрихом. Беззаботное детство Карла закончилось вместе со смертью родителей. Ему было всего 10 лет.

Школьные годы

Ничто в детские годы Карла не указывало на то, что из этого мальчика вырастет руководитель крупной промышленной компании. Однако Любек стал хорошим выбором не только из-за добрых родственных связей с дядей Фердинандом Дайхманом. Ведь родители уже послали Вернера, Ганса и Вильгельма в среднюю школу Любека. Несмотря на скромный достаток, они хотели, чтобы дети получили самое лучшее образование. Предпринимательские успехи Карла и его братьев легче понять, если представить, как в семье Сименс реализовывалось стремление к образованию.

Родители понимали высокую ценность образования. Кристиан Фердинанд был человеком с многосторонними интересами и, несмотря на ограниченные финансовые возможности, обладал обширными знаниями. Элеонора происходила из семьи, в которой образованию придавалось большое значение. По воспоминаниям Вернера, она была самосто-

ятельной, энергичной женщиной, которая вносила вклад в сплоченность семьи¹⁷. Вернер также пишет в своих мемуарах, что бабушка Дайхман рано научила своих маленьких внуков читать и писать. Начальным обучением подростков детей занимался сам Кристиан Фердинанд. Оглядываясь назад, Вернер называл отцовское обучение «остроумным и оригинальным»¹⁸, заложившим основу его мировоззрения. С 1827 года старшая сестра Матильда посещала школу-интернат для девочек в Ратцебурге, в это же время Вернер пошел в школу в соседнем Шёнберге. Однако успехи Вернера в школе были не очень велики, поэтому родители весной 1829 года наняли домашнего учителя, молодого человека по фамилии Шпонхольц. По воспоминаниям Вернера, ему удалось за короткое время «превратить дикого, не желающего учиться мальчика в самого усердного и прилежного ученика, которого не нужно было заставлять работать, но нужно было удерживать от перегрузок»¹⁹.

Карлу не пришлось учиться у Шпонхольца. Страдавший от депрессии учитель, прожив год в Менцендорфе, совершил самоубийство. Карлу тогда был всего год. Но свое раннее детство он провел в семье, в жизни которой постоянно присутствовали преподавание и обучение. Вскоре родители наняли еще одного учителя, пожилого человека, который был излишне требователен к детям. Через два года он умер от туберкулеза, и тогда родители отправили двух сыновей, Ганса и Вернера, в школу в Любек.

Насколько серьезно Кристиан Фердинанд и Элеонора заботились об образовании своих детей, показывают два письма, написанные родителями Вернеру в 1836 и 1838 году. Так, вскоре после рождения Отто в ноябре 1836 года отец пишет: «Если небо дарит нам такое счастье, чтобы 10 наших сыновей могли учиться и стать образованными людьми, это о чем-то говорит; наши взрослые сыновья также должны внести свой вклад и быть по-настоящему бережливыми»²⁰. Вернер перенял эту заботу о младших и в последующие годы взял на себя ответственность за образование братьев и сестер. Только объединенные усилия всей семьи позволили нанять учителя и отправить по крайней мере нескольких мальчиков в гимназию. Элеонора также понимала, что ограниченные возможности Менцендорфа еще в течение длительного времени не позволят решить эту задачу. Летом 1838 года она написала Вернеру, что «дитя природы» Карл должен скоро покинуть дом, «чтобы учиться дальше»²¹.

Когда Карл начал посещать среднюю школу, трудно сказать. По словам Вернера, Карл, Фридрих и более старший Вильгельм гостили

уже в 1838 году у дяди Фердинанда Дайхмана в Любеке. Но только в 1840 году Фридрих и Карл последовали за своими старшими братьями Вернером, Гансом и Вильгельмом и начали учиться в гимназии в Любеке. В том, что дети получали образование, была большая заслуга Кристиана Фердинанда и Элеоноры Сименс. Хотя семья и не принадлежала к образованному среднему классу и ее финансовые возможности были ограничены, родители смогли дать своим детям базовое образование²². Карл никогда не учился в университете. Однако уже в школьные годы он проявлял интерес к естественным наукам, что повлияло на всю его дальнейшую предпринимательскую деятельность.

Возникает естественный вопрос, почему такие небогатые люди, как семья Сименс, придавали большое значение учебе и приложили столько усилий, чтобы дать дорогое по тем временам образование своим детям. Ответ можно найти в размышлениях социолога Макса Вебера, который еще при жизни Карла опубликовал исследование о влиянии протестантской этики на зарождение современного капитализма²³. По Веберу, такие нравственные понятия, как призвание в профессии, трудовая дисциплина, экономность и бережное отношение к капиталу, были главными причинами того, что современный капитализм возник в Европе и Северной Америке. Особенно характерен суровый и аскетичный образ жизни был для голландских кальвинистов и английских пуритан. Именно поэтому Нидерланды и Великобритания с XVII века стали экономическими лидерами в Европе. У немецких лютеран, согласно Веберу, также можно обнаружить влияние протестантской этики. Однако анализируя современное ему немецкое общество, он обратил внимание на то, какое решающее значение имели отношения между протестантизмом и экономическим успехом: очевидного влияния религиозных ценностей на экономическое поведение в XIX веке он уже практически не наблюдал, они играли лишь незначительную роль в повседневной жизни многих успешных предпринимателей. Протестантская этика ослабила свое первоначальное религиозное начало и разбудила «дух капитализма»²⁴, который в XIX веке обусловил быстрое экономическое развитие.

Кристиан Фердинанд и Элеонора Сименс вышли из северогерманской протестантской среды, послужившей Максиму Веберу основой для его исследований. Были ли они очень религиозными и воспитывали ли своих детей соответственно, неизвестно. Более поздние высказывания Карла указывают на то, что его вера в Бога не была глубокой. Он, как

Усадьба Менцендорф, место рождения Карла. 1910 г.

и Вернер, испытывал скорее скептицизм по отношению к церкви²⁵. По воспоминаниям Вернера, тем не менее, ясно, что в доме семьи Сименс царил дух, который хорошо согласуется с наблюдениями М. Вебера. Очень велико также было влияние учителя Шпонхольца на подростка Вернера. Он описал в своих мемуарах, как вечерами они играли в Менцендорфе:

«Когда поздним вечером глаза слипались от усталости, он [Шпонхольц] указывал нам на старый кожаный диван, на котором сидел рядом с нашим рабочим столом, и в то время как мы устраивались там, он рисовал нам картинки из нашего будущего; он или изображал те вершины, которых мы сможем достичь благодаря трудолюбию, усердию и высоким моральным качествам, а также заботам наших родителей, или показывал нас в печальных жизненных обстоятельствах, если наши стремления ослабеют и мы не сможем противостоять искушению зла»²⁶.

Учитывая большое влияние, которое после смерти родителей Вернер оказывал на воспитание младших братьев, можно представить, каким образом привычка к прилежанию и упорному труду была привита юному Карлу. Она сформировала столь же важную основу его будущего успеха, как и обучение в школе, которое началось в Любеке в 1840 году.

Любек

Старый ганзейский город Любек вместе с Бременом, Франкфуртом и Гамбургом был одним из четырех вольных городов и членом Германского союза²⁷. Однако по сравнению с портовыми городами на Северном море – Гамбургом и Бременом – Любек в XIX веке был на периферии интенсивного экономического развития. Быстро рос объем торговых и пассажирских перевозок по Атлантике. По сравнению с этим Балтийское море потеряло свое значение. Тем не менее Любек должен был стать для юного Карла из Менцендорфа новой увлекательной и многогранной средой обитания. Город все еще оставался важным торговым центром с оживленным, многолюдным портом, уверенными в себе, напористыми и самостоятельными жителями и сильной международной ориентацией. В город приезжали моряки и торговцы не только из Балтийского региона. Любекские купцы никогда не выпускали из виду самые отдаленные иностранные рынки. В романе «Будденброки» Томас Манн ярко изобразил жизнь города Любека и его торгового среднего класса. Карл в первый раз вступал в контакт с этим буржуазным миром, который сильно отличался от сельского Менцендорфа.

О жизни Карла в Любеке осталось совсем немного документальных материалов. Неизвестно, были ли у него хорошие отношения с дядей Фердинандом и нравилась ли ему новая, по сути, чуждая городская жизнь. Смерть родителей, без сомнения, стала большим испытанием, которое трудно было пережить. Источники не дают никакой информации даже об отношениях Карла с братом Фридрихом. Сложно сказать, поддерживали ли братья друг друга в это тяжелое время после смерти родителей и взял ли старший Фридрих на себя ответственность за младшего Карла. Вероятно, Фридрих, часто болевший в детстве, и в Любеке чувствовал себя некомфортно²⁸. Одним из немногих свидетельств любекской жизни было письмо Ганса из Менцендорфа брату Вильгельму, написанное в сентябре 1841 года. После смерти отца прошло более полутора лет, и младшие братья и сестры, по всей вероятности, несколько привыкли к своей новой жизни. В письме упоминается, что «мальчики в Любеке [...] очень стараются»²⁹. В гимназии Катаринеум, видимо, были хорошие условия обучения.

Классическая гимназия Катаринеум, основанная в 1531 году, в эпоху Реформации, до XIX века была единственной полной средней школой Любека. Она пользовалась хорошей репутацией, поэтому даже детей

из богатых семей отправляли туда учиться. Томас Манн и его старший брат Генрих учились именно в ней. Позже она послужила прототипом школы в романе «Будденброки». В мемуарах Вернера есть интересное описание его собственных школьных лет в Катаринеуме в 1832–1834 гг. Во-первых, он и его брат Ганс должны были сдавать вступительный экзамен. Поскольку они оба, как позднее Вильгельм, Фридрих и Карл, выдержали экзамен успешно, это означало, что домашнее обучение в Менцендорфе дало достаточно хорошую подготовку. Однако преподавание естественно-научных дисциплин в школе Вернер описывает как неудовлетворительное, а с изучением древних языков у него были большие трудности³⁰. Он дошел до уровня Prima – последнего класса гимназии, но потом бросил ее, чтобы поступить в Прусский инженерный корпус. Тем не менее в семье от гимназии Катаринеум осталось в целом положительное впечатление. Из десяти братьев Сименс пятеро обучались там, по крайней мере частично.

Свои школьные годы в начале 1840-х гг., которые выпали на политически беспокойное время, Карл никогда не вспоминал. В гимназии Катаринеум он получил естественно-научные, языковые и общеобразовательные базовые знания. Многие преподаватели активно участвовали в политическом движении по проведению реформ, которые предполагали либерализацию жесткой, берущей свое начало в Средневековье правовой системы³¹. По всей видимости, участие Карла в революции 1848 года также явилось следствием его политизации в школьные годы.

Условия для подготовки к занятиям в доме Дайхманов, очевидно, были не очень хорошими. В начале 1843 года Вильгельм писал Вернеру, «что они [Фридрих и Карл] не имеют дома места, где могли бы заниматься, и им приходится со своими книгами переходить из одного угла в другой»³². Кроме того, было заметно влияние портового города. Как далее отмечал Вильгельм, «Фридрих и Карл [...] стали настоящими моряками»³³. Фридрих действительно нанялся на некоторое время плавать на любекских судах. Однако у Карла это было всего лишь краткосрочным увлечением. В 1843 году Вернер забрал его в Берлин, чтобы тот продолжил образование. Карлу было 14 лет, когда он вместе с младшим братом Вальтером переехал к Вернеру в Берлин. В течение года мальчик из Менцендорфа должен был справиться со вторым переездом. Из старомодного Любека он попал в бурно развивающийся Берлин, столицу Пруссии и крупнейший город Германского союза после Вены.

Берлин

Берлин поначалу должен был показаться Карлу чужим миром. Из узких средневековых улиц Любека он приехал в большой, быстро растущий город с населением почти 400 тысяч жителей, который продолжал стремительно развиваться. Под влиянием архитектора Карла Фридриха Шинкеля в Берлине были созданы монументальные классицистические здания и уже ясно просматривались черты индустриализации. С 1838 года на теперешней Потсдамер Платц возвышался первый вокзал в столице Пруссии.

С 1835 по 1838 год Вернер учился в артиллерийском и инженерном училище в Берлине и за эти три года получил базовое естественнонаучное образование. Последующие годы он провел в гарнизонах в Магдебурге и Виттенберге, пока в 1842-м не был переведен на Берлинский артиллерийский завод³⁴. Благодаря железной воле и строгой дисциплине Вернеру удалось в этот период приобрести разносторонние знания. Его аскетический образ жизни передался также младшему брату Вильгельму, который жил вместе с ним в Магдебурге. Рабочие будни обоих братьев Вернер описал следующим образом:

«Я с отцовской радостью следил за его [Вильгельма] развитием и помогал ему в свободные часы подготовиться к школьным занятиям. [...] Математику я преподавал ему сам каждое утро с 5 до 7 часов, и меня очень порадовало, что позднее он хорошо сдал экзамен. Мне самому это преподавание было очень полезно, также оно способствовало тому, что я был изолирован от всех соблазнов офицерской жизни и энергично продолжал свои научные исследования»³⁵.

Когда Карл в 1843 году переехал в Берлин, он также попал в условия суровой дисциплины в доме Вернера.

В это время братья вряд ли очень хорошо знали друг друга. Вернер покинул Менцендорф в 1834 году, когда Карлу было всего пять лет. Во время военной службы не так часто была возможность посещать родные края. Однако 26-летний Вернер проявил исключительно сильное чувство ответственности за своих младших братьев и сестер. Он взял под опеку Фридриха, Карла и Вальтера и приложил максимум усилий, чтобы они получили хорошее образование. В письме летом 1845 года бабушка Дайхман настоятельно призывала Карла следовать примеру Вернера:

Вернер фон Сименс.
Около 1847–1848 гг.

«Дорогой Карл! Ты, безусловно, очень прилежный и все делаешь с радостью, за что я благодарю Бога каждый день, ведь ты знаешь, насколько близки моему сердцу дети семьи Сименс; и если у вас все хорошо, я вполне счастлива. Вы все должны быть очень благодарны дорогому Вернеру за его любовь и чтить его как отца!»³⁶.

В Берлине под влиянием Вернера у Карла стал быстро развиваться интерес к естественным наукам. На Рождество 1843 года он получил от Вильгельма коллекцию минералов, которая дала начало сохранявшемуся на протяжении всей его жизни увлечению геологическими науками³⁷. Успехи в школе у Карла в Берлине были блестящими. Первый год он закончил с высшими оценками³⁸. Физически он также быстро развивался. 10 мая 1844 года Карл написал своей бабушке Хелене Дайхман, что он теперь такой же большой, как Фридрих, который старше его на два года³⁹. Через год Вернер в письме Вильгельму неодобрительно упоминал, что Карл становится «выше и толще с каждым днем»⁴⁰.

В это время Вернер жил в стесненных условиях, в своей служебной квартире на артиллерийском заводе, где, помимо Карла, он дал приют младшему брату Вальтеру, а позднее и Фридриху. Только осенью 1845 года, когда Вернер арендовал большую квартиру на Луизенштрассе, вблизи нынешнего железнодорожного вокзала Фридрихштрассе, Карл смог интенсивно заняться научными исследованиями. 16-летний подросток с гордостью писал брату Вильгельму:

«Так как я сейчас переведен на вторую ступень [6–7-й классы] и изучаю минералогию, я могу заложить основы моей коллекции минералов [...]. Химических материалов, которые я уже давно собираю, также накопилось изрядное количество. Квартира [новая] намного больше и уютнее, чем прежняя. В передней части у нас есть большая спальня, рядом – еще одна небольшая комната. В задней части – две спальни и кухня. Кухня мне очень нравится, потому что, когда я произвожу опыты с сильно пахнущими веществами, не все довольны, что я делаю это в доме, и если я хочу что-то расплавить или нагреть, кухня мне очень полезна»⁴¹.

Вернер почти не изменил строгие правила со времени жизни с Вильгельмом в Магдебурге. Три раза в неделю у Фридриха и Карла были частные уроки по математике (по утрам с шести до восьми часов). Во время праздников занятия проводились даже ежедневно. Сам Вернер также интенсивно занимался в эти годы. Он слушал лекции по математике в Берлинском университете и стал одним из основателей Берлинского физического общества, из которого вышел знаменитый физик Герман фон Гельмгольц⁴². Вернер держал руку на пульсе научных исследований, которые в середине XIX века достигли значительных успехов. Благодаря ему младшие братья смогли получить глубокие теоретические знания. Одновременно Карл и Фридрих начали помогать Вернеру в его работе. Благодаря интересу к химии Карл участвовал в экспериментах старшего брата в области гальваники, в которых с помощью электрического тока предметы можно было покрывать слоем металла. Весной 1846 года Вернер написал Вильгельму, что Карл «теперь во время каникул занимается никелированием»⁴³.

В эти годы в Берлине между Вернером и Карлом зародилась тесная дружба, которая сохранилась на всю жизнь. Финансовое положение братьев и сестер в Берлине оставалось, однако, нестабильным. Офицерской зарплаты Вернера едва хватало, чтобы обеспечить средства к существованию и воспитанию младших братьев. Патент по гальванотехнике, который получил Вернер, на некоторое поправил положение. В 1843 году Вильгельм смог продать этот патент в Англии за большую сумму. Но вскоре появились новые проблемы с деньгами. В марте 1845 года Вернер едва собрал деньги на конфирмацию Карла в церкви берлинского района Доротеештадт⁴⁴. Через год закончились последние сбережения, и Вернер в полном отчаянии написал Вильгельму:

Вильгельм Сименс,
впоследствии сэр Вильям.
Около 1847 г.

«Раньше я не мог себе представить, что мы сможем так долго извращаться с нашими большими расходами на братьев и сестер. Теперь же это не может больше продолжаться, так как все источники иссякли. Но мы надеемся и не падаем духом»⁴⁵.

Вернер связывал свои надежды прежде всего с экспериментами в области электричества, которые он проводил помимо своей офицерской службы. Он уже подал несколько патентных заявок на изобретения, а в последние годы все больше внимания уделял только еще зарождавшемуся телеграфу. В своих мемуарах Вернер подчеркивал, какую важную роль Карл, который был моложе его на 12 лет, сыграл в ранних экспериментах с телеграфом в Берлине: «Там [Карл] принял участие в моей работе и был верным и всегда надежным помощником в моих первых технических предприятиях»⁴⁶.

Телеграф

Оптический телеграф получил распространение в конце XVIII века. Он сделал передачу новостей независимой от скорости передвижения человека и сформировал первую современную телекоммуникационную сеть¹. Оптический телеграф быстро стал востребованным. Его преимущества стали особенно очевидны во время наполеоновских войн, так как благодаря ему обеспечивалась эффективная координация действий французских войск. Франция была покрыта сетью телеграфных станций и быстро нашла подражателей в других европейских странах.

По сравнению с почтовыми дилижансами и конными курьерами оптический телеграф позволял быстрее доставлять сообщения. Однако он также имел и существенные недостатки, потому что зависел от дневного света и погодных условий. При плохой видимости, например в тумане, система не функционировала. Сигнал оптического телеграфа не мог преодолевать большие расстояния по воде. Да и скорость передачи была низкой, потому что все условные знаки, с помощью которых осуществлялась передача сообщения, оказались очень сложными в исполнении. Французская система, которая тогда была лучшей в мире, позволяла при оптимальной погоде передавать от двух слов в минуту. Прусская линия – между Берлином и Кобленцем – позволяла передавать максимально шесть сообщений в день, каждое из которых содержало от 20 до 30 слов². Оптический телеграф служил почти исключительно для военных или политических целей, а для личных контактов был недоступен. Только усовершенствование электрического телеграфа в 1830-е гг. позволило передавать больше информации и более бы-

На фото: Карл фон Сименс. Около 1860 г.

Иоганн Георг
Гальске
(1840–1890),
соучредитель
телеграфно-
строительной
компании
«Сименс и Гальске».
Без даты

стро, причем независимо от погоды. Электрический телеграф стал одной из самых важных инноваций XIX века³.

В 1833 году Карлу Фридриху Гауссу и Вильгельму Веберу удалось в Геттингене наладить электромагнитную передачу сообщений из центра города в обсерваторию на окраине. Физики обменивались сигналами, в результате чего две связанные проводом стрелки компаса приводились в движение электрическим током. Этот метод позволил осуществить телеграфную передачу символов на большие расстояния при условии использования установленного заранее кода для шифрования и дешифровки. В ноябре 1833 года Гаусс написал в письме: «Этот способ телеграфирования имеет то преимущество, что совершенно не зависит от погоды и времени суток; любой, кто подает сигнал или получает его, остается в своей комнате и, если хочет, то даже с закрытыми ставнями»⁴.

Англичане Вильям Кук и Чарльз Уитстон быстро подхватили эту идею и в 1837 году запатентовали собственный стрелочный телеграф. Через два года система была апробирована на железнодорожной линии вблизи Лондона и стала первой коммерческой электрической телеграфной линией в мире. Кук и Уитстон одновременно работали над

улучшением своего аппарата. Они сконструировали стрелочный телеграф, у которого стрелка перемещалась по диску с буквами и цифрами, благодаря чему сообщения можно было легко читать⁵.

Большая проблема стрелочных телеграфов состояла в том, что у них не было автоматической регистрации. Более того, обученный специалист должен был одновременно с получением сигнала записывать пришедшие сообщения. Эту проблему решил американец Сэмюэль Морзе. Он сконструировал пишущий телеграф – устройство, которое записывало телеграфные сигналы в форме точек и тире. Шифрование и дешифровка осуществлялись с помощью специально разработанного кода – азбуки Морзе. Весной 1844 года первый телеграф Морзе был апробирован на линии между Вашингтоном и Балтимором. Большой интерес к новой технологии проявили прежде всего железнодорожные компании, поскольку она позволяла улучшить координацию движения поездов на маршрутах и снизить количество аварий на одноколейных линиях⁶. В Англии и США началось стремительное внедрение телеграфных сетей.

В то же самое время в Берлине артиллерийский офицер Вернер Сименс вместе с братом Карлом проводил эксперименты со своими телеграфными аппаратами. Сначала, в 1846 году, Вернер усовершенствовал стрелочный телеграф Уитстона⁷. В разработке конструкции ему помогал механик Иоганн Георг Гальске, с которым Вернер был знаком по Физическому обществу и который держал небольшую мастерскую в Берлине. Проблемой, однако, оставалась недостаточная изоляция кабеля. Важным изобретением Вернера была изоляция гуттаперчей, резиноподобной массой, которая изготавливалась из сока гуттаперчевого дерева, растущего в Юго-Восточной Азии. Вильгельм отправил из Англии образец гуттаперчи, и Вернер обнаружил отличные изолирующие свойства этого материала. Летом 1846 года прошло первое полевое испытание вдоль железнодорожной линии, но все-таки изоляция кабеля оказалась неудовлетворительной.

Первая работа Карла с телеграфной техникой пришлось еще на его школьные годы, когда Вернер экспериментировал со стрелочным телеграфом и гуттаперчевой изоляцией. Когда точно Карл бросил школу, по нескольким письмам того времени установить невозможно. В 1846 году он был переведен в старший класс Prima⁸. Но окончил ли он его, неясно. Вполне возможно, что в связи с финансовыми трудностями Карл после Sekunda – предпоследнего класса обучения в школе – прекратил ее посещать, чтобы сэкономить средства и внести вклад в доходы семьи.

В то время ему было 17 лет, и у него не было никаких четких представлений о будущей карьере. Из нескольких записей этого периода можно понять, что Карл проявлял большой интерес к науке и технике. Кроме того, он еще в подростковом возрасте обладал качествами, которые говорили о его предпринимательских талантах. Под Рождество 1846 года Вильгельм спросил Вернера: «С какой стати Карл решил, что он лучший предприниматель из всех нас [...]?»⁹

Предпринимательские таланты Карла

Действительно ли Карл мог стать «лучшим предпринимателем» из всех братьев Сименс? Поначалу такая оценка Вильгельма удивляет, потому что Вернер и Вильгельм к тому времени уже имели собственные успехи, например продажу в Англии патента по гальванизации. У обоих, казалось, было многообещающее будущее в еще молодой отрасли – электротехнике. Так почему же Вильгельм выделяет крупнейший предпринимательский талант в семье у 17-летнего Карла? И вообще – что, собственно, такое предприниматель, фабрикант?

Когда Вильгельм говорил о Карле как о «лучшем предпринимателе» из всех братьев Сименс, он имел в виду индустриальное производство¹⁰. Такие фабриканты-предприниматели были новым явлением в германских государствах, так как индустриализация стала там активно развиваться в 1820-е гг. Хотя уже тогда существовали заводы и большие ремесленнические предприятия, которые, правда, пока имели мало общего с крупными промышленными предприятиями Англии. Только в последующие десятилетия многие немецкие компании выросли до значительных размеров. В Эссене фирма Альфреда Круппа начала изготовление литой стали. Добыча угля в Рурском регионе стремительно росла, и в декабре 1835 года была пущена первая немецкая железная дорога между Нюрнбергом и Фюртом. Когда в 1843 году Карл переехал в Берлин, там на локомотивном заводе Августа Борсига работали почти 1000 рабочих¹¹.

Братья Сименс жили в мире, который быстро менялся. Невероятный рост населения (с 1816 по 1866 год население Пруссии удвоилось), урбанизация, индустриализация и технический прогресс принципиально изменили мир. Это был «неизвестный мир с незнакомыми правилами», который пришел и потребовал изменить «складывавшиеся

Вид на Берлин с Французского собора на площади Жандарменмаркт. Около 1850 г.

десятилетиями привычные процессы»¹². С одной стороны, «преобразование мира»¹³ принесло новые возможности для развития. С другой стороны, были необходимы мужество и готовность рисковать, чтобы сделать решающий шаг в предпринимательство и тем самым подвергнуть себя риску и неудачам. Такая угроза была вполне реальной, потому что подавляющее большинство начинающих пионеров-предпринимателей из индустриальной отрасли разорилось¹⁴. Для братьев Сименс эта угроза усиливалась тем, что их социальное происхождение не совсем подходило для успешной предпринимательской деятельности. Для Берлина показателен тот факт, что в середине XIX века около 100 предпринимателей, или почти 80%, происходили из семей фабрикантов, коммерсантов или банкиров. Только два предпринимателя происходили из семей, в которых отец, как и в случае с братьями Сименс, был арендатором земель¹⁵.

Какие качества помогли Карлу стать «лучшим предпринимателем», как считал Вильгельм, и решать задачи, с которыми сталкивается успешный фабрикант? Базовое образование получили все братья Сименс, о чем позаботились родители. Коммерческого образования не получил никто, предпринимательскую инициативу, однако, в последующие годы проявили все. У Вернера, Вильгельма и Фридриха были ярко выраженные способности к естественно-научным исследованиям

и изобретательству. И Карл также обладал большим научным потенциалом, который он в дальнейшем развил в результате экспериментов в своей лаборатории. К тому же он собрал богатую библиотеку, где был большой выбор научных книг и журналов¹⁶. Благодаря этому увлечению Карл все время шагал в ногу с научно-техническим прогрессом. Он участвовал в изобретениях своих братьев, которые обсуждались и координировались в обширной переписке. Также как у Вернера, Вильгельма и Фридриха, склонность к естественным наукам у Карла сочеталась с прекрасными организаторскими способностями.

Однако в отличие от братьев Карл обладал деловой хваткой. В последующие годы Карл смог использовать чуть ли не шуточные исследования и изобретения своих братьев. В переписке с Рихардом Эренбергом, работавшим в 1900 году над книгой о братьях Сименс, он писал: «Между нами говоря, у моих братьев было что-то вроде изобретательской лихорадки, и это, пожалуй, стало причиной того, что они никогда со мной не делились напрямую. У нас всегда было достаточное количество неотложных дел, на которые тратилось много денег без надобности»¹⁷.

Научные исследования и разработки не были для Карла самоцелью, и это отличало его от братьев, ориентированных на теоретическую науку. Он не был «запрограммирован на то, чтобы быть студентом»¹⁸, как писал Вернер Вильгельму в 1849 году. Карл считал, что каждый эксперимент и каждое изобретение должны в первую очередь служить бизнесу. Вернер отмечал в своих мемуарах, что он оценивал Карла как «самого здравомыслящего»¹⁹ из всех братьев:

«Он всегда был надежным, верным и добросовестным, хорошим учеником, любящим, ласковым братом. Ясное видение и пытливый ум сделали его способным предпринимателем, а серьезные технические знания и надлежащий такт – отличным руководителем производственного предприятия»²⁰.

«Здравомыслящим» Карл был только в том смысле, что он гораздо решительнее, чем его старшие братья, ставил в центр своих интересов практическое применение изобретений и уделял меньше внимания фундаментальным научным исследованиям. В письме Вернеру в 1888 году Карл написал, что «всегда придерживался мнения, что успешный бизнес должен в конце концов выражаться в цифрах. Неудачные сделки ни одного человека не сделали знаменитым»²¹.

Впрочем, и об этом Карл умалчивает в своем письме Вернеру, здесь его деловой прагматизм заканчивается. В то время как Вернер, Виль-

Сестра и братья Сименс. Стоят (слева направо): Фридрих, Ганс; сидят (слева направо): Отто, Вильгельм, София, Вернер, Вальтер. 1851 г.

гельм и Фридрих могли сосредоточиться на исследованиях и разработках, импульсивного Карла воодушевляла спонтанная деятельность. Он с определенной долей наивности вновь и вновь откликался на крупные проекты, нередко вопреки советам старших братьев. Карл не мог терпеливо «работать на достижение отдаленной цели»²², как писал Вернер Вильгельму о его юношеских годах, из-за чего в нем просматривался авантюрист. С одной стороны, из-за таких проектов Карл много раз приводил себя и своих братьев на грань финансового краха. С другой стороны, он неоднократно распознавал многообещающие возможности, которые осторожный Вернер не хотел использовать. Со своей готовностью к риску Карл постоянно находил перспективные проекты и тем самым создавал предпосылки для организации глобальной компании.

Кроме того, своими дипломатическими способностями и острым восприятием настроения братьев он вносил вклад в сплоченность семьи, что являлось важной основой для успешного семейного бизнеса. При всем уважении и благодарности к братьям, особенно к Вернеру, он не мог удержаться от конфликтов и открыто выражал свое мнение. Прежде всего в спорах между временами авторитарным Вернером и часто своенравным Вильгельмом Карл выступал посредником и под-

держивал мир в семье. Вот что Вернер написал в своих воспоминаниях об отношениях Вернера, Вильгельма, Фридриха и Карла:

«Карл был связующим звеном между нами – четырьмя братьями, которые очень отличались друг от друга, но сохранили всепобеждающую братскую любовь на все время нашей совместной жизни»²³.

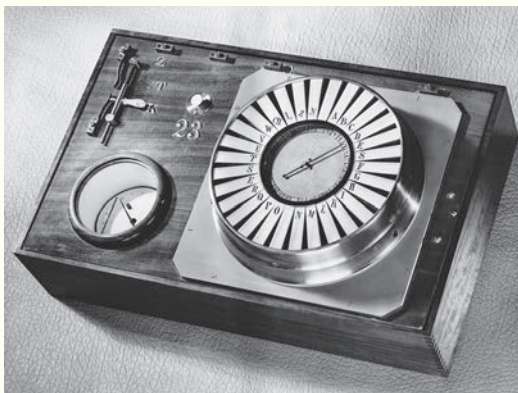
Вернер написал это незадолго до своей смерти, когда четыре брата смогли оглянуться на десятилетия успешного сотрудничества. В декабре 1846 года этого, однако, не было и в помине. Тогда в 17-летнем Карле лучший предприниматель из братьев Сименс просматривался лишь теоретически. Тем не менее, как Вильгельм написал позднее, теперь пришло «лучшее время для практики»²⁴.

Основание телеграфно-строительной компании

Первые практические опыты не заставили себя долго ждать. Летом 1847 года Вернер сообщил Вильгельму, что он подыскал Карлу хорошо оплачиваемую должность на цементном заводе «Хаслингер и Шондорф» (Haslinger & Schondorf) в районе Моабит в пригороде Берлина. Было решено, что там Карл будет иметь достаточно времени для получения дальнейшего естественно-научного образования и химических экспериментов, чтобы разрабатывать высококачественный цемент. Вернер радовался такой перспективе: «Так как люди чувствуют, насколько им не хватает знаний, Карл неизбежно вскоре будет востребован, и он, конечно, поймает свое счастье. Один из мальчиков будет теперь полностью обеспечен!»²⁵

1847 год был и для Вернера очень важным. Он улучшил стрелочный телеграф Кука и Уитстона, а потребность в кабелях с герметичным изолирующим слоем из гуттаперчи проявилась так устойчиво, что, казалось, уже можно начать практическое применение. Но как мог артиллерийский офицер без финансовых средств построить дорогую испытательную магистраль и таким образом заинтересовать потенциальных клиентов? Знакомство с генерал-майором Францем Августом фон Этцелем, который, являясь главой управления оптического телеграфа, был заинтересован во внедрении электрического телеграфа, стало для Вернера значительным шагом вперед. Фон Этцель включил Вернера Сименса в комиссию при прусском Генераль-

Стрелочный телеграфный аппарат Вернера фон Сименса

ном штабе, которая координировала соответствующие работы. Как Вернер писал в своих воспоминаниях, он смог за короткое время завоевать профессиональное уважение, так что «комиссия почти всегда прислушивалась к моим предложениям, и я был ответственным за производство»²⁶.

В это же время Вернер и Иоганн Георг Гальске разработали пресс, который покрывал медную проволоку бесшовным слоем гуттаперчи и таким образом обеспечивал прочную изоляцию²⁷. Летом 1847 года по заданию прусских военных Вернер организовал испытательный участок в 20 километрах южнее Берлина в местечке Гросберен. Кабель с изолирующим слоем гуттаперчи и стрелочный телеграф работали отлично. Конструкторам – Вернеру Сименсу и Иоганну Георгу Гальске – пообещали оборудовать этими устройствами запланированные электрические телеграфные линии в Пруссии.

Для Вернера наступило время важных решений: должен ли он продолжить свою карьеру в качестве офицера или уволиться с военной службы, чтобы полностью посвятить себя телеграфу? Это решение далось ему, без сомнения, нелегко. Тринадцать лет назад карьера прусского военного была для Вернера осознанным выбором. От первоначального плана – учиться после окончания средней школы в Берлинской академии архитектуры – пришлось отказаться из-за ограниченности финансовых ресурсов родителей²⁸. Только офицерское образование в Прусском артиллерийском училище позволило Вернеру приобрести естественно-научные знания, что его так интересовало. После смерти родителей он смог благодаря своему офицерскому жалованью финансировать образование младших братьев.

Первая мастерская
«Сименс и Гальске»
на Шёнебергерштрассе
в Берлине. Без даты

К тому времени у братьев и сестры значительно изменились обстоятельства. Ганс, Фердинанд, Вильгельм, Фридрих и Карл имели собственные доходы. Сестру Софию удочерил дядя Дайхман в Любеке. Вернер должен был все еще поддерживать только 14-летнего Вальтера и 11-летнего Отто. Больше не было серьезного финансового прессинга последних лет, когда Вернер чувствовал ответственность за большую семью. Да и отправная точка для вступления в фирму по строительству телеграфа казалась перспективной, так как заказчиком выступало прусское государство. Но прежде всего Вернер смог, наконец, реализовать давнюю детскую мечту, которой бредил в Менцендорфе. Десятилетия спустя он написал в письме Карлу:

«В молодости я бредил о том, чтобы создать международное предприятие по образу и подобию дела семьи Фуггер (крупнейший торгово-банкирский дом Германии XV–XVII вв. – *Ред.*), и о том, что не только я, но и мои потомки будут иметь власть и престиж в мире, и давал

средства моим братьям и сестрам и даже другим близким родственникам, чтобы достичь более высокого уровня жизни. Это шло из разговоров с нашим домашним учителем Шпонхольцем, который нам – ленивым мальчикам – рассказывал сказку, которая тут же и с завидной регулярностью вступала в противоречие с условиями жизни наших родителей и заставляла заражаться энергичным упорством. Это осталось сидеть во мне и укрепилось еще больше благодаря зигзагам судьбы и тем заботам о младших братьях и сестрах, которые выпали на мою долю»²⁹.

Международное предприятие по образу аугсбургского торгового дома Фуггер было мечтой всей жизни Вернера Сименса. Для реализации этой мечты была только одна возможность, которую он при всех рисках не мог не использовать, поскольку начальные условия были превосходными. Помимо профессиональных знаний в области строительства телеграфа, Вернер располагал также контактами с прусским телеграфным ведомством. Партнерство с Иоганном Георгом Гальске было само собой разумеющимся, так как оба работали вместе уже достаточно долгое время. Уставный капитал в 7000 талеров был предоставлен Иоганном Георгом Сименсом, двоюродным братом Вернера. Офисные помещения нашлись во флигеле дома 19 по Шёнебергерштрассе в Берлине, где Сименс и Гальске также снимали квартиру. 1 октября 1847 года партнеры, полные оптимизма, основали фирму «Телеграфно-строительная компания Сименс и Гальске» (Telegraphen-Bauanstalt von Siemens & Halske). О глобальной компании пока не могло быть и речи. Изначально фирма была не больше, чем маленькая мастерская с десятью сотрудниками³⁰.

Карл не принимал участия в основании компании, потому что началась его работа в фирме «Хаслингер и Шондорф» в Моабите. Вернер мог рассчитывать на сотрудничество со своим младшим братом при экспериментах с телеграфом. Карл, который арендовал собственную квартиру в Моабите, очень скоро хорошо зарекомендовал себя в «Хаслингер и Шондорф». Он экспериментировал с производством новых сортов цемента, и в случае успеха ему была обещана партнерская доля в компании. В ноябре 1847 года Вернер написал Вильгельму, что положение Карла «теперь вполне прочное»³¹. Дальнейшая карьера Карла как химика и будущего партнера и одного из владельцев цементного завода, казалось, была predetermined. Но спустя всего несколько месяцев мир братьев Сименс дал трещину, так как в марте 1848 года в Берлине вспыхнула революция.

Иоганн Георг Сименс (1805–1879), внесший уставный капитал при основании телеграфно-строительной компании «Сименс и Гальске». Без даты

Революция 1848 года

Со времен Французской революции желание буржуазии участвовать в политической жизни Европы полностью подавить не удалось³². Правда, после поражения Наполеона в 1815 году господствовали монархии – Пруссия, Австрия и Россия, которые укрепили свою власть в эпоху Венского конгресса. Но стабильность была лишь видимостью, и брожение в умах продолжалось. В 1825 году в России произошло восстание декабристов, которые потребовали революционных реформ в стране, однако не смогли победить всемогущее авторитарное государство. Во Франции в июле 1830 года в результате революции король Карл X был вынужден отречься от престола. В государствах Германского союза усиливалось стремление буржуазии к политическому равноправию и единству Германии.

В марте 1848 года прорвались наружу долго сдерживаемые эмоции³³. Целью либералов было создание национального германского государства и модернизация гражданского общества. В то же время оформилось другое политическое движение, которое выступало на стороне обнищавших широких слоев населения. В феврале 1848 года Карл Маркс и Фридрих Энгельс опубликовали в Лондоне «Манифест

коммунистической партии». В начале революции социалисты, однако, играли лишь незначительную роль. Политическое давление на аристократический истеблишмент шло в основном от либералов.

Прусский король Фридрих Вильгельм IV пошел в связи с протестами на некоторые уступки. Была отменена цензура прессы, и на повестке дня стояла реформа Германского союза. Карл Сименс и его брат Фридрих были 18 марта вместе с тысячами демонстрантов на Дворцовой площади в Берлине, когда объявлялись реформы. Внезапно и без предупреждения солдаты начали стрелять в толпу. Жестокое подавление революции в прусской столице вызвало общественные беспорядки³⁴.

Революция 1848 года была для братьев Сименс драматическим опытом. Их отец, Кристиан Фердинанд, во время наполеоновских войн с энтузиазмом боролся за единство Германии. В семье Сименс господствовал либерально-национальный дух. Поэтому Фридрих через два дня после начала уличных боев в Берлине писал Вильгельму с революционным энтузиазмом:

«До вчерашнего дня, 18-ю (марта. – Ред.), это было лишь восстание, а затем в Берлине происходили величайшие события; после того как около 3 часов пополудни на Дворцовой начали стрелять в людей, а кавалерия стала напирать на собравшихся (Карл и я были на месте), раздались призывы граждан к оружию, и через необычайно короткое время почти все караульные посты подверглись штурму, на всех улицах возникли грозные баррикады, которые героически защищались против наступающих солдат, и это был не плебс, а граждане, студенты и школьники, во главе которых стояли защитники»³⁵.

Одновременно с борьбой на баррикадах Берлина во франкфуртской церкви Святого Павла проводилась подготовка к Национальному собранию, и в последующие месяцы состоялись первые в немецкой истории всеобщие выборы, правда, только мужчины имели право голоса. 18 мая 1848 года в церкви Святого Павла собралось германское Национальное собрание. Оно избрало временное правительство государств – членов Германского союза.

С самого начала Национальное собрание столкнулось с двумя главными проблемами. Во-первых, Германский союз состоял более чем из 30 суверенных монархий и четырех вольных городов. Эти государства-члены были не готовы уступить свою независимость и политическую власть гражданскому правительству во Франкфурте. Вторая проблема, с которой столкнулось Национальное собрание: где должны проходить границы Германского национального государства³⁶. Большая

часть территорий, не считая Австрии и Пруссии – двух крупнейших государств – членов Германского союза, была вне границ старой Священной Римской империи германской нации, например Восточная и Западная Пруссия. Особенно в этнически смешанных районах сегодняшней Польши и Чехии невозможно было провести национальные границы.

Конфликт по поводу национальной принадлежности Шлезвига и Гольштейна в северных регионах вынудил Франкфуртское Национальное собрание прибегнуть к помощи военных³⁷. Шлезвиг принадлежал Дании, был за пределами Германского союза и имел смешанное немецко-датское население. Гольштейн был государством – членом союза, но находился под патронатом датского короля. Под влиянием мартовской революции немецкие национал-либералы сформировали временное правительство в Киле, которое потребовало включения Шлезвига в Германский союз. Национальное собрание поддержало правительство Киля, и вскоре прусская армия по приказу Германского союза выступила на север. Собранию также оказали поддержку общественные союзы свободомыслящих, которые были сформированы для того, чтобы содействовать национальной объединительной идее.

Прусский артиллерийский офицер Вернер Сименс с готовностью вернулся на военную службу. Во-первых, он сконструировал для защиты гавани Киля подводные мины, которые могли взрываться от сигнала, передаваемого по электрической линии с берега. Гуттаперча оказалась прекрасной изоляцией для подводных кабелей. После того как порт был таким образом защищен, Вернер принял на себя командование добровольцами и занял крепость Фридрихсорт, которая контролировала вход в гавань. Его поддержали, как он сам писал в своих воспоминаниях, братья Вильгельм, Фридрих и Карл³⁸. Во время своей короткой солдатской жизни во Фридрихсорте Карл не участвовал непосредственно в военных операциях, но там он в первый раз столкнулся с прокладкой подводного кабеля и смог получить ценный опыт.

Несмотря на энтузиазм весны и лета 1848 года, национально-либеральным силам не удалось прийти к власти и удержать ее. Германские монархи цеплялись за власть. В то же время европейские соседи не были заинтересованы в том, чтобы в центре континента образовалось сильное государство с населением, в два раза превышающим население Франции. Под ее давлением в августе было заключено перемирие между Пруссией и Данией. Шлезвиг остался за пределами

Подрыв датского военного корабля «Кристиан VIII» перед крепостью Фридрихсорт в результате обстрела морскими батареями. Картина 1849 г.

Германского союза. Монархии во главе с Пруссией и Австрией одновременно начали полицейские и военные операции против либеральных революционеров. Последней отчаянной попыткой Национального собрания создать прочную основу национального единства было избрание 28 марта 1849 года прусского короля Фридриха Вильгельма IV германским кайзером. Быстрый, буквально через несколько дней, отказ Фридриха Вильгельма от кайзерства означал конец революции³⁹. Под прусским давлением в начале июня Национальное собрание переехало из Франкфурта в Штутгарт. Спустя всего две недели первый парламент был распущен. Прусская армия подавила последние восстания в Пфальце, Саксонии и Бадене. Либеральное движение было жестоко разгромлено, а многие его лидеры расстреляны; их цель – создание либерального германского национального государства – осталась лишь мечтой⁴⁰.

К этому времени братья Сименс отошли от революционной деятельности и вернулись к насущным задачам бизнеса.

EXHIBITION OF THE WORKS OF
OF ALL NATIONS 1851.

*I hereby certify that Her Majesty's Commissioners
upon the Award of the Surveys have presented a Council Medal to
Messrs. Rowland & Co.
for an Electric Telegraph
shown in the Exhibition.*

*Exhibition
Hyde Park, London, 25th Oct. 1851.*

W. H. Sturt
Member of the Royal Commission

Выход «Сименс и Гальске» на рынок

После короткой военной авантюры в Гольштейне летом 1848 года Вернер вместе с братьями смог получить первый крупный заказ на создание телеграфа: «Сименс и Гальске» должна была проложить самую длинную телеграфную линию в Центральной Европе – между Берлином, столицей Германии, и Франкфуртом-на-Майне¹. Строительство велось быстро, и линия была завершена в марте 1849 года – к избранию Фридриха Вильгельма IV германским кайзером. Для Вернера неожиданным оказалось быстрое выступление прусских военных против повстанцев в южной Германии. Новая телеграфная линия использовалась в военных операциях, и это не нравилось либерально настроенному Вернеру. В то же время он не мог отказаться от проекта, потому что работы выполнялись по заказу прусского правительства.

Карл поначалу не участвовал в деятельности компании «Сименс и Гальске». После нескольких месяцев, проведенных в качестве добровольца в крепости Фридрихсорт, он остался в Киле, где жила его сестра Матильда с мужем, профессором химии Карлом Химли. Общение с Химли, очевидно, было полезным имеющему научные интересы Карлу. Но в то время как Вернер напряженно готовился к строительству телеграфной линии Берлин – Франкфурт, его младший брат был удивительно пассивен. В конце августа 1848 года Вернер написал Вильгельму:

«Карл вызывает у меня беспокойство. От Химли он ушел, хотя должен был работать. Он хороший, трудолюбивый мальчик, но – большая флегма[...]»².

На фото: диплом к памятной медали за участие фирмы «Сименс и Гальске» во Всемирной выставке в Лондоне 1851 г.

В ноябре Карл был еще в Киле. Вильгельм пытался найти ему работу в Англии, однако безуспешно.

На рубеже 1848–1849 гг. Карл поделился с Вернером идеей – поехать вместе с Фридрихом в Калифорнию в поисках золота. После того как в местечке Саттер Милл в январе 1848 года было найдено золото, началась настоящая золотая лихорадка, и сотни тысяч обезумевших золотоискателей ринулись в Калифорнию. Почему Карл задумался об эмиграции, трудно сказать. Неудавшаяся революция, видимо, оказала на него угнетающее воздействие, и он не видел на своей родине шансов свободно развиваться. Карл стал бы не единственным пассажиром одного из многочисленных судов, которые в эти годы пересекали Северную Атлантику. Только с 1850 по 1855 год более 700 тысяч немцев покинули свою родину, и среди них было немало разочаровавшихся либералов³. К концу XIX века за ними последовали еще три миллиона немецких эмигрантов, большая часть из них избрала своей целью США⁴. Карл, как подданный Мекленбурга, должен был нести воинскую службу, которая его совсем не интересовала. Не чувствовал он и привязанности к своей прусской родине, так жестоко подавившей революцию.

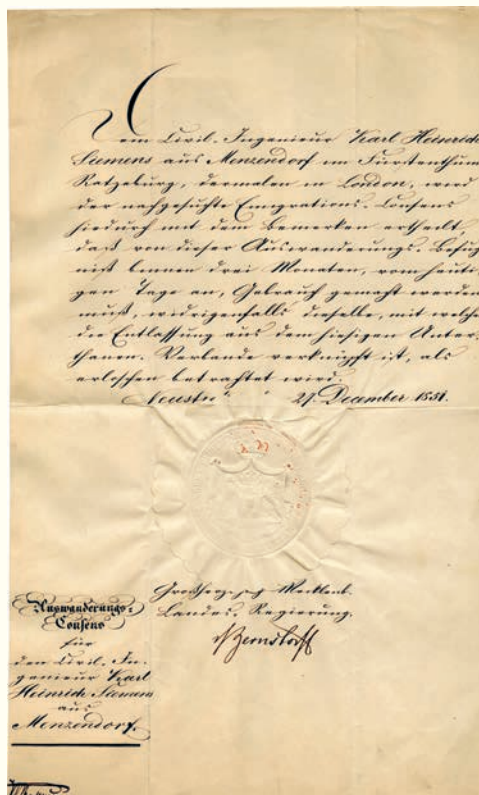
Вернер с большим пониманием отнесся к планам младших братьев относительно эмиграции. В январе 1849 года он писал Карлу:

«Твое стремление уехать далеко в поисках приключений мне понятно; я бы в такой ситуации сделал то же самое. Я также не собираюсь высказывать отрезвляющие контраргументы, которые переубедили бы тебя. Удерживать тебя здесь по моему желанию, которое ты, возможно, учитывал бы, я тоже не буду. Я не буду тебя отговаривать, хотя должен признать, что это вызывает у меня грусть – то, что ты и Фриц будете так далеко, что мы можем быть разлучены навсегда! Но это глупая ерунда. Если вы сможете там найти свое счастье, я буду радоваться точно так же, как если бы это произошло здесь»⁵.

Но идея о поисках золота у Карла была сиюминутной. Через короткое время его «желание поехать в Калифорнию [...] практически испарилось»⁶. Карл вернулся в Берлин, чтобы участвовать в предприятии Вернера.

Однако в письмах не видно конкретной причины для этого. Выбор Карла, вероятно, основывался на спонтанном решении 20-летнего юноши присоединиться к успешной компании брата. Тогда фирма Вернера сразу после завершения линии Берлин – Франкфурт получила контракт на строительство линии Берлин – Кёльн и далее до бельгийской границы. Прусское правительство признало большую важность

Разрешение на выезд
от 27 декабря 1851 года,
выданное правительством
Великого герцогства
Мекленбургского
гражданскому инженеру
Карлу Генриху Сименсу

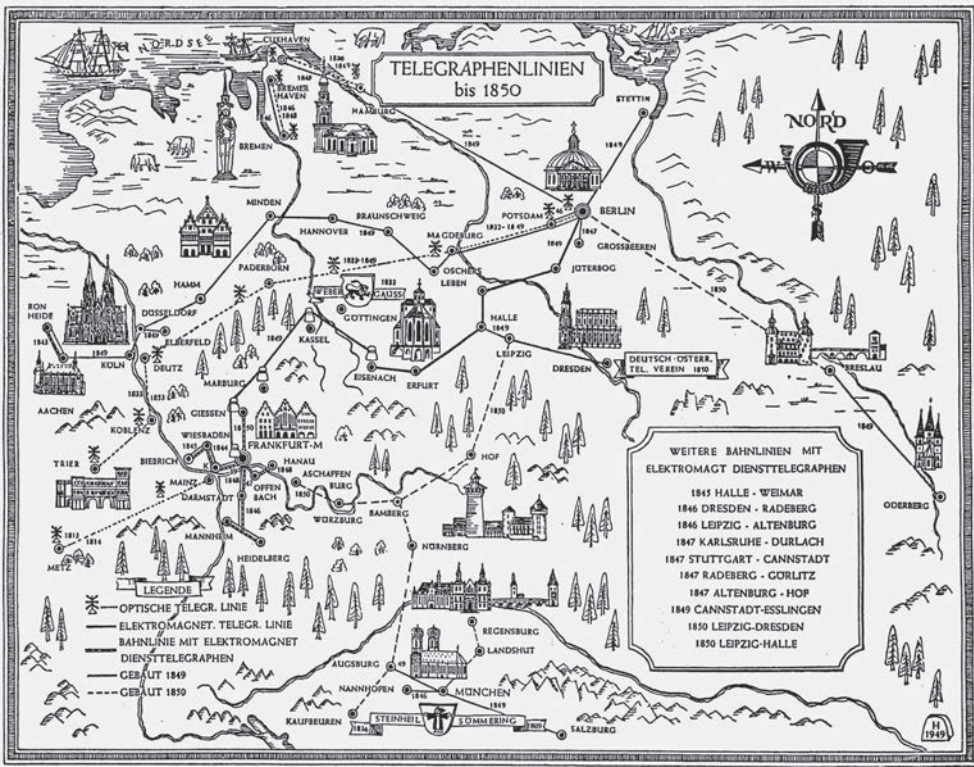
линий связи, и компания «Сименс и Гальске» рассматривалась в качестве исполнителя последующих заказов. Эта перспектива побудила Вернера принять летом 1849 года решение об уходе с военной службы в прусской армии, чтобы полностью сосредоточиться на дальнейшем развитии компании. Для Карла, который уже участвовал в первых экспериментах Вернера с телеграфом и приобрел необходимые знания, открылись большие возможности для профессионального роста. Его первая задача состояла в том, чтобы проверить на наличие дефектов кабель, проложенный для телеграфа в Брауншвейге.

Калер – так братья называли его в те годы – проснулся весной 1849 года от своего бездействия. В последующие месяцы он принимал активное участие в строительстве телеграфа. Осенью он завершил военную службу в Мекленбурге, чтобы целиком сконцентрироваться на своей работе в фирме «Сименс и Гальске»⁷. Согласно письму Вернера Вильгельму, Карл прежде всего сделал технические чертежи для букво-

печатающих аппаратов. Теперь он «полностью занялся физикой, в частности телеграфией»⁸. Для развития телеграфно-строительной компании большое значение имело создание эффективного телеграфного записывающего устройства. Изначально в основе стрелочного телеграфа Вернера лежала конструкция Сэмюэля Морзе, но фирма «Сименс и Гальске» работала над собственным буквопечатающим устройством. Карл внес в это дело важный вклад⁹.

При посредничестве Вернера летом 1850 года Карл получил должность в прусском телеграфном ведомстве. В качестве помощника Вильяма Мейера, друга юности Вернера по офицерскому училищу, Карл принимал участие в строительстве телеграфной линии до Кёльна¹⁰. Однако уже весной 1851 года он покинул ведомство, так как у Вернера были большие планы в отношении младшего брата: Карл должен был представлять компанию «Сименс и Гальске» на Всемирной выставке,

Схема телеграфных линий в Германском союзе. 1850 г.

которая впервые проходила в Лондоне в 1851 году. Его профессиональное будущее казалось вполне определенным, о чем Вернер сообщил в письме Вильгельму в феврале 1850 года:

«Поскольку Карл в любом случае уйдет весной с государственной службы, где сейчас царят только ложь и лицемерие, самым лучшим было бы ему поехать в Англию, чтобы представить аппараты на выставке, следить за порядком и руководить процессом. Тогда Фриц сможет попрактиковаться, а Карлу можно будет найти новое занятие – либо проекты в других странах, где он сможет зарабатывать деньги, либо на иностранной службе (в России есть хорошие возможности!), или же создать аналогичное нашему производству с умелым механиком где-нибудь в Париже или Лондоне»¹¹.

После краткого прощания с родственниками в Любеке и Киле весной 1851 года Карл отправился в Лондон.

На Всемирной выставке в Лондоне

Англия к середине XIX века совершила стремительный экономический и социальный прорыв, предопределивший развитие страны на несколько последующих десятилетий¹². С 1800 года почти удвоилось население, которое активно перемещалось в быстро развивающиеся города. Трудовых мигрантов привлекали новые промышленные зоны, такие как Манчестер или Бирмингем, где с конца XVIII века производились машины для бурно растущего рынка. Порт Ливерпуль стал центром мировой торговли. Английские изделия можно было купить почти во всех странах мира. После недолгого кризиса в 1840 году новый импульс экономическому развитию дало строительство железных дорог. В 1840–1850 гг. протяженность железнодорожной сети составила 10 тысяч километров¹³. Строительство железных дорог было вызвано огромным спросом на уголь и сталь. К 1850 году на долю Соединенного Королевства приходилось почти 90% мировой добычи угля и 70% производства стали¹⁴.

Не было ничего необычного в том, что немецкие предприниматели приезжали поучиться в страну, где зародилась индустриализация. Например, еще за 20 лет до братьев Сименс Альфред Крупп жил в течение нескольких месяцев в Шеффилде, чтобы углубить свои знания в области производства литой стали. Промышленный переворот в Англии оказал

настолько сильное влияние на весь европейский континент, что начинающий предприниматель должен был ориентироваться на британскую модель. Это же касалось и телеграфа. Благодаря таким компаниям, как «Гуттаперча Компани» (Gutta Percha Company), «Гласс Эллиот энд Ко» (Glass Elliot & Co.) и «Электрическая международная телеграфная компания» (Electric and International Telegraph Company), в Европе серьезно развивалась телеграфная и кабельная индустрия¹⁵.

Вильгельм тоже восхищался высоким уровнем развития английской промышленности и первым из братьев Сименс в 1843 году переехал в Англию на длительный срок. Фридрих с конца 1840-х гг. также неоднократно жил в течение некоторого времени в Бирмингеме¹⁶. Переезд Вильгельма в Англию имел большое значение для становления фирмы «Сименс и Гальске». В 1846 году Вильгельм послал из Лондона своему брату Вернеру первую пробу гуттаперчи. Для небольшой берлинской компании этот изоляционный материал для телеграфных кабелей стал настоящим бизнес-прорывом. Поначалу Вильгельм не был связан контрактом с фирмой «Сименс и Гальске», однако братья продолжали обсуждать в письмах научные, технические и деловые вопросы. Но когда телеграфное дело стало быстро развиваться в Англии, компания «Сименс и Гальске» заключила с Вильгельмом в марте 1850 года консалтинговое соглашение¹⁷.

Старшие братья пытались найти Карлу работу в Англии. Вернер считал, что он мог бы узнать там много нового, и написал Вильгельму уже в сентябре 1848 года: «Было бы очень желательно, если бы ты мог взять его [Карла] под свое крыло»¹⁸. Через два с половиной года благодаря Всемирной выставке в Лондоне у Карла наконец появился шанс получить свой первый опыт вне Германского союза.

Лондон был центром Британской империи и с середины XIX века – крупнейшим городом мира, где проживало около 2,5 млн человек¹⁹. Всемирная выставка 1851 года предоставила Лондону отличную возможность продемонстрировать достижения Соединенного Королевства в области индустриализации. Выставка состоялась в Хрустальном дворце в Гайд-парке – потрясающем здании из стекла и металла, которое символизировало прогресс современной архитектуры²⁰. С 1 мая по 15 октября промышленные компании представляли свою продукцию широкой общественности.

Карл впервые столкнулся в Лондоне с международным телеграфным бизнесом, но, не имея опыта работы на выставке-ярмарке, не знал, как обходиться с потенциальными клиентами. Но он безгранично ве-

Хрустальный дворец в Лондоне во время Всемирной выставки. 1851 г.

рил старшим братьям. Вернер был полон оптимизма, рассчитывая, что Карл проявит себя в Лондоне. За месяц до начала Всемирной выставки он написал Вильгельму: «Если у Карла все пойдет хорошо, я, наверное, смогу летом приехать в Англию»²¹.

Для молодой телеграфно-строительной компании «Сименс и Гальске» многое было поставлено на карту. В 1851 году, после первоначального плодотворного сотрудничества с прусским телеграфным ведомством, появились разногласия по вопросу технического усовершенствования ненадежных линий, что привело к прекращению всех отношений с «Сименс и Гальске» в течение года; другие крупные клиенты, которые могли бы компенсировать потерю контрактов с прусским правительством, не состояли в то время в Германском союзе²². В результате всего через несколько лет после своего основания компания столкнулась с серьезным кризисом, и произошло это как раз в то время, когда Вернер Сименс и Иоганн Георг Гальске приобрели большое офисное здание на Маркграфенштрассе²³. Потребовался срочный поиск новых возможностей за рубежом, и нельзя было упускать такой подходящий случай, как участие в выставке.

Карл приехал в Лондон в апреле 1851 года – через несколько недель после празднования своего 20-летия. Вероятнее всего, это была его первая поездка за пределы Германского союза, но доказательств этому нет. Неизвестно также, насколько свободно Карл мог общаться на английском языке. В гимназии в Любеке он вряд ли получил хорошую языковую подготовку. Предположительно, он имел базовые знания английского языка, которые в Лондоне смог быстро улучшить²⁴.

Вильгельм к тому времени жил в Англии уже несколько лет и с 1849 года работал на машиностроительном заводе в Бирмингеме²⁵. Он был хорошо знаком с бизнесом в Соединенном Королевстве и подготовил участие фирмы «Сименс и Гальске» во Всемирной выставке, на которой компания хотела представить свой буквопечатающий телеграф и счетчик воды. Фридрих прибыл в Лондон с первыми экспонатами в конце марта 1851 года. Карл последовал за ним с буквопечатающим телеграфом, а затем быстро взял на себя подготовку стенда «Сименс и Гальске». Вильгельм из-за работы в Бирмингеме мог приезжать в Лондон лишь изредка. Фридрих также только некоторое время оставался на выставке. Вскоре он поехал в Бирмингем, чтобы вместе с Вильгельмом проводить теплотехнические эксперименты²⁶.

Карлу часто приходилось одному представлять фирму «Сименс и Гальске» на выставке, что было сложной задачей для 22-летнего юноши. В середине мая он на короткое время получил техническую помощь от Иоганна Георга Гальске, который, впрочем, совсем не был талантливым продавцом. Карл, напротив, выполнял эту ответственную роль, как написал Вернер в своих мемуарах, «со знанием дела»²⁷. Летом 1851 года Карл сообщил старшему брату о проведенных переговорах с известной «Ост-Индской компанией» (East India Company), о встрече с предпринимателями из США и контактах с представителями Испании и Франции²⁸. В этой деловой космополитичной атмосфере юный Карл смог развернуться. С волнением он рассказал Вернеру о больших возможностях для бизнеса, которые имеются во всем мире, об отличном впечатлении, которое продукты компании «Сименс и Гальске» произвели на посетителей. У некоторых американцев интерес к телеграфному оборудованию из Берлина был настолько велик, что обсуждалось даже участие Карла в использовании патентов в США²⁹.

В октябре 1851 года фирма «Сименс и Гальске» с большим успехом завершила свою презентацию на выставке и даже получила памятную медаль. Эта престижная награда «способствовала тому, что компания стала пользоваться международной известностью»³⁰. Телеграфная техника из Берлина убедила Лондон. Тем не менее заключить контракты не удалось, так что финансовое положение телеграфно-строительной компании «Сименс и Гальске» к осени ухудшилось.

Для того чтобы выйти из кризиса, Вернер попытался найти альтернативные возможности для трудоустройства Карла и в середине октября приехал в Лондон с необычным предложением:

«Так как ты теперь, вероятно, гораздо лучше ориентируешься на улицах Лондона, то мог бы поместить местную грязь. Лёббель [компаньон из Берлина] хочет навести справки о щетках, которые там используются и преимущество которых в том, что они не разрушают швы между булыжниками на мостовой [...]. Ты можешь также разузнать о стоимости и технических характеристиках машин для уборки улиц [...]»³¹.

Идею Вернера Карл серьезно не воспринял. Но это говорит об изобретательности, о духе инноваций и не в последнюю очередь об отчаянном положении братьев Сименс, которые в условиях кризиса 1851 года рассматривали все идеи, даже далекие от их интересов.

Поскольку в Лондоне не было никаких перспектив, фирма «Сименс и Гальске» осенью 1851 года обратила свой взгляд на французский рынок. На Всемирной выставке Карл наладил некоторые контакты с Францией. В начале лета его брат Вильгельм съездил несколько раз в Париж, чтобы инициировать первые деловые отношения. Вернер проанализировал развитие телеграфа во Франции и оценил этот рынок как благоприятный. Особенно многообещающим казался бизнес с французскими железнодорожными компаниями. Поэтому Вернер запланировал открыть отделение фирмы в Париже, чтобы таким образом защитить свои патентные права. В декабре 1851 года братья согласились послать Карла на продолжительное время в Париж и поручили ему создать компанию для вывода на рынок телеграфных аппаратов Вернера. Это стало для Карла первым большим испытанием.

Прибытие в Париж

Приезд Карла в Париж в середине декабря 1851 года совпал с беспорядками. В начале месяца президент Луи Наполеон Бонапарт, племянник знаменитого тезки, осуществил переворот, в результате которого была изменена Конституция Французской республики³². Он готовился в следующем году восстановить монархию, и в декабре 1852 года была провозглашена Вторая французская империя. На улицах французской столицы незадолго до этого начались кровавые уличные бои между либералами, консерваторами и социалистами.

Карл провел Рождество 1851 года вместе с Вильгельмом в Париже. Но накануне Нового года брат поехал в Берлин. Оставшись один, Карл совершил ознакомительную поездку по городу, он искал знакомых по

Панорама Парижа, вид на мост Пон-Нёф. Около 1855 г.

Всемирной выставке в Лондоне, а также приглядывался к квартирам. Он учил французский язык самостоятельно, но ему не хватало языковой практики. Как он написал Вильгельму 31 декабря 1851 года, его французский «чертовски слабый» и он «забывает все маленькие слова»³³. Вскоре после Рождества он нашел квартиру на улице Сент-Оноре, недалеко от Вандомской площади. Тем не менее в Новый год он не чувствовал праздника. Один в Париже, Карл с грустью писал братьям в Берлин: «Надеюсь, что вы весело проведете сегодняшнюю ночь. Я пойду спать, потому что я не в настроении что-то предпринимать»³⁴. Только в новом году Карл собрался с силами и начал приспосабливаться к окружающей обстановке. Он писал Вернеру, что «теперь учит французский как сумасшедший»³⁵. В начале января он зубрил «спряжения, предлоги и т. д., практиковался снова и снова»³⁶ и стал чувствовать себя достаточно уверенно, чтобы вести беседы на французском языке.

С бизнесом, однако, дело продвигалось медленнее, потому что задача – открыть новую компанию – была нелегкой для новичка в Париже. Он смог завести во французской столице только случайных знакомых, а также опереться на некоторые контакты брата Вильгельма.

Первым партнером по переговорам стал Луи Бреге, внук часовщика Абрахама Бреге и владелец известной фабрики по производству часов. У Бреге были собственные амбиции в телеграфном бизнесе, и он был готов начать сотрудничество с фирмой «Сименс и Гальске» только на особых условиях³⁷.

Карлу же было важно быстро найти потенциальных партнеров. Вскоре после его приезда в Париж у него сложились деловые отношения с консультантом по патентному праву Шарлем Дюраном Гардиссалем. Они познакомились, по всей вероятности, в Лондоне, и теперь Карл пытался через Гардиссала установить новые контакты. Особенно важно было наладить связи с французскими железнодорожными компаниями, от которых братья Сименс надеялись получить большинство будущих заказов³⁸. Помимо поиска потенциальных клиентов, задачей Карла было как можно быстрее открыть отделение компании³⁹. Необходимо было защитить патентные права Вернера Сименса во Франции, а это могло произойти только в том случае, если заявитель докажет производство готовой продукции в стране. Время было дорого, потому что некоторые конкуренты также работали над оформлением патента на похожие телеграфные аппараты. Ситуация стала крайне сложной, и Карл написал Вернеру в начале марта 1852 года:

«Аренда полноценного предприятия невозможна, я навел справки. Для создания нового потребуется, во-первых, много денег и, во-вторых, у меня должен быть рядом механик, потому что черт его знает, кому все это принадлежит и хорошо это или плохо. Поэтому дело не двигается с места»⁴⁰.

Карл действительно стал разбираться в изготовлении телеграфных аппаратов, поскольку за последние годы приобрел обширные технические знания, но создание представительства в Париже было слишком трудной задачей. Отчаявшись, братья Сименс придумали переправить отдельные части телеграфного аппарата из Берлина во Францию, чтобы Карл мог выдать их за изготовленную им продукцию⁴¹. Однако становилось все более очевидным, что без дополнительной поддержки Карл в Париже вряд ли сможет добиться чего-то.

При этом на него оказывалось огромное давление, так как ситуация в фирме «Сименс и Гальске» в Берлине продолжала ухудшаться. Компаниян Иоганн Георг Сименс грозился весной 1852 года покинуть компанию, да и Гальске все больше разочаровывался⁴². Поэтому Вильгельм считал успех во Франции, на который он надеялся, важным для компа-

нии. В марте он написал Карлу: «Даже если перспективы у нас во Франции сейчас плохие, наша первостепенная задача – закрепиться там, и тебе не стоит падать духом, а нужно сказать себе, что все должно (подчеркнуто в оригинале. – *Ред.*) наладиться»⁴³. И все же, несмотря на первоначальные положительные сигналы, переговоры с Бреге не клеились, и Карл впал в отчаяние⁴⁴. После изнурительных месяцев на Всемирной выставке в Лондоне он должен был добиваться заключения сделки, что оказалось очень сложным и стало тяжелым испытанием для его терпения. В этом дорогом городе он едва сводил концы с концами. Чтобы сэкономить деньги, в марте Карл снял новую, более дешевую квартиру.

В конце марта дело неожиданно сдвинулось с места, когда Гардисаль познакомил его с потенциальным партнером. Это был Константин Луи Детуш, богатый владелец часовой фабрики⁴⁵. Детуш самостоятельно усовершенствовал стрелочный телеграф Вернера. Сотрудничество с ним было необходимо хотя бы для того, чтобы избавиться от возможных конкурентов. В последующие две недели партнеры договорились. Карл учредил с Детушем и еще одним компаньоном, Брисбаром, предприятие, чтобы использовать патент «Сименс и Гальске» для производства телеграфов во Франции. В середине апреля компания под названием «Общество по производству телеграфных аппаратов» (*Société pour la fabrication des appareils télégraphiques*)⁴⁶, бюро которой было расположено на улице Сен-Мартен в Париже, была внесена в реестр коммерческого суда⁴⁷. Если не считать открытого Вильгельмом представительства в Англии, это было первым международным предприятием с участием «Сименс и Гальске».

Договор между тремя партнерами о создании компании не сохранился. Однако из писем Карла следует, что Брисбар взял на себя техническое руководство. Детуш внес большую часть в уставный капитал и стал исполнительным директором. Карл передал фирме патент брата, но его фактическая роль в компании из писем не совсем ясна. Она не была, видимо, четко определена в учредительном договоре. После основания предприятия дела пошли так быстро, что Карл не имел возможности обратиться за консультацией к братьям. Вильгельм, с одной стороны, радовался основанию компании своим младшим братом. С другой стороны, он высказал осторожный скептицизм:

«Желаю тебе успеха с контрактом на создание телеграфно-строительной компании! Чтобы оценить твоих партнеров, нужно знать Детуша и [Брисбара], но только у тебя была такая возможность, и ты все сделал правильно и не нуждаешься в советах крестного отца! Вернер

думает так же: ты не должен бояться трудностей. Если твои люди на самом деле оправдают ожидания, то этот контракт можно считать очень выгодным, но только мне кажется, что ты недостаточно подумал о своем собственном положении. Если бы ты, согласно контракту, получал оговоренную зарплату, которая бы росла вместе с предприятием, а еще лучше, если бы к минимальной зарплате прибавлялись проценты, то твоя позиция была бы более независимой»⁴⁸.

Последующие месяцы показали, что опасения Вильгельма были не напрасны. Парижское предприятие с первого момента развивалось для Карла неблагоприятно.

Разногласия по договору

Детуш и Брисбар с самого начала, по-видимому, рассматривали Карла лишь как младшего партнера с одной целью – получить доступ к патентным правам Вернера. В своих письмах братьям Карл неоднократно жаловался на то, что его обходят при решении производственных вопросов. Уже в середине апреля между партнерами появились первые трения, связанные с созданием собственного производства. Посланный в Париж от фирмы «Сименс и Гальске» механик сообщил в Берлин, что «сделать на местном предприятии ничего нельзя»⁴⁹. Карл настаивал на увеличении капитала, чтобы профинансировать строительство, но это не имело успеха.

В последующие месяцы его разочарование только усилилось, так как в сотрудничестве принципиально ничего не изменилось. Это производило угнетающее впечатление на Карла, который с такими большими надеждами приехал в Париж. Учитывая споры между партнерами, к июлю 1852 года он пришел к убеждению, что вряд ли нужно заботиться о развитии бизнеса: «Инженеров и др. я до сих пор не мог увидеть, потому что я целый день разбираюсь с конфликтами, руганью и интригами»⁵⁰, – написал он в июле Вернеру. Бреге, который работал над совершенствованием собственных телеграфных аппаратов, постепенно превратился в серьезного конкурента⁵¹. В июле было внесено изменение в учредительный договор, согласно которому Детуш был обязан финансировать предприятие, а Карлу передавали больше ответственности за производство⁵². Однако споры продолжились и летом, и у Карла исчезла мотивация для дальнейшего сотрудничества⁵³.

Вернер фон Сименс со своей первой женой Матильдой. 1852 г.

В сентябре 1852 года прошло собрание учредителей, на котором Брисбар посредством внесения дополнения к договору хотел обеспечить себе единоличное техническое руководство. Карл смог предотвратить эту попытку, но положение его было тяжелым⁵⁴. В отчаянии он писал Вернеру, что тот мог бы поддержать его в Париже, по крайней мере в течение некоторого времени⁵⁵. В середине октября недавно женившийся Вернер приехал вместе с женой Матильдой на две недели в Париж, чему Карл очень обрадовался. Но за столь краткое пребывание Вернер не смог улучшить ситуацию. Напротив, конфликт между учредителями получил новое развитие. В конце сентября Детуш и Брисбар подали иск в Парижский суд по торговым делам, вероятно, из-за разногласий по договору. Иск был отклонен и передан в арбитражный суд⁵⁶. Так Карлу – всего через полгода после основания своей первой компании – пришлось заниматься разрешением споров в договорном процессе между партнерами. В этот сложный период Вильгельм пытался утешить Карла, называя это «школой жизни»⁵⁷, и ссылаясь на свои трудности при создании бизнеса в Англии. От Вернера из Берлина также приходила поддержка:

«В Париже для нас большой рынок, и этот город подходит для производства, то есть в любом случае с ресурсами, которые у нас сейчас

есть, можно чего-то достичь, и ты можешь там обеспечить себе блестящее будущее, если тебе удастся преодолеть первые большие трудности, в чем я не сомневаюсь. Если Детуш – разумный человек, то он будет вести с тобой дела, когда увидит, что ты – серьезный партнер, на которого можно положиться. [...] Но в любом случае решение за тобой»⁵⁸.

Однако попытка старшего брата вселить в Карла уверенность не смогла спасти французское предприятие. Все же создание парижской компании следовало с самого начала гораздо более тщательно подготовить.

Вероятно, если бы Карлу в марте 1852 года дали советы по разработке учредительного договора компании, это бы помогло. Отношения с партнерами необходимо было урегулировать в соответствии со сложными международными патентными правами, для чего требовались специальные юридические знания и навыки ведения переговоров. Неопытный Карл должен был вести в Париже свои первые переговоры, и ему пришлось брать всю ответственность на себя. Неудивительно, что его обманули эти Брисбар и Детуш. Кроме того, Карл с самого начала своего пребывания в Париже жаловался на большие финансовые трудности. Уже в начале января 1852 года он писал Вернеру, что все «быстро сгорает»⁵⁹, потому что жизнь в Париже и деловые расходы пожирали значительные суммы. Так как его зарплата была низкой и из-за разногласий по договору он не мог заключать сделки, весь год он зависел от средств братьев. Летом положение стало еще более критическим: Карл и его механик стали «считать медные монеты»⁶⁰ и уже собирались занимать деньги у французских партнеров по бизнесу. Поскольку ситуация резко ухудшилась, в сентябре Карл в отчаянии обратился к Вильгельму с просьбой о финансовой поддержке:

«Я только что получил твое письмо с пятью с половиной фунтами и двумя чертежами. Что касается первого, то выражаю тебе свою искреннюю благодарность. Полторы недели я был без гроша, так что даже собаки мочились на меня на улице»⁶¹.

В декабре терпению Карла пришел конец, и он все чаще стал думать о том, чтобы отказаться от этого французского предприятия. В пред Рождественские дни он написал Вернеру грустное письмо: «В прошлом году я почти замерз, когда спал в новогоднюю ночь; на этот раз, если уж мне приходится оставаться здесь, я буду топить в настоящем коньяке проклятый старый год, потому что он не принес мне счастья»⁶².

Прощание с Парижем

Еще перед Рождеством Карл обрубил концы. 10 декабря 1852 года он написал Вернеру, что подал заявку на ликвидацию парижской компании⁶³. От старшего брата, который в последние месяцы с обеспокоенностью следил за его растущим разочарованием, Карл быстро получил согласие: «Кончай эту историю, но сделай все как следует»⁶⁴. Потребовалось несколько дней, чтобы завершить все юридические формальности. Карл официально прекратил свою деятельность в компании 12 декабря и в течение нескольких недель приводил в порядок дела⁶⁵. Представительство компании «Сименс и Гальске» в Париже передали французу, который также заботился о реализации патентных прав Вернера. В начале января 1853 года Карл подвел черту и стал готовиться к отъезду из Парижа. В последнем письме он коротко попрощался со старшим братом:

«Прощай, дорогой Вернер, и до скорого свидания! Я даже не могу описать, насколько радостно покидаю этот злосчастный Париж; много потрачено, ничего не заработано, и жил я там плохо. Я похудел здесь на 30 фунтов»⁶⁶.

Французский эпизод 1852 года означал для фирмы «Сименс и Гальске» провал, что произошло, вероятно, из-за трудных условий, недостаточной подготовки и личных ошибок Карла. Тем не менее 23-летний юноша при основании французской компании приобрел большой опыт, который, как это отражено в мемуарах Вернера, способствовал «его социальному и предпринимательскому образованию»⁶⁷. У Карла уже были технические знания и практический опыт в области строительства телеграфных линий. Однако в Париже он впервые должен был самостоятельно принимать решения, вести переговоры, завязывать контакты и создавать предприятие, чтобы открыть новый рынок для компании «Сименс и Гальске». При этом он учился на своих ошибках, что оказалось хорошей инвестицией. Позднее Вернер писал Карлу:

«Мне доставляет удовольствие, что деньги, казалось бы, бесполезно потраченные в Париже нашей фирмой-однодневкой, стали платой за твое обучение и в результате принесли хорошие плоды. Иначе ты не знал бы, как правильно обращаться с русскими и французами, по крайней мере, без этого урока!»⁶⁸.

Это говорит о большой стойкости Карла, так как, несмотря на сложную обстановку, он смог выдержать целый год в Париже. Это говорит и о его решимости, потому что он, наконец, после многих неудачных попыток подвел черту под французским бизнесом. Это говорит и о его серьезных амбициях, поскольку он не разочаровался и не ушел из телеграфного бизнеса, а напротив, искал мотивацию для новых испытаний. Возвращаясь в Берлин к Вернеру, он писал брату в декабре о том, чего он хотел бы: «В Берлине я совершенно бесполезен. Я хотел бы быть там, где могу быть востребованным, так как жил наполовину праздной жизнью, не зарабатывая денег, и сыт этим по горло»⁶⁹. В январе 1853 года Карл поехал в Лондон и возглавил там на несколько месяцев представительство компании «Сименс и Гальске»⁷⁰. Тем не менее Лондон стал лишь временной вехой на его пути. В конце 1852 года неожиданно появилась другая удивительная возможность в телеграфно-строительной компании, и ее Карлу предстояло реализовать на другом краю континента.

Новый рынок

В январе 1853 года после разочаровывающего французского опыта Карл жаждал деятельности. Во время Всемирной выставки в Лондоне, еще за полтора года до основных технологических прорывов того времени, он понял, что у развития технологий есть большие перспективы. Для 24-летнего молодого человека это должно было стать стимулом для того, чтобы связать свое будущее с развитием телеграфа. Стремительный рост кабельных сетей наблюдался не только в Пруссии – атмосфера на Всемирной выставке ясно показала Карлу большие возможности для бизнеса в области телеграфии. Для молодого человека, обладавшего необходимыми знаниями, самостоятельного и без семейных обязательств, в середине XIX века развитие телеграфии было очень перспективным. В конце 1852 года Карл собирался на некоторое время переехать из Парижа в Испанию, чтобы заниматься там строительством телеграфа. Бразилия также неоднократно возникала в письмах братьев¹.

Но переход Карла в другую компанию никогда не обсуждался. Гораздо больше, чем Вильгельм, Фридрих, а затем младшие братья Вальтер и Отто, Карл чувствовал глубокую связь со своим братом Вернером и свою обязанность участвовать в строительстве телеграфа именно компанией «Сименс и Гальске». Он писал в январе 1853 года Вернеру из Лондона:

«Что касается меня, я скажу тебе раз и навсегда, что пойду туда, где смогу быть тебе полезен. До сих пор я стоил тебе очень дорого и не приносил пользы, и теперь я прошу Бога только о том, чтобы изменить ситуацию»².

На фото: одетые в униформу смотрители телеграфных линий компании «Сименс и Гальске» в России

Этому желанию Карла вскоре суждено было исполниться. Шансом «изменить ситуацию» стало предложение о строительстве телеграфа в России.

Для мекленбуржца Карла Сименса размеры Российской империи казались поразительными. В то время как на хорошо знакомом ему пути от Киля до Берлина длиной в 300 километров в середине XIX века приходилось пересекать несколько государственных границ, расстояние от Санкт-Петербурга до Владивостока составляло почти 7000 километров. По численности населения другие европейские страны по сравнению с Россией также были далеко позади. К 1860 году в ней насчитывалось уже 70 миллионов жителей, и за последующие 50 лет это число должно было более чем удвоиться³. Российская империя была многонациональным и многоконфессиональным государством. Большинство составляли православные русские. Кроме того, были католики – поляки, литовцы и украинцы; протестанты – прибалты и немцы; иудеи, мусульмане на Кавказе и в Средней Азии, а также коренные народы Сибири.

В ходе наполеоновских войн при императоре Александре I Россия стала европейской державой первой величины⁴. Однако во внутреннем развитии страны прогресс был незначительным. Преемник Александра, Николай I, отказался от политического обновления страны⁵. Он подавил восстание либерально настроенных декабристов, требовавших реформ, и создал авторитарный государственный строй, опиравшийся на централизованную бюрократию и тайную полицию. Буржуазия не могла развиваться в России так, как в Западной Европе, и находилась в зачаточном состоянии. К либеральным идеям относились с большим подозрением, и до середины XIX века большую часть населения страны составляли крепостные крестьяне. Эти жесткие социальные принципы создавали труднопреодолимые барьеры и препятствовали социально-экономическому развитию⁶.

Предпринимательские инициативы имели место в царской России, но поскольку доминировало влияние государства на экономику, они не получали большого распространения⁷. Для того чтобы успешно вести бизнес, нужны были хорошие связи в государственных органах, которые часто зависели от ответных услуг или взяток, хотя Карл не использовал таких определений, а предпочитал говорить о «чаевых»⁸. В столице необходимы были контакты с царем, министрами или занимавшими высокие должности чиновниками. На региональном уровне, если не было никаких связей с губернатором, начальником полиции или местными чиновниками, чаще всего ничего не получалось. Из-за этих сложных политических и социальных отношений индустриализация продвигалась медленно.

Граф Петр Андреевич
Клейнмихель (1793–1869),
руководитель российского
телеграфного ведомства

Первые признаки индустриального развития, которые наблюдались в основном в Санкт-Петербурге, Москве и в польской части империи, были отмечены уже в 1820-х гг. В Польше и Москве развивалась текстильная промышленность, в Санкт-Петербурге – тяжелая: там, например, находились Путиловские заводы. В 1837 году начала работать первая в России железная дорога – из столицы в расположенную неподалеку резиденцию Царское Село⁹. Тем не менее пройдет еще 14 лет, прежде чем будет построена первая протяженная железнодорожная линия до Москвы. Постепенно политическая элита начинает понимать: чтобы идти в ногу с Западной Европой, требуется прикладывать больше усилий для модернизации.

В этом контексте строительство современной телеграфной сети имело особое значение. К середине века в стране была только одна достаточно длинная линия оптического телеграфа из Санкт-Петербурга в Варшаву. При графе Петре Андреевиче Клейнмихеле, руководившем телеграфным ведомством, были предприняты дальнейшие усилия по технической модернизации. Российский посланник в 1847 году наладил первый контакт с вновь созданной компанией «Сименс и Гальске»¹⁰.

Два года спустя Вернер провел в Берлине переговоры с графом Александром Людерсом. Как пишет Вернер в своих воспоминаниях, Людерс совершил «по поручению своего правительства турне по Европе [...], чтобы определить наилучшую систему электрического телеграфа»¹¹.

Людерса убедила технология телеграфной компании из Берлина. В 1851 году он заказал фирме «Сименс и Гальске» 75 стрелочных телеграфных аппаратов для строительства первой электрической телеграфной линии в России вдоль железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой. Строительство велось собственными средствами, без достаточной технической квалификации, и созданные телеграфные линии были в лучшем случае «примитивной системой»¹², главной целью которой было предотвращение столкновения поездов. В конце 1851 года Вернера пригласили в Санкт-Петербург для обсуждения участия компании «Сименс и Гальске» в строительстве телеграфной сети в Российской империи. Как Вернер позднее писал в своих воспоминаниях, это приглашение стало «поворотным пунктом»¹³ для дальнейшего развития компании.

По итогам своей первой поездки в Россию Вернер получил заказ на введение в эксплуатацию короткой телеграфной линии между Ригой и морским портом Болдерай¹⁴. Кроме того, в перспективе был заказ на строительство телеграфной линии из Санкт-Петербурга в расположенный в 40 километрах к западу от него Ораниенбаум и далее – подводной линии на остров-крепость Кронштадт. Однако Вернер не мог надолго оставлять Берлин и в течение нескольких месяцев координировать строительство телеграфа в России. Он нашел партнера – выходца из Германии банкира барона Германа фон Капгера и поручил ему за долю в прибыли представлять фирму «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге.

В 1852 году наметились новые проекты, поскольку осенью «Сименс и Гальске» получила второй контракт на строительство телеграфной линии от Варшавы до прусской границы. Была возможность и других заказов в России. Учитывая эти блестящие перспективы, Вернер начал сомневаться в том, сможет ли банкир фон Капгер решать серьезные технические вопросы. В то же время становилось все более очевидным, что у предприятия Карла во Франции нет будущего. В ноябре Вернер впервые предложил брату стать ответственным за строительство линии в Польше¹⁵.

В последующие месяцы шла активная подготовка к строительству. В начале 1853 года Карл заказал заграничный паспорт, поскольку весной хотел проехать через Берлин в Варшаву. В мемуарах Вернера можно найти следующую запись:

«Когда нам весной 1853 года поручили строительство телеграфной линии вдоль железной дороги от Варшавы до прусской границы, мы предложили моему брату Карлу [...] взять на себя руководство этим проектом с видами на дальнейшую работу в России. Карл согласился и впоследствии выполнял стоящие перед ним задачи, иногда очень сложные, настолько хорошо, что наше решение – поручить ему такую важную работу, несмотря на его молодость, – мы посчитали очень удачным. Благодаря его деловым качествам и энергичности русский бизнес стал развиваться быстро и успешно»¹⁶.

Испытание

Осознавал ли Карл перед своей поездкой, что его ждет в Российской империи, неизвестно. Однако он быстро получил представление о той непредсказуемости, с которой ему придется столкнуться в ближайшее время. Когда Карл и Вернер хотели поехать в апреле 1853 года в Варшаву, оформление их паспортов посольством России в Берлине было задержано на несколько недель¹⁷. Как позже выяснил Вернер, братья Сименс были в списке тайной полиции и считались политически неблагонадежными в связи с их участием в революции 1848 года. Только заступничество графа Клейнмихеля в Петербурге помогло решить вопрос, так что братья смогли беспрепятственно выполнять свою работу по строительству телеграфа в Польше.

После прибытия в Варшаву в мае 1853 года Карл начал строительство линии к прусско-польской границе, и ему помогли два берлинских сотрудника Даниэль Хемп и Иоганн Лёффлер. Карл должен был прежде всего привыкнуть к условиям работы на новом месте. В июле он с возмущением написал Вернеру, что подготовительные работы отложены, «так как здесь ничего нет, и чтобы хоть чего-нибудь добиться, требуется уйма времени»¹⁸. После преодоления первоначальных трудностей дела пошли значительно лучше, и Карл смог постепенно передать управление своему сотруднику Иоганну Лёффлеру.

Вернер оставался с Карлом в Польше всего несколько недель. Летом он провел в Санкт-Петербурге переговоры с графом Клейнмихелем и подписал контракт на строительство телеграфной линии в Кронштадт¹⁹. Завершение проекта было запланировано на осень, так что теперь необходимо было двигаться быстрее. В то время в Санкт-Петербурге не было никого, кроме Александра Людерса, кто мог бы взять на себя

управление, но он как раз тогда находился на богемском курорте Мариенбад. 24 июня 1853 года Вернер написал Карлу в Варшаву:

«Здесь нет никого, кто хотя бы слабо представлял себе телеграфное оборудование, в то время как Людерс болен. Поэтому я считаю, что для тебя это открывает хорошие перспективы. [...] Было бы замечательно, если бы я мог подключить тебя к нашим делам здесь, поэтому завершай там только самое необходимое, чтобы поскорей освободиться, и приезжай сюда»²⁰.

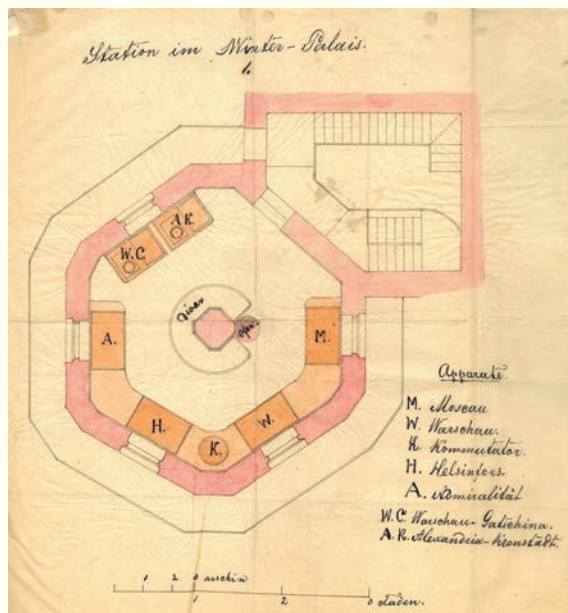
Карл смог приехать в Санкт-Петербург лишь в начале августа. Он не застал там брата – Вернер за несколько дней до того уехал в Берлин. Однако Герман Капгер был таким человеком, который мог вывести Карла в свет и представить столичному обществу.

В свой первый выходной в Санкт-Петербурге Карл был приглашен к Капгеру на торжество по случаю 18-летия их дочери Марии. Там он обсудил строительство телеграфной линии в Кронштадт и, по всей видимости, познакомился с большой немецкой общиной предпринимателей, с которыми наладил отличные контакты²¹. Два дня спустя он был представлен графу Клейнмихелю. Тот поначалу был немного удивлен юным возрастом Карла, тем не менее быстро перешел к обсуждению деловых вопросов и выразил уверенность, что Карл справится со стоящими перед ним задачами. Для дальнейших действий Вернер дал младшему брату в письме подробные инструкции:

«Россия – это страна, где можно заработать много денег, если понимать, как там все устроено. Ты должен учиться заводить друзей и знакомых, и прежде всего завоевать доверие графа Клейнмихеля и графа Герстфельда. Капгер – хороший учитель, и ты должен использовать все его возможности. [...] Мне нет нужды говорить, что я не хочу, чтобы в делах, в которых я участвую, использовались какие-то уловки. [...] Нельзя допустить, чтобы кто-то мог сказать, что мы его подвели или не выполнили свои обещания в срок. [...] Нужно бороться с ленью и нежеланием писать письма. С каждым (подчеркнуто в оригинале. – Ред.) почтовым пароходом (каждые 8 дней) я ожидаю от тебя письма, даже если тебе нечего сообщить и в нем не будет написано ровным счетом ничего нового. Совершенно необходимо, чтобы мы были в постоянном контакте»²².

Карл сразу же принялся за работу и начал планировать прокладку кабеля от Зимнего дворца в Кронштадт. Построить эту линию было непростое. Во-первых, нужно было кабель, поставившийся английской

План
телеграфной станции
в Зимнем дворце

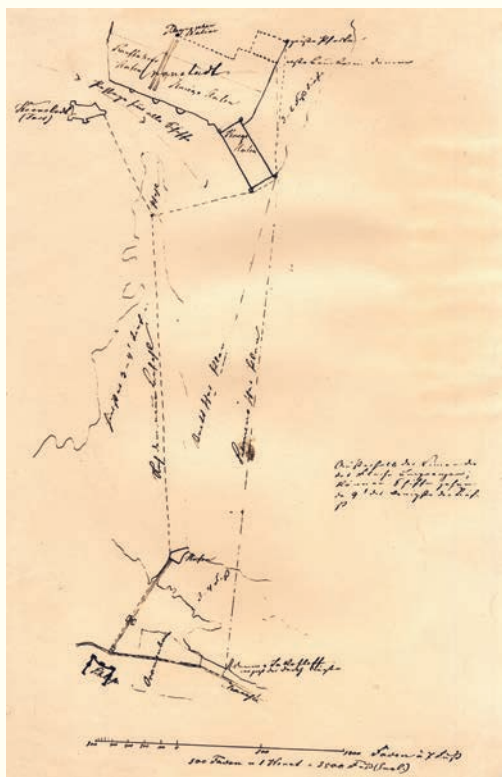

компанией «Ньюэлл и Ко» (Newall & Co.), вывести из дворца без повреждения фасада, а затем проложить его в густо застроенной части города. Карл, человек практического склада ума, с блеском выполнил эту задачу: он протянул кабель через водосток, и наружные работы в Зимнем дворце не потребовались. После столь успешной прокладки кабеля во дворце граф Клейнмихель ругал своих офицеров за то, что «безусый юнец»²³ мастерски справился с задачей, которую они не могли решить. Вернер писал в своих мемуарах, что «благодаря успешному выполнению первого задания Карлу удалось завоевать расположение графа, который с этого момента признает его авторитет [...] и питает к нему безоговорочное доверие»²⁴.

Кажется удивительным, что граф Клейнмихель дал Карлу такой кредит доверия. Но 24-летний молодой человек показал глубокие знания. В России в 1853 году не было никого, кто имел бы даже отдаленно сопоставимый опыт в строительстве телеграфа. Карл с самого начала вел себя с графом Клейнмихелем уверенно и не боялся строгого аристократического этикета в Санкт-Петербурге. В сентябре он написал Вернеру, что, как ему кажется, граф «очень доволен им»²⁵. Между ними установились доверительные отношения, и они говорили друг другу

правду в глаза. Благодаря своей прямоте Карл заслужил уважение. Даже в среде высокопоставленных правительственных чиновников самых преклонных лет он вскоре был признан авторитетом, убедив их не только речами, но и своим профессионализмом. Прокладка телеграфной линии оказалась сложной также и потому, что Николай I неоднократно вмешивался в процесс, ничего в этом не понимая. Карл не был лично представлен императору и регулярно получал через графа Клейнмихеля инструкции и пожелания по изменениям, требовавшим все новых технических решений. Сложные интриги при царском дворе он разрешал мастерски. В декабре 1853 года он получил слова одобрения от Вернера: «Кажется, все идет великолепно, и ты, очевидно, приобрел в Париже глубокие дипломатические познания»²⁶.

В конце октября Карл успешно закончил прокладку кабеля из Санкт-Петербурга в Ораниенбаум. Это «чрезвычайно понравилось графу, и он был очень добр ко мне»²⁷, как он сообщил в Берлин. Про-

Чертеж, выполненный Карлом для прокладки подводного кабеля между Ораниенбаумом и Кронштадтом. 1853 г.

кладка подводного кабеля в Кронштадт проходила еще труднее, ее тормозило появление льда на Неве. Но к концу года Карл завершил также и этот проект. Проложенный между Кронштадтом и Ораниенбаумом кабель стал не только первой подводной линией в России, но и одной из первых подводных телеграфных линий в мире, которая к тому же оставалась в эксплуатации в течение нескольких десятилетий – в общей сложности 35 лет²⁸. Приемка состоялась 15 января 1854 года, о чем днем позже Карл сообщил Вернеру:

«Кронштадтская линия вчера была принята комиссией с полным удовлетворением. [...] Они с трудом могли поверить в это [...]. Во всем, что касается телеграфии, граф ничего не делает без «прусского инженера Сименса». Недавно, например, он включил меня в состав комиссии из-за одной газетной статьи, которую хотели напечатать в русских газетах и которая рассказывает о телеграфном проекте [...]»²⁹.

Всего за несколько месяцев 24-летний Карл зарекомендовал себя в России как ведущий специалист по телеграфии. Благодаря своей профессиональной компетентности, работоспособности, уверенным манерам и дипломатическим навыкам он смог обойти потенциальных конкурентов, и у графа Клейнмихеля появилась почти отцовская привязанность к своему «прусскому инженеру Сименсу». Осенью 1853 года Карл вел переговоры о строительстве других телеграфных линий в Российской империи. Тем более что начавшийся в предыдущие месяцы международный конфликт потребовал быстрого развития линий связи.

Строительство телеграфа во время Крымской войны

В июле 1853 года русские войска вступили в княжества Молдавию и Валахию в нижнем течении Дуная³⁰. На вторжение в эти два своих вассальных государства отреагировала Османская империя, которая в октябре 1853 года объявила войну России. Конфликт быстро стал общеевропейским, так как русская экспансионистская политика угрожала хрупкому балансу сил на континенте. В особенности Франция и Англия не хотели ослабления Османской империи. Поскольку все попытки примирения потерпели крах, Франция и Англия в марте 1854 года объявили войну России. Спустя короткое время первый контингент союзнических войск высадился в Варне – в сегодняшней Болгарии. Но через пол-

года главным театром военных действий стала русская крепость Севастополь – порт на полуострове Крым в Черном море.

Осада Севастополя приняла характер позиционной войны, которая привела к огромным жертвам как у наступающей стороны, так и у обороняющейся³¹. Десятки тысяч британских, французских и турецких солдат почти год лежали в окопах, пытаясь проникнуть в осажденный город с помощью самой современной техники. Союзники впервые использовали в военных операциях полевой телеграф и во время осады проложили подводный кабель в Крым. Благодаря этому простым нажатием на ключ можно было из Лондона или Парижа связаться с зоной боевых действий гораздо быстрее, чем из Санкт-Петербурга. Для военного командования России создание мощной электрической телеграфной линии из столицы до Черного моря стало одной из самых важных задач.

Осенью 1853 года, когда конфликт между Россией и Османской империей обострился, Карл Сименс был единственным специалистом в России, который обладал фундаментальными знаниями в строительстве телеграфа. Россия не могла позволить себе экспериментов во время войны: строительство телеграфа необходимо было осуществить быстро и надежно. Уже 16 октября 1853 года – в день, когда Османская империя объявила войну, – Вернер предсказывал из Берлина: «Приближается война, поэтому, конечно, появится больше возможностей для строительства телеграфных линий в Варшаву или Одессу. Растолкуй графу [Клейнмихелю], что весной он сможет построить линию за короткое время, если поручит заказать столбы и провода для нее зимой и быстро доставить их»³².

В последующие дни прошли интенсивные переговоры. 26 октября граф Клейнмихель сообщил Карлу, что государь «повелел проложить наземную [электрическую] линию в Варшаву параллельно станциям оптического телеграфа»³³. Эта телеграфная линия имела важнейшее значение для России, так как из Варшавы шла уже проложенная Карлом линия в нейтральную Пруссию. Кроме того, поставки фирмой «Сименс и Гальске» из Берлина материалов для строительства русского телеграфа происходили беспрепятственно благодаря нейтралитету Пруссии.

Осенью 1853 года Карл начал подготовку к строительству линии в Варшаву протяженностью более 1000 километров³⁴. Компания «Сименс и Гальске» получила для выполнения заказа 190 тысяч рублей – сумму, которую Карл считал слишком маленькой. Но поскольку был и другой претендент на заказ, о более высокой цене не могло быть и речи. Граф Клейнмихель в личной беседе заверил Карла, что компа-

ния «Сименс и Гальске» должна «получить все следующие заказы на строительство линий, и он хотел бы в будущем закрыть двери для любого конкурента»³⁵.

В последующие месяцы Карлу предстояло организовать работу, несмотря на бюрократию, с которой приходилось сталкиваться на каждом шагу. После заключения договора он написал Вернеру: «Для этого предприятия мне пришлось составлять горы бумаг, разъяснений и описаний»³⁶. Граф Клейнмихель среди прочего поручил Карлу подготовить рисунок стрелочного телеграфа и краткое описание принципа его работы. Когда это было сделано, граф очень обрадовался, протянул Карлу «руку для поцелуя и похлопал [его] по плечу»³⁷. Частое вмешательство императора указывало на то, насколько важен был электрический телеграф для империи, находившейся в состоянии войны. В конце октября Карл писал Вернеру:

«Сделать это нужно быстро, потому что граф больше всего любит скорость. Мы должны еще зимой распределить все столбы и провода вдоль линии, чтобы можно было начать работу сразу же после первой оттепели, причем одновременно в четырех местах. Это должно стать образцом скорости»³⁸.

Подготовительные работы в последующие зимние месяцы были трудными, потому что одновременно нужно было заказывать необходимое количество деревянных столбов, нанимать работников и запрашивать в государственном ведомстве разрешение на строительство. Весной 1854 года Вернер организовал в Варшаве рабочую бригаду, в это же время Карл в Гатчине под Санкт-Петербургом подготовил вторую бригаду. Строительство фактически началось в мае. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, плохое качество строительных материалов и бюрократические препоны, оно было завершено быстро – обе бригады встретились в латвийском Динабурге (сейчас Даугавпилс. – *Ред.*). 26 июля строительство линии было закончено, о чем Вернер сообщил Вильгельму: «Линия Варшава – Петербург сделана за шесть недель! Дьявольская работа!»³⁹. В начале августа 1854 года граф Клейнмихель лично осмотрел промежуточную станцию в Динабурге и был очень рад этому успеху⁴⁰.

Строительство линии Гатчина – Варшава стало не только образцом скорости, для Карла это был ценный опыт, так как он смог применить свои замечательные организаторские способности. Он был ответственным за приобретение материалов и наем работников и сумел справиться со сложными бюрократическими проблемами, которые

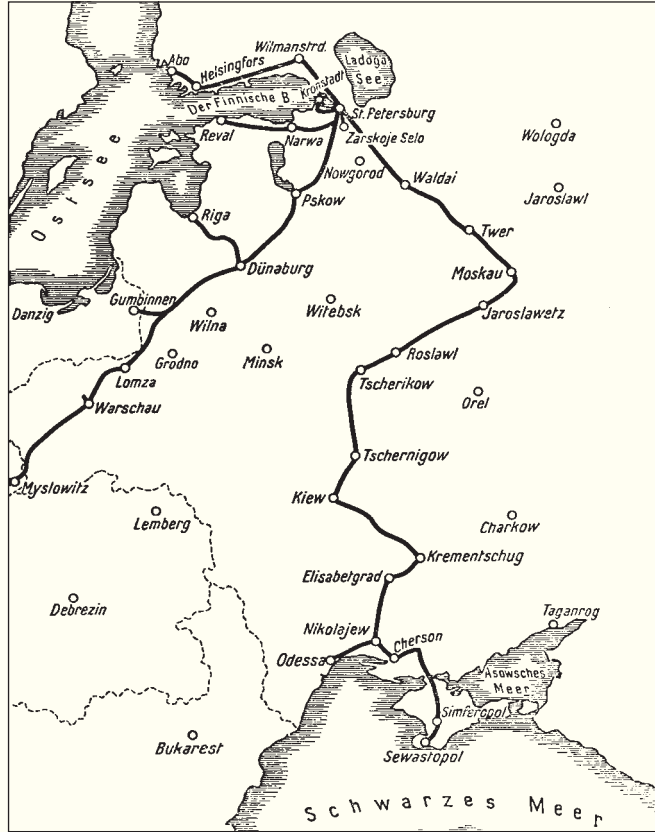
приходилось решать с государственными чиновниками. Кроме того, сначала часто случались отказы аппаратуры, которые фирма «Сименс и Гальске» должна была моментально устранять. Николай I быстро привык к коммуникации посредством электрического телеграфа и очень сердился, если он не работал. В сентябре 1854 года Карл писал из Петербурга Иоганну Георгу Гальске:

«Даже после того как Варшавская линия закончена, я не могу радоваться жизни, потому что при малейших проблемах тут творится черт знает что. Например, если император не получает из Варшавы доклад точно в час, он немедленно посылает фельдъегеря к графу [Клейнмихелю], а тот готов буквально разорвать всех остальных»⁴¹.

Из опыта, полученного при строительстве линии Петербург – Варшава, Карл смог довольно скоро извлечь выгоду, потому что всего через несколько недель после ее завершения начались переговоры о строительстве других телеграфных линий. В начале сентября 1854 года первые союзнические войска высадились в Крыму. Чуть позже началась осада Севастополя. Еще летом новый театр военных действий был развернут на Балтийском море, где союзнические войска захватили русскую крепость на финском побережье. Российской империи срочно потребовался телеграф, чтобы связать столицу с этими удаленными друг от друга театрами военных действий.

27 сентября 1854 года Карл заключил первый контракт на строительство телеграфной линии между Киевом и Москвой. Оттуда уже была связь с Санкт-Петербургом. Кабель был сначала проложен из Москвы до маленьких городков Юхнов и Рославль в 500 километрах к востоку от современной Беларуси. Карл переехал в белорусскую деревню Довск, которая на долгие недели стала его штаб-квартирой. Из Довска линия повернула на юг, дошла до Чернигова (вблизи Чернобыля) и еще через 350 километров достигла Киева. Работали три бригады одновременно, и линия была готова к концу года⁴².

После напряженных переговоров с графом Клейнмихелем, к которому Карл должен был каждый раз приезжать в Санкт-Петербург, в декабре были заключены следующие контракты. Компания «Сименс и Гальске» получила заказ на строительство телеграфной линии из Киева в Одессу, а также из Петербурга в финский Гельсингфорс (ныне – Хельсинки). Общая протяженность этих линий составляла более 2000 километров. Как и в предыдущих проектах, скорость играла решающую роль. Имея в виду эти трудности, Карл писал в начале ноября Гальске, что «это

Телеграфная
сеть в России.
Около 1855 г.

дело в буквальном смысле выше моих сил»⁴³. У Вернера тоже появились сомнения, так как строительство линии в Одессу нужно было вести зимой и завершить к маю 1855 года: «Ты взялся за серьезную работу, и я начинаю беспокоиться, когда думаю о ее выполнении! 1400 верст [около 1500 километров] зимой, притом закончить к 7 мая, – думаю, это практически невозможно»⁴⁴.

Карл должен был заставить брата изменить свое мнение, но впереди его ожидали тяжелые месяцы. С конца ноября 1854 года он организовал в Киеве закупку материалов и стал готовиться к работе. После проведенного в Киеве православного Рождества 7 января 1855 года он начал трудное путешествие на юг, чтобы осмотреть предполагаемый участок строительства⁴⁵. О неприятностях во время зимнего путешествия по России он писал Вернеру:

«Это, если угодно, можно назвать гонкой с препятствиями! Я не переживал в своей жизни такого ужасного путешествия, как это. [...] Из Переславля до [Кременчуга] ехали во время праздников на крестьянских лошадях (с казаками), а там нет приличной дороги через лес, да и лошадей с пьяными казаками мы заполучили с большим трудом. За Кременчугом уже не было снега, и переходить через Днепр можно было лишь пешком, а дальше ехали на телеге [гужевой повозке] по неровным промерзшим дорогам в Екатеринослав, Херсон и Николаев»⁴⁶.

В дороге Карл готовился к строительству линии, проводя переговоры с местными торговцами древесиной о поставке телеграфных столбов. В Херсоне, расположенном на краю Крымского полуострова, он оказался недалеко от осажденного Севастополя. Через десять дней после отъезда из Николаева он прибыл в Одессу, «промерзнув до костей»⁴⁷. В этом портовом городе на Черном море Карл провел лишь немногим более недели. В начале февраля он уже отправился в долгий путь через Николаев, Киев и Москву обратно в Санкт-Петербург, куда и добрался в конце месяца. Менее чем за два зимних месяца Карл сумел преодолеть свыше 3000 километров пути, и это в то время, когда единственная протяженная железная дорога России соединяла Санкт-Петербург с Москвой.

В его письмах, рассказывающих об этих изнурительных месяцах, содержатся постоянные жалобы на суровый климат, ненадежность рабочих и отсутствие технического персонала. В частности, строительство линии от Москвы через Киев в Одессу в зимний период 1854–1855 гг. происходило в экстремальных климатических условиях. Температура минус 30 градусов, что не редкость и в европейской части России, предъявляла высокие требования к людям и материалам. После утомительного путешествия из Москвы в Довск в ноябре 1854 года Карл писал Вернеру, что он «четыре ночи мерз и не спал»⁴⁸.

Но эти трудности не сломили его решимости при проведении работ по сооружению телеграфа, и лишь в феврале 1855 года он передал управление строительством телеграфной линии на юге России нескольким специалистам, которых Вернер и Иоганн Георг Гальске направили из Берлина⁴⁹. Потребовалось его срочное возвращение в столицу России, так как Герман фон Капгер во время отсутствия Карла самовольно провел переговоры с графом Клейнмихелем и, не посоветовавшись, к концу 1854 года заключил контракт на строительство двух линий в Прибалтике⁵⁰. Поскольку компания «Сименс и Гальске» все еще была занята линиями на юге России, она лишь с экстремальным напряжением могла начать подготовку к работам в балтийском регионе. Времени для отдыха после трудного пу-

Телеграфное ведомство в Санкт-Петербурге. 1878 г.

тешества у Карла не осталось. Вскоре после возвращения в столицу он начал организовывать строительство новых линий Санкт-Петербург – Нарва – Ревель (Таллин. – *Ред.*) и Динабург – Рига.

В самый разгар подготовки к строительству балтийской линии, в марте 1855 года, Карл отмечал свое 26-летие. Однако у него не было времени, чтобы отпраздновать его. Весной поступили еще два заказа на телеграфные линии: между Мариамполем и восточно-прусским городом Гумбинненом (Гусев. – *Ред.*), а также между Варшавой и силезским городом Мысловице⁵¹. Последним заказом в беспокойном 1855 году было расширение линии на юге России – из Николаева через Перекоп в Симферополь в Крыму, т. е. в непосредственной близости к театру военных действий в Севастополе⁵².

Под руководством Карла «Сименс и Гальске» проложила в 1853–1855 гг. в царской России 9000 километров телеграфного кабеля, т. е. выполнила заказов значительно больше, чем за все предыдущие годы существования компании⁵³. В 1854–1855 гг. фирма работала почти исключительно в России. Карл в эти два изнурительных года был занят постоянно. После поездок на польские, белорусские, украинские и балтийские рабочие площадки он всегда возвращался в столицу – Санкт-Петербург, чтобы организовать

дела, провести переговоры и заключить новые контракты. После разочарований, постигших его в Париже, Карл с честью выдержал испытание в царской России. В декабре 1854 года Вернер написал Вильгельму: «Карл все делает превосходно. В России он нашел свое место»⁵⁴.

Тяжелые строительные работы и выгодные контракты на техническое обслуживание

Карл действительно прекрасно вел дела в Российской империи. Однако он шел на значительный риск, когда в самый разгар Крымской войны заключал большие контракты с графом Клейнмихелем. Учитывая колоссальные логистические, климатические, бюрократические и технические проблемы, требовались мужество и оптимизм, чтобы участвовать в таких рискованных предприятиях. При этом политическая ситуация была нестабильной. Так, в январе 1854 года Вернер предупреждал Карла: «Военные перспективы с каждым днем становятся все реальнее и делают предприятие все более небезопасным и дорогим»⁵⁵. Военное вмешательство Англии и Франции на Балтийском море значительно осложнило транспортировку материалов из Берлина в Россию. Весной 1854 года едва удалось предотвратить захват британскими военными кораблями груза с материалами фирмы «Сименс

Первое бюро «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге. 1853 г.

и Гальске». На карту было поставлено само существование этой маленькой телеграфно-строительной компании, и Вернер еще раз настоятельно призвал Карла к осторожности: «Сейчас многое, а может быть, и все наше благополучие, дорогой брат, зависит от твоих распоряжений и решений, поэтому будь осторожен и поступай так, чтобы дать делам благоприятный ход»⁵⁶.

Для «Сименс и Гальске» строительство телеграфной линии в России означало гигантский проект, который мог быть осуществлен только с экстремальным напряжением сил. Технический персонал для строительства и для эксплуатации оборудования – механиков и телеграфистов – компания присылала из Берлина. Кроме того, фирма подумывала о наборе новых сотрудников и их обучении. Еще в ноябре 1854 года Карл жаловался Вернеру на «полное отсутствие персонала»⁵⁷. В компании с самого начала строительства линий в России было занято всего лишь 50 сотрудников, и она едва ли была в состоянии удовлетворить быстро растущий спрос за такой короткий промежуток времени, а потому Вернер ответил Карлу, что с нехваткой квалифицированных кадров сложно справиться:

«Не хватает [...] механиков. Гальске испытывает страх всякий раз, когда снова нужно кому-то ехать в Россию. [...] в общем, трудно найти и прислать тебе подходящих людей, как ты предполагал. Обращению с аппаратом механики способны научиться только после долгой практики, и они не могут с его помощью телеграфировать. [...] Гальске очень жалуется на бессилие работников мастерской»⁵⁸.

Карл по мере возможности набирал сотрудников на месте. Но поскольку одновременно было задействовано несколько бригад, требовалось все больше рабочих. Карл часто сталкивался с трудностями, так как строительство телеграфа при низких температурах было сложным делом. Да и с дисциплиной постоянно возникали проблемы⁵⁹.

К этому добавлялись логистические сложности, такие как заготовка древесины в южноукраинской степи или задержки с поставкой материалов из Берлина⁶⁰. Из-за нехватки времени нужно было строить быстро, и при переправах через широкие реки, например через Днепр, не обошлось без импровизации. После завершения строительства линии часто возникали технические проблемы. Иногда связь прерывалась на несколько дней. Даже в самые жгучие морозы регулярно использовались поисковые группы, чтобы найти место повреждения. Кроме того, строительные работы осложняло то, что письма Карла в Санкт-Петербург или Берлин порой подолгу находились в пути.

В то время как Карл, несмотря на все трудности, решал эти технические и организационные проблемы, в вопросах составления контрактов и финансирования ему приходилось, как и в Париже, учиться на собственных ошибках. Граф Клейнмихель был далеко не простым человеком и упрямым переговорщиком, который притом сам зависел от быстро меняющегося настроения царя. В сентябре 1854 года Карл написал Гальске, что рядом с графом он «теперь стал таким гибким, как каучук»⁶¹. Особенно трудными были переговоры, когда граф выставлял требования о сокращении сроков, на что Карл соглашался только под давлением и вопреки здравому смыслу. К тому же платежная дисциплина российского государства доставляла братьям Сименс много забот⁶². Большую часть расходов на строительство компания «Сименс и Гальске» должна была сначала финансировать за свой счет, что было тяжелым бременем для маленькой фирмы. Капгер внес значительную сумму, однако под высокие проценты⁶³. При оплате заказов часто возникали задержки⁶⁴. Так, после завершения линии в Кронштадт счета несколько месяцев не оплачивались, и Вернер озабоченно писал Вильгельму: «Вся наша судьба теперь в руках царя, ведь он должен этим летом заплатить нам 250 тысяч рублей»⁶⁵. Плюс к этому из-за инфляции военного времени, сильно сокращенных сроков строительства и тяжелых зимних условий труда у фирмы «Сименс и Гальске» возникал незапланированный перерасход средств. Строительство российской телеграфной линии оказалось для компании «не слишком прибыльным»⁶⁶. Финансовый успех бизнеса в России был связан в первую очередь с тем, что Карл смог заключить с российским государством долгосрочные контракты на техническое обслуживание.

Первоначально граф Клейнмихель передал обслуживание телеграфной линии российскому дорожному ведомству и установил фиксированные платежи за каждую версту, ожидая большой нагрузки. Государственное ведомство было, однако, так перегружено, что не смогло обеспечить бесперебойную работу телеграфа. Граф Клейнмихель, быстро поняв это, был вынужден передать обслуживание на тех же условиях фирме «Сименс и Гальске».

Но как можно гарантировать безаварийную работу линий? Потенциальных проблем было множество – от материального ущерба из-за погодных условий до вандализма. В декабре 1854 года потребовались две недели, чтобы восстановить обрыв кабеля на линии Москва – Довск⁶⁷. Для хорошо работающего предприятия такой результат был неприемлемым. Контроль за состоянием телеграфной сети, особенно в малонаселенных районах России, был возможен только при очень больших затратах.

Вернер предложил держать на всем протяжении телеграфной линии обслуживающий персонал. Каждый смотритель должен был следить за отрезком длиной в 10 километров, проверять состояние линии и при необходимости проводить ремонт⁶⁸. С учетом общей протяженности телеграфных линий в России это потребовало бы около 1000 человек обслуживающего персонала, что почти в пять раз превышало общее количество сотрудников «Сименс и Гальске» в 1855 году⁶⁹. Финансовое бремя для компании было бы огромным.

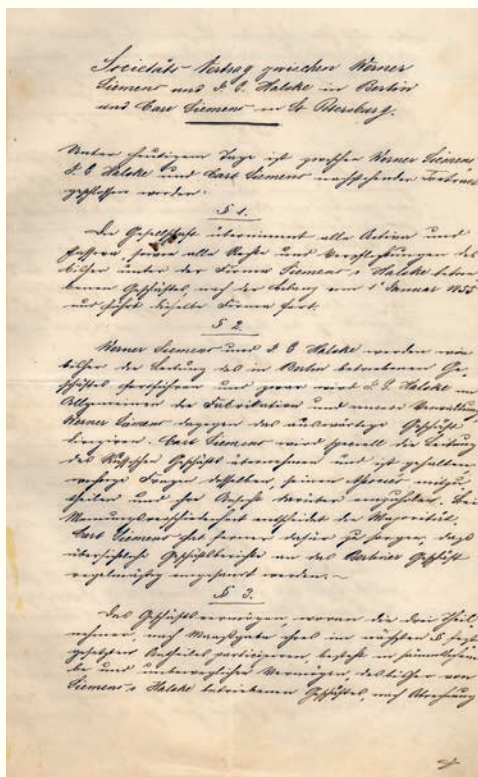
У Карла появилась идея получше. В октябре 1854 года он сделал следующее предложение: вместо смотрителей на линии соорудить на большом расстоянии станции с приборами для измерения тока⁷⁰. С помощью этих станций можно было сначала найти отрезок с неисправностями, а затем – быстро выполнить ремонт. В начале 1855 года Карл провел первое испытание и в феврале сообщил Вернеру результаты: «С гальваноскопами [измерительный прибор] дела теперь идут очень хорошо, так как люди начинают понимать, что к чему; в будущем смотрители станут совершенно бесполезны, и я велю Пруссу [сотрудник из Берлина] оставить лишь нескольких для проформы»⁷¹.

Вернер вначале был настроен скептически. Он боялся связанных с рисками долгосрочных контрактов на обслуживание и не был убежден в их выполнимости⁷². Однако Карл предвидел большой потенциал и возможности получения прибыли. Он не оставлял попыток переубедить Вернера и в конечном счете настоял на своем. Аппарат, который Вернер позднее назвал «татарский гальваноскоп»⁷³, работал отлично. На каждом 50-километровом участке фирма «Сименс и Гальске» построила станцию с одним смотрителем. В Санкт-Петербурге, Киеве и Одессе компания имела инженерные бюро. Таким образом, «ошибка устранялась почти всегда в течение нескольких часов»⁷⁴ и бесперебойная работа телеграфной линии была гарантирована. Этому помогло разрешение лично от царя обеспечить обслуживающий персонал форменной одеждой. Одетые в униформу смотрители телеграфных линий пользовались особым уважением и значительно подняли престиж компании «Сименс и Гальске» в России. В Санкт-Петербурге фирма создала школу, в которой готовили телеграфистов⁷⁵.

Контракты на техническое обслуживание имели исключительное финансовое значение для «Сименс и Гальске». Только за счет прибыли от ремонта русский телеграф «наконец окупился»⁷⁶. Контракты на обслуживание стали для предприятия «настоящей дойной коровой»⁷⁷, которая более 10 лет приносила компании стабильный доход.

Партнерство в «Сименс и Гальске»

Для «Сименс и Гальске» строительство телеграфа в России в 1853–1855 гг. явилось важной вехой на пути от мастерской к международной компании. Количество работников фирмы после разрыва контрактов с прусским телеграфным ведомством с 90 человек в 1852-м сократилось почти вдвое в следующем году, но с началом работы в России численность персонала росла не по дням, а по часам⁷⁸. Уже в 1854 году в этой стране было занято более трети из 130сотрудников, а в 1856 году – около двух третей из 332 человек. Кроме того, строительство российского телеграфа играло исключительно важную роль в росте оборота компании. Суммарный оборот предприятия составил в 1852 году 170 тысяч талеров, а уже в следующем резко подскочил – на 70 тысяч талеров⁷⁹. В последующие два года фирма «Сименс и Гальске» достигла рекордных

Первая страница договора Вернера фон Сименса и Иоганна Георга Гальске с их новым партнером Карлом от 1 января 1855 г.

объемов – 198 и 267 тысяч талеров. В течение этих двух лет доля экспорта в доходах предприятия была поразительно высокой – 75,1% и 86,5% соответственно, причем почти полностью за счет строительства телеграфа в России. Основной капитал «Сименс и Гальске» вырос в 1853–1854 гг. в шесть раз⁸⁰. Когда Вернер после долгого отсутствия вновь приехал в Петербург весной 1855 года, он был впечатлен и писал об этом своей жене Магильде:

«Карл уехал в Ригу, а я один управляю всем этим действительно колоссальным предприятием. Я хотел бы, чтобы ты смогла подметить удивительную разницу в моем образе жизни и, пожалуй, характере поступков здесь и у нас дома. Здесь занята каждая минута [...]»⁸¹.

Первостепенное значение бизнеса в России потребовало реорганизации компании. Карл стал с ноября 1853 года полномочным представителем фирмы «Сименс и Гальске». До сих пор он получал постоянный оклад в 150 рублей в месяц и сверх того долю в размере 15% от прибыли предприятия в России⁸². Вернер еще в 1853 году запланировал создать отделение в Санкт-Петербурге, если бизнес будет успешно развиваться⁸³.

Это произошло два года спустя. Когда двоюродный брат Иоганн Георг Сименс весной 1855 года объявил о своем выходе из фирмы, Карл был принят в качестве компаньона в состав руководства компании⁸⁴. Контракт между братьями Сименс и Иоганном Георгом Гальске, заключенный 1 января 1855 года и действовавший в течение 12 лет, установил новое распределение обязанностей. Руководство мастерской оставалось в руках Гальске, за сбыт отвечал Вернер, а Карл должен был стать новым партнером с долей в 20% и «взять на себя управление предприятием в России»⁸⁵. 19 марта 26-летний Карл радостно писал Вернеру:

«[Я говорю] тебе и Гальске самые теплые слова благодарности за то, что принимаете меня в качестве компаньона, и обещаю [...] делать все, что в моих силах, чтобы вам никогда не пришлось пожалеть об этом шаге. Я всегда старался, как только мог, действовать из лучших побуждений и никогда не знал корысти в том, что затрагивало ваши интересы»⁸⁶.

В начале 1855 года Карл возглавил вновь созданное отделение в Санкт-Петербурге и отныне стал самостоятельно развивать российское предприятие под названием «Контрагенты по ремонту и постройке императорских русских телеграфов» (Contrahenten für den Bau und die Remonte der Telegraphen-Linien im Russischen Kaiserreiche Siemens & Halske). В столице России он обрел свой новый дом.

Что такое Родина?

Ответ на этот вопрос, скорее всего, был для Карла Сименса очень непростым. Его малая родина – Менцендорф – был связан с болезненными воспоминаниями о смерти родителей. Ничто в поздних письмах не говорит о том, что Карл чувствовал эмоциональную связь с местом, где вырос. Переезд в Любек в 1840 году стал краткой остановкой в пути, впоследствии он никогда не упоминал в письмах о своей жизни там. Вероятно, молодому человеку, воспитанному в либеральной семье, не особенно пришлось по душе консервативная атмосфера ганзейского города. Пожалуй, только порт был воротами в привлекательный внешний мир. В 1843 году Карл недолгое время был охвачен желанием стать моряком, и видимо, это было отражением его стремления вырваться из привычного круга и открыть для себя большой мир.

Годы, проведенные в Берлине, начиная с 1843-го, во многом сформировали юного Карла, однако к Пруссии у него было противоречивое отношение. С одной стороны, братья Сименс, будучи либеральными революционерами, в 1848 году боролись за свободу и единство Германии, выступая против монархии. С другой стороны, они вскоре помирились с прусским государством, которому их телеграфно-строительная компания обязана первым заказом. Карл находился под сильным впечатлением от последующих военных успехов Пруссии. Он был в восторге от побед над «этими францушками»¹ во франко-германской войне 1870–1871 гг. После смерти Бисмарка в 1898 году

*Где хорошо, там и Родина? – Ред.

На фото: супруга Карла Мария (1835–1869). Без даты

Карл написал о нем как о «великом политике, какого еще никогда не знал мир»².

Карл считал себя немецким патриотом. Но он никогда не рассматривал дорогу для него родину как средоточие своих интересов. Быть немцем – для Карла это была абстрактная идея, которая заметной роли в его повседневной жизни не играла. Отъезд из Берлина в Лондон в 1851 году он оценивал с точки зрения больших возможностей, а не потерь. Центр его бизнеса и его семьи вскоре переместился в Санкт-Петербург. Примерно через 40 лет Карл вернулся в Берлин, возглавив после смерти Вернера в 1892 году компанию «Сименс и Гальске». И все-таки Россия, где жили его дети со своими семьями и где он владел великолепным имением, была для Карла главной.

Так что же Карл считал своей Родиной? Было ли место, где, как он чувствовал, находятся его корни и к которому у него была глубокая эмоциональная привязанность? В январе 1853 года, вскоре после отъезда из Парижа, он получил письмо от Вернера со словами поддержки:

«Удача может улыбнуться тебе где угодно – будь то Бразилия, Англия или Россия. Теперь, когда ты занимаешься телеграфным делом, ты должен привыкнуть к большим расстояниям и частым переездам, но ведь, как говорится, *ubi bene ibi patria*. К тому же сейчас можно путешествовать довольно быстро и дешево, и преодолеть еще некоторое расстояние не составит особого труда»³.

Где хорошо, там и Родина?⁴ Старшему брату легко было говорить, так как он с начала 1840-х гг. никогда надолго не покидал Берлин. А Карл к 1853 году мог вспомнить уже о целом ряде переездов. Менцендорф, Любек, Берлин и Киль – немецкие остановки. В Лондоне он провел полгода, в Париже – чуть больше года. И о 1500 километрах между Берлином и Санкт-Петербургом вряд ли можно говорить как о «некотором расстоянии». Железнодорожного сообщения тогда еще не было, а путешествие на лошадях длилось больше недели.

От мекленбургского гражданства Карл не отказался, хотя особой привязанности к этому герцогству у него не наблюдалось. Он был очень мобильным и легко приспосабливался к новым условиям в поисках хорошо оплачиваемой работы на строительстве европейского телеграфа. Способность Карла быстро адаптироваться открывала перед ним большие возможности для карьерного роста. В то

же время она приносила ему серьезные личные проблемы, оставляя свой след в его жизни. Ни в одном из своих многочисленных писем Карл не упоминает о друзьях или о близких, приятельских отношениях. Осенью 1847 года он некоторое время брал уроки танцев в Берлине, о других его увлечениях практически ничего не известно⁵. В его письмах можно прочесть о боязни крупных публичных мероприятий и эмоциональных связей за пределами семьи, что, вероятно, было выработано у него еще в подростковом возрасте. В последующие годы у Карла был большой круг деловых знакомств, некоторые из них он сохранял на протяжении десятилетий. Но о близких друзьях он не упоминал никогда.

Вероятно, отечески-дружеские отношения с Вернером стали центральным стержнем в жизни Карла – как в лично-семейных, так и в предпринимательских вопросах. Хотя с начала 1850-х гг. братья виделись редко, они использовали письма для поддержания очень тесной внутренней связи. После смерти Вернера дочери Карла Шарлотта и Мария взяли на себя роль ближайших доверенных лиц своего отца. Контакты Карла с другими девятью братьями и сестрами были редкими⁶. С Вильгельмом он долгое время вместе работал в Лондоне и на семейном уровне поддерживал с ним хорошие отношения, которые, правда, иногда бывали напряженными. Также с младшими братьями Вальтером и Отто, которые в 1860-е гг. работали на Кавказе на компанию «Сименс и Гальске», не было глубокой связи.

В частной жизни Карл был интровертом и общался в основном со своим тесным семейным кругом. Тем более удивительна его готовность рисковать в английских, французских и российских предприятиях. Однако это давалось ему нелегко.

Трудности адаптации

По прибытии в Санкт-Петербург в августе 1843 года Карл поначалу был слишком занят, чтобы серьезно думать о личных делах. Все его внимание в последующие годы поглощало строительство телеграфа, он даже не нашел времени для поездки в Берлин. В его письмах также не содержится никаких личных впечатлений о российской столице. Санкт-Петербург, основанный в 1703 году Петром Великим по западноевропейскому образцу, со своими многочисленными церквями,

Семья Капгер (слева направо): тесть Карла Герман Капгер, его сыновья Луи, Шарль со своей женой Амелией, Шарлотта со своим мужем Джоном, Герман со своей женой Элизабет; справа сидят Мария с Карлом фон Сименсом. Около 1860 г.

дворцами и великолепными дорогами, вполне выдерживал сравнение с другими столицами континента⁷. Тем не менее особенности чужой культуры были налицо. Люди на улицах являлись отражением многонациональности империи, архитектура православных церквей казалась чужеродной, и без знания кириллицы нельзя было прочесть названия.

Когда Карл приехал в Петербург, он не знал русского языка. Однако взаимопонимание не было таким уж трудным. Русская элита говорила по-французски. Более того, в столице была большая немецкая община, которая к середине XIX века насчитывала около 40 тысяч человек⁸. Космополитическая атмосфера Санкт-Петербурга облегчила акклиматизацию Карла, по крайней мере в первые несколько месяцев. На незнание русского языка он почти не жаловался. В сентябре 1833 года он написал Вернеру: «Мне здесь хорошо и, пожалуй, даже нравится»⁹.

Капгеры приняли Карла как сына. Семья владела большой усадьбой на окраине города, и Карл стал там частым гостем. Со старшими

сыновьями Германа Капгера – Германом и Карлом Иоганном – он нашел общий язык. В сентябре 1853 года Карл писал в Берлин: «У Капгера я чувствую себя почти как дома, и я должен использовать всякого рода ухищрения, чтобы сдерживать их радушие. Для меня в саду даже поставили кровать, чтобы мне не нужно было ночью возвращаться в город»¹⁰.

Герман Капгер ввел его в высшее общество Санкт-Петербурга и познакомил с должностными лицами из российского правительства. Буквально через несколько месяцев после приезда в Россию граф Клейнмихель принял Карла в телеграфную комиссию, которая «почти полностью состояла из титулованных особ»¹¹. За короткое время сын северогерманского арендатора вошел в круг крупной буржуазии и высшей аристократии России. Там он получил уроки светских манер – в этой области у Карла не было никакого опыта, и он испытывал трудности, например, когда был приглашен Германом Капгером на Рождество, о чем и написал Вернеру:

«Я чувствую себя очень неловко из-за подарков, которые здесь в самой моде. Я сделаю подарки лишь госпоже Капгер и фройляйн Марии. Было очень трудно найти что-то подходящее для них [...]»¹².

Дорогих подарков на Рождество Карлу не дарили с детства. Он должен был также привыкать к светским мероприятиям высшей буржуазии. На новый 1853 год Капгер организовал великолепный новогодний бал, и Карл был действительно впечатлен громадными расходами. Ему не нравилось, однако, что «там толпились сплошь графы и бароны»¹³. Выросший в скромных условиях, Карл остался равнодушен к роскошному образу жизни высшего общества.

Карл с недоверием рассматривал не только светскую жизнь своих новых знакомых. Сюда добавлялись особенности российской культуры, на понимание которых ему потребовалось много времени. Несмотря на то что Санкт-Петербург был европейской столицей, в письмах Карла постоянно встречались намеки на то, что ему приходилось бороться с трудностями, связанными с адаптацией. Наиболее тяжело давалось ему в самом начале вычисление дат по календарю. Российская империя не перешла в XVI веке на григорианский календарь и придерживалась юлианского календаря, который отставал на 13 дней. Для Карла самую большую сложность представляло определение времени важных праздников. В январе 1854 года он писал Вернеру: «Двойное исчисление времени мне совсем не да-

Невский проспект в Санкт-Петербурге зимой. Около 1850 г.

ется, и порой кажется, что праздники [Рождество и Новый год] как бы не существуют»¹⁴.

Кроме того, постепенно приходила тоска по дому, и даже через несколько месяцев после заключения долгосрочных контрактов на ремонтные работы Карл все еще чувствовал себя некомфортно. Своей невестке Матильде он признался в письме:

«Если я должен остаться в Петербурге на 12 лет, то думаю хотя бы один раз в год приезжать в Германию [...]. Время от времени мне жизненно необходимо отвлекаться, а здесь у меня это не получается. Развлечений почти нет или они очень дорогие; уютные пивнушки есть только в Германии, а подходящих друзей на улице не найдешь»¹⁵.

Характерным для Карла было то, что он не так уж тосковал по самой Германии, даже если жалел об отсутствии «уютной пивнушки». Все, чего ему не хватало в Санкт-Петербурге, так это семейных связей и особенно поддержки брата Вернера. Семья Капгер приняла его с самого начала очень доброжелательно. Но плохо было то, что деловые отношения между Карлом и Германом Капгером к концу 1854 года стали напряженными.

Герман Капгер

Во время своей поездки в Россию летом 1852 года Вернер подписал 12-летний контракт с Германом Капгером, который должен был представлять интересы «Сименс и Гальске» в столице. С банкиром Френкелем Вернер подписал аналогичное соглашение – он становился представителем фирмы в русской части Польши. С обоими была договоренность, что каждый из них будет получать 5% от валового дохода в случае существенного участия в бизнесе¹⁶. Вернер с самого начала понимал, насколько важны представители компании с хорошими связями в России.

Вряд ли можно было переоценить контакты Германа Капгера в столице. Капгер родился в Ростоке в 1801 году, в молодости эмигрировал в Россию, где его дядя Иоганн Христиан занимал высокий пост в Государственном совете¹⁷. Герман также быстро сделал карьеру в Российской империи. К середине века он был уже купцом первой гильдии, которая считалась самой серьезной торговой ассоциацией в столице России, уважаемым и богатым человеком. Ему были пожалованы титулы статского советника, кавалера и потомственного почетного гражданина, также он имел прекрасные связи в немецкой общине Санкт-Петербурга.

Капгер привнес в телеграфный бизнес «Сименс и Гальске» знание местных особенностей и помог в установлении контактов в России. Но о телеграфной технике он понятия не имел. Капгер принадлежал скорее к старшему поколению, которому было трудно свыкнуться с серьезными изменениями эпохи индустриализации. Прусского офицера-артиллера и основателя компании Вернера Сименса он мог считать авторитетом, однако это не относилось к его младшему брату Карлу, который должен был возглавить бизнес «Сименс и Гальске» в России в юном возрасте – в 24 года. Оба – Карл и Капгер – имели доверенности на представительство фирмы и при решении важных вопросов должны были советоваться друг с другом. Последнее слово в договорных вопросах оставалось за Вернером в Берлине. Конфликт был ожидаем, потому что старший по возрасту Капгер с самого начала претендовал на руководство российской компанией «Сименс и Гальске».

Осенью 1854 года конфликт обострился. Карл был занят строительством телеграфной линии на юге России. Он мог приезжать в столицу лишь изредка и с большими сложностями. Капгер использовал отсутствие своего молодого партнера и представлял себя в качестве

единственного управляющего фирмы «Сименс и Гальске» в России. В ноябре Карл пожаловался Вернеру, что Капгер стал во время его отсутствия в Санкт-Петербурге «слишком заносчив»¹⁸. Но он старался «держаться удар» и показать всем, кто «играет первую скрипку»¹⁹ в российском бизнесе компании «Сименс и Гальске». После Нового года ситуация еще более ухудшилась, когда Капгер без согласования провел переговоры с графом Клейнмихелем. В начале февраля 1855 года Карл писал Вернеру: «Осел [Капгер] делает все так, будто он реальный бизнесмен, и большинство людей уже верят в это. Он относился ко мне как к своему служащему [...]. Ну, подожди!»²⁰. Вернер из Берлина пытался сгладить острые углы. Однако Капгер и его ставил на место.

В таких обстоятельствах юному Карлу отстаивать свои позиции было совсем нелегко. Вернер справедливо подчеркивал неоценимое значение Капгера для развития и быстрого успеха телеграфного бизнеса в России:

«Я настоятельно прошу тебя, дорогой брат, обдумать свои отношения с Капгером и быть очень осторожным. [...] Это стало бы тяжелой потерей для нас, если бы мы вследствие споров, которые сами создают основу для их продолжения, вынуждены будем лишиться его знания местных особенностей и его гибкости в бизнесе!»²¹.

В предупреждении Вернера был большой смысл. Если бы Карл три года назад нашел таких хороших деловых партнеров в Париже, его жизнь сложилась бы совсем по-другому.

Свадьба

Чтобы разрядить напряженные отношения между Карлом и Капгером, Вернер весной 1855 года приехал в Санкт-Петербург и осуществил крупную реорганизацию компании²². Карл, который незадолго до этого стал новым компаньоном в телеграфно-строительной фирме, получил должность единственного руководителя российского отделения. Капгер должен был полностью отстраниться от текущих дел. Поскольку бизнес выходил на первый план, были четко определены компетенции, и строительство оставшейся части телеграфных линий пошло своим чередом, без особых волнений. Однако отношения Карла с Капгером должны были кардинально измениться благодаря предстоящему личному событию.

О знакомых женщинах Карла до 1855 года нет никакой информации. В письмах начала 1850-х гг. (а их было много) нет ни одного намека на особый интерес – ни в Берлине, ни в Лондоне, ни в Париже. По признанию его невестки Матильды, у Карла даже в возрасте 25 лет не хватало «опыта в обращении с женщинами», и светские мероприятия были для него «скорее скучной работой, чем развлечением»²³. Единственным исключением была фройляйн Мария, дочь Капгера, с которой он с момента приезда в Санкт-Петербург регулярно виделся. Но были ли у него особые чувства к Марии, из писем неясно. На Рождество 1853 года Карл подшучивал над образом жизни дочери из богатой семьи. Найти ей подарок трудно, писал он Вернеру, потому что у нее «уже всего в избытке»²⁴.

Весной 1855 года его отношение к Марии несколько изменилось, но Карл ничего не писал об этом в своих письмах. И неожиданное объявление о помолвке застало врасплох даже Вернера, который как раз приехал по делам в Санкт-Петербург. Переполненный эмоциями, старший брат написал своей жене Матильде:

«Как жаль, что ты не могла вместе со всеми порадоваться этой помолвке. Карл, должно быть, баловень судьбы, вся его жизнь подтверждает это. Порядочный, добрый и верный, работающий и самоотверженный, он смог легко и быстро, без лишних волнений найти свое счастье и занять столь значительное место в жизни. Таких девушек, какую он завоевал, не так много, я думаю. Высокообразованная, но при этом очень скромная, хороша, нежна и любезна, она безгранично любит Карла и посвящает себя ему. Это действительно редкая жемчужина, которую он нашел для себя! [...] я чувствую отцовскую радость, когда вижу, как застенчивая молодая девушка превращается в нежно любящую и полностью преданную невесту и как обычно флегматично-спокойный Карл, открываясь миру, теперь светится от счастья. Мне доставляет удовольствие смотреть на эту молодую красивую пару»²⁵.

Лето 1855 года было для Карла идеальным временем, чтобы жениться. В 26-летнем возрасте, осуществив ряд успешных проектов и став партнером телеграфно-строительной компании, он уже мог обзаводиться семьей²⁶. Было решено, что в ближайшие годы он будет вести бизнес в Российской империи. Санкт-Петербург стал центром его новой жизни, что значительно облегчило планирование семьи.

Двадцатилетнюю Марию он знал уже в течение почти двух лет. Несмотря на деловые конфликты с Капгером, между Карлом и Марией возникла искренняя симпатия. И хотя Мария была дочерью мно-

Мария Сименс (1819–1902),
супруга Иоганна Георга Сименса

голетнего делового партнера, речь не шла о браке по расчету. Напротив, письма Карла в последующие годы доказывают, что он испытывал глубокую любовь к жене. Вернер познакомился с Марией во время своих предыдущих поездок в Россию, и она ему очень понравилась. После возвращения в Берлин он написал 15 августа 1855 года младшему брату: «Твоя милая и прелестная невеста, по-видимому, уже сейчас жемчужина и талисман твоей жизни, и так будет и дальше!»²⁷.

Однако свадьбу пришлось отложить. Произошла незапланированная задержка, поскольку Карл не смог вовремя собрать необходимые документы для вступления в брак. Как подданный герцогства Мекленбург-Штрелиц, он должен был предъявить официальный «сертификат происхождения». Как оказалось, и с увольнением с военной службы у Карла было не все в порядке²⁸. Назначенному судом опекуну сестер и братьев в Менцендорфе пришлось заплатить штраф. Дело вызвало там такой большой резонанс, что о Карле даже сообщалось в газетах. Старший брат Ганс должен был лично урегулировать проблему в ратуше в Шёнеберге, поэтому свадьба не могла, как планировалось, состояться в октябре. Карлу всегда было трудно справляться с бюрократией, и в последующие годы она отравляла ему жизнь снова и снова при организации им предприятия. В начале октября он писал Вернеру:

«Я не думаю, что все сдвинулось бы с места без этого [сертификата о происхождении]. Я специально не спрашивал, потому что тот, кто задает много вопросов, получает много ответов»²⁹.

Свадьба, наконец, состоялась 24 ноября 1855 года. Вернер, к его большому сожалению, не смог на ней присутствовать, но послал младшему брату длинное письмо с добрыми пожеланиями:

«От всей души желаю тебе счастья и благополучия на этом наиболее важном этапе твоей жизни. Пусть небо подарит вам обоим крепкое здоровье, и тогда будет счастье, так как только оно способно дать наивысший расцвет настоящей взаимной привязанности двух благородных и чистых сердец, за это я вам ручаюсь! Не нужно принимать во внимание внешние заботы и волнения, и тогда только счастье и мир будут в вашем доме! Ты пишешь, что здоровье твоей невесты не позволяет ей совершить путешествие зимой. Береги ее здоровье как твое самое ценное сокровище! Пусть из-за легкомыслия она не утратит его безвозвратно!»³⁰.

После свадьбы молодожены переехали в квартиру в недавно купленном доме на Васильевском острове³¹. Карл и Мария жили на втором этаже. Во флигеле осталось место для служащих, а на первом этаже была оборудована мастерская телеграфно-строительной компании. Карл взял на себя расходы на ремонт, а Мария получила в приданое мебель. В течение нескольких недель после свадьбы молодая пара принимала множество поздравлений³².

В начале лета 1856 года Карл и его жена совершили первую совместную поездку в Германию – он не был на своей старой родине почти три года. Семья Сименс приняла Марию очень хорошо, хотя к ее происхождению сначала относились с большим скепсисом. В июле жена двоюродного брата Иоганна Георга Сименса написала сестре Карла Матильде: «Она [Мария] мне очень понравилась, и я думаю, что у нее есть только один недостаток: быть дочерью Капгера, т. к. испытываю к этому роду настоящее отвращение»³³.

Другой образ жизни

Судя по переписке братьев Сименс, Капгеры были очень довольны зятем, хотя с точки зрения семьи банкира это замужество и не совсем соответствовало происхождению и статусу Марии. Несмотря на по-

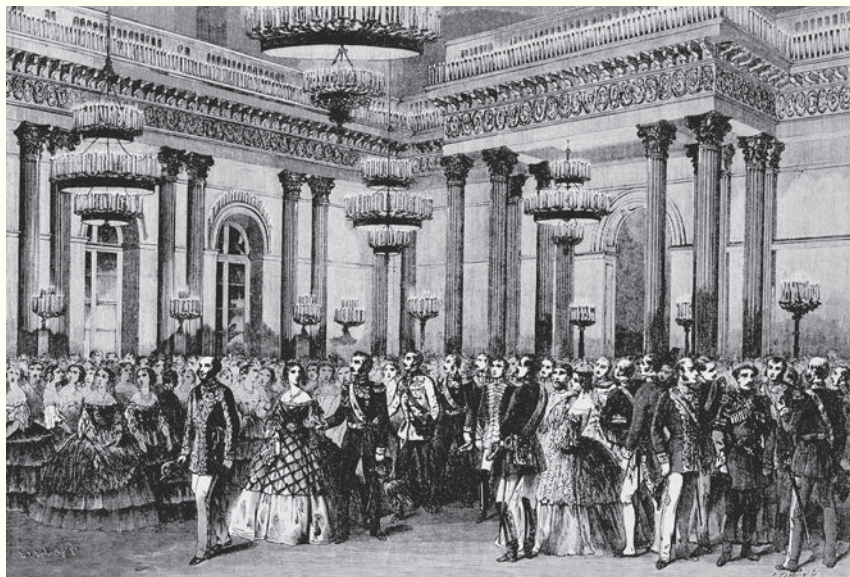
стоянные деловые разногласия, Карл, судя по всему, был симпатичен родителям жены. И что еще важнее для Германа Капгера, он был партнером в успешной развивающейся компании. Благодаря серьезному потенциалу «Сименс и Гальске» брак его дочери и молодого мекленбургца был выгодным также и с финансовой точки зрения.

Жена любила и уважала Карла. Через несколько дней после свадьбы он написал Вернеру: «Ты не поверишь, что у моей Марии разумные взгляды; и я рад каждый день узнавать что-то новое [...]»³⁴. Но Карл с некоторым беспокойством присматривался к их семейному укладу. Мария, в отличие от братьев Сименс, происходила из богатой семьи. Она привыкла к роскошному образу жизни в высшем обществе Петербурга. Карл, наоборот, уже через два года жизни в столице России испытывал к этой роскоши «большое [...] отвращение»³⁵, как он писал Вернеру в октябре 1855 года. Он стремился, в лучших традициях семьи Сименс, к «скромному образу жизни», даже «если старик [Капгер] из-за этого встанет с ног на голову»³⁶. Его молодая жена, как надеялся Карл, будет на его стороне:

«Я сам по натуре очень экономный, и мне жаль бесполезно потраченных денег; Мария, напротив, не имеет ни малейшего представления о ценности денег, но будет учиться»³⁷.

Темы денег и образа жизни играли в письмах братьев перед свадьбой чрезвычайно важную роль. Женитьба Карла на дочери Капгера означала весьма заметное продвижение по социальной лестнице и затмила собой женитьбу Вернера на дочери кенигсбергского профессора Матильде Друман. Другие братья и сестры заключили браки с представителями буржуазии, однако ни у кого из них не было столь богатого и респектабельного свекра или тестя, как Герман Капгер. Из берлинского далёка Вернер с озабоченностью следил за тем, как Карл справляется с этими переменами в своей жизни. В письме к младшему брату он выразил опасение, что Карл будет «относиться ко мне и ко всем нам презрительно и станет хвастливо-расточительным»³⁸. Вернер настойчиво напоминал, что Карл «не получил по наследству никакого капитала и должен [будет] жить целиком и полностью за счет результатов собственного труда»³⁹. Свое длинное письмо от 30 сентября 1855 года Вернер заканчивает советами о проведении медового месяца:

«В связи с этой поездкой тебе, дорогой Карл, придется держать в уме все целесообразное и практичное. От всего сердца я желаю вам приятного

Придворный бал в Санкт Петербурге. 1861 г.

и беззаботного путешествия, желаю увидеть половину или даже весь мир! Однако и здесь нужно сохранять холодный ум и здравый рассудок. Тебе, как новому, самому молодому члену нашей компании, необходимо своей напряженной и полезной работой служить интересам фирмы. Между компаньонами постоянно должно быть совпадение во взглядах на общую деятельность и образ жизни, если цель – искреннее согласие. Гальске и я всегда жили интересами нашего бизнеса. Мы оба пока так и не узнали, что такое действительно развлекательное путешествие. [...] Ты в общем и целом должен идти в том же направлении, иначе, дорогой Карл, внутреннего сердечного согласия между нами не будет. Кстати, для молодого человека, такого как ты, недостойное занятие – в течение долгого времени предаваться *dolce far niente* (сладкому ничегонеделанию. – *Ред.*). По мере привыкания очень легко теряется и удовольствие от работы, и все же настоящее счастье дает только та работа, которая делалась с удовольствием. Бесконечное наслаждение достаточно быстро делает жизнь скучной и лишает ее истинной радости»⁴⁰.

Дисциплина, бережливость и чувство ответственности играли чрезвычайно важную роль в сознании Вернера. Только благодаря этим качествам ему и Гальске удалось за несколько лет превратить телеграфно-строительную фирму в крупную компанию с несколькими сотнями сотрудников. В заботе о Карле Вернеру казалось, что младший брат недооценивает трудовую

мораль. На полях письма Вернера есть приписка Карла: «Всё фантазия. Я даже не собирался в свадебное путешествие и спокойно остался дома»⁴¹.

Карл еще до свадьбы говорил о том, что его образ жизни будет совсем другим, чем у родителей жены. Он хотел бы «найти иной подход», как он писал брату, с чем «Мария полностью согласна»⁴². То же самое было с отделкой и обстановкой новой квартиры: молодая пара пыталась предложить свои идеи, но они встречали сопротивление со стороны тестя и тещи. С горечью Карл жаловался Вернеру на «ненужные безделушки»⁴³, которые родители жены выбрали для квартиры. Это было ему «абсолютно ненавистно», и он предпочел бы переехать в «крестьянский дом»⁴⁴. Герман Капгер все время вмешивался в обустройство квартиры, что приводило к постоянным ссорам. Тесть должен, наконец, осознать, «что между сыном и зятем существует огромная разница»⁴⁵, – так сердито писал Карл Вернеру.

Эмоциональные нагрузки и привыкание к семейной жизни в Санкт-Петербурге огорчали Карла гораздо меньше, чем трудности в делах. За несколько недель до свадьбы он жаловался в письме Вернеру, что из-за всей этой суеты он стал «нервным, как старуха»⁴⁶ и что он может от «нервного истощения [...] сильно заболеть»⁴⁷. В связи с реальными или воображаемыми травмами спины Карл писал брату в Берлин:

«Я хочу надеяться – прежде всего ради моей дорогой Марии, – что мой страх был напрасным и мне снова станет лучше, потому что было бы слишком ужасно, если бы я сделал несчастной ту, которую хотел осчастливить»⁴⁸.

Врач-консультант в Санкт-Петербурге сказал, что симптомы заболевания свидетельствуют только «о бесконечных волнениях в предсвадебный период»⁴⁹ и что все пройдет само собой. Вернер также успокоил Карла: «Как можешь ты, сильный солидный мужчина, жаловаться на болезнь позвоночника! [...] То, чему ты придаешь такое большое значение, является маленькой неприятностью, и это доказывает мне, что ты действительно болезненно и очень сильно влюблен!»⁵⁰.

Родина – Санкт-Петербург?

По-видимому, в Санкт-Петербурге осенью 1855 года Карл обрел свое счастье. Бизнес до тех пор развивался прекрасно, только за счет

15-процентной доли в строительстве телеграфных линий он заработал немалую сумму денег. Как технический эксперт и главный исполнительный директор фирмы «Сименс и Гальске», крупнейшей электротехнической компании в Российской империи, Карл заслужил признание в столице России. Недаром же граф Клейнмихель высоко ценил своего «прусского инженера Сименса». В Санкт-Петербурге к Карлу пришло семейное счастье: свадьба с Марией была началом супружества двух любящих сердец. Всего за два года в России его жизнь изменилась полностью.

Но чувство родины, чего так желал Вернер для брата, предполагало более глубокие эмоциональные связи и культурную идентификацию, которые в России у Карла не появились⁵¹. Он оставался подданным Великого герцогства Мекленбург-Штрелиц и не сделал ни одного шага для интеграции в российское общество. В Санкт-Петербурге он общался почти исключительно внутри немецкой общины и даже спустя десятилетия говорил по-русски очень плохо⁵². В то же время с возрастом он отходил все дальше от своей немецкой родины. В письме Вернеру в июне 1882 года он обратил внимание на склонность немцев к «догматизму», которая, вероятно, стала «основной причиной их непопулярности за рубежом»⁵³.

К столице России у Карла было двойственное отношение. С одной стороны, он любил космополитическую атмосферу Санкт-Петербурга. С другой стороны, город был во власти государственных чиновников и аристократии, что ему нравилось гораздо меньше. Сравнения со значительно более крупными городами – Парижем и Лондоном – Санкт-Петербург не выдерживал, и уже через несколько месяцев после приезда в столицу России Карл написал Вернеру: «Я очень счастлив, что могу снова уехать отсюда, потому что начинаю здесь ужасно скучать. Нет более скучного места, чем Петербург, и нет более скучных людей, чем петербуржцы»⁵⁴. Да еще и погода доставляла Карлу все больше хлопот. Во время долгих зимних месяцев властвовали сильные морозы. Летом часто было дождливо и сыро. В своих проблемах со здоровьем в более поздние годы Карл обвинял петербургский «собачий климат»⁵⁵.

Кроме того, Карл, как и многие иностранцы в царской России, должен был преодолевать серьезные проблемы с культурной адаптацией⁵⁶. Русский национализм все больше был направлен против иммигрантов из Западной Европы. Иностранцы протестантского или католического вероисповедания нередко подвергались религиозной

Карл фон Сименс.
Около 1860 г.

дискриминации со стороны православной церкви. Для предпринимателей, в том числе для Карла, к этому добавлялось непонимание правовых и культурных особенностей, что затрудняло интеграцию в российское общество. С правовой точки зрения предприниматели в России до конца XIX века принадлежали к купеческому сословию и должны были стать членами купеческой гильдии⁵⁷. Российское общество было традиционным и все еще в основном опиралось на сельское хозяйство, поэтому торговцы, нацеленные в первую очередь на получение прибыли, сталкивались с активным неприятием. Большая часть населения встречала экономические, социальные и политические изменения со скепсисом. Она испытывала серьезное недоверие и опасалась деградации страны⁵⁸.

Вернер Сименс, находившийся в Берлине, с такими проблемами не сталкивался. Для него завершение строительства телеграфной линии в России имело два основных результата. Во-первых, была создана телеграфно-строительная компания «Сименс и Гальске», благодаря чему удалось вырваться из зависимости от контрак-

тов прусского правительства, сделать бизнес международным и значительно расширить его. Россия, таким образом, стала «финансовой родиной»⁵⁹ компании, как через несколько лет он писал Вильгельму. Кроме того, для Вернера много значило то, что его младший брат обрел в Санкт-Петербурге цель жизни и семейное счастье. К 3 марта 1856 года – дню, когда Карлу исполнилось 27 лет – он послал поздравление в столицу России:

«Хотел бы пожелать тебе многие лета, чтобы они принесли столько хорошего, сколько предыдущие! Над тобой, дорогой брат, светит счастливая звезда! Ты еще молод и полон сил и можешь достичь того, что подскажет твое сердце и, возможно, желание. Я думаю, что теперь тебе не надо быть Ганнибалом в Капуа, и твое деятельное движение вперед не ослабеет, а продолжится более чем когда-либо!»⁶⁰.

Переориентация после 1855 года

Карл продолжил свое «движение вперед»¹, как и надеялся Вернер, и с увлечением отдавался работе. Свадебного путешествия не было, через несколько дней после церемонии он снова приступил к делам. В январе 1856 года Карл написал Вернеру, что Мария «очень недовольна тем, что видит меня за целый день только на завтраке»².

Между тем Карлу приходилось планировать работу в кардинально изменившихся условиях. В течение двух предыдущих лет Российская империя, исходя из военно-стратегических соображений, инвестировала значительные средства в строительство современной телекоммуникационной сети, но теперь политическая ситуация изменилась. После длительной осады в сентябре 1855 года пала крепость Севастополь. Ее захват войсками союзников – Британии, Франции и Османской империи – стал началом поражения России в войне. В марте 1856 года в Париже было подписано мирное соглашение, которое приостановило дальнейшую русскую экспансию на юг.

Для России неудача в Крымской войне стала шоком³. Всего 40 лет назад победами над Наполеоном Российская империя доказала, что может конкурировать с великими европейскими державами. Поражение 1855 года развеяло ореол былой славы. Более того, стало ясно, что царская Россия за последние десятилетия отстала от процесса глубоких перемен, происходивших в Западной Европе.

Николай I не пережил неудачу России. Он скончался 2 марта 1855 года, и на престол взошел его сын Александр II. Новый император ничего не мог противопоставить сложившимся обстоятельствам.

На фото: младшая дочь Карла – Мария Элизабет Агнес (1860–1939), которую в семье называли Маруша. Без даты

И все же усилия по модернизации страны при Александре II получили необходимый импульс. Наступила новая эра, и Россия подвергалась серьезным реформам, каких она не видела 150 лет – со времен Петра Великого⁴.

Для Карла и телеграфно-строительной компании «Сименс и Гальске» смена правительства означала серьезные перемены. Строительство русского телеграфа во время Крымской войны финансировалось по инициативе графа Клейнмихеля, которому Карл доверял и который в критических ситуациях вновь и вновь обращался к «прусскому инженеру Сименсу». При Александре II положение графа изменилось: он лишился своего места руководителя телеграфного ведомства. Это была серьезная потеря для Карла, хотя работать с ним не всегда было просто. Расстроенный, он написал в январе 1856 года Вернеру, что взаимоотношения с преемником Клейнмихеля Константином Чевкиным были крайне сложными: «Граф был все же лучше!»⁵.

С Чевкиным у Карла отношения не складывались. Этот человек был «действительно тем, кто персонально мешал прогрессу с той целью, чтобы никакая, даже не очень успешная, компания не могла работать»⁶, жаловался он брату. И все же новая политика в области телеграфостроения объяснялась скорее не враждебностью Чевкина к прогрессу, а попыткой российского государства освободиться от зависимости от фирмы-монополиста «Сименс и Гальске». Строительство новых телеграфных линий во второй половине 1850-х гг. Россия осуществляла в значительной степени своими силами, при этом переманивая специалистов, обученных фирмой «Сименс и Гальске», более высокой заработной платой⁷. Вернеру оставалось только язвительно комментировать, что, по крайней мере, они «в 100 раз лучше строят, чем их конкуренты»⁸. Как следствие, для «Сименс и Гальске» в телеграфном бизнесе России наступило затишье⁹. Уже в марте 1856 года Карл сообщал в Берлин: «В делах сейчас тишина, даже более того – полнейшая тишина»¹⁰. Год спустя в письме Вернеру чувствуется его подавленное состояние:

«Я, вероятно, мог бы иметь здесь еще другие занятия. Телеграфное дело стало очень скучным и напоминает шарманку, которую я обязан крутить»¹¹.

После двух весьма успешных лет строительства телеграфа в России Карл Сименс вынужден был приступить к длительным поискам новых проектов.

Подданный царя

Денег для финансирования новых идей было достаточно, контракты на ремонт по-прежнему приносили компании высокую прибыль. В марте 1857 года Карл с удовлетворением сообщил Вернеру, что компания «Сименс и Гальске» может «в целом быть очень довольна российским отделением, так как вложенный капитал все время растет»¹². Треть доходов от ремонтных работ поступала в резервный фонд компании, остальные шли на развитие бизнеса. Весной 1860 года Карл написал в связи с ожидаемыми прибылями от ремонта: «Теперь я просто не знаю, что мне делать с деньгами»¹³.

Изменение стратегии компании изначально было затруднено тем, что даже после свадьбы Карла с Марией амбиции Германа Капгера в отношении фирмы не уменьшились. Тесть Карла с большим упорством продолжал вмешиваться в повседневную деятельность петербургского отделения «Сименс и Гальске» и доставлял новоиспеченному зятю много проблем¹⁴. В 1855 году Вернер опрометчиво заключил новое консалтинговое соглашение с Капгером, который теперь настаивал на буквальном исполнении договора и не хотел полностью передавать компанию Карлу. При этом Капгер, как гневно писал Вернеру в октябре доверенное лицо фирмы Вильям Мейер, «не делал ничего для нашего технического бизнеса»¹⁵. В то же время банкир регулярно прикарманивал значительную долю доходов. Летом 1856 года терпение Вернера, наконец, лопнуло. Находясь на курорте в Бад-Райхенхалле, он написал Карлу:

«Я все больше и больше убеждаюсь в том, что его [Капгера] неправильно оценивал, и мне стыдно за заключенный с ним такой неблагоприятный для нашего дела контракт. [...] Факты говорят о моем заблуждении. [...] За дело нужно бороться, в противном случае ты, да и мы, никогда не будем спокойны. Мне на самом деле жаль, что это затрагивает тебя, а скорее, твою жену. Так, как было до сих пор, больше не будет: мы с Гальске полны решимости положить конец вечным отвратительным спорам вокруг того, что кому принадлежит. Мы всегда ведем дела на [нашем] предприятии эффективно и на обоснованные притязания других обращаем внимания больше, чем на свои собственные. Отношения с К[апгером] подошли к концу, русские предприятия начинаем заново, как бы нам это ни было противно!»¹⁶.

Карл столкнулся с большой проблемой, потому что деловые разногласия оказывали непосредственное влияние на семейную жизнь

молодоженов. Руководящий персонал «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге был убежден, что Карла «подставил старик»¹⁷. Капгер в свою очередь жаловался «с горечью обеим дамам [Марии и теще Карла]»¹⁸ на предполагаемое недоверие своего зятя. Мария тоже оказалась в сложном положении, так как она была втянута в конфликт между отцом, мужем и деловыми интересами «Сименс и Гальске».

Из писем Вернера видно, что в Берлине в это время не вполне были уверены в том, что Карл сможет осуществить все замыслы. В течение летних месяцев конфликт продолжал тлеть, пока, наконец, в сентябре 1856 года Вернер не написал последнее наставление младшему брату:

«В доме должна управлять женщина, в делах же это не годится, иначе получится, что мужчину держат под каблуком, а это не делает ему чести! [...] А ты – мужчина! Весь мир, твой тесть и прежде всего твоя жена не считают тебя достаточно самостоятельным и сильным человеком. Твои подчиненные практически уверены, что ты попадешь под каблук, если еще не там. [Капгер] бросил тебя как раз перед тем, как ты начал вытаскивать каштаны из огня, и он будет горд и счастлив, если его зять сам протянет ему белый флаг, и он всегда будет внутренне доволен тем, что произошло. Оставь свои несчастные накопления, будь в любой момент готов к действиям, а когда это необходимо, и к гневу, не говори ни ему, ни жене, ни кому-либо еще, что тебе не нравится. [...] Дело идет не просто о твоём собственном счастье, это твой долг по отношению к твоим друзьям и подчиненным, которые построили свое счастье на доверии к нам; это процветание нашего крупного российского предприятия, которое мы доверили тебе и с которым ты справляешься! [...] Ты должен взять командование на себя и утвердить свой авторитет хозяина и руководителя!»¹⁹.

Наставления Вернера сработали. Уже в следующем году Карл договорился с тестем, и они пришли, наконец, к соглашению отделить бизнес от частной жизни. В июле 1857 года он писал Вернеру: «С тех пор как прекратились раздоры, связанные с деловыми вопросами, мы живем в полном согласии, и у меня нет поводов жаловаться на поведение семьи по отношению ко мне»²⁰.

С уходом из компании Германа Капгера появились, однако, новые проблемы. Российские законы налагали жесткие ограничения на деятельность иностранных предпринимателей. Это в первый раз стало очевидным в 1856 году, когда Вернер и Карл обсуждали подготовку к выводу на российский рынок сконструированной Вильгельмом и Фридрихом регенеративной печи, которая позволяла уменьшить по-

требление энергии при производстве стали благодаря использованию тепла отходящих газов. Для этого нужно было сначала защитить патентные права²¹. Однако было непонятно, сможет ли Карл как иностранец вообще зарегистрировать патент.

Предприниматели должны были состоять в купеческой гильдии, чтобы беспрепятственно осуществлять свою деятельность в России²². До сих пор это требование закона для телеграфно-строительной компании «Сименс и Гальске» не играло никакой роли, так как Герман Капгер был членом купеческой гильдии Санкт-Петербурга. У Карла, правда, были хорошие отношения с царским двором, чиновниками и крупной петербургской буржуазией, но ему, иностранцу, было отказано в осуществлении прав, требующихся для руководства компанией. В декабре 1856 года Карл впервые написал о том, что в случае необходимости он должен будет – как и его тесть – «стать финном»²³ и, следовательно, подданным царя. Великое княжество Финляндское входило в состав Российской империи, но сохраняло значительную автономию, а также свою государственную религию – евангелическо-лютеранскую. В 1858 году Карл подал прошение о предоставлении ему гражданства Финляндии, которое через год было удовлетворено. 30 декабря 1859 года он написал Вернеру: «Моя финнизация завершена, и с 1 января мы – купцы первой гильдии»²⁴. Это был прагматичный шаг из чисто коммерческих соображений, который у теперь звавшегося Карлом Федоровичем Сименсом немецкого патриота не был связан ни с какими эмоциями²⁵.

Несостоявшиеся заказы

Благодаря принятию Карла в петербургскую купеческую гильдию были созданы необходимые правовые предпосылки для дальнейшего развития бизнеса. Политические условия для «Сименс и Гальске» в России также казались обнадеживающими, несмотря на все проблемы с Чевкиным. Новое правительство Александра II с большой энергией начало ломать застарелые общественные устои и содействовать экономической модернизации. Отмена крепостного права в 1861 году освободила миллионы крестьян из многовековой кабалы. Одновременно Александр II форсировал индустриализацию страны, при этом центральную роль должны были играть железные дороги²⁶.

Император проявлял большой интерес к техническому прогрессу. В марте 1861 года Карл был представлен ко двору, чтобы объяснить самому Александру II принцип работы электрического телеграфа. «Аппарат понравился ему чрезвычайно: «C'est charmant, c'est tres jolie» (это замечательно, это очень хорошо. – *Ред.*), – повторил он несколько раз»²⁷, – написал Карл Вернеру и добавил: «Я должен был ему объяснить, как телеграфировать, и он собственноручно сделал несколько попыток»²⁸.

На практике, однако, амбициозные реформы нового императора столкнулись с серьезными проблемами. С отменой крепостного права зависимость крестьян от помещиков не закончилась. Политическая власть осталась в руках правящей аристократии, а городская буржуазия находилась в зачаточном состоянии. Амбициозные планы по индустриализации российского государства также не удалось реализовать. В 1865 году, через 10 лет после окончания Крымской войны, в царской России было всего 3800 километров железных дорог. В то же время железнодорожная сеть в США уже составляла 56 500 километров, в Великобритании – 21 400 километров и в германских государствах – как минимум 13900 километров²⁹. Правительство надеялось на быструю модернизацию России, но дело двигалось слабо. Особенно невыгодным для компании «Сименс и Гальске» было медленное расширение железнодорожной сети, которое, в отличие от других стран, не повлекло за собой инвестиций в строительство телеграфа.

Поскольку основной бизнес переживал застой, Карл вскоре начал задумываться о дальнейшем развитии компании. У него были хорошие связи в государственных структурах, а благодаря своей способности завоевывать доверие он наладил тесные контакты с работающими в России предпринимателями немецкого происхождения. Среди его знакомых были такие влиятельные люди, как текстильный фабрикант Людвиг Кноп – один из самых известных предпринимателей в Российской империи, владелец торгового дома Вогау, или Александр Штиглиц – глава петербургского банка «Штиглиц и Ко» и придворный банкир царя³⁰.

В самом начале периода великих реформ, когда предпринимательское сообщество было полно энтузиазма, Карл заразился оптимизмом своих знакомых. В марте 1857 года он подал заявку на регистрацию в России патента Вильгельма на регенеративные печи и надеялся в ближайшие годы заниматься инвестированием в производство стали³¹. Летом 1858 года он рассматривал возможность аренды металлургического завода к северо-востоку от Москвы и провел собственные эксперименты

Крепость Кронштадт около Санкт-Петербурга

с металлическими сплавами³². Вместе с братьями Гансом и Фридрихом, который за два года до этого основал в Дрездене компанию по производству печей, он думал о том, как выйти на этот рынок. В октябре 1858 года Карл запланировал приобрести участок земли с месторождениями железной руды на Южном Урале, однако Вернер удержал его от этого³³.

К концу десятилетия Карл сконцентрировался на коммерческом представительстве. Он изучал возможности для импорта техники из Западной Европы и в 1858 году возглавил отделение вновь созданной компании «Вулкан-Гезельшафт» (Vulcan-Gesellschaft) из города Штеттин по продаже судов и локомотивов для царской России³⁴. Карл выяснял у Вильгельма, хотел бы тот участвовать в поставке труб для строительства водо- и газопровода в Санкт-Петербурге³⁵. В России новые компании возникали «как грибы после дождя»³⁶, и это был шанс, который братья Сименс обязательно должны были использовать: «Поскольку здесь преуспевают почти только крупные предприятия, я действительно не вижу никаких причин, почему мы должны заниматься маленькими, на которые требуется столько же времени и усилий»³⁷.

В 1860 году Карл раздумывал, не поучаствовать ли ему вместе с берлинским предпринимателем Луисом Шварцкопфом в перестрой-

ке Кронштадтской крепости. В письмах братьям упоминалась также тема строительства и развития собственного производства литой стали в России³⁸. От российского правительства Карлу была обещана 10-летняя монополия при условии, что он возьмет на себя изготовление пушек. Однако это предложение не было реализовано³⁹. Некоторое время Карл раздумывал о покупке оружейного завода под Кронштадтом, но так и не осуществил эту идею⁴⁰. Зато выведение на рынок аппарата по измерению количества спирта оказалось успешным, по крайней мере в долгосрочной перспективе. В ходе налоговой реформы в 1860 году российское государство ввело налог на алкоголь, который вскоре составил значительную часть налоговых поступлений⁴¹. По предложению Карла фирма «Сименс и Гальске» начала в Берлине производство собственного прибора для измерения количества спирта, который государственные органы использовали для определения размера налога. Вернер постоянно совершенствовал спиртометр. Однако он принес экономический успех только спустя 10 лет, в 1872 году, когда братья основали в Берлине компанию под названием «Братья Сименс и Ко» (Gebrüder Siemens & Co.) для производства такой аппаратуры⁴².

Карл тратил много времени на свои многочисленные побочные проекты, но без ощутимых результатов. В то же время телеграфно-строительная компания «Сименс и Гальске» не получала никаких новых заказов и почти полностью занималась ремонтом телеграфа. С переходом от проектирования и строительства на техническое обслуживание построенных телеграфных линий компанией «Контрагенты по ремонту и постройке императорских русских телеграфов» у Карла не было ничего, кроме головной боли. Расстроенный, он писал в ноябре 1860 году Вернеру о телеграфно-строительной компании «Сименс и Гальске» в России: «Теперь это все более становится купеческим занятием. Меня порой не хватает даже на удовлетворительную работу [...]»⁴³.

Новые направления бизнеса

Несмотря на недавние успехи, Карл теперь настойчиво искал новые возможности для развития бизнеса и все больше и больше отходил от телеграфной техники. В июле 1861 года он сообщил Вернеру, что купил имение Хмелево недалеко от озера Ильмень, примерно в 200 ки-

лометрах к югу от Санкт-Петербурга⁴⁴. С начала весны он вел переговоры с владельцем – акционерным обществом, которое собиралось открыть в имении металлургический завод. Карл с восторгом писал Вернеру, что покупка 900 гектаров земли недалеко от деревни Горюдок – это, «безусловно, блестящий бизнес»⁴⁵. Хмелево находилось в одном дне пути от Санкт-Петербурга, туда удобно было добираться на пароходе, поэтому оно было пригодно «для размещения любого заводского помещения»⁴⁶. На территории имения уже был цех, который вполне мог быть использован для производства стекла. Случайно там оказался немецкий стеклодув, который сразу приступил к работе. Кроме того, имение прекрасно подходило для сельского хозяйства.

Вернер поначалу отреагировал скептически, но к этому времени он сам уже провел переговоры об участии в стекольном заводе в Саксонии, который хотел создать его брат Ганс. Производство стекла в начале 1860-х гг. казалось делом перспективным, так что компании в России тоже имели хорошие шансы⁴⁷. В последующие месяцы Карл неоднократно писал восторженные письма о своей недавно приобретенной недвижимости. «Регулярная и хорошая прибыль» в производстве стекла была очевидна, и Хмелево могло стать надежным источником дохода еще и «для внуков», как было сказано в одном из писем января 1861 года⁴⁸. Во время поездки в Англию осенью того же года он подробно обсуждал со своими братьями Вильгельмом и Фридрихом технологию работы с плавильными печами и процесс изготовления стекла. В Хмелеве Карл построил современную стекловаренную печь по проекту Фридриха и уже планировал будущее расширение стекольного бизнеса.

Но его энтузиазм вскоре иссяк, так как он понял, что ошибся в квалификации своего стекольщика. К тому же печь Фридриха еще нуждалась в усовершенствовании, и из-за этого возникали постоянные технические проблемы⁴⁹. Осенью 1862 года пожар уничтожил здание фабрики, которое Карл по халатности не застраховал. В подавленном состоянии он писал в октябре Вернеру:

«Эта последняя пощечина по-настоящему сильно подействовала на меня. Образ руин нашего завода, такого красивого, преследует меня днем и ночью, и я не могу себе простить той глупости, что не застраховал здание. [...] Мне было бы необычайно приятно, если бы ты захотел приехать хоть на несколько дней, ведь так много нужно еще выяснить и обсудить, есть еще так много вещей, которые я не хотел бы делать на свой страх и риск. Слишком многое мне не удалось в этом году»⁵⁰.

Но на этот раз Карл не мог рассчитывать на поддержку старшего брата, который был слишком занят в Берлине, чтобы еще и заботиться о строительстве стекольного завода в России. Весной 1864 года Генрих Сименс, дальний родственник, взял на себя управление имением и стекольным заводом⁵¹. И все же ситуация в Хмелеве в последующие годы ухудшилась. В течение двух лет цены на стекло упали почти на треть, в результате достигнутая раньше рентабельность была сведена к нулю, что привело к значительным потерям⁵². С бизнесом в Хмелеве «дела плохи»⁵³, писал Карл Вернеру в феврале 1864 года, но он не намерен был легко сдаваться. Чтобы сделать стекольное производство выгодным, он инвестировал капитал в новые печи и пригласил другого стеклодува, а также квалифицированного рабочего-бельгийца. Но в конце концов Карл был вынужден признать, что этот бизнес приносит только убытки. Он преобразовал завод в фарфоровое производство, где изготавливали изоляторы, а чтобы не пропадали производственные мощности – и столовую посуду. Впоследствии семья Карла использовала усадьбу как место для отдыха в выходные дни и как летнюю дачу⁵⁴.

Но не только стекольный завод был неудачной инвестицией. В начале 1860-х гг. Карл провел переговоры об участии в расширении Кронштадтской гавани, для чего требовалось большое количество древесины. В феврале 1861 года он поехал в район Нарвы, примерно в 130 километрах к западу от Санкт-Петербурга, чтобы осмотреть там лесной участок. Карл, полный оптимизма, написал в Берлин, что от деревообработки можно получить хорошую прибыль, так как владелец соседнего имения смог таким образом «стать миллионером»⁵⁵. Относительно дальнейших переговоров с Нарвой он оставил Вернера и Гальске в неведении.

И только в декабре 1861 года Вернер, изучая финансовые отчеты из России, с удивлением обнаружил, что Карл вложил значительные суммы в покупку лесопилки в Струпове, в 30 километрах к северу от Нарвы. Это особенно разозлило его, потому что были использованы средства телеграфно-строительной компании, а он и Гальске даже не были проинформированы о покупке⁵⁶. Когда Карл, наконец, в январе 1862 года объявил об этом приобретении, новость прозвучала совсем не оптимистично. Он не смог найти для Струпова компетентного руководителя. Кроме того, лесопилка требовала все новых инвестиций, что отнимало много времени и нервов⁵⁷. Струпово в течение нескольких лет оставалось финансовой нагрузкой на бизнес, так как Карлу не удалось найти покупателя. Наконец, он решил в 1868 году снести лесо-

Генрих Сименс (1828–1912),
дальний родственник Карла,
управляющий имением
Хмелево и заводом
по производству стекла
в деревне Городок к югу
от Санкт-Петербурга

пилку, чтобы, по крайней мере, избавиться от высоких эксплуатационных расходов⁵⁸. Как и стекольный завод в Городке, Струпово приносило лишь убытки. С обоими он потерпел «громкое фиаско»⁵⁹, написал Карл летом 1867 года Вернеру.

Приобретение в конце 1862 года финского имения Филпола, в которое входили обширные леса, стало третьей инвестицией Карла в бизнес, который лежал вне основной сферы деятельности «Сименс и Гальске»⁶⁰. Это предприятие также появилось под несчастливой звездой, и Карл уже в первый год сообщил своему брату Вернеру, что с Филполой он «сделал неудачную коммерцию»⁶¹. Он вынужден был продать все поголовье скота – из-за холодного и влажного климата не хватало корма на зиму. Рубка леса не оправдала себя, поскольку с имением не было железнодорожного сообщения. Карл писал брату, что он обязан «зеленым лесам [...] множеством седых волос»⁶². В середине 1870-х гг. он, наконец, продал Филполу⁶³.

Его неудачи в бизнесе стоили «Сименс и Гальске» много денег и все более тяготили Карла. «Даже ночью, во сне, я вижу только печи, стекло, лесопилку и т. д.»⁶⁴, – признался он в марте 1863 года в письме Вернеру.

Еще больше, чем финансовые потери, его тяготило понимание своей ответственности как исполнительного директора «Сименс и Гальске» в России. Когда появились первые проблемы с лесопилкой в Струпове, Карл жаловался Вернеру летом 1862 года, что «чувство ответственности» давит на него «в сто раз больше, чем потеря этих несчастных денег»⁶⁵. Старшего брата он просил о срочном совете:

«Если бы это было возможно, чтобы ты, дорогой Вернер, приехал до осени. Хотя бы на несколько дней. Громадная ответственность, которая лежит теперь на мне, связана с таким множеством невзгод, которые вряд ли можно долго выдерживать. Мне хотелось бы все обсудить с тобой. Ты должен все увидеть собственными глазами и высказать свое мнение напрямую, потому что письма вряд ли приведут к результатам. Мне здесь не у кого попросить совета, потому что все так или иначе руководствуются своими собственными интересами и тщеславием. Я больше уже никому не доверяю. Если бы я был единственным владельцем компании, то смело шел бы по своей дороге, потому что тогда ущерб я нанес бы только себе, но чувство ответственности ужасно давит, и мне очень нужно посоветоваться с тобой»⁶⁶.

Вернер дал рекомендации в письме и выслал некоторую сумму денег. Но стеклодувное дело, продажа древесины и животноводство просто не соответствовали профилю развивающейся электротехнической компании, которая требовала полного внимания со стороны каждого из акционеров. Карл потратил за эти годы на непрофильные предприятия много сил. «Я мог бы спокойно остаться в телеграфном бизнесе, – написал он в ноябре 1862 года Вернеру. – Я был глуп и каждый час проклиная свою глупость. [...] Это история про того осла, которому слишком хорошо живется»⁶⁷. Пять лет спустя он признался в письме Вернеру: «Это, пожалуй, смешно, но действительно эти проклятые дополнительные гешефты сделали меня в мыслях стариком»⁶⁸.

Превратности судьбы

Период после завершения строительства в России телеграфных линий был для Карла временем не только деловых и финансовых неудач, но и больших проблем со здоровьем. Еще перед свадьбой с Марией он неоднократно жаловался Вернеру на нервные припадки и различные физические недуги. «Со времени моей помолвки я стал ипохондриком», –

Старший сын Карла
Вернер Герман (1856–1900).
Без даты

писал он в начале марта 1856 года Вернеру, и это действовало на него так же сильно, как «реальная болезнь»⁶⁹. Состояние тревоги возникало все чаще, так что ему пришлось прибегнуть к врачебной помощи. Карл был действительно болен, считал его врач, – «и физически, и морально»⁷⁰. Он прописал лечение на курорте, а также «спокойную и беззаботную жизнь»⁷¹, по крайней мере в течение некоторого времени.

Об отдыхе Карл не мог даже подумать. В дополнение к загруженности работой его беспокоило слабое здоровье жены, которая страдала от частых приступов мигрени, а вскоре после свадьбы пережила болезненный выкидыш⁷². Он нередко бывал «в меланхолическом настроении, и особенно когда Мария плохо себя чувствовала»⁷³, как писал Карл в марте 1856 года Вернеру. Молодая пара провела лето на курорте на Северном море, что стало отправной точкой для регулярных курортных туров в последующие годы.

В этих неблагоприятных условиях 1 декабря 1856 года на свет появился первый ребенок Карла и Марии. Последние несколько недель беременности проходили для Марии чрезвычайно тяжело, и, как писал Карл Вернеру, она «часто не могла удержаться от крика»⁷⁴. Роды были

мучительными, но, к радости супругов, сын родился здоровым. Карл, естественно, хотел назвать первенца в честь брата Вернера, но у семейства Капгеров от этого «вытянулись лица»⁷⁵. Чтобы «старик»⁷⁶ совсем не потерял голову, родители дали сыну второе имя – Герман.

Вернер Герман развивался хорошо, а вскоре у него появились братья и сестры. 28 июня 1858 года родилась дочь Шарлотта, менее чем через год второй сын Герман и 5 мая 1860 года – дочь Мария. Во всех трех случаях роды прошли успешно, но вскоре после рождения Марии семью ожидал удар: 30 мая 1860 года совершенно неожиданно умер годовалый сын Герман, вероятно, после эпилептического припадка. В глубоком смятении на следующий день после смерти Германа Карл написал брату:

«Дорогой Вернер, это очень тяжело – потерять ребенка, и я желаю тебе от всего сердца, чтобы ты никогда не испытал такую боль! [...] Так и меняются в жизни радость и печаль, но на этот раз последняя преобладает. Смерть – самое ужасное в этом мире!»⁷⁷.

Родители с трудом справились с потерей младшего сына. Психологическое состояние Карла было тяжелым, а у Марии начались проблемы со здоровьем. Весной 1862 года у нее на седьмом месяце беременности случился выкидыш, и в последующие годы выкидыши преследовали ее⁷⁸.

В письмах Карла можно найти информацию о болезнях трех оставшихся детей – Вернера, Шарлотты и Марии. У сына Вернера в возрасте шести лет диагностировали заболевание глаз, которое значительно уменьшило остроту его зрения. Карла также беспокоило, что мальчик был «слишком меланхоличен»⁷⁹, как он писал брату в декабре 1862 года. Кроме того, не покидал постоянный страх перед эпидемиями таких болезней, как туберкулез и дифтерия, которые постоянно свирепствовали в Санкт-Петербурге и собирали большое количество жертв, прежде всего среди детей. Западному человеку особенно трудно было выдерживать климат столицы России⁸⁰. Карл написал Вернеру еще в марте 1856 года, что он «на самом деле не первый иностранец, который получил здесь надлюм»⁸¹. Особенно тяготили его и его семью суровые зимы. 2 мая 1865 года он писал Вильгельму о продолжающихся холодах: «К сожалению, у нас еще зима, что ты вряд ли можешь себе представить. На полях в некоторых местах лежит снег, а лед с Ладogi плывет по Неве. Вот так это у нас, бедных жителей Северного полюса»⁸².

Неудивительно, что Карл вскоре начал задумываться о переезде. Но будучи исполнительным директором, он должен был оставаться в Санкт-Петербурге до завершения контрактов по ремонту в 1867 году, хотя еще в конце 1850-х партнеры телеграфно-строительной компании об-

Старшая дочь Карла Шарлотта София Матильда (1858–1926), которую в семье называли Лотти. Без даты

суждали вопрос о том, чтобы отозвать Карла из России и перевести в другое место для решения новых задач. Карлу очень понравилась эта идея. В октябре 1860 года он написал Вернеру, что и он, и Мария «сыты по горло здешней жизнью, потому что Россия ничего (кроме денег) не может предложить нам. Чем дольше ты живешь здесь, тем больше стремишься к более мягкому климату и испытываешь отвращение к долгой зиме»⁸³.

Семья Марии после смерти их матери в 1866 году поселилась вблизи Дрездена, где Герман Капгер купил в Локвице великолепную усадьбу. В силу многочисленных деловых обязательств Карл все еще оставался в Санкт-Петербурге. Однако его настроение ухудшалось теперь из года в год из-за множества личных проблем. Петербургский бизнес стал «очень тихим», сообщил он Вернеру 1 марта 1866 года, так как «телеграф мертв, лесопилка ленива, а стекольное производство даже слишком лениво»⁸⁴. Через месяц старший брат с беспокойством написал Вильгельму:

«Усталость Карла от России выросла сейчас до опасных размеров. Он больше не хочет оставаться там, потому что его жена и дети не могут переносить климат. Это ставит много новых вопросов, которые необходимо урегулировать»⁸⁵.

Выговор из Берлина

Иоганн Георг Гальске также начал задаваться вопросами – к примеру, о том, какое, собственно, отношение к электрическому телеграфу имеют производство стекла, торговля древесиной и занятие сельским хозяйством в Российской империи. В учредительном договоре об основании «Телеграфно-строительной компании» от 1847 года он и Вернер определили, что их компания будет заниматься «изготовлением и производством электрических телеграфов»¹. Правда, договор не содержал четкого отказа от «прочих работ»², то есть побочного бизнеса, помимо телеграфии. Однако Гальске, после дорогостоящих неудачных инвестиций в Хмелеве, Струпове и Филполе, постепенно засомневался в том, поддерживать ли такое развитие предприятия. В июле 1863 года Вернер писал Карлу, что Гальске придерживается девиза «не лезть не в свое дело»³. Но рискованные побочные деловые проекты братьев Сименс нравились главному механику все меньше.

В отличие от обоих его партнеров, Гальске было не совсем по себе и от стремительного роста телеграфно-строительной компании. Гальске – так, по крайней мере, охарактеризовал его в мемуарах Вернер – был ремесленником, а не фабрикантом⁴. Он придавал значение аккуратности и качеству работы в рамках того небольшого предприятия по выпуску механики, каким компания во многом оставалась даже в 1850-х гг. Рост бизнеса и массовое промышленное производство Гальске не интересовали совсем, а уж быстрая международная экспансия компании в далекой России не нравилась ему тем более.

На фото: Карл фон Сименс. Около 1865 г.

Вернер, напротив, более дифференцированно оценивал положение Карла в Российской империи. С одной стороны, его радовал тот огромный импульс, который телеграфно-строительная компания получила от бизнеса в России. Как-никак, в период с 1847 по 1872 год целых 25% оборота компании шли именно оттуда⁵. Да и побочные проекты в России поначалу вполне пользовались поддержкой Вернера. В апреле 1861 года он послал Карлу ободрительное письмо относительно предполагаемой покупки Хмелева, говоря, что вхождение в «производство стекла стало бы отличным бизнесом»⁶. Девятью месяцами позднее он писал о лесопилке в Струпове, что наверняка «там можно прилично подзаработать»⁷. Ведь в конце концов, прибыль от «ремонт» нужно было хорошо инвестировать, Карлу надо было найти удовлетворяющее его занятие, и коль скоро на строительстве телеграфа дела шли не здорово, то следовало просто подыскать другие возможности для бизнеса.

Да и сам Вернер то и дело брался за проекты, выходявшие за пределы собственно телеграфного бизнеса. Брату Гансу он предоставил капитал на строительство стекольного завода в Дрездене⁸. В Берлине он некоторое время вел переговоры о строительстве системы пневмопочты. Многие из проектов Вернера никогда не были реализованы или становились прибыльными только через немалое количество лет⁹. Именно потому он с большим пониманием отнесся к первым сообщениям Карла о разочаровании по поводу лесопилки в России. Желая подбодрить младшего брата, Вернер написал ему в январе 1862 года:

«Все мы – все-таки люди, да и хотим оставаться чувствующими, а не только эгоистично подсчитывающими людьми, мы не хотим становиться исключительно толстосумами и гоняться за одними лишь деньгами! Так что ты не давай истории с лесопилкой влиять на твоё настроение, дорогой Карл. [...] Ведь потеря нескольких тысяч не играет совершенно никакой роли»¹⁰.

Тем не менее и терпению Вернера наступал конец, поскольку дело не ограничилось «потерей нескольких тысяч». В качестве партнера телеграфно-строительной компании «Сименс и Гальске» Карл обязался служить на благо компании. Чрезмерное количество побочных занятий ставило под угрозу основной бизнес, особенно в условиях, когда в рискованные предприятия был вложен большой капитал. При всей готовности идти на непрофильные проекты в компании, как предупредил Вернер еще в 1858 году, должен «оставаться неизменным принцип, что телеграфные проекты всегда будут иметь приоритет»¹¹. В области

электрического телеграфа «Сименс и Гальске» располагала техническими знаниями, квалификацией и очень богатым опытом. Компания должна была сосредоточиться именно на этой своей основной компетенции. В апреле 1864 года Вернер подтвердил это в письме Карлу:

«Сначала должна стихнуть боль от сильных оплеух, полученных нами в Хмелеве, Филполе и Струпове. Мы можем братья только за такие сделки, в которых самое важное – не точный финансовый расчет, а лишь способность добиться успешного технического решения. Как только мы уходим от этого принципа, то сразу покрываем себя позором – мы ведь не коммерсанты»¹².

В производстве стекла, обработке древесины и сельском хозяйстве Карл не имел специальных знаний и опыта. Его недостаточная внимательность к возможным рискам и отсутствие инвестиционных и бизнес-стратегий вызвали большое недовольство обоих партнеров в Берлине. Покупка имения Филпола переполнила чашу терпения. В январе 1863 года Вернер и Гальске написали Карлу официальное деловое письмо, в котором дали волю своему раздражению:

«Вот уже третий раз за последние полтора года ты ставишь нас в трудное положение, вынуждая нас либо вопреки собственным убеждениям дать свое одобрение по важным деловым вопросам в силу свершившихся фактов, либо перевести на твой личный счет те сделки, которые ты заключил от имени компании. В соответствии с нашим учредительным договором каждый из нас обязан заручаться согласием компаньонов перед заключением крупных, связанных с риском сделок [...]. Ввиду хорошо известной нам твоей слабости, что ты не отказываешь в просьбах, и особенно в просьбах близких тебе людей или друзей, именно обязанность заручаться нашим согласием могла бы сильно поддержать тебя в защите наших деловых интересов. [...] До сих пор мы строго соблюдали этот наш основной принцип и отразили оный также в нашем учредительном договоре, записав положение о том, что ни один из компаньонов не должен заниматься собственным делом, которое может вовлечь его в финансовые трудности или уж, во всяком случае, – в специфические деловые интересы, чуждые общим интересам нашего дела. [...] Мы должны, однако, настоятельно просить тебя, дорогой Карл, в будущем вести дела в строгом соответствии с нашими взаимными установлениями и, конкретно, придерживаться только общего интереса компании при принятии тобою решений и не позволять влиять на них никаким личным соображениям какого бы то ни было свойства. Только неизменно твердая убежденность в том, что все действия

каждого отдельного компаньона руководимы прежде всего заботой об интересе и тесно связанной с ним репутации компании, может сохранить взаимное доверие между компаньонами на таком уровне, какой и необходим для процветания! Мы очень хорошо понимаем, что ты никогда не будешь сознательно нарушать этот принцип, но опыт учит, что твои доброта и упомянутая ранее слабость сказать «нет» могут легко сбить тебя с пути против твоей собственной воли и стать очень разрушительными»¹³.

В такой форме трое партнеров телеграфно-строительной компании еще никогда не общались друг с другом. Резкое письмо точно отразило настроение Вернера и Гальске и свидетельствует о том, что оба партнера в Берлине были весьма недовольны тем, как их младший компаньон вел дела в России. Карл даже и не пытался уйти от ответственности. В своем письме он написал им: «Мне нечего возразить на ваше формальное письмо о недоверии. Могу только сказать, что [я] виноват»¹⁴.

Вернеру это письмо было важно даже не столько из-за непосредственных финансовых потерь вследствие побочных предприятий Карла. Как он уже сообщал Карлу в 1861 году, гораздо больше беспокойства ему доставляла нарастающая «раздробленность [...] интересов»¹⁵ внутри компании. Коль скоро каждый партнер все больше занимался своими побочными делами, возникала угроза преобладания именно этих «специфических интересов»¹⁶. Ведь, в конце концов, даже только сам телеграфный бизнес и его мощная экспансия в России ставили перед компанией серьезные организационные задачи. Несколькими годами раньше Вернер воздал должное огромному вкладу российского бизнеса в общий успех и включил Карла в число партнеров телеграфно-строительной компании. По этому поводу Вернер писал в декабре 1854 года своему брату, что стремится навести надлежащий порядок в «общем деле», иначе, в конечном итоге, наступит «полная тьма»¹⁷. Но что именно относилось к общему делу «Сименс и Гальске» и в какой форме партнеры могли бы его разумно упорядочить?

Составные части общего дела

За 15 лет с момента своего основания телеграфно-строительная компания – не в последнюю очередь за счет российских заказов – вырос-

ла в крупное предприятие, в котором в 1863 году было занято свыше 500 сотрудников¹⁸. Почти половина из них работала в России, в то время как в Берлине трудилось лишь около трети. Тем не менее стагнация экономики царской России продолжалась уже довольно долго, и еще в 1858 году в одном из писем Вернер предупреждал Карла насчет односторонней нацеленности на Россию: «Наши взоры были слишком прикованы к России, и это нас отбросило назад в отношении к другим странам»¹⁹.

При этом «Сименс и Гальске» имела вполне реальные шансы обратиться к своей выгоде интенсивное развитие телеграфа по всей Европе с 1850-х гг. Правда, в 1852 году Карлу не удалось создать постоянно действующее отделение во Франции. Однако шестью годами позднее в Вене открылось представительство, которое должно было обслуживать телеграфный бизнес компании на австрийской железной дороге²⁰. Если еще принять во внимание и агентство Вильгельма в Лондоне, то получается, что «Сименс и Гальске» была представлена на рынках по меньшей мере четырех из пяти крупнейших европейских держав: Пруссии, России, Великобритании и Австрии. За 11 лет существования это стало значительным достижением молодой компании.

После Крымской войны особое внимание телеграфно-строительной компании начало привлекать Соединенное Королевство, ставшее глобальным лидером в политике, экономике и технике. Вильгельм установил хорошие контакты с кабельной компанией «Ньюэлл и Ко», в 1851 году поставившей первый прочный подводный кабель для прокладки через пролив Ла-Манш. В результате ему удалось напрямую отслеживать дальнейшее развитие подводной кабельной сети, которое затрагивало фундаментальные интересы Великобритании как островного государства и колониальной империи. Постоянная телеграфная связь с европейским материком действовала с 1851 года. Ирландия тоже вскоре была соединена подводным кабелем с Лондоном, и теперь колониальной власти надо было обеспечить телеграфную связь всех заморских владений с метрополией²¹. Компания «Ньюэлл и Ко» стала одним из ведущих производителей кабеля в стране. В ноябре 1854 года Вильгельм заключил с «Ньюэлл и Ко» первый контракт на продажу телеграфных аппаратов в Англии и использование патентных прав. Но в то время как Карл прокладывал в России многие тысячи километров телеграфных проводов, его брат в Лондоне не смог добиться ни одного

значимого заказа. Вильгельм уделял приоритетное внимание своим экспериментам с электрическими теплоэлементами, а телеграфным бизнесом «Сименс и Гальске» он занимался лишь мимоходом²².

Контакты с «Ньюэлл и Ко» братья Сименс, однако, поддерживали и дальше. Осенью 1857 года Вернер принял участие, в сотрудничестве с «Ньюэлл и Ко», в прокладке первого в истории телеграфии работающего глубоководного кабеля от Сардинии до Алжира, а также еще одного подводного кабеля через Мальту на Корфу²³. Сотрудничество было очень плодотворным для обеих сторон. Компания «Ньюэлл» выигрывала от использования научно обоснованных результатов изысканий Вернера. В свою очередь, «Сименс и Гальске» получила возможность наблюдать за методами работы опытной британской компании при технически сложной прокладке морских

Карта подводных телеграфных кабелей, проложенных по дну Средиземного моря: Кальяри – Бон, Кальяри – Мальта – Корфу (1858 г.) и Картахена – Оран (1869 г.)

Невестка Карла
Анна Сименс (1821–1901),
супруга Вильгельма. Без даты

кабелей на больших глубинах. В октябре 1857 года Вернер оптимистично написал Карлу:

«Для нашего здешнего бизнеса Англия все больше становится главным заказчиком. В конце концов, там надо было снова немного свеести нити воедино, а именно – получить в свои руки подводные морские линии, которые образуют связующие артерии с новыми комплексами линий в других районах мира. Кажется, это хорошо получилось»²⁴.

В июне 1858 года «Сименс и Гальске» и «Ньюэлл и Ко» заключили пятилетнее соглашение о сотрудничестве. Через несколько месяцев лондонское агентство Вильгельма было преобразовано в самостоятельную компанию. С 1 октября 1858 года новая компания «Сименс, Гальске и Ко» (Siemens, Halske & Co.) приступила к работе²⁵. Компаньонами в ней стали Вильгельм в качестве управляющего, Вернер Сименс и Иоганн Георг Гальске. На вестминстерской улице Милбэнк-Роуд, неподалеку от британского парламента, компания арендовала неболь-

шую мастерскую, управление которой взял на себя Людвиг Лёффлер, сын Иоганна Лёффлера, который был сотрудником Карла в ходе строительства российского телеграфа²⁶. Вильгельм уже давно чувствовал себя в Англии как дома. В 1859 году он женился на шотландке Анне Гордон, дочери Льюиса Гордона – одного из компаньонов «Ньюэлл и Ко», принял британское гражданство и на английский манер переделал свое имя, став Вильямом.

Таким образом, общее телеграфное дело «Сименс и Гальске» теперь состояло из четырех частей: берлинской телеграфно-строительной компании под руководством Вернера Сименса и Иоганна Георга Гальске, «Контрагентов по ремонту и постройке императорских русских телеграфов» в Санкт-Петербурге под руководством Карла, отделения в Вене и английской компании «Сименс, Гальске и Ко» под руководством Вильгельма. Прусский, российский и австрийский бизнесы относились к основной компании, совладельцами которой были Вернер Сименс, Иоганн Георг Гальске и Карл Сименс. Английская компания работала без участия Карла на базе партнерства Вернера, Вильгельма и Гальске. К этому прибавлялось еще постоянно растущее число побочных фирм братьев. В документах берлинской бухгалтерии можно найти записи о «счете литейного дела», о «счете газовых машин», о «печном счете» и «счете по экспериментам с содой»²⁷. В начале 1860-х гг. основной телеграфный бизнес «Сименс и Гальске» и нетелеграфные фирмы трех братьев оказались переплетены самым запутанным образом.

Организационная структура компании не поспевала за быстрым ростом и дифференциацией бизнеса. Во многих отношениях «Сименс и Гальске» все еще работала как крупное ремесленническое предприятие, а не как профессионально управляемая промышленная компания²⁸. Управление экономикой предприятия и бухгалтерский учет не были сильными сторонами трех братьев Сименс и Гальске. С нанятыми для выполнения этих функций руководителями Вильямом Мейером и Карлом Хаазе в Берлине и особенно с Отто Эльстером в Санкт-Петербурге неоднократно возникали конфликты – главным образом у Карла²⁹.

То, как Карл организовал ведение бизнеса в России, опиралось в значительной степени на импровизацию и нередко на бездумную веру в компетентность своих руководящих служащих, в то время как сам Карл с гораздо большим энтузиазмом фокусировал свое внимание на планировании крупных проектов³⁰. На протяжении многих

лет Вильгельм вел дела в Англии с большими потерями, которые удавалось компенсировать только за счет финансовых субсидий Вернера. В то же время Карл и Вильгельм упрекали брата Вернера в «недоверчивости и стремлении обеспечить главенствующее положение»³¹ берлинской штаб-квартиры в отношении прочих частей «Сименс и Гальске». Вернер очень заботился о том, чтобы прочно держать нити в своих руках и чтобы берлинская «мама» не утратила контроля над своими «детьми», как однажды он выразился в письме Карлу³². «Интересы общего дела» всегда должны иметь приоритет, даже «если чье-то отдельное предприятие не получит выгоды или будет в убытке», писал Вернер брату в марте 1860 года³³. Для Вернера всегда важнее было развитие общего дела под его руководством, а не успехи отдельных проектов.

Вильгельм и Карл смотрели на ситуацию по-другому. В конце концов, они руководили предприятиями в Англии и России под свою личную ответственность и чувствовали себя обязанными обеспечить их успех. По этой причине на практике между Берлином, Санкт-Петербургом и Лондоном постоянно возникали проблемы. Причиной затяжных трений становились как внутренние расчеты по оплате поставщиков, так и конкуренция в погоне за заказами клиентов³⁴. Идеал общего дела, за который так выступал Вернер, страдал от отсутствия организационных структур, недостаточности координационных механизмов и не в последнюю очередь от длительной переписки в треугольнике между Пруссией, Россией и Англией. Мелочная ревность возникала тогда, когда решался вопрос о том, сколько капитала проинвестировать в какое подразделение. К тому же ни Вернер, ни Вильгельм, ни Карл не могли объективно оценить возможности развития сильно разросшегося предприятия. Вильгельм считал риски в России чересчур высокими, Карл полагал, что Англия является главным фактором неопределенности, а Вернер, в свою очередь, в центре внимания держал развитие берлинской головной компании³⁵.

В то время как Гальске старательно уклонялся от участия в спорах, в общении трех братьев все чаще возникали недоразумения, отравлявшие тональность переписки. Деловое мешалось в письмах с личным, а это всегда порождало путаницу³⁶. Так, Вернер, конечно, мог идеализировать в своих мемуарах «всепобеждающую братскую любовь», благодаря которой братья Сименс «всю свою жизнь держались вместе ради общего дела»³⁷. Но эта сплоченность давалась большим трудом, поскольку Вильгельму, Вернеру и Карлу то и дело приходилось преодо-

левать серьезные конфликты. В 1860-е гг., при всем раздражении по поводу убыточных российских проектов Карла, предметом наибольших споров в рамках общего дела все больше становилась Англия.

Подводные кабели братьев Сименс

Расширение английского отделения компании начиналось вполне успешно. Весной 1859 года Вернер лично наблюдал за прокладкой ньюэллского кабеля в Красном море, благодаря которому впервые была открыта телеграфная связь с Индией³⁸. В то же время брат Вальтер вместе с компанией «Ньюэлл» принял участие в прокладке кабеля между Сингапуром и Батавией (нынешней Джакартой)³⁹. Летом 1859 года Вернер и Вильгельм были назначены техническими консультантами британского правительства по прокладке подводных кабелей. Годом позже численность сотрудников фирмы «Сименс, Гальске и Ко» выросла с первоначальных 8 до 24 человек – значительное прибавление, но все равно это было еще совсем немного по сравнению с компаниями «Сименс и Гальске» в Берлине и Санкт-Петербурге⁴⁰. Кроме того, вскоре между немецкими и английскими партнерами начались споры. «Ньюэлл и Ко» была недовольна телеграфными аппаратами из Берлина. «Сименс и Гальске» высказывала претензии по качеству кабеля. Женитьба Вильгельма на Анне Гордон и вступление тем самым в родственные отношения с Люисом Гордоном, партнером компании «Ньюэлл», не сняла растущего напряжения. Летом 1860 года обе стороны досрочно расторгли контракт⁴¹.

Вот тогда «Сименс, Гальске и Ко» и ощутила, что значит не иметь британского партнера. То обстоятельство, что Вильгельм и Вернер работали на британское правительство в качестве консультантов, принесло им большое научное признание. Но компания была не в состоянии осуществлять самостоятельные проекты по прокладке морских кабелей – ведь у нее даже не было завода по производству провода. По этой причине Вильгельм предложил братьям и Гальске вложиться в строительство своего кабельного производства в Англии и тем самым обрести независимость от поставщиков. Он также разработал собственный подводный кабель, и здесь ему очень пригодился опыт сотрудничества с «Ньюэлл».

Но теперь воспротивились партнеры по телеграфно-строительной компании. Гальске все больше ощущал, что многочисленные проекты

братьев Сименс превосходят его возможности. Но и Карл тоже настоятельно предостерегал от расширения английского бизнеса по подводным кабелям, особенно в 1861 году, когда Вильгельм предложил взять на себя не только прокладку кабельных трасс, но и эксплуатацию уже введенных в строй телеграфных линий. Брат в Лондоне «видимо, одержим дьяволом, раз только о таком предложении и думать»⁴² может, писал Карл Вернеру, опасаясь высоких рисков. Ведь из проложенных к тому времени во всем мире 17 тысяч километров подводного кабеля реально функционировало менее трети⁴³. Например, кабель, проложенный в Красном море «Сименс и Гальске» и «Ньюэлл», проработал совсем недолго. Изоляция была недостаточной, и через непродолжительное время линия оказалась непригодной к эксплуатации. Операторская компания «Ред Си энд Индия Телеграф Компани» (Red Sea and India Telegraph Company) потеряла на этом много денег. Напрасно Вильгельм убеждал, что участие «Сименс и Гальске» в таких проектах по прокладке подводного кабеля является «вопросом выживания для продолжения здешнего дела»⁴⁴. Так что пока партнеры не могли решиться на новые проекты по прокладке подводного кабеля, а тем более на создание в Англии собственного кабельного производства.

В итоге в последующие годы телеграфный бизнес «Сименс и Гальске» развивался в Англии очень медленно. Когда осенью 1861 года Карл на несколько недель приехал в Лондон, то сообщил в Берлин, что «работа в Англии» движется «назад, потому что стоит на месте. [...] Масса людей сидит там без реального дела»⁴⁵. Только через год Вильгельм сумел получить значительный контракт в британской Капской колонии в Южной Африке, но затем вновь наступило затишье.

Правда, Вильгельм по-прежнему занимался расширением телеграфного бизнеса «Сименс, Гальске и Ко» не в полную силу, во многом переложив ответственность за него на Людвиг Лёффлера⁴⁶. Сам же Вильгельм сосредоточился на различных исследовательских проектах – прежде всего на своих экспериментах в области теплотехники. Здесь его то и дело сопровождали дорогостоящие неудачи. Карла в этой связи особенно раздражало то, что сам он подвергался резкой критике со стороны Вернера и Гальске за российские проекты, связанные с древесиной и стеклом, а тем временем значительная часть прибыли от «ремонтных» уходила в Англию. Как-никак, Россия продолжала приносить прибыль общему делу – даже несмотря на все убыточные побочные проекты. Что же касается английских проектов Вильгельма, то они, напротив, вообще не приносили никакой прибыли

Кабельный завод компании «Братья Сименс» в Вулвиче недалеко от Лондона. 1866 г.

ли. «Если бы Вильгельм, наконец, перестал так рьяно браться за реализацию своих изобретений»⁴⁷, – жаловался Карл Вернеру в ноябре 1860 года. «Уж если Вильгельм сочтет, что дело должно пойти, то готов с головой ринуться в омут. В какие только баснословные суммы не обходились нам его изобретения!»⁴⁸.

Вернер, при всем понимании научной страсти Вильгельма, тоже сердился на него из-за вспыльчивого характера, нетерпения, гипертрофированной чувствительности и упрямства во взаимодействии с братьями. Тем не менее положение «Сименс и Гальске» в Англии было нелегким, о чем Вернер писал Карлу в ноябре 1860 года так:

«Наш интерес в отношении Вильгельма весьма сложен. Английское предприятие прочно приклеено к персоне Вильгельма и вместе с ним либо выстоит, либо рухнет. Без английского рынка наше здешнее предприятие не удержится, так как остальной сбыт слишком мал. В том, что касается телеграфии, будущее – и притом, быть может, очень значимое – есть только в Англии. Если мы дадим В. пасть, то это убьет наше телеграфное дело по истечении «ремонтов» в России. Волей-неволей нам надо держать Вильгельма на плаву»⁴⁹.

Оценка Вернера была дальновидной. В 1867 году истек последний российский контракт на «ремонты», которые служили важным и стабильным

источником дохода «Сименс и Гальске». И ни Карлу в России, ни Вернеру и Гальске в Берлине, ни их отделению в Вене не удалось найти равноценную замену. А теперь расширение лондонского представительства сулило не только выход на большой английский рынок, но и доступ к строительству телеграфа в колониях и, тем самым, к глобальному телеграфному бизнесу. «Для нашего общего дела лондонская часть является рукой, которая должна действовать в гармонии с остальным телом»⁵⁰, писал Вернер Карлу в мае 1863 года. Ввиду медленных темпов развития на континенте он, несмотря на первоначальные сомнения, выступил теперь за расширение лондонского предприятия по прокладке подводных кабелей.

С согласия Берлина Вильгельм в том же году принял заказ французского правительства на прокладку телеграфного кабеля между испанским городом Картахеной и Алжиром. «Сименс, Гальске и Ко» открыла в Вулвиче под Лондоном небольшой кабельный завод и приступила к производству разработанного Вильгельмом подводного кабеля для запланированной экспедиции на Средиземном море. В 1864 году дело закончилось полным провалом. Кабель был утерян, а в бушующем море корабль, на котором находились Вернер и Вильгельм, чуть не перевернулся⁵¹. Неудачу потерпела и прокладка второго кабеля в том же году. В своих воспоминаниях Вернер назвал это дело «большим безрассудством»⁵². Последствия оказались фатальными. «Сименс, Гальске и Ко» не только лишилась в Англии с таким трудом нажитой профессиональной репутации в области прокладки подводных кабелей – катастрофа обошлась компании еще и примерно в половину ее капитала⁵³. Несмотря на весь свой предыдущий опыт, «Сименс, Гальске и Ко» была еще недостаточно готова к тому, чтобы самостоятельно заниматься прокладкой подводных кабелей.

Для Иоганна Георга Гальске этот провал стал еще одним шагом в медленном процессе его выхода из компании, в учреждении которой он сам некогда участвовал. В то время Вернер написал Карлу, что еще в ходе спора по поводу британского кабельного бизнеса весной 1861 года «все наше дело могло легко лопнуть»⁵⁴. Несколькими днями позже старший брат уже размышлял о принципиальной возможности выживания компании: «Дальнейшее существование и развитие либо упадок и гибель нашего предприятия занимают меня денно и нощно, и этот угол зрения является для меня главенствующим при суждениях по всем другим вопросам»⁵⁵.

Неудача с прокладкой подводного кабеля в Средиземном море в итоге привела к тому, что Гальске вышел из английской компании «Сименс, Галь-

ске и Ко». С 1 января 1865 года лондонское телеграфное предприятие стало работать под названием «Братья Сименс» (Siemens Brothers). Партнерами в нем были Вернер и Вильгельм, хотя основную часть учредительного капитала внес именно Вернер. С учетом решения Гальске полностью выйти из компании по истечении договора в 1867 году, о чем он объявил еще в 1863-м, будущее этого предприятия было крайне сомнительным⁵⁶.

Разногласия между братьями

После завершения строительства российских телеграфных линий «Сименс и Гальске» на первых порах не смогла добиться новых больших успехов. После исключительно прибыльного 1855 года оборот упал почти в два раза и замер на этом уровне в последующие годы. Из-за отсутствия заказов берлинскому заводу то и дело приходилось бороться с неполной занятостью персонала. В 1864 году после шести лет бесприбыльной работы пришлось закрыть отделение в Вене⁵⁷. Общее дело утратило важную часть, в международной экспансии «Сименс и Гальске» также понесла чувствительные потери. Неудачная прокладка подводного кабеля в Средиземном море в 1864 году полностью поставила под вопрос будущее английского телеграфного бизнеса компании, да и из России радостных новостей по-прежнему не поступало⁵⁸.

Анонсированный выход Гальске из компании должен был обернуться для Вернера дополнительным тяжелым ударом. Гальске имел право вывести свою долю из компании по истечении договора в 1867 году. От такой потери капитала телеграфно-строительная компания вряд ли бы устояла. В возрасте 46 лет Вернер увидел, что дело его жизни вдруг оказалось под угрозой, хотя он долгие годы упорно трудился на создание и развитие компании. После того как Гальске объявил о своем намерении, он в смятении чувств писал Карлу летом 1863 года:

«Для создания новой компании я слишком стар, вести дела прежней, привычной компании после выхода Г[альске] я не хочу. [...] Вряд ли мне надо говорить тебе о том, сколь глубоко печальным занятием для меня станет работа по разрушению предприятия, которое возвращалось с таким трудом и любовью»⁵⁹.

Однако беспокойство Вернера оказалось безосновательным, поскольку удалось найти взаимоприемлемое решение. Гальске обещал сохра-

нить свою долю в капитале компании и остаться в ее распоряжении в качестве консультанта. Это гарантировало дальнейшее существование компании, и на этом фоне ощущение возрастной усталости у Вернера улетучилось. Еще в ноябре 1863 года он сообщил Карлу, что «ввязался в обмен мнениями»⁶⁰ с Вильгельмом относительно того, как выстраивать компанию в будущем. В центре его размышлений стоял вопрос о реорганизации компании по истечении партнерского договора в 1867 году. По этому поводу Вернер писал Карлу:

«Моя главная мысль по поводу этих предложений [в адрес Вильгельма] состояла в том, чтобы основать стабильную компанию, которая впоследствии под руководством наших детей могла бы стать международным предприятием по образу и подобию дела Ротшильдов [...] и принесла бы нашему имени уважение во всем мире! Каждый в отдельности, коль скоро он разделяет этот великий план, должен быть готов принести ему личные жертвы!»⁶¹.

В качестве примера Вернер привел широко разросшийся по всему миру банковский дом Ротшильдов, управление которым осуществлялось как семейным бизнесом. Братья Сименс должны были стать единственными акционерами телеграфно-строительной компании и позже передать свою «всемирно известную компанию» будущему поколению – при условии, что Вильгельм и Карл сочли бы такой план «хорошим».

Сопrotивления Карла ждать не следовало. Брат в Санкт-Петербурге в прошлом всегда был верным соратником и поддерживал идею общего дела во главе с Вернером как несомненным руководителем. «Поверь мне, Вернер, все мы – какие мы есть – греемся в твоих лучах, и ты можешь с чистой совестью требовать от нас [...] очень много, – писал, к примеру, Карл Вернеру в феврале 1866 года. – Без тебя и твоей предприимчивости Гальске, даже несмотря на телеграф, так и остался бы простым ремесленником и лавочником, не говоря уже обо мне, потому что я без тебя уже давно был бы переварен акулой или стал бы непутевым моряком»⁶². Вместе со старшим братом Карл, если бы ему однажды представилась такая возможность, был бы готов пройти сквозь «огонь, воду и медные трубы»⁶³, говорилось в другом письме шестью неделями позднее.

Однако в Лондоне Вернер натолкнулся на неожиданно резкие возражения. Почему это, задавался вопросом Вильгельм, он должен активно участвовать в развитии семейного бизнеса ради будущих поколений и приносить личные жертвы, как того от него требовал Вер-

нер? Оба брата – в Берлине и Санкт-Петербурге – могли, по крайней мере, надеяться, что в один прекрасный день руководство компанией перейдет к их сыновьям: у Вернера их было двое, у Карла – один. Брак самого Вильгельма был бездетным, и у него не было никаких видов на то, чтобы в будущем передать «стабильную компанию» кому-то из собственных потомков.

Кроме того, Вильгельм не испытывал большого желания подчиняться какому-то общему делу, руководство которым, как это виделось Вернеру, осуществлялось бы из Берлина. Вильгельм не хотел быть просто «рукой»⁶⁴ Берлина, а стремился сохранить свою предпринимательскую самостоятельность и, в крайнем случае, пойти с братьями на создание некоей «федеративной власти»⁶⁵. В 1860-х гг. в опытах Вильгельма с регенеративной печью после серии неудач наконец-то наметился прогресс, так что основной телеграфный бизнес отошел для него на второй план. О своей репутации в мире Вильгельм заботился сам, и в Англии это ему удавалось с большим успехом. Его исследования получили отражение в многочисленных научных публикациях. Его приняли в престижные научные заведения, и в 1870 году ему присудили степень почетного доктора Оксфордского университета⁶⁶.

У Вильгельма были совсем другие отношения с Вернером, чем у Карла. Вернер был старше Карла на 13 лет и играл для него роль отца, который всегда имел решающее слово в спорных вопросах. Разница в возрасте между Вернером и Вильгельмом составляла всего семь лет, и Вильгельм не был готов просто так признавать верховенство старшего брата в компании. И если Вернер постоянно настаивал на том, чтобы интересы совокупного предприятия «всегда были выше всего»⁶⁷, то для Вильгельма на переднем плане стояли его собственные проекты.

Тем не менее окончательного разрыва никто из братьев не хотел. Несмотря на все конфликты, в их отношениях сохранялась семейная сплоченность, которую они то и дело отмечали в письмах. Кроме того, Вильгельм зависел от дотаций Вернера на финансирование экспериментов по теплотехнике. Вернер же считал участие Вильгельма фундаментальным условием реализации своей цели – создания «всемирно известной компании». Без хороших контактов брата в Англии вряд ли удалось бы обойтись, писал Вернер Карлу в марте 1864 года, «потому, что без связи с английскими деловыми кругами мы исчезнем с мирового рынка и не сможем воспользоваться своей репутацией в телеграфии, которая тоже является определенным капиталом, и потому, что без Вильгельма работа в Англии была бы невозможна»⁶⁸.

Лондон становился крупным политическим и экономическим центром, а с середины XIX века все больше превращался и в центр глобальных телеграфных предприятий. «Англия была и остается мировым рынком»⁶⁹, писал Вильгельм Вернеру еще в 1859 году. И если «Сименс и Гальске» намеревалась стать «всемирно известной компанией», то в обход Лондона путей не было. Вильгельм создал там хорошую основу, а его небольшие проекты для заказчиков в Египте, Южной Африке и Мексике указали верный путь в будущее⁷⁰. Оглушительного успеха он не добился, но его научно-исследовательские проекты отнимали много времени, и он не хотел тратить больше сил на развитие телеграфного бизнеса.

Еще в 1857 году Вильгельм спрашивал Вернера, нет ли у Карла желания приехать «в Лондон на несколько лет, если даже не насовсем»⁷¹, чтобы взять на себя управление телеграфным бизнесом. Теперь Вильгельм вернулся к своему предложению. Решение казалось логичным, так как по завершении Крымской войны развитие российского телеграфного бизнеса застопорилось, и Карл искал новые возможности для своей деятельности. Весной 1863 года Вильгельм повторил предложение в письме Вернеру: «Стремлюсь увести Карла из Петербурга в Лондон. Я с большим удовольствием уступлю ему свое место и ограничусь инженерными проектами [...]»⁷².

Однако это было не так просто. Ведь, с одной стороны, Россия оставалась ключевым элементом бизнеса «Сименс и Гальске» – по крайней мере до тех пор, пока не закончились контракты на «ремонт». Кроме того, Карл обладал большим авторитетом в Российской империи. Младший брат является «в Петербурге очень влиятельной фигурой – чуть ли не еще в большей степени, чем ты в Англии, – писал Вернер Вильгельму в 1863 году, – а в Англии он стал бы просто усердным конторским служащим без самостоятельного значения»⁷³. Вернер не хотел такой роли для Карла – даже в интересах бизнеса. Сам Карл уже много лет поигрывал с мыслью о том, чтобы покинуть Петербург. Но на переезд в Лондон ни он, ни Мария решиться не смогли.

Многолетние дискуссии и сотни писем не привели братьев к согласию, и постепенно тональность их общения становилась резче⁷⁴. Нерешительность Карла вызывала у Вернера и Вильгельма растущее разочарование. В то же время братья в Берлине и Санкт-Петербурге все больше досадовали по поводу стиля общения со стороны Вильгельма. Письма Вильгельма, в которых он изливал свои настроения, затрудняли взаимодействие братьев. Принимая во внимание этот

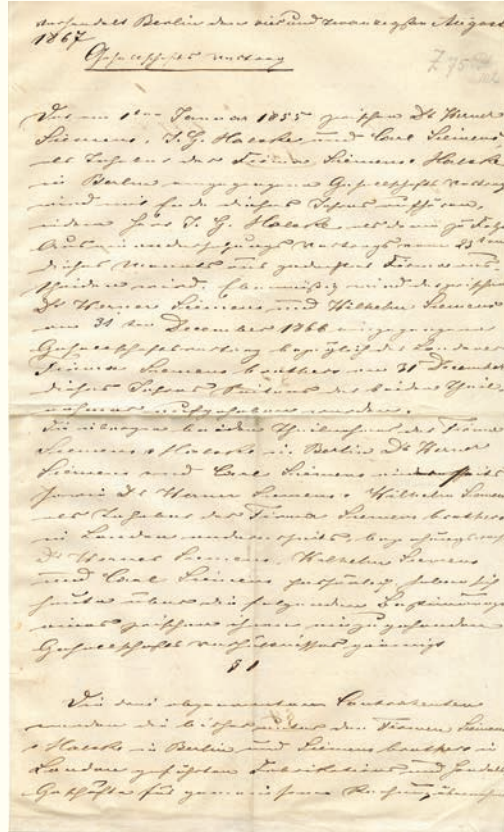
опыт, Карл не слишком рассчитывал на то, что он, Вильгельм и Вернер достигнут согласия относительно дальнейшего совместного ведения дел телеграфно-строительной компании. «Я не думаю, что после [18]67 года мы придем к общему соглашению с Вильгельмом, потому что у него в таких делах не очень приятный характер»⁷⁵, – писал Карл в марте 1864 года в Берлин.

Вернер держался поначалу оптимистично, даже если его самого часто раздражали «постоянные дразги»⁷⁶ в коммуникации с Лондоном. Но после того как в 1864 году Вильгельм отклонил проект договора, предложенный Вернером, тот начал терять терпение. «Переписка с Вильгельмом, – писал Вернер Карлу, – приняла очень неприятный оборот. Он страшно недоверчив и честолюбив, при этом читает очень поверхностно и трактует все в самом неблагоприятном смысле. К тому же он часто пишет как оракул. [...] Все же лучше всего копать-ся в делах с тобой, дорогой Карл! Мы всегда правильно понимаем друг друга, ты всегда высказываешь свое честное мнение и того же ждешь от других, обладаешь практическим умом и здравым суждением! Я надеюсь, что смогу еще долго радоваться этому!»⁷⁷.

Учредительный договор 1867 года

В 1860-х гг. всем трем братьям пришлось решать серьезные производственные и личные проблемы. Карлу было очень тяжело из-за нервующих проектов по производству стекла и обработке древесины, а также из-за болезней и смертей родственников. Вильгельм как одержимый работал над усовершенствованием процесса регенерации. В 1866 году он страдал от полного физического истощения, после которого медленно восстанавливал здоровье⁷⁸. Вернер, хотя и обладал крепкой физической и психической конституцией, но сильно страдал из-за того, что в 1865 году его жена Матильда заболела и после тяжелой продолжительной болезни скончалась. Бремя этих проблем было колоссальным, и поэтому никому из братьев не удавалось в полной мере сосредоточиться на решении вопросов будущего.

Летом 1866 года после ожесточенных дискуссий Вернер, по крайней мере, заручился согласием Вильгельма и Карла объединить английскую фирму «Братья Сименс» с «Сименс и Гальске» в единую компанию⁷⁹. В декабре того же года они подтвердили это свое наме-

Первая страница договора между братьями Вернером, Вильгельмом и Карлом от 24 августа 1867 г., согласно которому компания «Сименс и Гальске» становилась семейным предприятием

рение на встрече в Берлине, которую Вернер назвал «федеральным собранием»⁸⁰. Однако по деталям все еще приходилось вести споры, и до 1 января 1867 года братья так и не смогли прийти к окончательному соглашению. Поэтому по согласованию с Гальске учредительный договор телеграфно-строительной компании пришлось продлить еще на один год⁸¹.

Главная проблема реорганизации, которую надо было закрепить договором, состояла в том, что Карл никак не мог определиться насчет своего личного будущего. Возможность переехать в Лондон в контексте реорганизации бизнеса Карлу не нравилась. В ноябре 1866 года он сообщил Вернеру, что не испытывает желания окунуться «с большой женой в суматоху Лондона»⁸². Всего несколькими неделями позже он писал Вильгельму: «Для Марии идея переехать в Лондон – все равно

что для Анны [жена Вильгельма] – идея переехать в Петербург. Ты можешь сказать: «Это решают не жены, они должны следовать за мужьями», но это – теория»⁸³. В феврале 1867 года Карл, наконец, принял решение – против Лондона. 16 февраля он писал Вернеру:

«Вильгельм – порядочный и разумный человек, но мне трудно с ним справляться, это я знаю по своему прежнему опыту [...] Скоро будет уж почти 14 лет, как я вполне самостоятелен и привык к тому, что все, кто меня окружает, танцуют под мою дудку, а теперь вдруг я сам должен буду научиться танцевать, и причем под дудку, которая зачастую звучит не слишком гармонично. Ты, дорогой Вернер, об этом совсем не можешь судить, потому что твои отношения с Вильгельмом совершенно иные. Для него я всегда буду младшим братом, без какой-либо собственной репутации в Англии и гораздо ниже его по техническим знаниям. Моя позиция со временем стала бы невыносимой, и вся эта песня кончится тем, что в один прекрасный день я основательно рассорюсь с Вильгельмом. Лучше я буду есть сухари, чем жить в раздоре. Раздоры противоречат моей натуре. Моя ошибка состоит в том, что я сначала коплю все в себе, но затем, наконец, взрываюсь, словно бомба. При таких обстоятельствах мне в тысячу раз милее оставаться для Вильгельма любимым братом и добрым другом и попытаться счастья где-нибудь еще. Этого мне никто в вину не поставит. Совсем иное дело было бы, если бы на месте Вильгельма оказался ты. С тобой я бы вполне смог ужиться, и тогда я с удовольствием станцевал бы под твою дудку, но только в самом крайнем случае – под дудку кого-то другого. [...] Уж лучше быть первым в Галлии, чем вторым в Риме»⁸⁴.

Решение Карла устранило последний открытый пункт переговоров. Летом 1867 года трое братьев вновь встретились в Берлине и 24 августа подписали новый учредительный договор сроком на 12 лет. Вернер, Вильгельм и Карл Сименсы возглавили объединенную компанию «Общее дело Сименс и Гальске в Берлине и братьев Сименс в Лондоне» (*Gesamtgeschäft von Siemens & Halske in Berlin und Gebrüder Siemens in London*)⁸⁵, став ее единственными собственниками. Независимое прежде бюро в Санкт-Петербурге было преобразовано в отделение берлинской компании. Гальске оставил большую часть своего капитала в виде процентного займа. Вернеру причиталось 40% прибыли, Вильгельму – 35% и Карлу – 25%. Вернер должен был по-прежнему руководить бизнесом в Берлине, а Вильгельм – английской фирмой «Братья Сименс» в Лондоне.

А что Карл? Он еще в феврале написал Вернеру, что «рад [...] больше, чем когда-либо прежде, что из моего переезда в Лондон ничего

не вышло»⁸⁶. Но и возвращаться в Берлин он тоже не хотел. Вместо того он продолжил письмо следующим образом: «Мое стремление – это уютная жизнь, а также приятное и хорошо оплачиваемое занятие. Все это я найду на Кавказе [...]»⁸⁷. Братья учли это пожелание и в новом учредительном договоре зафиксировали, что Карл для начала переедет на два года в Тифлис.

Кедабек

Осенью 1863 года, за четыре года до заключения договора о реорганизации «Сименс и Гальске», в Санкт-Петербурге произошло вот что. Некий предприниматель-немец на протяжении определенного времени успешно занимался строительством телеграфных линий и заработал на этом значительную прибыль. В последующие годы он просчитался, легкомысленно ввязавшись в проекты по изготовлению стекла и переработке древесины, которые выходили за рамки основного бизнеса, и из-за этого у него начались споры с партнерами по бизнесу. И вот теперь двое сомнительного рода дельцов преподносят этому предпринимателю новую идею. Они говорят ему, что в политически нестабильном, раздираемом этническими и религиозными конфликтами регионе, который расположен высоко в горах, абсолютно не развит в плане транспортной инфраструктуры и удален от мировых рынков, есть месторождение меди. Ни современного оборудования для горно-металлургических работ, ни специалистов в этой местности нет. Но месторождения там, мол, богаты, и их эксплуатация может оказаться чрезвычайно прибыльной. Ведь массовое распространение кабельных телеграфных сетей привело к сильному росту мировых цен на медь в последние годы.

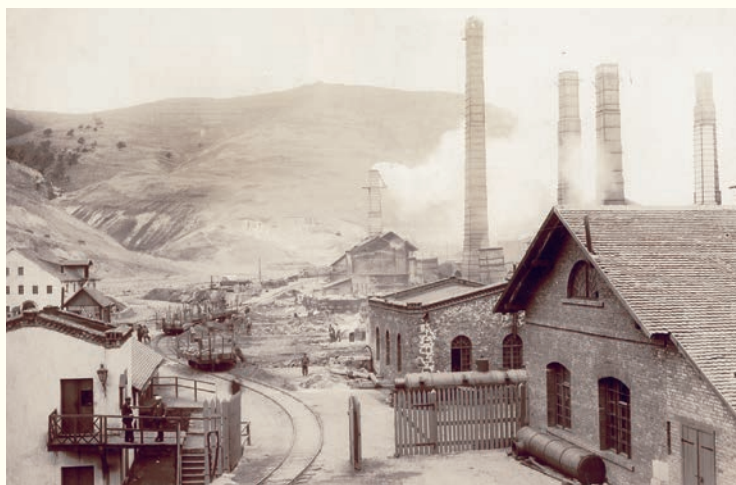
Станет ли это слишком рискованным? Не выльется ли это в новую спекулятивную инвестицию, выходящую за рамки основного бизнеса? Не лучше ли сначала подвергнуть эту идею тщательной проверке? Карл Сименс не испытывал никаких сомнений. У него все еще продолжались неприятности из-за чрезмерно дорогостоящих проектов по

На фото: вид Тифлиса. Без даты

производству стекла и переработке древесины, и сам он еще не научился разбираться в возможностях и рисках добычи меди, но в сентябре 1863 года он уже написал Вернеру: «Мы непременно должны заняться медным делом, потому что такие находки случаются далеко не всякий день»¹.

Под «медным делом» Карл подразумевал рудник Кедабек, расположенный самым неудачным образом в отрогах Малого Кавказа на полпути между Черным и Каспийским морями в современном западном Азербайджане. Россия незадолго до этого завоевала регион в результате затяжных войн с Османской империей и Персией (современным Ираном. – *Ред.*)². Кедабек находился вдалеке от европейских индустриальных центров. Местное население представляло собой пеструю смесь из армян, грузин, греков, мусульманских народов, а также недавно поселившихся там русских. Правда, Российская империя преследовала цель политической стабилизации и экономического освоения Кавказа, но на протяжении нескольких десятилетий там все еще случались вооруженные восстания против господства России³. Строительство давно запланированной железнодорожной линии для развития транспортной системы региона было завершено лишь в 1882 году.

Позднейшие археологические раскопки показали, что месторождение Кедабек целыми тысячелетиями использовалось для добы-

чи меди, но тогда, в середине XIX века, рудник давно уже был закрыт. Несколькими годами ранее местные жители снова стали добывать медную руду примитивными средствами, но вскоре рассорились. Теперь же правами на рудник владели два немца «сомнительного свойства»⁴, как указывает летописец Кедабека.

Однако, невзирая на эти весьма неблагоприятные факторы, Вальтер Сименс, который стал руководителем новообразованного отделения компании «Сименс и Гальске» в Тифлисе и с 1860 года курировал стратегически важное для России строительство телеграфа на Кавказе, предложил Карлу приобрести Кедабек⁵. Вальтер, которого в 1863 году назначили прусским консулом в Тифлисе, очень хорошо знал этот регион. С большим энтузиазмом он сообщил брату в июле 1863 года, что с Кедабеком у него «намечается отличная спекуляция», которая обещает стать «блестящим предприятием»⁶. Живший в Грузии прусский специалист по металлургии Альфред Бернулли дал превосходное заключение о руднике. После первоначального скептицизма – ведь предприятия в Хмелеве и Струпове все еще приносили большие убытки – Карл тоже заразился эйфорией младшего брата. 10 октября 1863 года он написал Вернеру, что «дело, кажется, все же отличное. Это может стать сделкой, которая поставит нас как следует на ноги»⁷.

Вернер поначалу пытался притормозить процесс. Всего годом ранее он уже потерпел неудачу с аналогичной идеей, когда покупка мед-

Медеплавильный завод и дома рабочих в Кедабеке. Около 1865 г.

ного рудника в Тюрингии оказалась абсолютно убыточной⁸. Поэтому Вернер просил Карла прислать пробу из Кедабека на проверку содержания меди в руде, а также представить смету предприятия. Но когда первые анализы дали положительный результат, а брат Отто, получивший в Англии ученую степень по химии и тоже занимавшийся горнорудной наукой, подтвердил, что спрос на медь продолжает расти, то и Вернер поддался эйфорическим настроениям⁹. В существующих на рынке условиях наверняка можно сделать «великолепный и блестящий бизнес»¹⁰, писал он в ноябре 1863 года Карлу. Единственным условием он поставил то, чтобы братья сконцентрировались не на выплавке меди, а на добыче медной руды, так как это требовало значительно меньше начальных инвестиций.

В последующие месяцы пришлось действовать быстро, поскольку английский медный синдикат узнал о Кедабеке и стал интересоваться его приобретением. Гальске и Вильгельм Сименс не хотели участвовать в медном бизнесе, но это не остановило Карла и Вернера. 19 февраля 1864 года Карл писал в Берлин, «что мы теперь – владельцы медного рудника на Кавказе»¹¹. Деньги на покупку ценой в 70 тысяч рублей собрали Вернер и Карл. Вальтеру отвели долю в размере 1/5, и он взял на себя руководство компанией¹². В соответствии с тем расчетом рентабельности, который подготовил Карл, производство меди должно было уже скоро начать приносить прибыль. Более или менее крупных инвестиций в Кедабек не предусматривалось¹³.

Через три года мировой рынок заполнился медной рудой по выгодным ценам после освоения новых североамериканских месторождений, и цены на медь упали примерно на 20%¹⁴. Сильно преувеличенными оказались также первоначальные оценки, исходившие из содержания в кедабекской руде до 30% меди. Сверх того, практически остановилось строительство Кавказской железной дороги, что опрокинуло все расчеты рентабельности¹⁵. Под влиянием специалиста по металлургии Бернулли, которому братья доверили техническое руководство рудником, было начато строительство дорогостоящего медеплавильного завода с прилегающим рабочим поселком, а это потребовало значительных капиталовложений. Так, по состоянию на 1867 год в Кедабек оказалось вложено почти 400 тысяч рублей – ровно столько, сколько на тот момент времени составляла вся сумма инвестиционных и эксплуатационных потерь в Хмелеве и Струпове¹⁶.

Приехав в регион летом 1864 года, Карл нашел там кобальт, который можно было продавать с высокой прибылью¹⁷. В остальном же

Кедабек приносил только серьезные убытки. Бернулли оказался негодным техническим директором, а брат Вальтер абсолютно не мог справиться с управлением компанией. К этому добавились затяжные юридические споры с предыдущими владельцами рудника из-за неясностей с правовым статусом собственности. В конце 1865 года Вернер предпринял поездку на Кавказ и попытался непосредственно на месте направить развитие компании в правильное русло. Но и его пребывание не принесло долгосрочного улучшения.

И два года спустя ситуация с Кедабеком оставалась прежней. Вернер мрачно говорил «о кавказской бездне»¹⁸. Да и Карл испытывал «страх и беспокойство из-за неупорядоченности тамошней ситуации»¹⁹, как он писал Вернеру в марте 1867 года. Тем временем большая часть личного состояния как самого Карла, так и Вернера оказалась вложенной в Кедабек, поэтому надо было во что бы то ни стало избежать банкротства. Для этого, однако, следовало реформировать руководство рудника, что требовало регулярного присутствия одного из совладельцев – Вернера или Карла. В такой ситуации в поле зрения оказался еще один проект, которому было суждено приобрести огромное значение для «Сименс и Гальске» в этом регионе.

«От Лондона до Калькутты»

В середине XIX века Кавказ только на первый взгляд был удаленным регионом, в котором сталкивались интересы царской России, Османской и Персидской империй. При более пристальном взгляде становится очевидным стратегическое значение географического положения этого региона как моста между Европой и Азией. В то время как братья Сименс в Кедабеке в 1860-х гг. все глубже увязали в производстве меди, усиливался интерес российского государства к освоению Кавказа с помощью современных технологий связи. Уже в 1858 году Россия приступила к обширному строительству телеграфных линий на новоприобретенных южных территориях. Интерес к строительству телеграфной линии из Европы в Индию проявляла и Великобритания.

До изобретения электрического телеграфа на переписку между Лондоном и Индией – наиважнейшей британской колонией – уходило

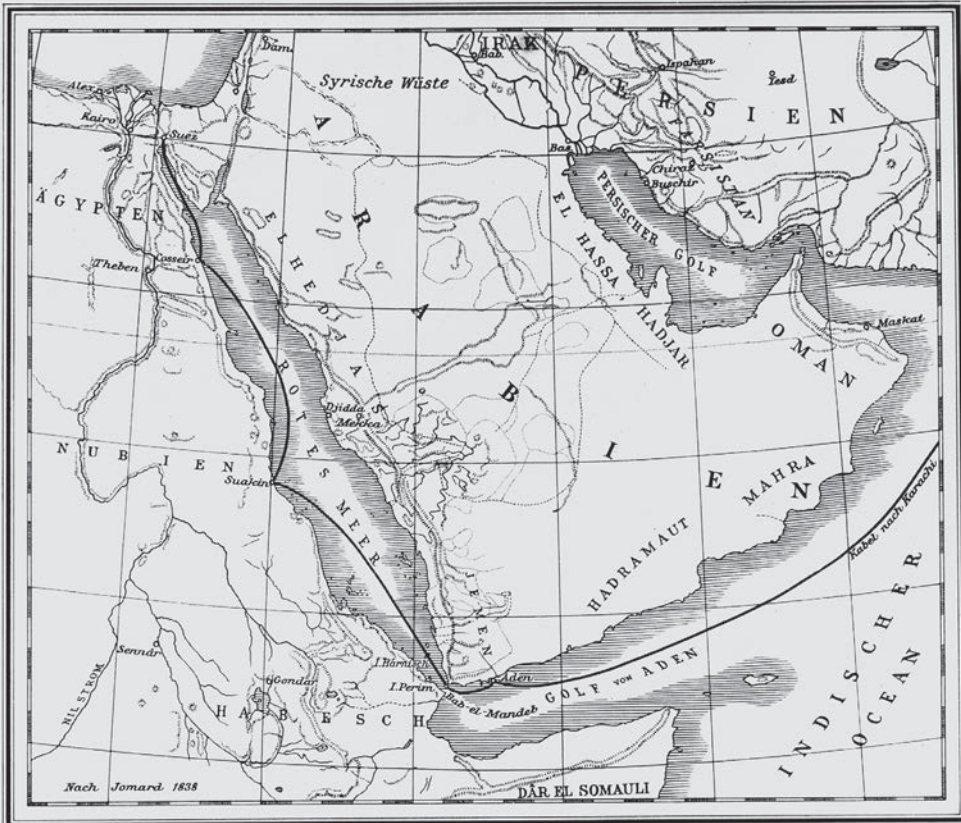

Схема прокладки первого морского кабеля в Индию по дну Красного моря и Аденского залива. 1859 г.

очень много времени. Корабельный путь вокруг мыса Доброй Надежды занимал – в зависимости от погодных условий – от пяти до восьми месяцев. По этой причине в 1830-х гг. был проложен сухопутный почтовый маршрут, соединивший Средиземное и Красное моря²⁰. В результате почтовое сообщение между Лондоном и Калькуттой, столицей британской Индии на берегу Бенгальского залива, удалось сократить примерно до 44 дней. Но и это не отвечало растущим потребностям в быстрой и надежной связи. В конце 1850-х гг. при участии «Сименс, Гальске и Ко» была предпринята попытка установить телеграфное со-

единение Индии с Лондоном с помощью подводного морского кабеля по дну Красного и Средиземного морей. Однако такие подводные кабели были еще недостаточно работоспособны и не могли гарантировать стабильной эксплуатации. Кабель, проложенный в Красном море в 1859 году, проработал целых два года, но впоследствии зарос кораллами и пришел в полную негодность²¹.

Подводные кабели пока не позволяли покрыть большое расстояние от Европы до Индии. А были ли иные варианты? С 1865 года действовала прямая телеграфная линия, которая шла от Карачи в нынешнем Пакистане через Бушер в Персии и османскую Малую Азию до Средиземного моря и далее уходила в Англию. Была ли стабильной эта линия связи? Как правило, нет. Вернер писал в своих воспоминаниях: «Линия обычно бывала прерванной, но даже когда она действительно оказывалась полностью в порядке, депешам нередко требовались целые недели, чтобы пройти по ней до конца, и в результате они поступали в пункт назначения в совершенно непонятном, искаленном виде»²². Тем не менее, несмотря на постоянные перебои, спрос был велик, и линия с самого начала пользовалась большой популярностью. Только за первые девять месяцев работы по ней было передано почти 23 тысячи телеграмм²³.

Кроме того, имелся еще один канал связи с Индией. Он шел через Тегеран к российской телеграфной сети на Кавказе, а оттуда – в Европу. Вместе с тем в воспоминаниях Вернера говорится, что «доставка государственных и торговых депеш на английском языке» оказалась «почти столь же непригодной, как и по специальной линии через Турцию»²⁴. Передача телеграмм через Россию нередко затягивалась на три-четыре недели. Проблемы, возникавшие на телеграфных линиях, свидетельствовали о том, что стабильную и эффективную связь между Лондоном и Индией могла обеспечить только организация, которая располагала бы технической компетенцией, мощным капиталом, хорошими политическими связями и внутренней координацией.

Карл еще в 1856 году выдвинул идею строительства непрерывной телеграфной линии из Лондона в Индию по территории Российской империи и Персии. Он считал, что телеграфно-строительная компания превосходно подходит для такого проекта, поскольку сам Карл находился в России, а Вильгельм – в Лондоне. Но Вернер и Гальске восприняли его идею в штыки. По причинам технического, организационного и политического характера они не питали большого оптимизма насчет реализации проекта «сухопутной линии, которая представляется

очень опасной»²⁵. Годом ранее Великобритания и Россия перестали воевать – закончилась Крымская война. Но и после этого в отношениях между имперскими державами в Центральной Азии то и дело возникала большая напряженность. В таких условиях надежд на политическую поддержку деликатного в стратегическом отношении проекта телеграфной связи между Лондоном и Индией было мало. Ведь, в конечном счете, «Сименс и Гальске» пришлось бы заключать обстоятельные соглашения с британской колониальной властью в Индии, с персидским шахом, с русским императором и с Пруссией – последней территорией, замыкавшей маршрут кабеля до Лондона.

Шансы создать Индо-Европейскую сухопутную линию связи выросли только после неудачного опыта эксплуатации британского подводного кабеля через Красное море. В мае 1861 года Карл вернулся к своему предложению попытаться получить строительную концессию у Персии для «Сименс и Гальске» и продвигал эту идею и в течение следующих лет²⁶. Вести строительство телеграфной линии в Индию силами предприятия под чисто британским управлением, как предлагал Вильгельм, казалось ему малоперспективным. В октябре 1865 года Карл писал поэтому брату в Лондон:

«Нельзя вести дело так, как это, наверное, видится тебе, потому что русское правительство никогда не передаст эксплуатацию своих собственных линий в руки английской компании. Оно не прочь поручить его нам – тем, кого оно знает и кому оно доверяет, но чужаков оно никогда не допустит»²⁷.

Карл пользовался доверием русского правительства и мог развеять его первоначальный скептицизм относительно проекта. В марте 1867 года он сообщил Вернеру, что вновь назначенный министр по делам телеграфа Людерс «загорелся идеей индийской линии»²⁸. В течение последующих месяцев братья получили концессии сначала от прусских, а затем и от русских властей. Открытым оставался вопрос об отрезке персидской территории, за которую отвечал Вальтер. После переговоров и, как выразился Карл в письме Вернеру, «соответствующих подарков»²⁹ персидским сановникам, в январе 1868 года Вальтер, наконец, получил и эту последнюю концессию.

Теперь нужно было решить вопросы по инвестиционному капиталу, организации строительных работ и будущей компании-операторе. Поначалу Вернер хотел сделать Берлин центром всего предприятия. Но Карл и Вильгельм нашли убедительные аргументы в пользу Лон-

дона как гораздо более подходящего места. Из-за необходимости привлечения колоссального капитала братья решили вести строительство и эксплуатацию Индо-Европейской телеграфной линии в рамках акционерного общества³⁰. В январе 1868 года была объявлена подписка на первые акции. Три месяца спустя, 8 апреля 1868 года, в Лондоне была учреждена «Индо-Европейская телеграфная компания» (Indo-European Telegraph Company).

Новое акционерное общество представляло собой организационно независимое от «Сименс и Гальске» предприятие – даже несмотря на то, что трем братьям Сименс принадлежала в нем значительная доля – в общей сложности около 20%. Летом 1868 года «Сименс и Гальске» подписала с «Индо-Европейской телеграфной компанией» контракт сроком на 25 лет на строительство и обслуживание телеграфной линии. Речь шла о прокладке нового кабеля общей протяженностью 4600 километров между прусским городом Торн и Тегераном, большая часть которой велась по труднопроходимой местности и отдаленным районам. Обустройство следующего участка линии связи от Тегерана до Калькутты британское правительство взяло на себя. По расчетам «Сименс и Гальске», для строительства требовалось почти 70 тысяч телеграфных столбов. Кроме того, речь шла об оборудовании линии техническими приборами с дорогостоящей поставкой из Берлина. В отношении строительных работ братья договорились о таком распределении обязанностей: Вильгельм в Лондоне должен был готовить прокладку подводного кабеля в Черном море, Вернер и Карл взяли на себя ответственность за строительство наземной линии³¹.

Учреждение «Индо-Европейской телеграфной компании» было для Карла особым успехом – ведь на протяжении многих лет он отстаивал этот проект. После многочисленных неудач с предприятиями по деревообработке, производству стекла и добыче меди Индо-Европейская телеграфная линия, наконец, предоставила ему возможность реализовать крупный проект в той самой области, в которой Карл мог лучше всего проявить свои организаторские способности, то есть в строительстве телеграфа. Индо-Европейская телеграфная линия имела особое значение и для «Сименс и Гальске». По прошествии всего нескольких месяцев после соглашения о реорганизации фирмы этот проект стал для нее первым шансом продемонстрировать потенциал «всемирно известной компании» перед лицом международной общественности.

Плавильная печь
в Кедабеке.
Около 1880 г.

Переезд в Тифлис

Итак, всего за несколько лет Кавказ стал регионом, в котором сосредоточились жизненно важные интересы братьев Сименс. На тот момент производство меди в Кедабеке оказалось самым дорогостоящим побочным бизнесом Вернера и Карла. В то же время Тифлис представлял собой идеальное место для координации строительства Индо-Европейской линии на юге России и в Персии. Для Карла еще важнее было то (и на это он неоднократно указывал в дискуссиях с братьями), что там мягкий климат. Он надеялся, что состояние здоровья Марии и детей серьезно поправится на Кавказе. Его решение в пользу Тифлиса, писал он Вернеру 31 января 1867 года, хорошо продумано, так как, во-первых, «все его имущество вложено в Кавказ, и, во-вторых, именно там есть перспективы обрести, наконец, выздоровевшую жену»³². В течение следующих месяцев ему надо было еще уладить в Санкт-Петербурге деловые и личные вопросы. Перед отъездом из Петербурга Карл отправил брату Фридриху последнее письмо:

«Сегодня – 18 мая, но до сих пор море, озеро и поля покрыты льдом и снегом и по ночам еще случаются заморозки. Когда дня три назад я поднялся с постели, то крыши и улицы были покрыты слоем снега такой толщины, что в нем утопала бы нога. Я даже не могу тебе описать, как мне надоел этот ужасный климат и с каким удовольствием я навсегда повернусь спиной к этому волчьему логову, в котором я застрял на целых 14 лет. В понедельник начинаю упаковывать мои пожитки»³³.

Лето Карл провел с Марией и детьми в Германии. В октябре 1867 года семья добралась до Тифлиса³⁴.

Вальтер снял для брата просторный дом в модном новом районе Тифлиса. В октябре ремонт, правда, еще не был завершен, и семья Карла сначала пришлось поселиться у Вальтера. К беспорядку холостяка приезжие привыкали лишь с большим трудом. Домашнее хозяйство Вальтера «ужасно раздражает»³⁵, жаловался Карл Вернеру в ноябре. Переехать в новый дом получилось только несколькими месяцами позже запланированного срока. К трудностям домашним прибавились большие деловые проблемы на Кавказе. Это «истинное счастье, что я приехал сюда, – писал Карл Вернеру в ноябре 1867 года, – потому что при прежнем ведении дел мы просто бы погибли. Куда ни приду, все говорят мне одно и то же – столь нехороша уже слава нашего дела»³⁶.

Особенно плохо дело обстояло в Кедабеке. Директор Бернулли явно просчитался при выборе расположения медеплавильного завода в высокогорной долине, поскольку имевшегося водонапора не хватало для регулярной работы металлургического предприятия. Уже вскоре после завершения строительства завода весной 1867 года в узкую долину Кедабека примитивными средствами пришлось возить древесный уголь. Часто случалось, что из-за отсутствия топлива завод простаивал целыми неделями³⁷. Производство меди налаживалось в этих условиях лишь очень медленно и даже не позволяло покрыть высокие эксплуатационные расходы – ведь к тому времени в Кедабеке было занято уже 500 рабочих. Когда по приезду на Кавказ Карл осмотрел завод, то впервые осознал масштаб проблемы. В конце ноября 1867 года он пишет директору Бернулли раздраженное письмо:

«Если кто увидит Кедабек, то вряд ли подумает, что этот завод принадлежит частным лицам, которые заработали свой капитал ценой больших усилий и забот. [...] Вид Кедабека произвел на меня удручающее впечатление, потому что все постройки показались мне надгробиями, установленными над результатами четырехлетнего труда»³⁸.

Поскольку проект Индо-Европейской телеграфной линии все еще находился на стадии подготовки, Карл захотел начать с наведения порядка в производстве меди. Самой острой проблемой Кедабека был недостаточный завоз топлива для плавильного производства – оно привозилось на телегах, что было очень дорого. Поэтому Карл с энтузиазмом воспринял весть о богатых месторождениях нефти на Кавказе.

Огромное значение нефти постепенно стали понимать лишь где-то в середине XIX века. В 1859 году в Пенсильвании наткнулись на богатые нефтяные месторождения, которые начали эксплуатировать для широкомасштабного производства керосина. В 1870 году Джон Д. Рокфеллер из нескольких фирм учредил «Стандард Ойл Компани» (Standard Oil Company), которая всего за несколько десятилетий сделала его самым богатым человеком в мире³⁹. Через несколько лет после начала бума нефтяной вал, пришедший из США, захлестнул и Кавказ. В середине 1860-х гг. там предприняли первые попытки добывать нефть и открыли блестящие перспективы развития нефтяного бизнеса⁴⁰.

От этого соблазна Карл Сименс удержаться не смог. Еще до переезда в Тифлис он проводил лабораторные опыты с образцами кавказской нефти и подумывал о том, чтобы использовать для освещения газ, получаемый при добыче нефти. В нефтяном деле сейчас можно «выжать для себя самые превосходные условия»⁴¹, – писал он Вернеру в январе 1867 года. «Лучшего материала, чем нефть [...], не найти нигде»⁴². Когда Карл узнал о нефтяных месторождениях близ Кедабека, то начал строить планы насчет использования нефти для нагрева плавильных печей. Он вновь сообщил Вернеру, что братья могли бы сделать «блестящий бизнес»⁴³. Младший брат Отто, который незадолго до этого приехал на Кавказ, уже в марте 1867 года обследовал разные месторождения.

Вальтер и Отто высказались за немедленное вхождение в нефтедобычу. Вернер же хотел сначала выждать. Братьям, мол, не следовало бы повторять ошибку, бросаясь на новый проект без достаточной к нему подготовки. В июне 1867 года он увещевал Карла в письме:

«Все же нам нужно сначала завершить один этап и ничего не начинать заново, пока еще есть в старом деле достаточно простора для работы и капитала! [...] Нельзя хотеть самим заработать все, а выстроенное колоссальное горнодобывающее предприятие уже достаточно велико для наших сил»⁴⁴.

В конце концов поддержка Карла сыграла решающую роль. Летом он взял в аренду три нефтяные скважины в местечке Царские Колодцы близ Тифлиса. Руководство добычей нефти и строительством нефтеперерабатывающего завода было поручено Отто.

Теперь на Кавказе находились уже три брата Сименс – Карл, Вальтер и Отто, и там они стали пионерами нефтедобывающей отрасли Европы. В результате приобретений и аренды они увеличили чис-

Пятеро братьев Сименс. Стоят (слева направо): Вальтер, Карл, Вернер и Отто; сидят: Вильгельм и его жена Анна. Около 1860 г.

ло своих нефтяных скважин до 270⁴⁵. Они стали первыми предпринимателями в регионе, которые начали добывать нефть из скважин с помощью современной техники. На Политехнической выставке 1872 года в Москве за это достижение их удостоили золотой медали по категории «Нефтепродукты»⁴⁶.

Карлу пришлось, однако, вскоре расстаться с первоначальной надеждой на то, что нефтяной бизнес позволит решить вопрос о снабжении Кедабека топливом. Доставка в деревянных бочках на повозках оказалась бы слишком затратной. Медеплавильный завод по-прежнему зависел от дорогих поставок угля и становился все более убыточным. Да и в условиях падения цен на медь на мировом рынке не было никаких признаков того, что Кедабек скоро удастся вывести на прибыльность. Раздражение Карла по поводу рудника все росло. В январском письме 1868 года он жаловался Вернеру, что ему кажется, будто на Кавказе «на всех наших начинаниях лежит настоящее проклятие»⁴⁷.

Но дело обернулось еще хуже. Вальтер, по предложению которого был куплен Кедабек, вернулся в январе 1868 года из поездки в Тегеран. Персидская концессия для Индо-Европейской телеграфной линии теперь была обеспечена, и казалось, что по меньшей мере одному из проектов братьев Сименс удалось пойти по перспективному пути. Вальтер вел в Тифлисе подготовку к строительству телеграфа, но 24 июня 1868 года во время верховой езды у него произошел несчастный случай, и через день он скончался от полученных травм⁴⁸.

Нежданная смерть младшего брата обернулась для Карла тяжелым шоком. С Вальтером он работал в России на протяжении восьми лет. И хотя братья частенько спорили, но, в принципе, хорошо ладили друг с другом. Через два дня после кончины Вальтера Карл в глубокой печали писал Вернеру:

«Даже не могу описать тебе, насколько близко к сердцу я принял эту беду, ведь несмотря на его легкомыслие, которое всегда вызывало у меня большую тревогу, все же я очень любил Вальтера. Он был для меня олицетворением Кавказа, и без него Кавказ кажется мне опустошенным. Кавказ предстает передо мной словно покрытым завесой меланхолии, и пройдет много времени, прежде чем рассудок мой сумеет разорвать ее и вновь взяться за дело со свежей силой»⁴⁹.

Такая свежая сила была действительно необходима Карлу, потому что с проектами братьев Сименс на Кавказе дело обстояло нехорошо. Проблемы с Кедабеком и развитие нефтедобычи уже и так требовали полного внимания Карла, а тут со смертью Вальтера на него легли дополнительные обязательства. Теперь ему пришлось взять на себя ответственность за строительство Индо-Европейской телеграфной линии. К этому добавились большие финансовые проблемы Вальтера, которые лишь постепенно всплывали на поверхность. Вальтер годами предавался игровой страсти и оставил после себя кучу долгов, которые пришлось погашать старшим братьям. Несмотря на свое горе, Карл теперь все более явно выказывал раздражение по мере того, как разбирал наследие Вальтера в Тифлисе. Через три недели после смерти брата он писал Вернеру, будучи вне себя от ярости:

«Ну и что ты теперь скажешь о Вальтере? Он был самым бессовестным негодяем, какого только когда-либо озаряло солнце! Слава Богу, что мы избавились от него столь приличным образом! В противном случае нас ожидали бы скорый позор и разорение»⁵⁰.

Такие несдержанные замечания встречаются в письмах Карла крайне редко. С другой стороны, в Тифлисе он уже давно находился в исключительно сложной ситуации, в которой вряд ли мог действовать более осмотрительно. Когда Вернер получил это письмо, Карл уже уехал с Кавказа.

Смерть Марии

Вопреки надеждам Карла, слабое здоровье Марии на Кавказе не поправилось. В январе 1868 года, через несколько месяцев после прибытия в Тифлис, он писал Вернеру, что Мария «по-прежнему продолжает страдать»⁵¹, как это было и в Санкт-Петербурге. Карла очень беспокоило, сумеет ли жена с ее слабым здоровьем и после нескольких выкидышей пережить новую беременность⁵². В последующие месяцы здоровье Марии поначалу стабилизировалось, и по совету врача семья решила провести лето на курорте Боржоме. Но в мае ситуация снова обострилась. У Марии началось сильное воспаление горла, и она могла спать, только приняв опиум. К концу июня, когда приблизился срок родов, Карл в отчаянии писал Вернеру: «Мария ожидает родов всякий час, но она так слаба и жалка, что я не без ужаса жду катастрофы. Если меня здесь настигнет несчастье, то жизнь моя будет сломлена»⁵³.

26 июня Карл получил сообщение о кончине Вальтера, а через пять дней у Марии произошли роды. Рождение дочери Элеоноры прошло вопреки ожиданиям хорошо, и Карл на целый день уехал на похороны брата в Тифлис. По возвращении в Боржоме его ожидало новое ужасное известие. Наблюдавший жену врач д-р Реммерт сообщил, что Мария страдает грудной болезнью. Кавказский воздух для нее, мол, вреден, и нужно срочно менять место жительства. Эта новость застигла Карла «практически врасплох»⁵⁴, как он выразился в письме Вернеру от 16 июля. Ведь он стремился переехать в Тифлис прежде всего из-за болезни жены, а после смерти Вальтера его присутствие в этом регионе становилось еще более необходимым, чтобы руководить проектами братьев Сименс. Неделий позже Вернер получил из Тифлиса телеграмму с убийственной новостью: «Туберкулезное заболевание горла Марии опасно, единственное спасение срочная перемена воздуха, сегодня все уезжаем в Триест, надежд мало»⁵⁵.

Мария, супруга Карла.
Без даты

Сперва Карл и Мария направились в Вену, где врачи установили туберкулез в продвинутой стадии⁵⁶. Если диагноз был верным, то болезнь была действительно неизлечима – даже если Карл поначалу не хотел в это верить. Конец лета он провел с Марией на курорте Ишль в Верхней Австрии, где Карл снял квартиру в крестьянском доме и самозабвенно заботился о жене. Шансов на поправку почти не было, о чем он в середине августа писал Вернеру: «С надеждой я давно уже распрощался и могу только пожелать ей скорейшего и безболезненного конца. Желать продолжения такой жизни было бы жестоко»⁵⁷.

Осенью семья еще на некоторое время заехала к родственникам по линии Капгеров в Дрезден, а Карл тем временем искал квартиру в Берлине. В течение последующих изнурительных месяцев Вернер по мере сил заботился о младшем брате. Он и сам несколько лет назад потерял жену Матильду, которая скончалась после тяжелой болезни, и на личном опыте мог понять тяжелое эмоциональное состояние Карла. В переписке братьев мы неоднократно встречаем трогательные ободряющие слова Вернера.

При всем проявленном понимании Вернер не упускал из виду и деловые интересы «Сименс и Гальске». Всего два года назад братья после

долгих дискуссий согласились на заключение договора о реорганизации совокупного бизнеса. Не в последнюю очередь из-за настояний Карла они решились превратить Кавказ с Кедабеком, добычей нефти и Индо-Европейской телеграфной линией в новый центр своей будущей предпринимательской деятельности. Оба «удара кавказского грома [смерть Вальтера и отъезд Карла]» могут поэтому опрокинуть «все наше здание» и поставить под угрозу «все существование» компании, писал Вернер Вильгельму в июле 1868 года⁵⁸.

Карл считал, что Отто не способен один взять на себя ответственность за Кедабек и Индо-Европейскую телеграфную линию. По этой причине Вернер в сентябре 1868 года сам поехал на несколько месяцев на Кавказ, чтобы организовать там местный бизнес. При всем сочувствии к семейным тяготам Карла он считал совершенно необходимым, чтобы в его отсутствие брат позаботился о бизнесе в Берлине: «Как бы тебе и ей [Марии] ни было тяжело, это – настоятельное требование необходимости и долга, которое и мне приходилось всегда исполнять в похожих и, наверное, даже еще более страшных обстоятельствах»⁵⁹, – писал он в начале августа 1868 года. Насколько позволяло здоровье жены, Карл в отсутствие Вернера участвовал в руководстве компанией в Берлине. Но в последующие месяцы иссякающие силы Марии не позволяли ему даже думать о работе.

Состояние здоровья Марии менялось то в одну, то в другую сторону, но не обнаруживало стабильного улучшения, несмотря на интенсивную медицинскую помощь. «С нашей медицинской наукой дело все же обстоит очень слабо»⁶⁰, – писал Карл в начале декабря Вернеру. В последующие недели здоровье Марии стало быстро ухудшаться. Перспектив улучшения уже не было, и Карл просто надеялся, что она в скором времени избавится от мучительной боли⁶¹. Все надежды прошлых лет оказались обманутыми: ни переезды на Кавказ, в Ишль, в Дрезден, наконец, в Берлин, ни многочисленные консультации лучших врачей не помогли. 30 января 1869 года Вернер озабоченно сообщил Вильгельму:

«Марии так плохо, что вряд ли может быть хуже! Уж скорее бы это кончилось. Бедный Карл совершенно изнурен постоянным горем и полным отсутствием покоя! Думаю, что дольше одного-двух дней это уже не продлится. Столь тяжкая смерть все же так ужасна!»⁶².

Вскоре Мария потеряла сознание. 1 февраля 1869 года она скончалась в Берлине. Смерть жены не положила конец страданиям Карла – через ме-

сяц его настиг еще один удар судьбы. 3 марта 1869 года, в день 40-летия Карла, в возрасте всего девяти месяцев умерла и его дочь Элеонора.

После смерти Марии и дочери вдовец ненадолго задержался в Берлине. После похорон Элеоноры он отвез детей – Вернера, Шарлотту и Марию – к родственникам в Дрезден, сам же направился дальше, в Англию, чтобы там возглавить дальнейшую координацию строительства Индо-Европейской телеграфной линии и, как надеялся Вернер, «вновь освежиться с помощью деловой активности»⁶³. После краткой остановки в Брюсселе Карл в середине марта 1869 года прибыл в Лондон.

Строительство Индо-Европейской телеграфной линии

В Лондоне Карл энергично набросился на работу – не в последнюю очередь для того, чтобы вытеснить из памяти последние страшные месяцы⁶⁴. Дел было более чем достаточно, так как после длительного планирования строительство Индо-Европейской телеграфной линии вступало в критическую фазу. Важным условием бесперебойной реализации проекта было улучшение часто осложнявшихся отношений между компаниями «Братья Сименс» и «Сименс и Гальске». Разногласия возникали в прошлом не только между Вернером и Вильгельмом. Раздоры братьев находили свое продолжение и в общении руководящих служащих компаний в Берлине и Лондоне между собой. С самого начала Карл выступил здесь в роли посредника. В одном из своих первых писем Вернеру из Лондона 24 марта 1869 года он ясно дал понять, что ответственность несут оба спорщика:

«Что же, наконец, касается недоразумений между тобой и Вильгельмом, так мне кажется, что вы оба здесь не без вины. Ты – потому что не всегда заглядываешь в письма, когда на них отвечаешь. Это как раз то, что я и сам порой жаловался из Петербурга. А Вильгельм – потому что он всегда слишком спешит (утверждает, что ему все время мешают), да еще потому, что он слишком рассчитывает на твоё знание местных условий и мнений. Когда слышишь, как он говорит, то это звучит в 100 раз яснее и разумнее, чем содержание его лаконичных писем. Двухчасовой беседой все можно было бы привести в порядок. Чтобы правильно понять его аргументы, надо точно уяснить себе его позицию»⁶⁵.

В Лондоне Карлу удалось благодаря свойственной ему большой чуткости снять остроту сложных отношений между Вильгельмом и Вернером.

Его сотрудничество с Вильгельмом шло на удивление хорошо. Споры по вопросам руководства компанией и чувства соперничества не возникало. Напротив: никто столько не выиграл от переезда Карла в Лондон, как сам Вильгельм, который теперь мог рассчитывать на поддержку младшего брата в строительстве Индо-Европейской телеграфной линии. Весной 1869 года Карл принял на себя основную ответственность за этот крупнейший до тех пор проект «Сименс и Гальске».

Строительство Индо-Европейской телеграфной линии было трудным не только из-за ее протяженности. Большая проблема состояла в том, чтобы своевременно и в сохранности доставлять строительные материалы на место назначения – нередко в отдаленные регионы⁶⁶. На части трассы использовались устойчивые к воздействию климата металлические мачты, которые производились Вильгельмом в Англии. Техническое оборудование поступало с заводов «Сименс и Гальске» в Вулвиче и Берлине. Прежде всего поставки на Кавказ и в Персию были сопряжены с колоссальными логистическими усилиями. Материалы сначала доставлялись в Россию, а затем кораблями вниз по Волге – от Нижнего Новгорода до Астрахани и далее через Каспийское море. Из персидского порта Энзели (ныне Бендер-Энзели) доставка в глубь страны осуществлялась караванами мулов и верблюдов. Нападения конников, попытки разграбления и перестрелки с местным населением стали обычным явлением. Из-за такой опасности руководитель персидского участка строительства Эрнст Хельтцер отдал строительным бригадам распоряжение «никогда не ходить на работу без оружия»⁶⁷.

В Лондоне Карл поначалу занялся координацией разработки планов строительства Индо-Европейской телеграфной линии. Пятнадцатью годами ранее он в аналогичных условиях успешно осуществил строительство российской телеграфной линии и отлично разбирался во всех организационных трудностях. В начале мая 1869 года Карл направился в Берлин, затем забрал сына Вернера из Дрездена и вместе с Вильгельмом сел в Вене на корабль для путешествия по Дунаю. Через четыре недели оба брата через Константинополь добрались до Кавказа. В начале июля Карл и Вильгельм проложили по дну Черного моря единственный более-менее длинный подводный кабель Индо-Европейской телеграфной линии.

Работы и далее велись в хорошем темпе, и через девять месяцев, 12 апреля 1870 года, братья отважились на торжественную генеральную репетицию: в присутствии приглашенных гостей с лондонской телеграфной станции была отправлена депеша, которая, преодолев 11 ты-

сяч километров, достигла далекой Калькутты всего за 28 минут⁶⁸. На следующий день Карл писал Вернеру, что представление прошло «абсолютно блестяще»⁶⁹ и оставило сильное впечатление. При технической приемке линии британский инженер Вильям Х. Барлоу написал в своем отчете о проведенной инспекции: «Я могу с самой полной уверенностью сказать, что вряд ли когда-либо была построена телеграфная линия лучше. [...] Это – работа высшего класса»⁷⁰.

Обмен сообщениями между Европой и Индией разом изменился. На линии использовалась разработанная Вернером новая автоматическая система коммутации, позволившая заменить прежнюю систему, при которой на промежуточных станциях сообщения пересылались вручную, на что уходило много времени. Вернер писал в мемуарах, что в результате «посредством линии протяженностью свыше 10 тысяч километров Лондон и Калькутта разговаривали друг с другом столь же быстро и надежно, что и две расположенные по соседству телеграфные станции в Англии»⁷¹. Телеграфный обмен между Индией и Европой осуществлялся таким образом до 1931 года, то есть более 60 лет. В Персии линия оставалась в эксплуатации до 1960-х гг., в Грузии еще в 1990-е гг. можно было найти железные телеграфные столбы Индо-Европейской линии⁷². Отличная работа братьев Сименс принесла им и финансовый успех. После первоначальных трудностей «Индо-Европейская телеграфная компания» стала регулярно выплачивать высокие дивиденды.

Успешное завершение строительства Индо-Европейской телеграфной линии, за что так настойчиво выступал Карл, должно было доставить ему большое удовлетворение. Теперь он, наконец, снова добился крупного коммерческого успеха – такого же, какой он последний раз праздновал 15 лет назад, еще совсем молодым человеком, при строительстве российского телеграфа. После обескураживающих неудач с непрофильными проектами, трудных дискуссий с братьями о будущем «Сименс и Гальске» и после тяжелых утрат своих близких достигнутый успех и общественное признание придали Карлу новых сил.

С прокладкой подводного кабеля в Черном море в июле 1869 года завершилось и непосредственное участие Карла в строительстве телеграфной линии. Пришло время затронуть тему, которой братья тактично избегали на протяжении последних месяцев. Вернер и Вильгельм проявили большое понимание глубокой скорби Карла по Марии. Но ее смерть означала и то, что после долгих забот о жене Карл вновь

стал более независимым и мобильным. Всего двумя годами ранее Вернер, Вильгельм и Карл достигли соглашения о будущем своего предприятия. И вот теперь, после трудных дискуссий прошедших лет, снова встал вопрос: какое место Карл хотел бы занять в будущем в компании «Сименс и Гальске»?

Берлин или Лондон?

Вопрос о возвращении в Россию для Карла не возникал ни по личным, ни по деловым причинам. Мария умерла, а ее семья переселилась из Санкт-Петербурга в Дрезден. Опыт 10 лет показал, что с деловой точки зрения Российская империя не сулила тех перспектив, на которые надеялся Карл. А учредительный договор 1867 года оставил открытым вопрос о том, куда отправляться Карлу после Кавказа – в Берлин или Лондон.

Вернер выступал за возвращение брата в Берлин, где бизнес теперь пошел лучше. Только за период 1860–1870гг. телеграфные сети германских государств выросли в три раза¹. Индо-Европейская телеграфная линия тоже принесла заказы на изготовление технических устройств. После долгой стагнации объем продаж в 1868 финансовом году впервые превзошел рекорд 1855 года, и компания уже насчитывала около 700 сотрудников². Совокупный бизнес компании «Сименс и Гальске» теперь достиг такой величины, что Вернер уже больше не мог один справляться с управлением компанией в Берлине. Либо его будет поддерживать Карл, либо нужно будет нанимать других руководящих сотрудников. Летом 1869 года Вернер писал об этом Карлу: «В противном случае дела совсем погребут меня под собой»³.

То были годы, когда Пруссия победила в нескольких войнах и заняла главенствующую позицию среди германских государств. В германо-датской войне 1864 года Пруссия и Австрия поначалу вместе захватили датские провинции Шлезвиг и Гольштейн. Два года

На фото: «Фарадей» – корабль компании «Братья Сименс» для прокладки подводного кабеля. 1874 г.

спустя уже между обеими этими странами началась война, исход которой был определен победой Пруссии в битве под Кёниггрецем. Под эгидой Пруссии возник Северогерманский союз. Четырьмя годами позднее, в январе 1871-го, после франко-германской войны, была образована Вторая Германская империя. С формированием германской государственности исполнилась давняя мечта Карла, и это еще больше укрепило его в желании вернуться в Берлин⁴.

Оставался, однако, вопрос о том, кому взять на себя руководство бизнесом в Лондоне. При всех научных и технических достижениях Вильгельма братьям было ясно, что для такой работы он не подходит. Разработка регенеративной печи, над которой трудился Вильгельм, находилась на пороге решающего прорыва, и в 1869 году в валлийском городе Суонси он основал «Ландор Сименс Стил Компани» (Landore Siemens Steel Company)⁵. Все свое внимание он сосредоточил теперь на производстве стали. В то же время строительство Индо-Европейской телеграфной линии открыло братьям Сименс глаза на важность Англии как центра глобальных телеграфных проектов. На пути к «всемирно известной компании» фирма «Сименс и Гальске» никак не могла обойтись без Лондона – это признавал и Вернер.

В свете этих фундаментальных размышлений Карлу было очень трудно принять решение. По пути на прокладку кабеля к Черному морю в июне 1869 года он писал Вернеру из Константинополя:

«Решить вопрос о моем собственном будущем мне будет очень сложно. Слишком много здесь «за» и «против». Конечно, меня тянет в Берлин, но, с другой стороны, я должен признаться самому себе, что с деловой точки зрения я там буду не совсем к месту [...]»⁶.

По завершении прокладки подводного кабеля Карл на несколько дней отправился в Тифлис и там принял, наконец, свое решение. В июле, возвращаясь из Константинополя, он сообщил Вернеру, что основательно продумал вопрос и пришел «к выводу, что в Лондоне я смогу быть полезен, а в Берлине – лишь совсем немного. Там для меня нет подходящих дел [...]»⁷.

Карл фон Сименс.
Около 1870 г.

Новые перспективы

Заняться «подходящими делами» означало для Карла в первую очередь то, что он не вернется к руководству российским отделением, которое на протяжении многих лет уже не прокладывало никаких крупных телеграфных линий, а только управляло стагнирующим бизнесом по продажам и ремонту. Карл не хотел брать на себя и ответственность в Берлине, где Вернер сосредоточился на научных исследованиях и конструкторских работах, а также на производстве технических устройств. «В производстве я понимаю недостаточно»⁸, – заявил он в письме брату. Его, скорее, привлекали задачи крупных проектов наподобие тех, которые он уже реализовал при строительстве российской телеграфной сети и совсем недавно – на Индо-Европейской телеграфной линии. В июне 1869 года Карл писал Вернеру:

«Петербургский бизнес сделал меня больше коммерсантом и знатоком человеческой природы. Я чувствую, что [в Берлине] я буду пятым колесом в телеге. Если таких проектов будет много [здесь имелись в виду международные телеграфные проекты вроде Индо-Европейской линии], то более подходящей для меня была бы Англия»⁹.

При планировании своего будущего Карл придерживался того же мнения, что и Вильгельм, который уже много лет высказывался за концентрацию усилий на реализации «предприятий»¹⁰. Вильгельм имел в виду проектный бизнес наподобие Индо-Европейской телеграфной линии, где компания несла полную ответственность за планирование, финансирование, выполнение строительных работ и создание компании-оператора. Индо-Европейский проект обернулся для «Сименс и Гальске» не только прямым финансовым успехом. Еще важнее было то, что компания смогла подтвердить свое умение решать технические и организационные вопросы и сумела позиционировать себя в качестве компетентного подрядчика на глобальном рынке телеграфии¹¹.

В 1860-х гг. прокладка подводных морских кабелей начала приобретать особое значение. После 1850 года в Европе, Северной Америке и в колониях европейских государств возникли телеграфные сети протяженностью в десятки тысяч километров. Но трансконтинентальной телеграфной сети еще не было. Более того, континентальные сети были сильно фрагментированы и межконтинентальных соединений почти не существовало. Правда, с ростом коммерческого спроса на глобальные коммуникации интерес к таким соединениям тоже начинал расти.

Лондон, финансовая столица мира и сердце Британской империи, стал центром этих усилий¹². «Прокладка кабеля по всему миру»¹³ велась преимущественно британскими компаниями. В 1864 году шотландский предприниматель Джон Пендер основал компанию «Строительство и техническое обслуживание телеграфа» (Telegraph Construction and Maintenance Company), ставшую ведущим подрядчиком в мире по производству и прокладке подводных морских кабелей, качество и долговечность которых были значительно улучшены¹⁴. В 1870 году именно Пендер проложил подводный кабель до Бомбея и организовал альтернативную линию телеграфной связи с Индией, которая составила значительную конкуренцию братьям Сименс. Двумя годами позднее он объединил несколько компаний-операторов в «Истерн Телеграф Компани» (Eastern Telegraph Company). Таким образом Пендер не только стал доминировать в производстве и прокладке подводных кабелей, но и занял высокоприбыльное монопольное положение на многих международных линиях телеграфной связи. Его объединенная компания «Истерн энд Ассошиэйтед Телеграф Компаниз» (Eastern and Associated Telegraph

Companies) контролировала в 1892 году 45% всех телеграфных линий в мире и порядка 70% – в Британии. Это была крупнейшая мультинациональная компания XIX века. Кабельные линии Пендера стали «нервной системой Британской империи»¹⁵.

Чтобы конкурировать с Пендером и утвердиться в глобальном телеграфном бизнесе, братьям Сименс больше нельзя было сводить свое дело только к производству, поставкам и строительству. Уж если выступать в одном «концерте» с крупными телеграфными компаниями, то надо было освоить совершенно новую модель бизнеса. Большие проекты, какие виделись Карлу и Вильгельму, базировались на финансировании через рынок капитала, а также на сочетании поставок, строительства и эксплуатации. Но при всех шансах на успех этот так называемый предпринимательский бизнес повышал и финансовые риски¹⁶.

По этой причине Вернер со скепсисом относился к такому «предпринимательству». Он и без того лишь с трудом согласился на строительство Индо-Европейской телеграфной линии. «Проекты, охватывающие производство и поставки, могут просуществовать несколько поколений, и это более отвечает моему вкусу»¹⁷, – писал он в ноябре 1867 года Вильгельму. Быть может, дело было и в том, что Вернер успел достигнуть солидного возраста, но, во всяком случае, старший из трех братьев не хотел ставить на карту судьбу компании из-за рискованных проектов.

«Поставки образуют солидную основу долговременного дела, в то время как проекты приносят плоды только при наличии особо благоприятных шансов. Чисто предпринимательское дело требует молодых и смелых руководителей, которые всегда готовы связать свою жизнь с реализацией большого проекта»¹⁸.

Сорокалетний Карл тоже уже не был очень молодым, но был больше готов идти на риск, что неоднократно и доказывал на протяжении предыдущих двух десятилетий. Поэтому он не смог устоять перед соблазном крупных телеграфных проектов в Лондоне, хотя возвращение в Берлин летом 1869 года было бы для него решением более удобным во многих отношениях. 17 августа он подтвердил в письме Вернеру свое мнение о том, что в Англии «сейчас как раз самый подходящий момент для меня»¹⁹. После завершения прокладки подводного кабеля в Черном море Карл отдохнул на курорте в конце лета 1869 года, провел несколько недель по делам в Берлине, а затем занялся подготов-

кой переезда в Лондон: «Это исполинская работа – такое тотальное переселение со всем своим скарбом»²⁰, – писал он Вильгельму в середине октября. 11 ноября 1869 года Карл вместе с детьми и прислугой прибыл в Лондон.

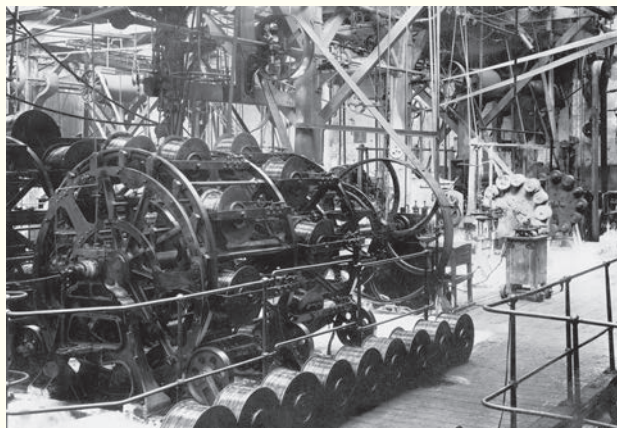
В Лондоне

Вильгельм с готовностью отошел от управления компанией «Братья Сименс» и предоставил младшему брату большую свободу в планировании и реализации будущих проектов²¹. Разделение труда между обоими братьями было превосходным. «За весь срок моего пребывания в Лондоне» Вильгельм «никогда напрямую не вмешивался в управление компанией», – писал Карл Вернеру несколько лет спустя²².

Сложнее дело обстояло с реорганизацией отношений между Лондоном и Берлином, поскольку здесь Карлу пришлось исправлять упущения многих лет. Он считал себя беспристрастным посредником в напряженных отношениях между Вильгельмом и Вернером и предлагал все усилия, чтобы избежать недоразумений в будущем. «Во что бы то ни стало необходимо снова установить добрые отношения»²³, – написал он в начале декабря в одном из своих первых деловых писем из Лондона Вернеру.

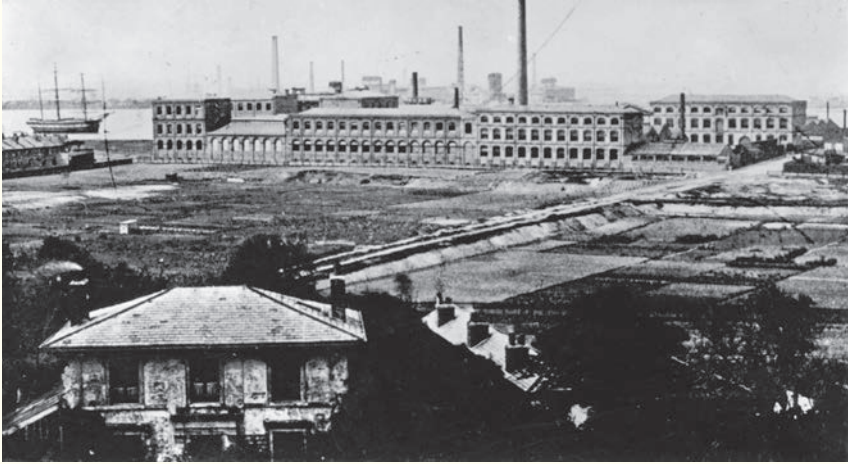
Тем не менее быстро восстановить «добрые отношения» между Вернером и Вильгельмом не получалось – уж слишком глубоко засели занозы. Это проявилось в типичном эпизоде ссоры между двумя братьями в 1872 году, когда несколько немецких газет рассказали о Вильгельме, прославляя многочисленные изобретения «д-ра В. Сименса» в области телеграфной техники. Вернер, который тоже был д-ром В. Сименсом, был вне себя от возмущения, так как считал, что из-за этого теперь ему не достанутся никакие лавры, несмотря на весь его многолетний труд. Теперь он, мол, выглядит в Германии «плагиатором»²⁴, который просто скопировал труды своего брата из Англии, как писал он Карлу в июне. Вильгельм, который не имел никакого отношения к появлению газетной статьи, считал себя обиженным, и Карлу пришлось потрудиться изо всех сил, чтобы помирить рассорившихся братьев. Это «ведь скандал первого класса, что такие случаи тщеславия вносят раскол между вами – братьями»²⁵, как ответил он Вернеру через несколько дней. Корень проблемы он видел в различии их натур:

Цех на заводе
компания «Братья
Сименс» в Вулвиче.
Около 1870 г.

«На мой взгляд, собака зарыта в том, что у вас уж слишком разные характеры. Вильгельм обдумывает каждое произносимое слово, а потому тщательно взвешивает и оценивает каждое слово других. Ты, напротив, говоришь то, что в данный момент приходит тебе в голову, не сильно беспокоясь о том, с кем ты в данный момент общаешься. Я знаю вас обоих как облупленных, и ты можешь мне поверить, что это так, даже если ты сам придерживаешься иного мнения. Моя роль – быть посредником между вами – в высшей степени неблагоприятная. Я стараюсь по мере сил установить мир и спокойствие, но какая-то порция ударов все время достается и мне. [...] При первой же возможности я забастую»²⁶.

Такие споры, вспышки тщеславия и накопившееся раздражение показывают, сколь напряженными успели стать отношения двух старших братьев. Но дипломатическая ловкость Карла помогла добиться существенных улучшений уже вскоре после того, как он взял на себя руководство компанией «Братья Сименс». В первые месяцы пребывания в Англии он писал Вернеру по несколько раз в неделю, координировал действия, занимался посредничеством и планированием. Да и в деловом отношении быстро наметились первые успехи. В январе 1870 года Карл сообщил брату в Берлин, что в Лондоне мы «теперь очень заняты кабельными проектами»²⁷. Через несколько недель он получил для компании «Братья Сименс» первый крупный заказ: их собственная фабрика в Вулвиче осуществила поставку для датской компании «Грэйт Нозерн Телеграф Компани» (Great Northern Telegraph Company) подводного кабеля длиной в 4000 километров

Заводские корпуса компании «Братья Сименс» в Вулвиче вблизи Лондона. 1874 г.

для строительства телеграфной линии от российского Владивостока до японского города Нагасаки и далее до Шанхая и Гонконга²⁸.

В то же самое время Карл вел переговоры о подводных кабелях для трасс Калькутта – Сингапур и Гонконг – Манила. Сделка по обоим подводным кабелям для Юго-Восточной Азии, правда, развалилась, потому что заказ был отдан Джону Пендеру, который проложил и еще один подводный кабель в Австралию, а через несколько лет и в Новую Зеландию. Но по прошествии всего нескольких месяцев руководства компанией «Братья Сименс» Карлу стало ясно, что работа с подводными кабелями постепенно приобрела глобальный масштаб. Это действительно «колоссально»²⁹, писал он в феврале 1870 года Вернеру, какие крупные проекты стали теперь возможными. Растущему значению компании «Братья Сименс» в совокупном бизнесе братья воздали должное, внося соответствующие изменения в свой корпоративный договор. В начале 1870 года доля Карла в прибылях и убытках совокупного бизнеса была увеличена на 5%. Теперь доли распределялись так: 40% приходились на Вернера и по 30% – на Вильгельма и Карла³⁰.

После получения заказа по поставке подводного кабеля для Восточной Азии Карл хотел расширить производственные мощности на кабельном заводе в Вулвиче. Вернер поначалу был против крупных инвестиций для этих целей, но Карл все же добился своего. Для вхождения в глобальный кабельный бизнес было важно располагать на-

дежным и высококачественным производством, хотя бы даже для того, чтобы обрести независимость от британских компаний-поставщиков. Производство кабеля было начато в феврале 1870 года, и параллельно на заводе строился новый цех. В начале апреля Карл писал Вернеру, что кабельную продукцию теперь можно дополнительно производить и в новом цехе: «Это был адский труд – делать все одновременно. Это удивляет даже англичан»³¹. Изготовление кабелей на разросшемся заводе быстро стало одним из главных элементов совокупного бизнеса «Сименс и Гальске». В 1874 году в компании «Братья Сименс» был занят 1601 человек, что составляло почти 70% от общей численности персонала всей компании «Сименс и Гальске»³².

По завершении поставки подводного кабеля для «Грэйт Нозерн Телеграф Компани» основное направление работы компании «Братья Сименс» поначалу сместилось в Южную Америку. В сентябре 1870 года Карл писал Вернеру, что он добился заказа на материал для телеграфной линии между аргентинской Ла-Платой и чилийским Вальпараисо³³. Двумя годами позже он вел переговоры по прокладке подводного кабеля от Рио-де-Жанейро до Монтевидео длиной почти в 2000 километров, причем «Братья Сименс» должна была осуществить его прокладку самостоятельно. Заработать на таком заказе можно было лишь немного, но этот проект имел для компании большое значение по иной причине. После неудачной прокладки кабеля в Средиземном море от Картахены до Алжира в 1864 году «Сименс и Гальске» больше не реализовала ни одного аналогичного проекта по прокладке подводных кабелей. И если «Братья Сименс» хотела быть в первом ряду телеграфных компаний, работавших по всему миру, то успешная прокладка подводного кабеля становилась наивысшим приоритетом для репутации фирмы. Как писал Карл Вернеру в декабре 1872 года, южноамериканский кабель «косвенным образом очень важен, потому что, пока мы не проложим более или менее длинный кабель, никто не станет воспринимать нас как полноценную компанию»³⁴.

Весной 1874 года «Братья Сименс» начала прокладку бразильского подводного кабеля, но, как и 10 лет назад, она обернулась катастрофой. В мае первый корабль сел на мель у бразильского побережья, и его пришлось оставить. Еще хуже было со вторым кораблем, который через несколько дней после выхода из Вулвича попал в бурю и затонул в Бискайском заливе. Погибли 58 членов экипажа, в том числе все сотрудники компании «Братья Сименс»³⁵. В начале 1875 года проект, на-

конец, все же удалось успешно завершить с третьей попытки на новом корабле. Однако стало ясно, что прокладка подводных кабелей требует не только кабелей высокого качества, но и подходящего корабля с квалифицированным экипажем. Вот почему Карл и Вильгельм правильно сделали, что занялись тщательной подготовкой к следующему крупному проекту.

Трансатлантический кабель

Северная Атлантика стала в XIX веке регионом самого динамичного роста³⁶. С развитием подводной кабельной техники нарастала и коммерческая заинтересованность в установлении телеграфной связи через Атлантику между восточным побережьем США и Европой. Предприниматель Сайрус Филд из США и британские инженеры Джон Бретт и Чарльз Брайт первыми попытались проложить подводный кабель между Ирландией и канадским Ньюфаундлендом. В 1856 году Филд инициировал создание «Атлантической телеграфной компании» (Atlantic Telegraph Company)³⁷. Через два года, после двух дорогостоящих неудач, этот проект, который привлек к себе много внимания, был успешно завершен. Состоялось торжественное открытие первой трансатлантической телеграфной линии, в ходе которого королева Виктория и президент США Джеймс Бьюкенен направили поздравительные телеграммы. Этот кабель имел огромное значение³⁸. Время на доставку сообщений между Нью-Йорком и Лондоном сократилось с 12 дней корабельной почты до всего нескольких часов по телеграфному кабелю.

Но техника еще не достигла такого уровня, чтобы на больших глубинах можно было с достаточной надежностью прокладывать кабель длиной 4000 километров. Линия очень часто выходила из строя. Всего спустя несколько недель телеграммы стали поступать только отрывочно, а через некоторое время эксплуатацию кабеля пришлось остановить полностью. Всего «Атлантическая телеграфная компания» передала менее 800 телеграмм, но, тем не менее, в силу высоких тарифов собрала значительную выручку³⁹. Несмотря на короткий срок работы кабеля, Сайрус Филд смог доказать, что с финансовой точки зрения трансатлантическая телеграфная связь может быть очень прибыльной.

Начало гражданской войны в США в 1861 году помешало дальнейшим попыткам прокладки кабеля, и только когда война закон-

Двоюродный брат Карла
Георг фон Сименс (1839–1901).
Без даты

чилась, Филд смог профинансировать новый проект⁴⁰. Заказ на изготовление этого кабеля получила компания Джона Пендера «Строительство и техническое обслуживание телеграфа», которая зафрахтовала «Грэйт Истерн» – самый большой в мире корабль для прокладки кабелей. Однако попытка проложить кабель в 1865 году потерпела неудачу из-за обрыва кабеля, в результате половина его оказалась потеряна на глубине порядка 4000 метров. Филда и Пендера это не обескуражило. Они собрали новый капитал, основали «Англо-Американскую телеграфную компанию» (Anglo-American Telegraph Company) и на следующий год добились успеха. 4 августа 1866 года была открыта для сообщения первая стабильная трансатлантическая телеграфная линия от ирландского острова Валентия до канадского полуострова Ньюфаундленд⁴¹.

Более того, Сайрусу Филду и Джону Пендеру удалось поднять утраченный в 1865 году кабель и еще купить кабель, проложенный между Францией и Канадой в 1873 году. Тем самым эти предприниматели добились монополии на телеграфное сообщение между Европой и Северной Америкой, чем они, соответственно, и воспользовались, установив высокие тарифы. Телеграмма из 20 слов стоила

100 долларов, что во много крат превышало месячную заработную плату промышленного рабочего⁴². По мере того как телеграфисты накапливали опыт, средняя скорость передачи сообщений выросла с первоначальных восьми до 16 слов в минуту, что привело к дополнительному увеличению прибыли «Англо-Американской телеграфной компании»⁴³.

В 1873 году Джон Пендер объединил свои доли в трансатлантических телеграфных и других компаниях в рамках «Глоуб Телеграф энд Траст Компани» (Globe Telegraph and Trust Company), сокращенно «Глоуб Компани» (Globe Company). Кроме того, через фирму «Строительство и техническое обслуживание телеграфа» он контролировал крупнейшего производителя кабелей в Англии, который к 1900 году изготовил почти 2/3 всех проложенных подводных кабелей в мире⁴⁴. Таким образом, в глобальном телеграфном бизнесе появилась самая большая и влиятельная компания, с которой «Братья Сименс» должна была вступать в конкуренцию на мировом рынке.

Возможность прорвать монополию Пендера появилась в 1871 году, когда Вернер Сименс получил от «Дойче Банка» (Deutsche Bank) предложение по финансированию подводного кабеля на прибыльном маршруте между Европой и Северной Америкой. За этот проект выступил двоюродный племянник Георг Сименс, который в 1870 году в возрасте всего 30 лет стал одним из директоров недавно созданного «Дойче Банка». Георг был сыном Иоганна Георга Сименса, первого инвестора телеграфно-строительной компании. После смерти Вальтера в 1868 году он взялся за проведение переговоров по строительству Индо-Европейской телеграфной линии в Персии и там отлично себя зарекомендовал⁴⁵.

Сначала Вернер отклонил предложение Георга. Он помнил о предыдущих неудачах с прокладкой подводного кабеля и хотел избежать опасностей, связанных со строительством трансатлантической телеграфной линии⁴⁶. И если Вильгельм и Карл в Лондоне отнеслись к проекту с симпатией, то старший брат все тормозил. В феврале 1873 года Вернер написал письмо, в котором предупреждал Карла, чтобы тот действительно был осторожен ввиду «огромных и необозримых рисков»⁴⁷ при проектах по прокладке подводных кабелей. «Я скорее застрелюсь, чем вынесу неспособность выполнить свои обязательства, да и за все сокровища мира я не соглашусь ни с малейшей угрозой существованию нашей компании»⁴⁸.

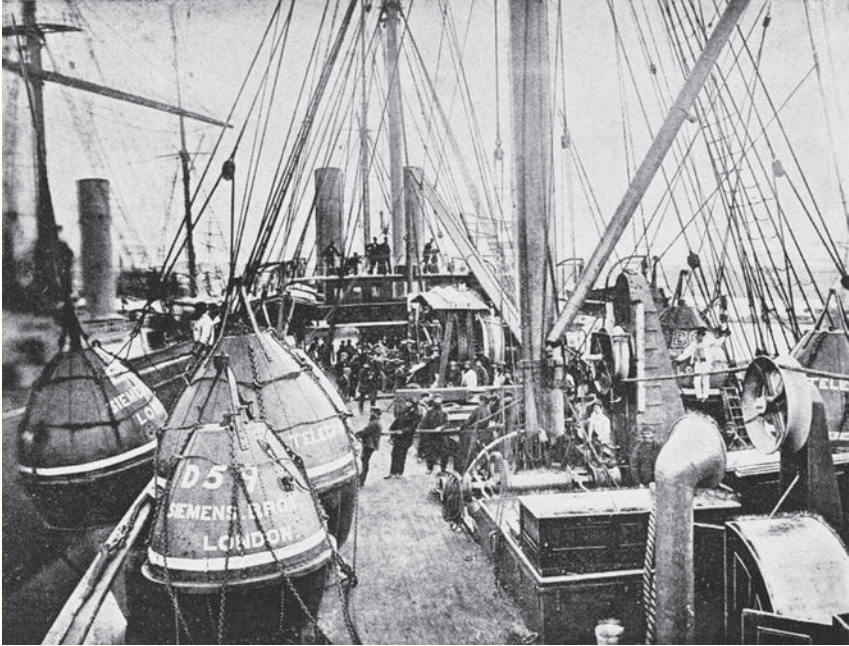
Карл был больше готов идти на риски и более оптимистично рассуждал предложение «Дойче Банка». В конце концов, за послед-

ние годы предпосылки для занятия бизнесом по прокладке подводных кабелей стали принципиально иными. Теперь компания располагала современной техникой, большим опытом и более легким доступом к капиталу через акционерные рынки. Еще в апреле 1870 года Карл писал Вернеру из Лондона, что брат, мол, не должен полагать, «будто мы здесь пускаемся на сумасшедшие кабельные проекты. Те времена уже миновали»⁴⁹.

Несмотря на сомнения Вернера, Карл продолжал переговоры с потенциальными партнерами и инвесторами. Он понимал, сколь мощный сигнальный эффект дало бы создание трансатлантической линии телеграфной связи для престижа компании «Братья Сименс» в глобальном бизнесе по прокладке морских кабелей. В августе 1872 года он написал Вернеру: «Получение этого проекта для нас – почти вопрос выживания, потому что только после того, как мы проложим кабель в Америку, мы приобретем некий вес в качестве предпринимателей в кабельной отрасли»⁵⁰. Успешное завершение проекта по трансатлантическому кабелю позволило бы «Сименс и Гальске» укрепиться в качестве компании, действующей в мировом масштабе,

Спуск на воду «Фарадея», 1874 г. Первая справа – Анна Сименс, третий справа – Вильгельм Сименс, четвертый справа – Александр Сименс

Вид на палубу «Фарадея» с капитанского мостика

и, как надеялся Карл, «со временем убить» конкуренцию в глобальном кабельном бизнесе⁵¹.

Моделью для развития трансатлантического кабельного дела послужила Индо-Европейская телеграфная линия. Для начала нужно было основать эксплуатационную компанию, которая затем разместила бы у фирмы «Братья Сименс» заказ на производство и прокладку кабеля. Особенность проекта состояла в том, что (по крайней мере, согласно плану) кабель надо было проложить не так, как это делали прежде, то есть не до канадского Ньюфаундленда, который находится ближе к Европе, – Карл хотел впервые установить прямую линию телеграфной связи между Лондоном и Нью-Йорком. В 1873 году он добился выполнения цели первого этапа, основав компанию «Дайрект Юнайтед Стэйтс Кэйбл Компани» (Direct United States Cable Company), сокращенно DUS⁵².

Прокладка подводных кабелей, как неоднократно подтверждали предыдущие попытки, была сопряжена с многочисленными рисками. Уж слишком часто происходили потери дорогих кабелей из-за пло-

хих погодных условий или технических проблем. С течением лет техника, правда, стала лучше, да и компании приобрели больше опыта. Тем не менее прокладка подводных кабелей все еще была связана с большими опасностями, как это испытала на себе компания «Братья Сименс» с бразильским кабелем в 1874 году. Прокладка морских кабелей осуществлялась преимущественно с зафрахтованных торговых или военных кораблей. К тому времени во всем мире существовал лишь один-единственный специализированный корабль для такой работы.

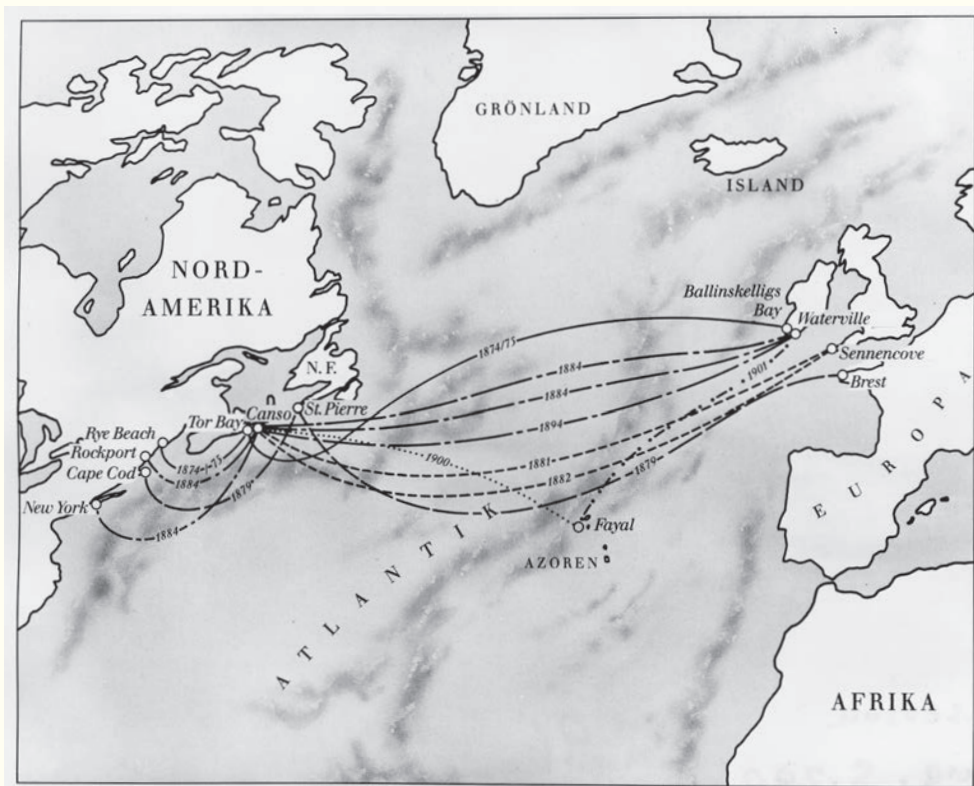
Вильгельм, используя свой многолетний опыт, сконструировал и построил собственный корабль для прокладки кабелей, который должен был помочь успешно войти в глобальный бизнес морской кабельной индустрии⁵³. В феврале 1874 года новое судно, которое Анна, жена Вильгельма, нарекла «Фарадей», сошло со стапелей в Ньюкасле. «Этот технически передовой корабль, оснащенный современным оборудованием, стал на многие годы образцом кораблей для прокладки кабелей»⁵⁴. Экспедиция должна была начаться в мае. Когда встал вопрос о том, кто возглавит укладку кабеля на борту «Фарадея», то думать, судя по воспоминаниям Вернера, было нечего: «Я считал, что Карл особенно подходил для выполнения этой задачи, так как он размышлял спокойно, отличался хорошей наблюдательностью и всегда уверенно принимал решения»⁵⁵. Когда 16 мая 1874 года «Фарадей» вышел в море, чтобы проложить первый отрезок подводного кабеля у восточного побережья США, командование взял на себя Карл.

Конкурентная борьба между компаниями «Братья Сименс» и «Глоуб Компани» сразу обострилась, потому что, располагая собственным специальным судном, «Братья Сименс» представляла собой серьезную угрозу для Джона Пендера и Сайруса Филда, которые вскоре после создания компании DUS занялись скупкой крупных пакетов акций DUS, но не смогли получить большинство. Однако целенаправленные попытки дезинформации привели к дискредитации проекта в глазах общественности. Еще в феврале 1873 года Вернер озабоченно писал Карлу, что братья уже выставлены такими «людьми, которые занимаются мошенническими сделками, то есть берут на себя больше, чем в состоянии выполнить»⁵⁶. С началом прокладки кабеля конкуренты придали своей пропаганде больше остроты. В июле 1874 года из окружения «Глоуб Компани» исходили ложные утверждения, что «Фарадей» столкнулся с айсбергом

и затонул⁵⁷. Двамя месяцами позднее Карл занимался прокладкой главного кабеля от залива Баллинкеллигс в Ирландии, но на глубине в 5 километров он оборвался. «Глоуб Компани» сразу же распространила сообщение об этом в прессе, поскольку в такой ситуации успех прокладки кабеля выглядел маловероятным⁵⁸. В начале сентября обеспокоенный Вильгельм писал Вернеру: «От счастливого исхода этой операции зависят наша репутация, наша честь и наше состояние [...]»⁵⁹.

Вопреки ожиданиям, Карл сумел быстро поднять кабель. Но спустя совсем немного дней произошел новый обрыв, и прокладку пришлось прервать на несколько недель. Завершение операции поначалу было намечено на конец 1874 года, но выдержать этот срок теперь

Схема трансатлантических кабелей, проложенных компаниями «Братья Сименс», 1874–1901 гг.

уже не получалось. Перед Рождеством «Фарадей» попал в шторм у берегов Америки, и там кабель снова был утерян. Но Карл сдаваться не хотел. 22 декабря с борта корабля он писал Вильгельму: «Имейте терпение! Нужно пройти через ночь, чтобы достигнуть света!»⁶⁰.

Терпение троих братьев и далее подвергалось испытаниям, так как прокладку кабеля удалось завершить только к июню 1875 года. Правда, всего через несколько недель на линии связи возникла неисправность, которая потребовала проведения дорогостоящих ремонтных работ. 15 сентября 1875 года прямой телеграфный кабель с США все же, наконец, был открыт для сообщения. В первый день биржевые маклеры Лондона и Нью-Йорка устроили соревнование по скорости передачи телеграмм. И здесь новый кабель DUS выиграл у кабеля Пендера больше часа⁶¹.

Международное признание

Проложенный под руководством Карла трансатлантический кабель был не первым, а четвертым, установившим телеграфное соединение двух континентов. Если быть точным, то и само название «Дайрект Юнайтед Стэйтс Кэйбл» не отражало фактическую ситуацию. Как и в случае с линиями группы Пендера, компания «Братья Сименс» проложила подводный кабель не прямо к американскому матерiku, а сначала провела его до канадского острова Новая Шотландия и от туда продолжила до Нью-Гемпшира⁶².

И все же успешное завершение трансатлантического проекта стало для братьев Сименс вехой в развитии их компании. Как позднее писал Вернер в мемуарах, «удачная прокладка американского кабеля [...] одним махом подняла нашу лондонскую компанию на гораздо более высокий уровень английской деловой жизни»⁶³. Карл доказал мировой общественности, что «Братья Сименс» вполне может справиться с трудностями такого большого проекта. Сбылась его надежда – подняться в первые ряды глобальных телеграфных предприятий с помощью прокладки трансатлантического кабеля.

В последующие десятилетия компания «Братья Сименс» смогла извлечь выгоду из приобретенной таким образом мировой репутации. Через несколько лет после прокладки первого трансатлантического кабеля компанией «Братья Сименс» американский владелец

железных дорог и телеграфа Джей Гулд заказал у нее прокладку еще двух трансатлантических кабельных линий. Совершенно неожиданно он внес большой аванс, даже предварительно не подписав соответствующий контракт. Вернер считал это явным «знаком того высокого престижа, который завоевала компания и по ту сторону океана», так как Джей Гулд продемонстрировал «полное доверие» к тому, что «Братья Сименс» выполнит обещанное⁶⁴. В октябре 1879 года Карл писал Вернеру, что компания поставляет в Японию «по меньшей мере 9/10 тамошнего спроса»⁶⁵. В Китае компания наняла агента по продажам, который в последующие десятилетия сумел существенно расширить бизнес⁶⁶. К 1900 году из всех 16 трансатлантических кабелей более половины были проложены фирмой «Братья Сименс». Кабелеукладочный корабль «Фарадей» оставался в эксплуатации до 1923 года и участвовал в прокладке подводных кабелей общей протяженностью свыше 60 тысяч километров⁶⁷.

Учитывая высокие цены, пользу из прокладки морских кабелей извлекли два основных бенефициара. С одной стороны, это были европейские колониальные державы, которым телеграф облегчил привязку их заморских владений к метрополиям. Ближе к концу XIX века между Великобританией, Францией и Германией началась настоящая борьба за контроль над трансконтинентальной подводной кабельной сетью. Великобритания одержала в ней убедительную победу⁶⁸. Высокие субсидии обеспечили подключение к глобальной телеграфной сети даже самых отдаленных частей Британской империи. С другой стороны, существенную пользу из трансконтинентального телеграфа извлекала для себя и экономика. Ведь только наличие быстрой связи с помощью телеграмм сформировало мировой рынок, когда стало возможным за очень короткое время сравнивать цены в отдаленных регионах⁶⁹. Вместе со стремительно падавшими благодаря развитию парового сообщения транспортными расходами это обеспечило возможность создания высокоинтегрированного глобального экономического пространства. Международные морские кабельные линии более чем на 80% использовались в коммерческих целях⁷⁰.

Компания «Братья Сименс» внесла значительный вклад в «прокладку кабеля по всему миру»⁷¹. Она оказала содействие коммуникационной революции второй половины XIX века, навсегда изменившей мир. Если на доставку корабельной почты в Лондон из Сиднея уходило 60 дней, из Шанхая – 56 дней, а из Кейптауна и Рио-де-Жанейро –

30 дней, то продолжительность пересылки сообщений по межконтинентальной телеграфной связи сократилась всего до нескольких часов⁷². Таким образом, телеграфная коммуникация стала «нервной системой планеты»⁷³. Компания «Братья Сименс» смогла существенно выиграть на этом и в финансовом плане. Английская часть совокупного бизнеса «Сименс и Гальске» в 1870-е гг. в значительной степени способствовала финансовому успеху предприятия⁷⁴.

Внутренний конфликт

Дела у Карла в Лондоне шли успешно. А как складывалась жизнь? Смогли ли он восстановиться после напряженной работы в Тифлисе и Берлине и после смерти Марии? Как к новой обстановке привыкали дети, выросшие в Санкт-Петербурге и ничем не связанные с Англией? Поддержали ли родственников Вильгельм или отношения между братьями, как это нередко бывало раньше, складывались непросто? Для Карла эти вопросы имели первостепенное значение, поскольку весь его прошлый опыт говорил о том, что только гармоничное сочетание работы и личной жизни может дать ему покой. «Многочисленные неудачи последних лет, ставшие хроническими, а также болезни Марии, выкидыши и т. д. давили на меня психически, морально и физически, но я чувствую, что в другой обстановке мне вскоре станет лучше»¹, – написал он Вернеру в мае 1867 года, за несколько недель до отъезда из Санкт-Петербурга.

Для детей – Вернера, Шарлотты и Марии – переезды и смерть матери были большой нагрузкой. К тому же в 1867 году семья покинула свою малую родину – Петербург. С Германией, немецким языком и немецкой культурой они были знакомы, а вот Англия для них была совсем чужой. Зато Карл знал столицу – Лондон, владел английским языком и изучил менталитет англичан еще 20 лет назад во время своего восьмимесячного пребывания на Всемирной выставке. Кроме того, он жил уже «18 лет за пределами Германии» и «отвык от немецких условий»², как писал он летом 1869 года Вернеру. Переселение в Англию было для него, вероятно, не таким сложным испытанием. Через день после прибытия в Лондон Карл сообщил брату, что его уже «переименовали в Чарльза»³.

На фото: дочь Карла Шарлотта. Без даты

Вопреки ожиданиям, его отношения с братом Вильгельмом развивались хорошо, даже когда Карл с ним не соглашался⁴. Вильгельм за два десятилетия прочно обосновался в Англии, заработал отличную репутацию в научном мире, вращался в аристократических и буржуазных кругах Лондона. Тем не менее он поддерживал тесные семейные связи с многочисленными братьями и сестрами в Германии. Как пишет его биограф Вильям Поул, Вильгельм «охотно»⁵ поддержал Карла и представил лондонскому обществу. В июле 1870 года братья переехали в соседние дома, расположенные рядом с Кенсингтонскими садами⁶. Около 10 лет обе семьи Сименс были очень тесно связаны. Бездетный Вильгельм особенно радовался дружбе с племянником Вернером и двумя племянницами, Лотти и Марушей, которых называл дочерьми⁷. Для Карла после смерти Марии это новое обретение семьи также было очень важно. Завязывать дружбу он никогда не умел и в лондонские годы ни с кем не установил близких отношений. Праздники, такие как дни рождения и Рождество, Вильгельм и Карл проводили с семьей.

Теперь Карлу нужно было свыкнуться с потерей жены и исполнять новую роль овдовевшего отца. Уход за детьми и их воспитание в значительной мере взяла на себя прислуга, которая в течение многих лет жила в семье. Домашний учитель Гроссе и воспитательница, пожилая дама г-жа Зильберберг, приехали из Санкт-Петербурга в Лондон, так же как няня детей и слуга Карла. Госпожа Зильберберг особую заботу проявляла о двух девочках-подростках.

Вернер, жена которого Матильда умерла в 1865 году, снова женился в 1869 году, и в таком уже достаточно преклонном возрасте у него родились сын и дочь. В письме Вильгельму весной 1870 года он выражал беспокойство об эмоциональном состоянии Карла, так как над младшим братом по-прежнему тяготели «воспоминания о жизни» с Марией⁸. Вернер надеялся, что Карл также постепенно сможет прийти к «идее повторного брака»⁹. Братья откровенно обсуждали это между собой, но не с Карлом, до тех пор пока осенью 1871 года в семье не случилось новое несчастье, которое изменило ситуацию.

После отъезда Карла из Тифлиса в 1869 году младший брат Отто возглавил фирму «Сименс и Гальске» на Кавказе. Летом 1870 года он женился на вдове князя Святополк-Мирского, которая имела немецкие корни и жила при дворе великой княгини Елены Павловны. Как писал Отто Вернеру, госпожа Аннетта Мирская была женщиной с «чудесным характером, умная и обладала редкостным талантом общения», да еще и «необыкновенной красотой»¹⁰. Однако брак продлился

Невестка Карла – Аннетта Сименс,
супруга его брата Отто.
Без даты

чуть больше года, так как Отто неожиданно умер в октябре 1871 года после непродолжительной болезни. Теперь уже двое из братьев Сименс погибли на Кавказе, и нужно было провести срочную реорганизацию предприятия.

Карл через несколько дней после получения известия о смерти Отто поехал сначала в Берлин к Вернеру, а затем – в Тифлис, чтобы там уладить дела и позаботиться об овдовевшей невестке. Уже во время пребывания Карла в Берлине стало ясно, что он при этом хочет не просто обеспечить финансовую защиту. 31 октября 1871 года, всего через несколько недель после смерти Отто, Вернер написал Вильгельму, что «Аннетта, без сомнения, [могла] бы стать хорошей хозяйкой в доме Карла»¹¹. Вот только в Англии было не принято жениться на овдовевшей невестке.

После похорон Карл время от времени приглашал Аннетту в гости в Лондон. Через полгода он намекнул в письме Вернеру на «семейное согласие с Аннеттой»¹², которое брат, конечно, должен был хранить в тайне. Карл вынужден был считаться со старушкой Зильберберг, ко-

торая так долго служила в доме ныне покойной Марии. Несмотря на то что Карл и Аннетта еще в течение нескольких лет поддерживали довольно близкие отношения, дальше «семейного согласия» они не продвинулись. В 1874 году Аннетта окончательно вернулась в Россию, о чем очень сожалели в семье Сименс. 25 декабря сестра Матильда написала Вильгельму: «Как бы мне хотелось, чтобы у Карла снова был домашний уют! Ему мешает его болезнь»¹³.

Действительно, с начала 1870-х гг. Карл неоднократно сообщал о физических и психологических проявлениях болезни. Строительство российского телеграфа в 1850-х гг. существенно повлияло на его здоровье. В Англии нервное напряжение значительно возросло в связи с трудностями, связанными с выходом компании на рынок кабелей для подводной прокладки. В 1872 году у Карла начались сильные боли в спине, которые явились, вероятно, следствием психологических и физических нагрузок. Во всяком случае, дела с его болезнью обстояли очень неважно, – писал он 10 декабря Вернеру, – и если следующее санаторно-курортное лечение не поможет, мне не останется ничего другого, кроме как объявить себя с 1 января 1873 года инвалидом и ждать решения своей судьбы в каком-нибудь укромном уголке мира»¹⁴.

Вернер вспомнил о прежних жалобах Карла на здоровье, которые они подробно обсуждали в письмах начиная с 1850-х гг. Брат должен, наконец, что-то предпринять против своей «ипохондрии»¹⁵, ответил Вернер четыре дня спустя. Карл признался, что слишком углубился в свою болезнь. Весной 1873 года он написал Вернеру, что нет ничего более невыносимого, чем «вечные колебания между надеждой и отчаянием»¹⁶. Он проходил различные курсы лечения, консультировался у множества врачей и принимал различные лекарства – все безрезультатно. В последующие годы Карл вновь и вновь жаловался в письмах Вернеру на физические и психологические недуги, с которыми он не мог справиться.

Дети

Карл боролся не только с собственными проблемами со здоровьем. Самочувствие детей также доставляло ему много хлопот. Болезни глаз и легких, которыми страдал его сын, требовали длительного лечения,

и это сильно беспокоило отца. Карл все время боялся за жизнь юного Вернера. «Почки, печень, мочевой пузырь – все у него больное»¹⁷, – написал он в декабре 1878 года брату в Берлин. В письмах Карла можно найти и частые упоминания о заболеваниях Лотти. Это особенно тревожило его, так как дочь унаследовала конституцию слабой здоровьем матери. Только самая младшая, Маруша, отличалась крепким здоровьем.

Карлу и раньше было трудно сочетать выполнение обязанностей отца с работой. В России дела требовали длительных поездок на Кавказ. Но и при подготовке выхода на рынок морских подводных кабелей ему приходилось часто уезжать из Лондона и разлучаться с детьми. Теперь детям не хватало матери, а Карл не всегда мог оставаться дома, когда они нуждались в нем. Например, его сыну делали операцию на глазу 19 марта 1873 года, а Карл не смог отменить запланированную на этот день поездку. «Мой разум взял верх над моими чувствами»¹⁸, – написал он в подавленном настроении брату в Берлин.

В этом письме Карл также отметил, что характер сына «в последнее время изменился»¹⁹. Ему плохо давался английский язык. В Лондоне мальчик жил замкнуто, у него почти не было друзей, он часто болел. Так, 15-летний Вернер в январе 1872 года писал двоюродному брату Вильгельму в Берлин, что у него «только один друг в Лондоне», но он «видится с ним очень редко, потому что тот живет на другом конце»²⁰ города. За неделю до этого дети праздновали Рождество без отца, который был в служебной поездке в Кедабеке. Вернер писал об этом: «У нас здесь была очень красивая елка, но никто не радовался, как в прошлом году, потому что все думали о папе, который сидит в полном одиночестве в горах и, конечно, думает о нас. Мы получили очень хорошие подарки, например дедушка [Капгер] каждому из нас подарил по 15 фунтов [...]»²¹.

Вернер, Лотти и Маруша часто получали дорогие подарки также и от отца, который тем самым, видимо, хотел успокоить свою совесть из-за частых отлучек. Родственники со стороны Сименсов в Германии считали, что этим Карл и дедушка Капгер вовсе не помогали детям. На Рождество 1874 года сестра Матильда раздраженно писала брату Вильгельму о «неразумных размерах карманных денег от дедушки» для Лотти и Маруши, из-за которых «милых девочек невозможно будет вырастить в смиренности и скромности»²². То есть сбывались худшие ожидания, которые со дня свадьбы с Марией были у семьи Сименс, с подозрением наблюдавшей за образом жизни Германа Капгера. Еще в 1861 году Вернер обвинял брата, что тот живет в Санкт-Петербурге на слишком

широкую ногу²³. Теперь, в 1870-х гг., казалось, что Карл, вопреки всем прежним намерениям, перенял образ жизни тестя, однако отношения с ним были уже не самыми сердечными. Это проявилось не в последнюю очередь в том, что Карл отказался присутствовать на похоронах Германа Капгера, умершего 30 октября 1877 года. «На самом деле я, наверно, должен был бы туда пойти, но я извинился»²⁴, – написал он на следующий день после смерти господина Капгера брату Вернеру.

Только после прокладки трансатлантического кабеля у Карла появилось больше времени для занятий с подрастающими детьми, и всю отцовскую любовь он дарил прежде всего дочерям. Он даже стал участвовать в светской жизни, чего раньше избегал. Весной 1877 года Карл написал Вернеру, что накануне у него «дома был бал, который прошел очень хорошо и весело»²⁵. Годом позже он отчитался, что по случаю приезда племянницы Анны из Берлина «изобразил распорядителя бала и повел наших дочерей на большой костюмированный бал. Мы вернулись домой около 5 часов утра. Я был одет в костюм русского крестьянина, а девушки – в костюмы немецких крестьянок»²⁶.

Карл часто проводил летние месяцы вместе с детьми и пребывание на курорте использовал для лечения их болезней. Это касалось прежде всего Лотти, у которой были проблемы со здоровьем. Летом 1877 года Карл писал из Бад-Эмса Вернеру, что «это настоящее горе видеть, что у такой молодой, 19-летней девушки в году только 50% здоровых дней, и даже эти дни так себе!»²⁷. Осенью 1878 года он поехал с дочерьми в длительную поездку в Италию, которая для Лотти, несмотря на большую физическую нагрузку, стала отдыхом.

Спустя полгода 20-летняя Лотти сообщила удивленному отцу, что она обручилась с бароном Бруно фон Лепелем, королевским комиссаром курорта в Бад-Эмсе. Хотя Лепелю исполнилось 35 и он был на 15 лет старше Лотти, Карлу показалось, что это хорошая партия. Он бы «в любом случае предпочел, чтобы дочери вышли замуж в Германию»²⁸, чем нашли мужа в Англии. Лотти, однако, не была готова к этому замужеству, и через несколько месяцев на долю Карла выпала неприятная обязанность – расторгнуть помолвку. Его старшая дочь была просто «чересчур экзальтированной девицей»²⁹, как написал Карл Вернеру несколько лет спустя.

В то время как отношения с дочерьми-подростками у отца в эти годы складывались хорошо, между Карлом и его сыном Вернером существовала напряженность. В течение многих лет Карл и его брат Вернер мечтали в один прекрасный момент передать компанию «Сименс

и Гальске» представителям следующего поколения. Вернер в Берлине постепенно готовил своих талантливых сыновей Арнольда и Вильгельма к работе в компании, и этот проект казался реалистичным. Карл же, напротив, по мере взросления сына замечал, что из-за проблем со здоровьем, недостаточной мотивации и явной предрасположенности к музыке он не подходит для занятия предпринимательством³⁰.

В январе 1877 года Карлу и Вильгельму удалось устроить 20-летнего Вернера в колледж Крайст-Чёрч в Оксфорде. Карл полагал, что «ему будет полезна жизнь в колледже с молодыми людьми его возраста»³¹. Но уже через два дня он сообщил в Берлин, что у сына «ужасная тоска по дому»³², поэтому пришлось послать туда домашнего учителя Гроссе, чтобы поддержать его. После окончания семестра в колледже Вернер в июне 1877 года приехал домой, так как нужно было повторить операцию на глазу. В Оксфорд он больше не вернулся. В письмах Карла иногда чувствуется его большое разочарование сыном, который не оправдал ожиданий отца. В августе 1877 года Карл написал брату в Берлин: «На моего мальчика нельзя рассчитывать, так как его глаза, несмотря на операции, не очень хороши, да и, кроме того, он вообще мяля»³³.

Тем не менее Карл, при всем разочаровании, проявлял большое терпение по отношению к своему болезненному и застенчивому сыну. После неудавшейся попытки обучения он хотел на практике приобщить молодого Вернера к работе в компании. Весной 1879 года они оба приехали по делам в Париж, где 22-летний сын должен был улучшить знание французского языка. Через несколько месяцев Вернер поехал в Санкт-Петербург и начал постепенно включаться в работу в офисе «Сименс и Гальске». Карл с надеждой писал брату в Берлин, что хотя его сын «никогда не будет первоклассным работником», но он «не глуп» и «вполне подходит для управления»³⁴. Здесь явно чувствовался напускной оптимизм. В то время как брат Вернер снова и снова с гордостью рассказывал об успехах своих сыновей, которые брали на себя все большую ответственность за офис в Берлине, Карла постоянно беспокоили мысли о невозможности сделать сына своим преемником.

Трудности в делах

Вторая половина 1870-х гг. для компании была нестабильной, несмотря на большой успех в Лондоне с подводным кабелем. После отъез-

Сын Карла Вернер. Без даты

да Карла застой в российском бизнесе продолжился. Хотя на Российской промышленной выставке в 1870 году фирме «Сименс и Гальске» была присуждена золотая медаль в знак признания ее достижений, количество заказов в последующие годы почти не увеличилось³⁵. В феврале 1872 года Вернер озабоченно писал Карлу, что бизнес в Санкт-Петербурге «сильно сдал», стал «закоснелым и нерасторопным, без каких-либо следов порядка и четкости в управлении», а это не в последнюю очередь было следствием слабого руководства, осуществлявшегося Карлом в течение прошедших 15 лет³⁶.

Вернер видел главную проблему в плохом управлении компанией. Руководящие работники в Петербурге были «в основном глупы и бесполезны»³⁷. Братьям Сименс не удалось после отъезда Карла найти подходящую замену. Основную часть бизнеса в России составляли государственные контракты, и для их исполнения необходимо было заботливо поддерживать и укреплять деловые связи. Карл прекрасно усвоил навыки общения с русскими чиновниками, для чего требовались «такт и любезное обхождение»³⁸. Поэтому из-за его ухода возникла серьезная брешь, которую компания не могла компенсировать. Количество сотрудников «Сименс и Гальске» в России в течение 1870-х гг.

оставалось практически неизменным, в то время как их число в Берлине и Лондоне за тот же период – хотя и с определенными колебаниями – значительно возросло.

Русские непрофильные предприятия по-прежнему доставляли братьям головную боль. Даже после сокращения производства на фарфоровом заводе в имении Хмелево он приносил одни убытки³⁹. На Кавказе после отъезда Карла из Тифлиса дела тоже шли плохо – при Альфреде Бернулли Кедабек пришел в упадок. Летом 1869 года директор был уволен, но его преемнику не удалось улучшить ситуацию. У Карла это вызывало сильную озабоченность, поскольку в кавказские предприятия он вложил большую часть своего личного состояния. Вернер, который поместил половину капитала в Кедабек, также очень беспокоился о будущем медеплавильного завода. «Из-за Кедабека мы не только разоримся – из-за него мы сойдем с ума»⁴⁰, – написал он в октябре 1870 года брату Отто в Тифлис.

Через год дирекцию в Кедабеке вновь сменили, и Карл после смерти Отто в октябре 1871 года задержался на Кавказе на более длительный период. Он уже в течение некоторого времени экспериментировал с выплавкой меди и хотел, чтобы его исследования применялись в Кедабеке. Карлу удалось повысить степень чистоты меди и, как указано в хрониках Кедабека, «она, наконец, стала пользоваться спросом на рынке»⁴¹. Главной проблемой оставалась плохая инфраструктура. Доставка топлива и транспортировка готовой меди все еще осуществлялись конными повозками или мулами⁴². Не была решена и проблема некомпетентного руководства. Следующая поездка Карла на рудник осенью 1873 года не принесла никаких результатов. Благодаря усовершенствованию способа переработки руды Карл планировал к 1876 году вывести предприятие на получение прибыли. Но спустя три года региону стал угрожать голод, и вся дальнейшая работа была поставлена под угрозу. «Кавказ, однако, дьявольская страна, – напишет Карл Вернеру в мае 1879 года. – Едва выдержал одно потрясение, а уже подстерегает другое»⁴³.

После первоначальных успехов в области морских подводных кабелей Карл все больше разочаровывался и в бизнесе в Англии. Так как фирма «Сименс и Гальске» в телеграфной отрасли России работала только по государственным заказам и ей не надо было опасаться конкурентов, у Карла было мало опыта участия в открытой конкурентной борьбе, да еще и в сложных экономических условиях 1870-х гг. в Великобритании⁴⁴. В 1868 году британская телеграфная сеть была национализирована, однако международный кабельный бизнес оставался

в частных руках, и в этой сфере существовало жесткое соперничество⁴⁵. Работы по прокладке подводных кабелей требовали не только финансовой стабильности, но также терпения и упорства, а эти качества не были сильной стороной Карла. Получилось, что трансатлантический кабель, благодаря которому «Сименс и Гальске» должна была утвердиться в Лондоне в качестве «всемирно известной компании», приносил все больше и больше проблем.

Карл с трудом мог противостоять давлению конкурента Джона Пендера, который всеми средствами хотел защитить свою монополию на телеграфную связь через Северную Атлантику. Спустя всего несколько месяцев после завершения прокладки понадобилось устранять множество разрывов кабеля, которые явно появились из-за умышленного повреждения. Карл подозревал «Глоуб Компани» Пендера в целенаправленном саботаже. Однако разобраться в этих случаях не удалось⁴⁶. 16 декабря 1875 года он в сердцах написал Вернеру: «Ты не можешь себе представить, как сильно люди стараются причинить нам вред. DUS-кабель оклеветали всеми возможными способами»⁴⁷. Через три месяца на публичных слушаниях выяснилось, что DUS-кабель «Сименс и Гальске» с побережья Канады был поднят на поверхность и перерезан топором. Преступников, конечно, не нашли⁴⁸.

Надежда на то, что компании «Братья Сименс» удастся «со временем убить»⁴⁹ телеграфную империю Пендера, как заносчиво предсказывал Карл летом 1872 года, не сбылась. «Братья Сименс» не смогла в конкурентной борьбе и в долгосрочной перспективе победить «Глоуб Компани». Поскольку акты саботажа сильно ограничили эксплуатацию подводного кабеля, курс акций упал. В 1877 году Пендеру удалось получить контрольный пакет акций «Дайрект Юнайтед Стэйтс Кэйбл» и восстановить свою монополию в телеграфии в Северной Атлантике. В таких обстоятельствах недовольство Карла деятельностью в области прокладки подводных кабелей возрастало. Летом 1877 года он жаловался в письме Вернеру, что в Лондоне он имел дело только с «проходимцами и всякими негодьями» и не может «это долго терпеть»⁵⁰. Через два года, после длительных переговоров во Франции, ему удалось заключить договор на прокладку трансатлантического кабеля для компании «Французский телеграф из Нью-Йорка в Париж» (Compagnie Française du Télégraphe de Paris à New York). Но фирма Пендера помешала переговорам о финансировании и в конце концов получила и французский кабель под свой контроль. «Этот дьявол» хотел бы «забрать весь кабельный бизнес», как разочарованно писал Карл в августе 1879 года Вернеру⁵¹.

Предприятия по производству и прокладке подводных кабелей были не просто «грязным делом»⁵², как их назвал Карл, они также в значительной степени зависели от экономической ситуации. При выполнении таких больших заказов, как трансатлантический кабель, работы шли ударными темпами, и укомплектовывать персонал требовалось в кратчайшие сроки. В 1874 году в компании «Братья Сименс» было более 1600 сотрудников, и она переехала в просторный офис в районе Бакингом Палас Гарденс. Однако между крупными заказами обычно случались длительные перерывы, когда кабельный завод был загружен не на полную мощность. Так, после прокладки первого трансатлантического кабеля в 1876 году численность персонала снизилась примерно на 250 человек⁵³.

Карл неоднократно жаловался Вернеру на «отсутствие работы»⁵⁴ в Лондоне. Он постепенно отошел от повседневных дел, оставив управление многолетнему сотруднику компании Людвигу Лёффлеру. В течение короткого времени Карл раздумывал, не взять ли на себя управление вновь созданной дочерней компанией «Братья Сименс» (Siemens Frères) в Париже. Все-таки на переезд в Париж он так и не смог решиться, но и недовольство Лондоном продолжало расти. Летом 1877 года Карл писал Вернеру: «Если я просижу 10 лет в Лондоне, к которому у меня нет ни малейшей привязанности, тогда с меня точно будет достаточно»⁵⁵.

«Старый ворчун»?

Как Вернер должен был реагировать на сетования младшего брата? Уже много лет на него сыпались жалобы из Парижа, Санкт-Петербурга, с Кавказа, а теперь и из Лондона. Карл не переносит климат, ему не нравятся местные правила ведения бизнеса или просто он чувствует себя некомфортно. О таких настроениях младшего брата Вернер слышал на протяжении десятилетий, но недовольные письма из Лондона постепенно стали раздражать и его. В конце концов, Карл сам принял решение переехать в британскую столицу. Вернер и Вильгельм не должны были его «уговаривать»⁵⁶, как в 1874 году Карл заявил в письме Вернеру. Погода в Лондоне не могла быть хуже, чем в Санкт-Петербурге, откуда Карл регулярно жаловался на суровые зимы. Также здоровье детей, на которое Карл снова и снова ссылался как на причину своего стремле-

ния уехать из Лондона, казалось отговоркой. По крайней мере, обе дочери чувствовали себя в британской столице хорошо. Семье в Лондоне было во всяком случае не хуже, чем в Санкт-Петербурге после того, как семья Капгер переехала в 1860-х гг. в Дрезден. В Лондоне дети Карла росли в непосредственной близости от дяди Вильгельма, с которым они хорошо ладили.

У растущей неудовлетворенности Карла были другие причины. Ему не хватало самореализации, потому что кабельный бизнес братьев Сименс развивался под умелым руководством Людвига Лёффлера и не нуждался в Карле. Нет никакого смысла для него, писал Карл в октябре 1878 года Вернеру, вмешиваться в текущие дела, так как Лёффлер делает это отлично. Он должен следить «только за тем, что все идет так гладко, как это возможно»⁵⁷. Кроме того, Карл не мог смириться с тем, что в Лондоне не достиг такого социального статуса, как в России. В то время как в Российской империи у него было высокое общественное положение и отличные контакты в правительстве и деловых кругах, а его имя было символом электротехники, в Лондоне он с самого начала находился в тени брата Вильгельма, который олицетворял для общности фирму «Братья Сименс». Громкого признания своих достижений, к чему Карл привык в России, в Англии он не получил⁵⁸.

3 марта 1879 года Карл отпраздновал в Лондоне свое 50-летие. Он стал, как заметил Вернер в конце своего поздравительного письма, «старым ворчуном»⁵⁹. Может быть, в этом шутовском замечании содержалась также озабоченность в связи с постоянными жалобами брата из Лондона. Ведь Вернер был старше на 13 лет, но продолжал отдавать все свои силы компании, которая в Берлине постоянно развивалась с 1870-х гг. Карл же в возрасте 50 лет переживал переломный момент: он чувствовал себя в Англии невостребованным, ему не хватало внимания общности и личного признания. «С последними годами этого десятилетия наша жизнь тоже подходит к концу! Как все-таки бежит время. Следующей осенью моя серебряная свадьба»⁶⁰, – написал он 31 декабря 1879 года Вернеру в меланхолическом настроении.

С возрастом Карл стал задумываться о том, как он хочет устроить будущую жизнь. Ведь уже не было в живых младших братьев Вальтера и Отто, старшего брата Ганса, которому не было и 50, и сестры Матильды, которая умерла в 64 года. Учитывая серьезные проблемы со здоровьем, Карл даже подумывал полностью выйти из компании. Он «больше не нужен развивающемуся и устойчивому предприятию»⁶¹, – написал Карл в марте 1880 года Вернеру. «Я никогда не буду снова со-

Вильгельм Сименс.
Около 1874 г.

вершенно здоровым, и, следовательно, меня имеет смысл использовать только тогда, когда это действительно необходимо и когда я буду чувствовать, что мое здоровье в данный момент позволяет это»⁶². Вильгельм не мог понять такое настроение Карла. Он считал все болезни брата плодом его воображения, а возможно, и результатом его лености, что очень злило Карла: «Нужно просто быть больным человеком, чтобы сопереживать моим чувствам. Я жажду свободы, но отнюдь не бездействия»⁶³.

У Вернера Карл встречал больше понимания⁶⁴. Если младшему брату нехорошо, полагал Вернер, он едва ли может плодотворно участвовать в бизнесе. К тому же Карл теперь сделал предложение, которое казалось благоприятным для дальнейшего развития компании. Еще летом 1877 года Карл написал Вернеру, что в Лондоне у него не было «твердой почвы под ногами» и будет «в сто раз лучше, если он снова поедет в Россию»⁶⁵. Поначалу, возможно, это было сказано не слишком серьезно, но в последующие годы Карл разработал конкретный план. Россия, несмотря на все минусы, была единственной страной, где он мог найти «подходящее занятие»⁶⁶. Он с удовольствием вернулся бы

Карл фон Сименс.
Около 1875 г.

и в Берлин. Однако Карл еще и 10 лет назад не верил в то, что он там был бы по-настоящему нужен. «С каким удовольствием я бы провел вместе с тобой последние годы в Берлине, но я буду чувствовать себя там пятым колесом в телеге»⁶⁷, – написал он Вернеру 1 января 1880 года с зимнего отдыха на Лазурном берегу.

С одной стороны, Карл со своим сыном не хотел в Берлине стоять на пути племянников Вильгельма и Арнольда, которые успешно участвовали в управлении фирмой⁶⁸. С другой стороны, благодаря многолетней работе Карла в России его значение для тамошнего бизнеса было гораздо больше, чем для бизнеса в Германии. Братья были далеко не молоды, и им нужно было не спеша наметить пути развития:

«Так или иначе, мы должны все привести в порядок сейчас, потому что мы с каждым днем стареем и знаем, что человек не живет вечно. Было бы совершенно естественно, если бы ты оставил берлинское гнездо своим мальчишкам, а я петербургское – моему [...]. Я не могу долго оставаться в Англии, и какой-то выход должен быть найден. Мои материальные интересы никоим образом не мешают этому. Если мне удастся сохранить то, что у меня есть сейчас, я буду доволен и ничего не буду просить у будущего»⁶⁹.

Итак, после долгих раздумий Карл «вновь и вновь приходил к выводу, что должен вернуться в Россию. Вероятно, судьба требует этого!»⁷⁰.

Оба старших брата приняли предложение Карла снова взять на себя управление «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге. Весной 1880 года он готовился к переезду в Россию. В конце июня Маруша, дочь Карла, написала двоюродной сестре Анне в Берлин:

«Новость о том, что папа уже купил дом в Петербурге, как вы можете представить, сначала нас очень испугала, и мы только сейчас стали понимать, как страшно трудно будет нам покинуть старый любимый Лондон. Но мы должны как можно меньше показывать нашему любимому папочке, что это тяжело для нас, так как это будет лучше для него»⁷¹.

Карл провел лето с дочерьми на острове Нордерней. Затем – несколько недель в Берлине, прежде чем осенью он отправился с детьми в Санкт-Петербург. Вильгельм выразил сожаление по поводу отъезда своего брата⁷². Тем не менее для Карла возвращение в Россию должно было стать новым этапом в предпринимательской деятельности.

Триумфальное возвращение

Чужая Родина

Для дочерей Карла Санкт-Петербург, куда они приехали в начале ноября 1880 года, был чужим городом. С момента отъезда из столицы России прошло более 13 лет. Их становление проходило в Лондоне. 23-летний Вернер с 1879 года снова жил в России и чувствовал себя комфортно. Но для 22-летней Лотти и 20-летней Маруши это стало серьезным испытанием, так как они были вырваны из своей привычной лондонской среды. 13 ноября 1880 года, через несколько дней после прибытия в Санкт-Петербург, Маруша написала двоюродной сестре Анне:

«К сожалению, я должна признаться, что нахожу мою старую родину довольно новой и чужой, и у меня очень мало воспоминаний о Петербурге. Только когда позавчера мы побывали в нашем старом доме, где родились, и снова увидели свои любимые комнаты, мне вспомнилось раннее детство. Лотти и я вбежали в старую комнату, и прекрасные воспоминания захватили нас. Но это и очень опечалило нас, особенно любимого папочку, который провел здесь самое счастливое время в своей жизни»¹.

Старая родина, которая казалась Маруше такой новой и чужой, действительно за время их 10-летнего отсутствия сильно изменилась. Последствия реформ Александра II были очевидны. Все больше и больше крестьян переезжало в поисках работы в города, и в одном только Санкт-Петербурге в последней трети XIX века население удвоилось. Усилия по модернизации империи повысили возможности для трудоустройства в быстро растущей сфере промышленности². Ориентированный на реформы министр финансов Михаил фон Рейтерн направил усилия правительства на экономическую модернизацию страны, он

На фото: электрическая иллюминация Московского Кремля по случаю коронации императора Александра III. 1881 г.

Дочь Карла Мария.
Около 1880 г.

обновил старое налоговое законодательство и значительно увеличил финансирование строительства сети железных дорог. Только в 1860–1875 гг. транспортная сеть в России увеличилась с 1 тысячи до 17 тысяч километров³. Для того чтобы стимулировать внутренний спрос, во время кризиса после 1873 года Рейтерн повысил пошлины на импорт товаров. Это привело к быстрому развитию машиностроения, которое в основном было сконцентрировано в столице⁴.

Однако эти реформы не слишком продвинулись. Рост объемов сельскохозяйственного производства не успевал за быстрым ростом населения, что вновь и вновь приводило к голоду. Особенно пострадали города. Эпидемии холеры и брюшного тифа унесли жизни десятков тысяч человек. В то же время политические реформы улучшили правовое положение российских подданных. Но о конституции страна и не мечтала, так как власть императора была абсолютной⁵.

Внутриполитически Россия по-прежнему оставалась раздробленной страной. Консерваторы опасались вестернизации русской культуры. Небольшой группе либералов было не под силу продвигать реформы. Среди рабочих и образованного среднего класса попу-

лярность приобретали одновременно социалистические и анархистские идеи, которые становились все более радикальными. В 1866 году студент совершил первое покушение на Александра II, но он не был даже ранен⁶. Во время второго покушения в феврале 1880 года было разрушено целое крыло Зимнего дворца. Ситуация достигла апогея в следующем году, когда 1 марта император погиб в результате взрыва бомбы, брошенной радикальными противниками режима. На престол взошел его сын – Александр III, который принял жесткие меры против критиков режима. Под влиянием консервативно настроенных советников многие реформы его отца были отменены⁷. Политическую культуру страны в то время определял набиравший силу национализм. Немецкие предприниматели, которых было немало в столице, чувствовали себя там некомфортно. «Все люди настроены антинемецки»⁸, – написал Карл Вернеру через несколько лет после возвращения.

В этих сложных политических условиях Карл не утратил оптимизма и даже выиграл от смены правительства в 1881 году. Через несколько недель после убийства Александра II Вернер просил брата «быть осторожнее с дальнейшими инвестициями в Россию и постепенно избавляться от российских ценных бумаг»⁹, с чем Карл решительно не согласился. Заказы в Российской империи будут «оплачены»¹⁰, несмотря на нынешнюю нестабильную ситуацию. Он ожидал многого от нового императора и его авторитарной политики.

Карл, который 30 лет назад, молодым человеком, боролся за либеральные реформы в Германии, нынешнюю ситуацию в России оценивал совершенно иначе. Он поддерживал реформы, однако принятие конституции, за которую ратовали российские либералы, считал «чистой бессмыслицей»¹¹. Страна еще не созрела для демократических экспериментов, написал Карл Вернеру в июне 1881 года¹². Напротив, нужно было срочно что-то предпринимать против нестабильности. Незадолго до этого, во время поездки на Кавказ, на Карла напали бандиты. «В течение часа я находился под прицелом 20 стволов, что совсем не доставило мне удовольствия»¹³, – писал он Вернеру. До перестрелки дело не дошло, но Карлу лишь случайно удалось увернуться от удара по голове. В этих условиях был просто необходим «строгий военный стиль правления»¹⁴, чтобы установить мир и порядок:

«Злосчастный гуманизм Александра II заставил Россию бедствовать.
Царь хотел одним махом создать то, чего другие народы добивались

Фотография дома Карла в Санкт-Петербурге. Без даты

веками. Что Александр III должен делать сейчас, так это натянуть поводья, и надеюсь, он справится»¹⁵.

Во время правления Александра III действительно «поводья были натянуты» очень туго. Начался период политических контрреформ, которые укрепили власть царя и знати. В то же время российское государство предприняло дополнительные усилия, чтобы достичь уровня промышленного роста Западной Европы. Новый министр финансов Николай фон Бунге еще усилил ориентированную на развитие политику своего предшественника¹⁶. Он увеличил тарифы на импортируемые товары и таким образом содействовал становлению отечественной промышленности. С одной стороны, это означало, что фирме «Сименс и Гальске» предстояло побороться с серьезными конкурентами из числа открывшихся в России новых предприятий. «Прошло то время в России, когда мы могли вынудить клиента принять то, что мы считаем хорошим»¹⁷, – написал Карл Вернеру во время своей поездки в Санкт-Петербург еще в январе 1878 года. С другой стороны, компания была вполне подготовлена к жесткой конкуренции. В ответ на изменившиеся рыночные условия производство в Санкт-Петербурге значительно расширилось.

Поэтому у Карла, несмотря на политические волнения, были веские причины для оптимизма. В декабре 1880 года он переехал с до-

черьми в новый дом на Васильевском острове на берегу Невы, недалеко от Зимнего дворца. Через четыре недели Карл написал брату Фридриху, что ему «здесь гораздо лучше, чем в Англии» и он уже стал «намного веселее»¹⁸.

Экономическая ситуация в России

Карл начал реорганизацию бизнеса в России, чтобы наверстать упущенное за время своего долгого отсутствия. В начале лета 1881 года он поехал в Тифлис и дальше в Кедабек. Предприятие на Кавказе Карл в последний раз посещал в 1876 году, и тогда им руководил Георг Болтон – четвертый генеральный директор за семь лет. Кандидатура Болтона оказалась хорошим выбором. Они оба весной 1876 года работали над планированием инвестиций, что значительно повысило производительность медеплавильного завода. В 1877 году около четверти всего производства меди в России приходилось на Кедабек. В конце десятилетия на предприятии братьев Сименс трудилось около 1500 человек, что составляло почти половину всех занятых в горно-металлургической промышленности Кавказа¹⁹. Во время своего посещения завода в июне 1881 года Карл сам убедился в хороших результатах работы в Кедабеке.

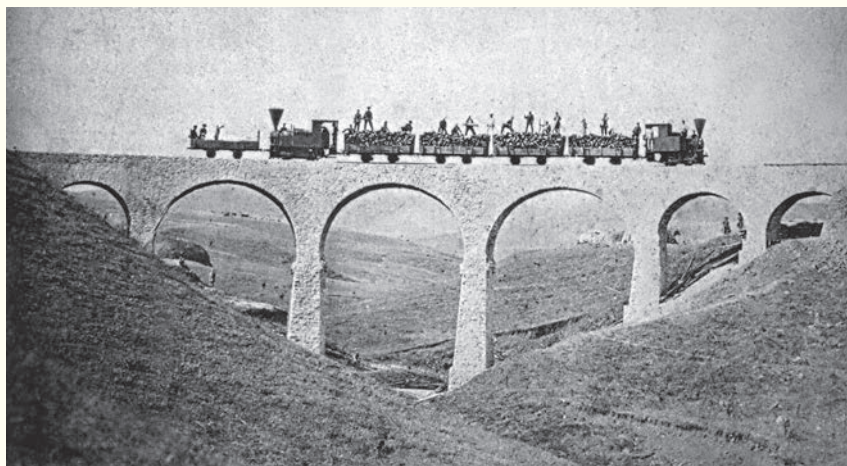
Открытым оставался вопрос, как доставлять медь из далекой высокогорной долины на рынок по конкурентным ценам. Новые возможности появились в 1882 году, когда в августе было установлено железнодорожное сообщение между Тифлисом и Баку. Но Кедабек находился примерно в 40 километрах от железнодорожной линии, так что доставка топлива и транспортировка меди по-прежнему были делом трудоемким и дорогим²⁰. Карл и Георг Болтон решили построить собственную узкоколейную железную дорогу в 30 километрах от реки Шамхор, где располагались вторая шахта и новый участок леса, открытый для разработки²¹. Узкоколейка пока не соединялась с железнодорожной линией Тифлис – Баку. Но завод исправно обеспечивался углем, и значительные инвестиции, которые почти удвоились по сравнению с первоначальными расчетами, окупились. Кедабекское предприятие выросло в один из основных медеплавильных заводов Российской империи. К концу XIX века там производилось около трех четвертей меди Кавказа²².

Теперь медеплавильный завод приносил регулярную, а порой и достаточно высокую прибыль, но это лишь частично явилось результа-

том проведенных Карлом реформ. Производственные и транспортные издержки оставались настолько высокими, что кедабекская медь в сравнении с импортной едва ли была конкурентоспособной. Но Россия все больше придерживалась протекционистской торговой политики, так что Карлу удалось повлиять на принятие решения о значительном увеличении ввозной пошлины на медь. Как он писал несколько лет спустя Вернеру, «благодаря продолжительным переговорам с двумя министерствами был принят нынешний высокий тариф, который спас Кедабек. Без новых таможенных правил мы не заработали бы в прошлом году ни копейки, и в будущем вряд ли сможем заработать больше, чем составляет размер таможенной пошлины»²³. В очередной раз помогли отличные связи Карла в столице.

Карта Кавказа с Кедабеком и маршрутом Индо-Европейской телеграфной линии между персидским Тебризом и Керчью в Крыму

Поезд узкоколейной железной дороги из Кедабека на так называемом мосту Сименса. Без даты

Хуже обстояли дела с фарфоровым заводом в имении Хмелево. С момента его основания в 1861 году Карл неоднократно отзывался о предприятии как о «раковой опухоли»²⁴ на теле компании. Еще из Лондона он старался с помощью писем связаться с постоянно меняющимися управляющими заводом, чтобы попытаться сделать предприятие прибыльным. Но до 1880 года завод поглощал значительную часть общей прибыли «Сименс и Гальске» в России, так что дальнейшая его работа вряд ли была целесообразной²⁵. В феврале 1881 года Карл наконец-то решился «закрыть эту лавочку»²⁶. Когда безнадежное экономическое положение стало очевидным, во время ликвидации предприятия управляющий делами фарфорового завода покончил с собой. В конце 1881 года закрытие было окончательно завершено, и Карл держал имение Хмелево только в качестве личной загородной резиденции. Как он писал Вернеру в ноябре 1881 года, «Петербург может теперь, наконец, стать источником дохода»²⁷ для компании.

Тем временем техническое развитие последних лет изменило и правила игры. «Сименс и Гальске» пришлось все начинать с нуля. До 1870-х гг. компания, основанная в 1847 году Вернером Сименсом и Иоганном Георгом Гальске, специализировалась на строительстве телеграфа. Это было основным бизнесом даже тогда, когда компания производила электроизмерительные приборы, а с 1870-х гг. – и другое электрооборудование, например сигнальные и предохранительные системы для железнодоро-

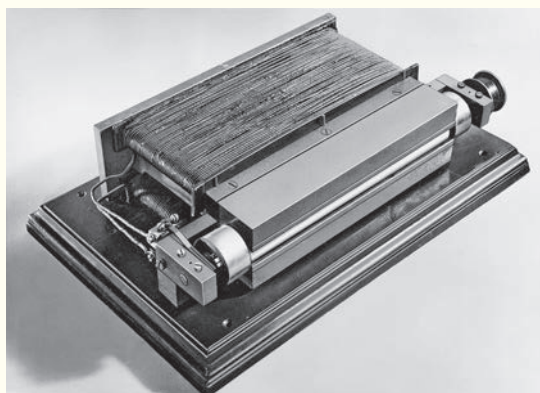
рожных станций²⁸. Но во время длительного пребывания Карла в Лондоне, где он занимался главным образом прокладкой подводных кабелей, в Берлине постепенно менялся общий вектор развития компании.

В 1867 году Вернер подал заявку на патент по использованию динамоэлектрического принципа и разработал динамо-машину, которая вскоре должна была произвести революцию в электротехнической промышленности²⁹. Ее создание открыло большие перспективы для выработки электрической энергии, и она, как Вернер писал 4 декабря 1866 года Вильгельму, «при правильной конструкции»³⁰ найдет широкое применение в качестве источника энергии. В последующие годы динамо-машина Вернера получила дальнейшее развитие, и в 1875 году «Сименс и Гальске» начала ее серийное производство. Через четыре года компания продала уже более 350 динамо-машин и в 1877 году приступила к разработке локомотивов с тяговыми электродвигателями³¹. Так называемая сильноточная электротехника, которая включала в себя генерирование и распределение электрической энергии, а также ее преобразование в механическую энергию, энергию света и тепловую энергию, стала в следующие десятилетия наиболее важным направлением бизнеса «Сименс и Гальске». Оно быстро опередило так называемую слаботочную технику телеграфной связи³².

К тому времени, когда Карл вернулся в Россию, энергетическая отрасль развивалась очень успешно, что дало существенный импульс для роста бизнеса. Такое положение дел возродило деятельность отделения фирмы в Санкт-Петербурге, которое за последние 15 лет сдало свои позиции. Если в 1865 году в российской компании работало свыше 250 сотрудников – больше, чем в любом другом отделении «Сименс и Гальске», то к 1880 году численность занятых уменьшилась вдвое. В то же самое время в Берлине было почти 600 сотрудников и в Лондоне – около 500³³. «Таким образом, к 1870-м гг. в русском бизнесе наблюдалась нерадостная картина»³⁴, – писал ставший позднее директором российского отделения Альфред Шварц. Кроме того, в России, где «Сименс и Гальске» ранее занимала исключительное положение на рынке, сильно возросла конкуренция. Это требовало активных действий. После возвращения в Россию Карл наметил пути развития бизнеса.

1 января 1881 года «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге снова становится экономически самостоятельным отделением компании. В результате появились новые возможности, которые Карл использовал для быстрого расширения бизнеса. Первым шагом стало создание собственного кабельного завода, которому оказывало поддержку рус-

Модель динамо-машины,
разработанной
Вернером в 1866 г.

ское правительство. Это обеспечивало России независимость от импорта в случае войны. Как в мае 1881 года, после обсуждения с Военно-морским министерством, писал Карл Вернеру, братьям «ничего не оставалось, как учесть пожелания министерства и постараться максимально использовать все преимущества»³⁵. Несколько недель спустя началось строительство завода в пригороде Санкт-Петербурга Чекуши, в устье Невы³⁶.

Вернер, исходя из своего опыта строительства кабельного завода в Берлине в 1876 году, сначала выступал против создания предприятия в России. Однако вскоре стало очевидным, насколько полезными были эти инвестиции, так как завод в Чекушах был не только первым кабельным заводом в России, но и первым крупным предприятием по производству электротехнических изделий в этой стране. На открытие завода в июне 1882 года приехало несколько русских министров³⁷. Благодаря этому предприятию компания «Сименс и Гальске» смогла поддерживать и медеплавильное производство в Кедабеке³⁸. И по прошествии только семи лет окупилась высокие первоначальные инвестиции «Сименс и Гальске»³⁹.

В начале 1880-х гг. завод в Чекушах стал также производить разработанные Фридрихом Сименсом газовые горелки, которые хорошо продавались в России⁴⁰. В то же время компания приобрела на Васильевском острове в одном из протоков дельты Невы второй участок для завода и впервые в России начала производство генераторов и электродвигателей. В 1883 году была изготовлена 31 динамо-машина общей мощностью в 91 лошадиную силу⁴¹. Так в России началась революция сильноточной электрической техники.

Открытый в 1881 г. завод по производству кабеля «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге

«Истинный триумф»

На большой российской промышленной и художественной выставке в Москве в 1882 году фирме «Сименс и Гальске» была предоставлена возможность продемонстрировать применение этой новой технологии. Всего за три года до этого на Берлинской торговой выставке компания представила первый в мире электровоз, который был восторженно принят зрителями. В 1881 году начался пробный пуск первого в мире электрического трамвая в Берлине-Лихтерфельде. Летом 1879 года Александр II посетил берлинскую промышленную выставку. Там он должен был прокатиться на новом электропоезде⁴². Два года спустя, когда шла подготовка к промышленной выставке в Москве, приближенные императора захотели, чтобы «Сименс и Гальске» представила новые технологии российской общественности.

Так как «Сименс и Гальске» не смогла заблаговременно зарезервировать место в выставочном зале, Карл попросил московского архитектора построить собственный дорогостоящий павильон⁴³. Локомотивы, вагоны и путевые системы для выставки были подготовлены в соответствии с берлинскими образцами, но сделаны в Санкт-Петербурге.

Завод по производству динамо-машин и электродвигателей «Сименс и Гальске» на Васильевском острове в Санкт-Петербурге

Но из-за убийства Александра II в марте 1881 года запланированная на этот год выставка была отложена на год.

Долгое ожидание и высокие финансовые затраты были вознаграждены, когда осенью 1882 года выставку, наконец, открыли. Ради рекламного эффекта Карл согласился пожертвовать все доходы от продажи железнодорожных билетов Красному Кресту, «чтобы таким образом вызвать больший интерес к этому вопросу. Красный Крест сейчас является современной благотворительной машиной, которой интересуются самые благородные господа»⁴⁴. Он последовал примеру Вернера, использовавшего эту практику тремя годами ранее на промышленной выставке в Берлине.

С 20 сентября выставка была закрыта для общественности и предназначалась только для посещения императора. Как Карл написал 24 сентября Вернеру, он провел несколько дней «заключенным во фрак и белый галстук»⁴⁵, ожидая, когда, наконец, Александр III соизволит посетить павильон «Сименс и Гальске». Но интенсивная подготовка окупилась:

«На второй день я был представлен императору, когда проехал на электровозе у него перед носом. Мы провезли императора, его семью

Электрическая железная дорога «Сименс и Гальске» на Московской промышленной выставке 1882 г.

и всех его министров два раза из одного места в другое. Как только поезд начал двигаться, заполненный зал взорвался криками ура, и так происходило оба раза. Это был настоящий триумф»⁴⁶.

Через несколько дней император с семьей и придворными снова посетил павильон «Сименс и Гальске». Он осмотрел технику и проявил особый интерес к локомотиву. Карл был не готов к разговору, так как Александр III хотел говорить только по-русски, а Карл все еще не владел языком в достаточной степени. Тем не менее он объяснил императору, что экспонаты были изготовлены в Санкт-Петербурге, чему тот очень обрадовался⁴⁷. За потраченными усилиями быстро последовала награда. Компании «Сименс и Гальске» оказали великую честь: вверху на бланке компании было разрешено размещать императорского двуглавого орла, и это являлось высшим признанием, которое можно было получить на промышленной выставке. Кроме того, изделия из кедабекской меди завоевали премию – золотую медаль⁴⁸. Через несколько месяцев Карл был удостоен аудиенции у императрицы Марии Федоровны – это стало еще одной престижной наградой в благодарность за пожертвование Красному Кресту⁴⁹.

Московская промышленная выставка имела большой рекламный успех как для компании «Сименс и Гальске», так и лично для Карла. Несмотря на серьезные проекты с подводным кабелем, в Лондоне

он всегда оставался в тени своего брата Вильгельма, а теперь – после возвращения в Россию – снова был окружен вниманием и имел высокий социальный статус, которого ему так не хватало в Англии. Личные беседы с императором и регулярные консультации с министрами вдохновляли его. Были забыты наиболее разочаровывающие годы в Лондоне, как и многие личные и деловые проблемы. Карл Сименс вернулся назад, и в свои 53 года ему предстояло многое сделать в петербургской компании. В дополнение к электрификации железных дорог открылись новые перспективы для развития осветительной техники и других технологий.

Электрическое освещение

Летом 1882 года, по случаю открытия нового кабельного завода в Чекушах, заводские цеха, как Карл писал Вернеру, были оборудованы «вместо дневного света электрическим освещением»⁵⁰. В столице России это должно было стать сенсацией. Практическое использование электрического освещения началось всего несколько лет назад. Это являлось предметом роскоши, недоступным для обычных потребителей. В домах использовали в основном газ, масляные лампы и свечи, а с середины XIX века – керосиновые лампы. На заводах применялось газовое освещение. Даже в городах уличное освещение, если оно вообще существовало, работало от газа, полученного от переработки угля⁵¹.

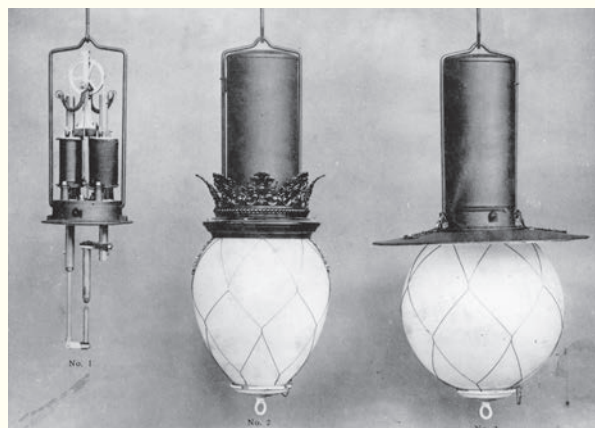
Первые эксперименты с электрическим светом начались еще около 1800 года⁵². Но прошло несколько десятилетий, прежде чем техника была усовершенствована. Две лампы соревновались друг с другом. В 1876 году Павел Яблочков сконструировал электрическую дуговую лампу, которая состояла из двух угольных стержней, изолированных слоем каолина. Так называемые свечи Яблочкова функционировали подобно традиционным свечам, так как угли сгорали в течение 90 минут и должны были тоже меняться. После зажигания горение дуговой лампы уже не могло быть прервано, и это ограничивало ее применение. Основанная Яблочковым в Париже в 1877 году компания «Сосьете Женераля д'Электрисите» (Société Générale d'Electricité) реализовала, тем не менее, проекты по освещению нескольких европейских городов⁵³.

По сравнению с угольными дуговыми лампами грушевидные лампы накаливания, разработанные после 1840 года, имели преимуще-

ство: они не «обгорали», как свечи Яблочкова. Напротив, источником света служил тугоплавкий проводник, нагретый до высокой температуры за счет протекания через него электрического тока. После более чем 20 лет экспериментов англичанин Джозеф Свон в 1878 году изобрел первую пригодную для эксплуатации лампу накаливания. Через год изобретатель из США Томас Альва Эдисон получил патент на вакуумную лампу накаливания с угольной нитью. Эдисон увеличил время работы лампочки до 600 часов и начал их серийное производство. В 1882 году он построил на Манхэттене первую в мире электростанцию общей эксплуатации, которая использовалась для освещения всей округи⁵⁴. В течение нескольких лет возникла совершенно новая область применения электротехники. Томас Эдисон не только зарегистрировал большое количество патентов в США и Европе, но и завоевал общее лидерство на рынке осветительных технологий. Его компания «Эдисон Дженерал Электрик» (Edison General Electric), основанная в 1890 году, была преобразована в «Дженерал Электрик Компани» (General Electric Company). Она и по сей день остается крупнейшим конкурентом концерна «Сименс АГ».

Вернер Сименс сначала настороженно отнесся к электрической осветительной технике. В конце 1870-х гг. «Сименс и Гальске» была плотно загружена заказами. В частности, компания приняла участие в оборудовании нового железнодорожного вокзала в Берлине «Лертер Банхоф», в строительстве общегерманской телеграфной сети для императорского двора, для чего был открыт собственный кабельный завод на Маркграфенштрассе, а также в 1876 году – в производстве и сбыте телефонных аппаратов, разработанных Александром Грэмом Беллом⁵⁵. Поэтому для проведения экспериментов с освещением было мало свободных мощностей. Вернер сначала не придавал значения патенту Эдисона на лампу накаливания. Карл, напротив, призывал брата уделять больше внимания разработке их собственных электрических ламп. Электрическое освещение «обязательно скоро будет повсюду, и поэтому необходимо, чтобы мы не остались позади»⁵⁶, написал он 10 мая 1877 года из Лондона в Берлин. Незадолго до этого Яблочков оснастил часть парижского Лувра лампами с угольной дугой, чем привлек внимание общественности. Год спустя, во время Всемирной выставки в Париже, Яблочков порадовал публику электрическим уличным освещением. Учитывая такой широкий общественный резонанс, Карл в декабре 1878 года написал Вернеру о своей уверенности в том, что «электрическое освещение будет развиваться масштабно»⁵⁷.

Различные модели
дифференциальных
дуговых ламп.
Около 1890 г.

Теперь и Вернер обратил внимание на электрическое освещение, чтобы не упустить шанс поучаствовать в развитии новой технологии⁵⁸. Летом 1878 года он заключил с Яблочковым соглашение о сотрудничестве по разработке и продвижению дуговых ламп⁵⁹. Конструктору «Сименс и Гальске» Фридриху фон Хефнеру-Альтенеку удалось улучшить свечи Яблочкова, после чего сотрудничество с русским изобретателем было прекращено. В 1879 году на Берлинской промышленной выставке «Сименс и Гальске» провела успешные испытания с новыми, недавно разработанными дифференциальными дуговыми лампами, у которых, в отличие от свечей Яблочкова, можно было регулировать подачу электропитания. В течение трех лет компания проводила опытную месячную эксплуатацию электрических дуговых ламп с дифференциальным регулятором на Лейпцигерштрассе и на Потсдамер Платц в Берлине⁶⁰.

Одновременно Карл в Лондоне занимался новыми технологиями и вместе с Вильгельмом проводил эксперименты, которые могли быть реализованы в бизнесе. Осенью 1879 года компания «Братья Сименс» установила уличное освещение в Блэкпуле⁶¹. В следующем году фирма поставила электрические лампы для гавани в Лондоне и валлийском городе Холихеде⁶². Сюда же относятся престижные заказы в британской столице – освещение Хрустального дворца и Королевского Альберт-Холла. Даже в Британском музее в Лондоне фирма «Братья Сименс» установила электрическую систему освещения. Как Карл писал в феврале 1880 года Вернеру, «[там были] очень довольны, и это стало хорошей рекламой для нас»⁶³. В 1881 году компания построила

гидроэлектростанцию в южном английском городке Годаминге и установила там первое в мире уличное электрическое освещение⁶⁴.

Карл решил по возвращении в Санкт-Петербург использовать богатый опыт в осветительном деле для развития этого бизнеса в России. Уже весной 1881 года, через шесть месяцев после его переезда, «Сименс и Гальске» оборудовала завод текстильного магната Людвиг Кнопа в Нарве дуговыми лампами. Через год был получен заказ на освещение прядильной фабрики в городе Иваново, расположенном к северу от Москвы⁶⁵.

Компания «Сименс и Гальске» в Берлине сосредоточилась в те годы на дальнейшем усовершенствовании дуговых ламп⁶⁶. Это оказалось ошибкой, потому что на смену дуговым лампам приходили вакуумные электрические лампочки, которые Эдисон в 1881 году представил европейской общественности на Всемирной выставке в Париже⁶⁷. Вакуумные лампы работали дольше, чем дуговые, они были дешевле в массовом производстве и намного лучше подходили для бытового использования. Так как фирма «Сименс и Гальске» слишком долго колебалась, берлинский предприниматель Эмиль Ратенау в 1881 году приобрел патент Эдисона для немецкого рынка. Два года спустя Ратенау при участии нескольких крупных банков основал компанию «Немецкое эдисоновское общество прикладного электричества» (Deutsche Edison-Gesellschaft für angewandte Elektrizität). Всего за восемь месяцев компания установила 27 новых электростанций и поставила 4700 электрических лампочек⁶⁸.

Вернер Сименс упустил время для приобретения патента на вакуумную лампу, несмотря на заключенное в 1883 году соглашение с Эдисоном. Оплачивая лицензионную пошлину «Немецкому эдисоновскому обществу», фирма «Сименс и Гальске» производила бы электрические лампочки и поставляла оборудование для осветительных установок⁶⁹. Вернер ожидал, что такое разделение труда было бы выигрышным для обеих сторон. «Объединившись с Эдисоном, мы получим большую власть и в будущем подчиним своему влиянию сферу электротехники во всем мире»⁷⁰, – написал он Карлу за неделю до подписания контракта. Однако это оказалось заблуждением.

В соглашении от 1883 года Вернер отказался от положений об эксплуатации электростанций для общественных нужд, так называемых центральных станций⁷¹. «Сименс и Гальске» ограничилась исключительно производством оборудования, так как Вернер считал непосредственное участие в осветительном бизнесе слишком рискованным. Между тем электрическое освещение улиц, зданий и целых городов

было не только технически осуществимо, но и востребовано, например, фабриками, которые могли позволить себе собственную станцию. Тем не менее электроэнергии не хватало для всей инфраструктуры, потому что не было муниципальных электростанций и линий электропередач. Их строительство было дорогостоящим, а кто должен вкладывать деньги? Во всяком случае, «Сименс и Гальске» этого делать не собиралась. Таково было решение Вернера. «Мы не осветители, а производители»⁷², – написал он Карлу в декабре в 1878 года.

Несмотря на то что Вернеру Сименсу пришлось признать масштабы электрификации, он не хотел подвергать риску компанию и финансировать создание инфраструктуры для нового рынка⁷³. Как и несколько лет назад, в дискуссии со своими братьями об участии в производстве подводных кабелей, Вернер предпочел полностью производственную модель бизнеса так называемой торгово-коммерческой структуре, комбинирующей производство с финансированием эксплуатирующих компаний и создающей новый рынок в сильноточной промышленности⁷⁴. Ни при каких обстоятельствах Вернер не хотел открыть свое семейное предприятие для внешних инвесторов или вообще вывести его на биржу. После выплаты доли кузену Иоганну Георгу в 1853 году телеграфно-строительная компания обходилась без чужого капитала. Этого подхода Вернер хотел придерживаться и во времена энергетического бума. Компания, как считал Вернер, должна ограничиться производством, а маркетинг отдать Эдисону или Ратенау.

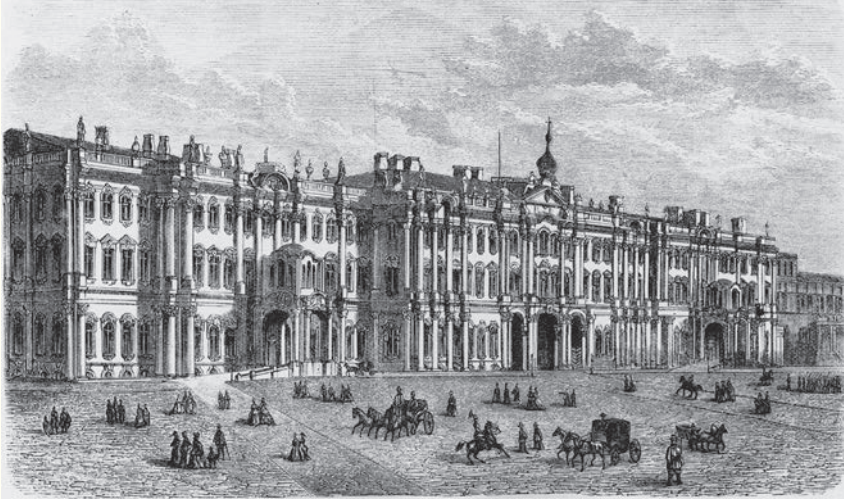
Карл относился к этому со скепсисом. Хотя он и поддерживал соглашение Вернера с «Немецким эдисоновским обществом», которое за оплату лицензионной пошлины позволило бы компании «Сименс и Гальске» производить лампы накаливания, но отказ от установки осветительного оборудования считал не самой лучшей идеей. Карл написал Вернеру в июне 1888 года, что «Эдисоновское общество» получит от этого «колоссальный доход»⁷⁵. Он категорически не хотел распространять действие соглашения с «Немецким эдисоновским обществом» на российское отделение «Сименс и Гальске»⁷⁶. Ему больше нравилась идея Ратенау о бизнесе, который объединяет услуги по производству, передаче и применению электроэнергии. В отличие от брата, он не возражал против участия в семейном бизнесе внешних партнеров. Через два года Карл был избран в правление Санкт-Петербургского частного коммерческого банка, «чтобы наладить контакт с деловым миром и поближе познакомиться с банковским делом»⁷⁷, как писал он Вернеру.

Весной 1883 Карл предложил брату идею заняться осветительным бизнесом в Санкт-Петербурге. Вернер, которому было уже почти 70 лет, увидел в этом риск и ответил: «Будь ты на 20 лет моложе и полностью здоров, меня бы это не смутило»⁷⁸. В конечном итоге Карл, который лучше знал условия в России, должен был сам принять решение. Он действовал быстро. Через четыре недели после письма Вернера он стал партнером в небольшой фирме, которая по примеру «Немецкого эдисоновского общества» стремилась стать крупной светотехнической компанией⁷⁹.

«Общество электрического освещения»

В апреле 1883 года Карл вместе с партнером приобрел фирму «Электротехника». Эта фирма в 1882 году занималась освещением в храме Христа Спасителя в Москве. Она потерпела «полное фиаско»⁸⁰ и была вынуждена весной 1883 года объявить о банкротстве. Однако контракты банкрота оказались очень перспективными: «Электротехника» имела лицензию на освещение главной улицы Санкт-Петербурга – Невского проспекта. Приобретенная Карлом компания в мае 1883 года оснастила электричеством крупнейшую церковь в Санкт-Петербурге – Исаакиевский собор⁸¹. Затем она начала подготовку к иллюминации Невского проспекта. Шесть месяцев спустя, накануне православного Рождества, как Карл писал Вернеру в январе 1884 года, все лампы «горели великолепно»⁸².

Новой технологии в столице России еще не совсем доверяли. Опасаясь пожаров, «Сименс и Гальске» пришлось установить паровые машины для производства электроэнергии на плавучих баржах в двух протоках Невы⁸³. Кроме того, не бездействовала в отношении нового конкурента и газовая компания, которая ранее освещала петербургские улицы. После успешного освещения Невского проспекта к Рождеству мощность ламп стала ослабевать, и к 11 января 1884 года свет погас. Проверка парового двигателя показала, что кто-то умышленно бросил в машину металлические предметы – это и вызвало ее выход из строя. Как Карл и подозревал, за аварией стояла Петербургская газовая компания, чью монополию разрушало уличное электрическое освещение⁸⁴. Только во второй половине января 1884 года был успешно проведен ремонт, освещение заработало «без каких-либо помех и вызвало всеобщие аплодисменты»⁸⁵.

Зимний дворец в Санкт-Петербурге. Около 1881 г.

Однако теперь вставал вопрос о том, как увеличить спрос на электрическое освещение. Карл знал по опыту телеграфного бизнеса, что наиболее вероятным потенциальным потребителем в царской России было государство⁸⁶. Важный шаг был сделан, когда в январе 1885 года «Сименс и Гальске» получила контракт на электрическое освещение Большого зала Зимнего дворца. До сих пор для царя все электромонтажные работы по освещению проводили Морское министерство и Яблочков, но Карлу удалось получить этот престижный контракт благодаря хорошим отношениям с двором. Ему помог глава дворцовой администрации, с которым «часто бывал в питейном заведении»⁸⁷ покойный брат Вальтер. Работу нужно было выполнить быстро, и 29 января 1885 года восемь дуговых ламп, установленных «Сименс и Гальске», осветили вечернее мероприятие в Зимнем дворце. Через день Карл сообщил в Берлин:

«Все были в восторге. Зал был превращен в зимний сад, и там был подан ужин. Вокруг каждой пальмы стояли столы, так что все, кроме пальм, было похоже на летний берлинский ресторан. Лампы висели над пальмами, бросали тень на столы и пол, и получился великолепный эффект»⁸⁸.

Александр III был так восхищен, что заказал у «Сименс и Гальске» электрификацию всего Зимнего дворца. Карл с удивлением сообщил в Берлин, что император даже хотел лично определить, «какие части здания должны первыми получить свет»⁸⁹.

При этом речь шла не только о самом крупном заказе по освещению для «Сименс и Гальске», но и, по мнению Вернера, о создании крупнейшей в мире современной электрической системы стоимостью полмиллиона рублей⁹⁰. Чтобы царь был доволен, работа должна была проводиться быстро. Как Карл писал Вернеру в ноябре 1885 года, нужно сделать «нечто особенное, как во время Крымской войны»⁹¹. Первая часть освещения была завершена 13 января 1886 года – точно к праздничному ужину в Зимнем дворце, и через две недели на большом придворном балу все работало безупречно.

Довольный Карл написал Вернеру, что «императорское увлечение электричеством (да благословит его Господь за это!)»⁹² будет, безусловно, иметь большое влияние на дальнейшее развитие светотехнического бизнеса: «Никто из дворян не посмеет пригласить к себе императора, если не сделает электрическое освещение»⁹³. Вся осветительная система в Зимнем дворце была завершена через год созданием собственной электростанции. На большом новогоднем балу в январе 1887 года было зажжено 12 тысяч ламп, и императорская семья лично осмотрела установку. Император Александр «высказался очень положительно»⁹⁴, как написал Карл Вернеру в феврале 1887 года, добавив: «В дальнейшем не будет недостатка в заказах»⁹⁵.

Освещение Зимнего дворца и Невского проспекта имело хороший рекламный эффект для «Сименс и Гальске». Тем не менее оставался вопрос о том, будет ли осветительный бизнес рентабелен. Петербургский городской совет выдал концессию на Невский проспект для начала только на три года, и то при условии, что уличное освещение будет профинансировано и введено в эксплуатацию компанией за свой счет. Доходы можно было ожидать только от частных клиентов. Карл же рассчитывал на эксклюзивную клиентуру – магазины, клубы и отели, расположенные на Невском. Но сначала спрос развивался медленно, так как там уже функционировало газовое освещение⁹⁶.

Для того чтобы повысить интерес к электричеству, «Сименс и Гальске» за свой счет сделала в конце 1884 года пробное освещение в престижном торговом пассаже «Гостиный двор», завоевав тем самым новых заказчиков⁹⁷. В ноябре 1885 года компания продолжила на свой страх и риск установку уличного освещения на Невском проспекте. Карл очень высоко оценивал эффект от таких инвестиций. Освещение Невского проспекта стояло для «Сименс и Гальске» на первом месте, и в ноябре 1885 года Карл написал Вернеру: «Я очень надеюсь, что этот успех идет в ногу со временем»⁹⁸. В дальнейших переговорах с город-

Невский проспект в Санкт-Петербурге. 1885 г.

ским советом о концессии у Карла появились проблемы. В середине января 1886 года он сообщил Вернеру, что «лоббисты газовых компаний ужасно раздражены и в газетах атакуют электрическое освещение»⁹⁹. В конце месяца, наконец, в «великой битве с Петербургской городской думой и газовыми компаниями»¹⁰⁰ дело сдвинулось с места.

Карл пригрозил городскому совету отключить освещение Невского проспекта, если не получит концессию. Переговоры длились еще год, но безрезультатно. Только 30 января 1887 года состоялось заседание, на котором должна была решиться судьба концессии на электрическое освещение Санкт-Петербурга. На следующий день Александр III объявил о своем приезде в город. Карл заявил высшим чинам города, что в случае отказа он отключит электрическое освещение на Невском проспекте. Никто не хотел рисковать, так как все знали, насколько увлечен был император Александр новой техникой¹⁰¹. Карл, наконец, получил концессию и несколько дней спустя основал «Общество электрического освещения 1886 года» (*Gesellschaft für elektrische Beleuchtung vom Jahre 1886*), компанию, которая занималась исключительно электрическим освещением. По этому случаю он написал Вернеру: «Надеюсь, мы тем самым заложили основу для крупной и мощной компании»¹⁰². Уставный капитал «Общества электрического освещения» составил 1 миллион рублей и был разделен на 2000 акций, около 80% которых

получил Карл как председатель¹⁰³. Российское правительство предоставило компании право на строительство и эксплуатацию электростанций и сетей по всей империи.

С помощью «Общества электрического освещения» один из братьев Сименс первым основал стороннюю организацию для финансирования крупных инфраструктурных проектов в сильнооточной промышленности. Компания быстро развивалась и построила электростанции во многих городах России. За исключением 1888–1889 финансового года она вплоть до 1913 года получала прибыль¹⁰⁴. Накануне Первой мировой войны «Общество электрического освещения» по размеру номинального капитала было крупнейшей электротехнической компанией России¹⁰⁵.

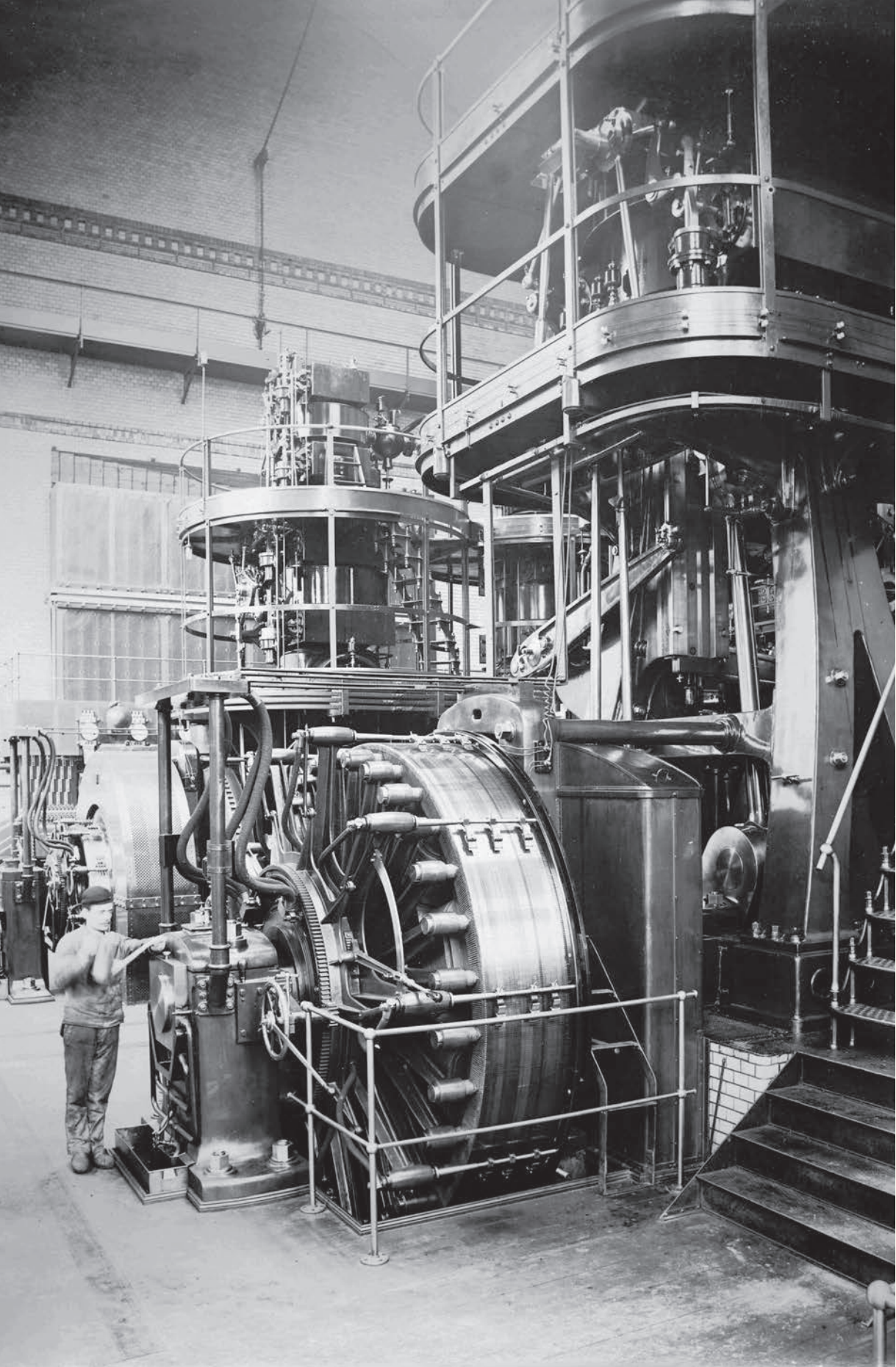
Осветительный бизнес сыграл важную роль в развитии «Сименс и Гальске» в России. После трудных 1870-х гг. компания вновь стала доминировать на электротехническом рынке Российской империи. Вслед за оснащением электричеством Зимнего дворца «Сименс и Гальске» получала и другие престижные заказы, например на электрификацию здания Дворянского собрания в Санкт-Петербурге и Торговых рядов

Прокладка силовых кабелей на мосту через Москву-реку «Русскими электротехническими заводами Сименс и Гальске» по поручению «Общества электрического освещения». 1898 г.

на Красной площади в Москве¹⁰⁶. По случаю выставки электрического освещения в Санкт-Петербурге, которая по большей части была подготовлена «Сименс и Гальске», Карл написал 10 марта 1886 года Вернеру:

«Вчера в течение трех часов на электрической выставке были император и императрица. Я несколько раз говорил с императрицей. Император говорил мало. Он сказал, что очень хорошо помнит меня по Москве, и также упомянул об электрической железной дороге. Русским показалось невероятным, что почти все время он был возле нас. Но не обижаться же на императора за это»¹⁰⁷.

«Вильгельм скоропостижно скончался»

В то время как возвращение Карла в Санкт-Петербург дало толчок развитию российских предприятий, лондонский бизнес явно нуждался в изменениях. Вильгельм не хотел единолично отвечать за дела компании «Братья Сименс», и они с Карлом договорились о ее преобразовании в закрытую акционерную компанию (*private company limited by shares*). Акционерное право Великобритании допускало такие организационно-правовые формы, когда небольшая группа акционеров сохраняла контроль над компанией и передача права собственности на акции была сильно ограничена¹. Карл и Вильгельм большинством голосов отклонили предложение Вернера о принципиальном отказе от преобразования фирмы в акционерное общество. В декабре 1880 года три брата подписали новый учредительный договор, согласно которому английское предприятие отделялось от общей компании. В параграфе 9 договора появилась запись о прекращении деятельности «совместной компании»² к 31 декабря 1880 года и учреждении фирмы «Братья Сименс» в качестве независимого акционерного общества. Людвиг Лёффлер занял пост управляющего директора, Вильгельм стал председателем Совета директоров.

Какие последствия имело это преобразование для фирмы «Братья Сименс»? Поначалу не такие уж и большие. Английская компания оставалась под контролем семьи Сименс: даже после перераспределения долей в 1883 году им принадлежало 97,5% акций. Упомянутое в параграфе 9 «прекращение деятельности совместной компании» означало, что существовавшее с 1867 года совместное

На фото: машинный зал электростанции на Мауэрштрассе в Берлине с динамо-машинами «Сименс и Гальске». Около 1890 г.

Александр Сименс (1847–1929),
исполнительный директор компании
«Братья Сименс». Без даты

управление счетами компаний «Сименс и Гальске» и «Братья Сименс» было прекращено. Но сохранялось совместное «управление капиталом»³ компаний в Берлине, к которому все три брата имели доступ. Создание компании «Братья Сименс и Ко Лимитед» (Siemens Brothers & Co. Ltd.), тем не менее, имело одну важную особенность, и это оставляло центральный вопрос открытым.

Параграфом 10 договора устанавливалось, что сыновья Вернера и Карла в будущем должны войти в компанию в качестве партнеров. За бездетным Вильгельмом было закреплено право назначить «избранную им персону»⁴ в качестве наследника и партнера. Своим наследником Вильгельм сделал работавшего с 1871 года на фирму «Братья Сименс» дальнего родственника – Александра Сименса, которого он усыновил⁵. Руководство предприятием передали опытному Людвигу Лёффлеру, и он получил 100 из 4000 акций. Назначение Лёффлера исполнительным директором компании «Братья Сименс» стало первым после ухода Иоганна Георга Гальске случаем, когда ключевую позицию в руководстве бизнесом занял не член семьи.

Оставался невыясненным вопрос координации международной деятельности. Вильгельм и Карл понимали, что завоевать мировой рынок можно было только через Лондон. Но вопрос о том, как компания «Братья Сименс» должна работать на мировом рынке, одновременно

оставаясь частью общего бизнеса «Сименс и Гальске», в соглашении о партнерстве не был урегулирован. Вернер продолжал настаивать на главенстве Берлина в общем бизнесе. Вильгельм и Людвиг Лёффлер отстаивали позиции Лондона и были не готовы оставлять последнее слово за Берлином. Карл также во время своего пребывания в Англии неоднократно указывал Вернеру на важность Лондона как центра мировой экономики. Не Берлин, а именно Лондон, с его колониями и тесными связями с Северной Америкой, должен был играть ключевую роль в развитии глобального бизнеса. В письме в октябре 1879 года Карл писал Вернеру:

«Уж поверь, дорогой Вернер, что Лондон, после стольких лет опыта ведения дел в других странах, а также здесь, в Англии, действует правильно и что Берлин, не имеющий этого опыта, как бы нам ни было жаль, может только навредить. [...] Одним словом, дело в том, что невозможно судить о здешней ситуации из Берлина»⁶.

Ожесточенные споры о взаимоотношениях компаний «Сименс и Гальске» и «Братья Сименс» происходили главным образом между Вернером и Вильгельмом⁷. Когда три брата в ходе переговоров по поводу нового корпоративного договора 1867 года обсуждали ответственность за глобальные рынки, Вильгельм, судя по описанию Карла, был в ярости, читая письмо Вернера, и «носился по комнате совсем как бойцовый петух»⁸. Карл в 1870-е гг. стал для братьев отличным «посредником и примирителем»⁹. Тем не менее скрыть фундаментальные расхождения между Вернером и Вильгельмом он не мог. После отъезда Карла в Россию тут же снова начались споры между старшими братьями. «Плохо, что Карл не может участвовать в нашей переписке. Без него мы опять дошли до распрей»¹⁰, – написал Вернер Вильгельму 18 мая 1881 года.

В центре конфликта оказался теперь и Людвиг Лёффлер, который, как считал Вернер, все более самовольно определял курс компании «Братья Сименс». Еще в 1863 году Вернер жаловался в письме Карлу, что Лёффлер «корыстолюбивый, у него нет ни такта, ни образования», ему казалось, что тот «поставил перед собой задачу поссорить Берлин и Лондон и доказать Вильгельму, что он не нуждается в нас»¹¹. Этого же мнения Вернер придерживался и теперь. На назначение Лёффлера исполнительным директором фирмы «Братья Сименс» он согласился очень неохотно.

Вильгельм и Карл, напротив, рассматривали Лёффлера как квалифицированного, энергичного управляющего, который отлич-

Вильгельм Сименс.
Около 1880 г.

но проявил себя в 1870-е гг. при прокладке подводного кабеля. Оба брата считали целесообразным возложить на Лёффлера ответственность за дальнейшее развитие бизнеса, в то же время Вильгельм, как председатель Совета директоров, должен был гарантировать влияние семьи на фирму «Братья Сименс». Это положение было включено в соглашение 1880 года, но действовало оно недолго. Три года спустя, 19 ноября 1883 года, Карл, находившийся тогда в Берлине, получил телеграмму из Лондона. В ней было потрясшее его сообщение: «Quite suddenly William died»¹² (Вильгельм скоропостижно скончался. – *Ред.*).

Со старшим на шесть лет Вильгельмом у Карла никогда не было такой тесной связи, как с Вернером. Но смерть брата после непродолжительной болезни легких он принял очень близко к сердцу, так как в Лондоне они поддерживали хорошие отношения в течение более чем 10 лет. Также и Вернер, считавший сплоченную работу троих братьев в Берлине, Лондоне и Санкт-Петербурге основой своего семейного «международного предприятия по образу и подобию дела Ротшильдов»¹³, очень тяжело перенес потерю Вильгельма. С его смертью в ноябре 1883 года пропал стержень, на котором держался общий бизнес, и возник вопрос о том, как действовать дальше¹⁴.

Поскольку Карл в момент смерти Вильгельма находился в Берлине, братья смогли обсудить этот вопрос лично¹⁵. Прежде всего темой их разговоров стало будущее Людвига Лёффлера, который работал в Лондоне без присмотра кого-либо из братьев Сименс. Вернеру это не нравилось, но другого подходящего кандидата не было, поэтому Лёффлер продолжал управление фирмой «Братья Сименс»¹⁶. Учитывая напряженные отношения между компаниями «Братья Сименс» в Лондоне и «Сименс и Гальске» в Берлине, новый конфликт не заставил себя долго ждать.

Борьба за международный рынок

Те вопросы, из-за которых Вернер, Вильгельм и Карл спорили на протяжении 20 лет, оставались в центре внимания и сейчас. Как должны выстраиваться отношения между компаниями в Берлине, Лондоне и Санкт-Петербурге? Каковы общие интересы? Где должны пролегать границы? И что же, наконец, означает идея «международного предприятия по образу и подобию дела Ротшильдов»¹⁷? Вильгельм никогда не поддерживал детскую мечту Вернера о совместной международной компании под руководством старшего брата из Берлина. С Людвигом Лёффлером, который, не будучи членом семьи, руководил компанией «Братья Сименс», возобновились старые конфликты¹⁸.

Они разгорались главным образом из-за вопроса полномочий Берлина и Лондона. В случае с отделением в Санкт-Петербурге, которое всегда работало исключительно на российском рынке, эта проблема не возникала. Но между компаниями «Братья Сименс» и «Сименс и Гальске» необходимы были четкие договоренности о «зарубежных предприятиях»¹⁹. Это касалось прежде всего европейских колоний в Африке и Азии, а также Японии и Южной Америки, где «Сименс и Гальске» присутствовала уже в течение многих лет. В дополнительном соглашении к договору от 1880 года Вернер, Вильгельм и Карл оговорили, что две компании не должны конкурировать на международном рынке. «Братья Сименс» будет «so far as practicable»²⁰ (в той мере, в которой это практически осуществимо. – *Ред.*), как указано в соглашении, воздерживаться от любых сделок в Германии и России, а «Сименс и Гальске» не станет работать на английском рынке. Тем не менее эта формулировка была очень расплывчатой, поскольку не уточ-

Маршрут Индо-Европейской телеграфной линии между Лондоном и Калькуттой

нялся вопрос ведения дел в британских колониях, не говоря уже о бизнесе на других ключевых международных рынках, таких как США, где «Сименс и Гальске» до сих пор не удалось закрепить свои позиции²¹.

Бизнес за рубежом, как считали Вильгельм, Карл и Людвиг Лёффлер, удобнее было вести из Лондона. Поэтому Вильгельм еще в 1860 году пытался наладить зарубежную работу «Сименс и Гальске» под управлением фирмы «Братья Сименс», но эти попытки натолкнулись на упорное сопротивление Вернера. В 1870-е гг. обе компании вели дела в других странах на основе устных договоренностей, при этом Карл неоднократно играл роль посредника. Через год после смерти Вильгельма Людвиг Лёффлер предпринял еще одну попытку и написал письмо Вернеру с предложением в будущем передать ему единоличное управление зарубежным бизнесом из Лондона.

Вернер возмутился. Предложение Лёффлера было «вопиющим»²², написал он Карлу 25 декабря 1884 года. Это означало бы отстранение «Сименс и Гальске» от перспективного бизнеса и изоляцию компании в Берлине. Такого решения, которое привело бы берлинскую фирму «в будущем к немощи, парализовав ее деятельность»²³, он не мог допустить. «Любовь к материнской компании в Берлине у ее детей всегда была чрезвычайно сдержанной, но всему же есть предел»²⁴, – говорилось в письме Вернера. Берлинская компания «Сименс и Гальске» должна

получить доступ к мировому рынку, и Лёффлер не вправе принимать решения в таких важнейших вопросах.

С точки зрения Вернера, за последние годы в мире принципиально изменились условия конкуренции. Когда Вильгельм эмигрировал в Англию в 1840 году, Британская империя еще наслаждалась статусом ведущей мировой промышленной и колониальной державы. Теперь, 40 лет спустя, объединенный Германский рейх стал оспаривать этот ранг в политическом, экономическом и военном отношении. Фирме «Братья Сименс» нужно хотя бы один раз прочесть высказывания Бисмарка о германской колониальной политике, написал Вернер Карлу в декабре 1884 года. «Берлинская компания не может отказаться от этого отлично развивающегося экспортного направления [...]»²⁵.

Карл смотрел на вещи через призму национальных интересов в меньшей степени, чем его брат. Уже в 1877 году он критиковал Вернера за то, что тот постоянно говорит об «общих интересах»²⁶ компании, не уточняя, что конкретно это означает. У фирмы «Братья Сименс» были лучшие контакты за границей, которые всегда играли важную роль в сделках с Австралией, Азией и Южной Америкой²⁷. Благодаря этому, утверждал Карл, выгоду получает бизнес в целом, что должно быть в интересах брата. 26 декабря 1884 года он ответил Вернеру:

«Ты, на мой взгляд, слишком обособленно смотришь на положение дел, и этому во многом способствует твоя поистине отцовская гордость за успехи берлинского бизнеса. Я же рассматриваю этот вопрос более глобально. Я вижу в Берлине и Лондоне два источника дохода и возьму счета в помощь, если ты спросишь меня, должен ли [кабельный завод] в Шарлоттенбурге или Вулвиче стоять наполовину пустым. Где ущерб для моего кошелька будет наименьшим?»²⁸

Вернер должен был «освободиться от своих патриотических чувств к Германии и особой отцовской любви к берлинскому бизнесу»²⁹, говорилось в другом письме Карла четыре дня спустя. О германской колониальной политике и ее экономических выгодах Карл был невысокого мнения: «В вопросе международных отношений Лондон еще долгое время будет оставаться центром мира, пусть даже Бисмарк завоеует и присоединит еще столько же Гран-Попо и Кляйн-Попо (города в Западной Африке, Кляйн-Попо – нынешний Анехо. – *Ред.*)»³⁰.

Но для Вернера отношения между компаниями «Сименс и Гальске» и «Братья Сименс» были больше, чем просто проблема, которая легко могла бы быть решена с помощью счетов. Как Зигфрид фон Вайхер,

бывший руководитель архива «Сименс», написал в отношении зарубежного бизнеса компании, «Сименс и Гальске» была для Вернера «немецкой по происхождению, и ее руководство должно было и впредь оставаться немецким»³¹. Карл придерживался другого мнения. В письме, написанном в январе 1888 года, он обратил внимание брата на то, что его упрямая заикленность на Берлине наносит ущерб интересам бизнеса в целом:

«У вас в Берлине даже нет времени, чтобы успешно работать на [заокеанском] рынке, кроме того, само местоположение Берлина мало годится для этого. Мне кажется, что занятая тобой позиция на данный момент (только не обижайся на меня) – это как гонка за утверждением своих принципов, которая наносит ущерб нашим истинным интересам. Возможно, я неправ, но моя позиция такова. Ты сам достаточно часто признавал, что отдаешь предпочтение берлинской фирме, и я, кстати, нахожу это вполне естественным; но теперь ты должен согласиться, что ты не только наши, но и свои собственные интересы рассматриваешь сквозь розовые «берлинские» очки»³².

Помимо этого принципиального спора между братьями дискуссия о зарубежных рынках касалась и совершенно практического вопроса:

Вид на двор завода «Сименс и Гальске» на улице Маркграфенштрассе, Берлин. Около 1880 г.

куда клиенты должны были направлять свои заказы – в Лондон или в Берлин³³. Когда «Сименс и Гальске» в конце 1870-х гг. начинала создавать постоянные зарубежные отделения, необходимо было определить их правовой статус³⁴. Ключевой проблемой стало то, что обе компании – и «Сименс и Гальске», и «Братья Сименс» – не были построены как организации, способные эффективно заниматься продажами, что больше бы соответствовало все возрастающим требованиям международного бизнеса³⁵.

После смерти Вильгельма исчезли тесные семейные связи, которые скрепляли хрупкие отношения между Лондоном и Берлином. Более того, обострился конфликт с Людвигом Лёффлером. Почему неудобный управляющий не был уволен? Сначала потому, что, по мнению Карла, Лёффлер обладал большим опытом в прокладке подводного кабеля и успешно занимался повседневным бизнесом³⁶. После смерти Вильгельма доля Лёффлера в компании «Братья Сименс» была увеличена до 25%, чтобы привязать его к фирме надолго. Посредством умелых переговоров через некоторое время Лёффлеру удалось увеличить свою долю, получив блокирующий пакет акций. Тем самым он обеспечил себе сильную позицию в компании, бороться с которой братьям Сименс было трудно³⁷.

В 1887 году спор перерос в открытый конфликт, когда Лёффлер подал иск против «Сименс и Гальске» в Берлине, обвинив фирму

Вид на завод «Сименс и Гальске» в Шарлоттенбурге. Около 1890 г.

в незаконной конкуренции на мировом рынке³⁸. Для братьев Сименс это был неслыханный поступок. Даже Карл, который раньше часто защищал позицию компании «Братья Сименс», сейчас потерял терпение. Он был готов к «войне»³⁹ с Лёффлером, как написал в мае 1887 года Вернеру. В одном из писем этого времени Карл писал, что он испытывает «настоящий страх» перед «конвертами от Лёффлера». «Когда я утром вижу, что на моем столе что-то лежит, то чувствую, будто мне вылили ведро воды на голову»⁴⁰. Этот конфликт с Лёффлером, который затронул основные вопросы будущего компании, не обошел стороной и прекрасные до сих пор отношения между братьями.

Яростный конфликт между братьями

Карл и Вернер уже более 30 лет жили далеко друг от друга. И все это время они успешно общались с помощью писем. В большинстве случаев они могли быстро прояснить возникавшие разногласия или недопонимания. Так, в апреле 1882 года Вернер разозлился на письмо Карла, где речь шла об увеличении капитала «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге. «*Le ton fait la musique*» (тон делает музыку. – *Ред.*)⁴¹, – написал в ответ Карл. Вернер просто неправильно понял его последнее письмо. «С моими письмами такое, к сожалению, происходит часто. В моем характере говорить обо всем прямо, в личной беседе никто не обижается, потому что тон позволяет правильно понять точку зрения»⁴². В конце концов, избежать семейных конфликтов невозможно, и он тоже «немного спорщик, как и все мы»⁴³. Однако его глубокой привязанности к старшему брату даже конфликт не мог изменить: «Мое чувство любви и благодарности к тебе останется тем же, даже когда я буду старым, как Мафусаил»⁴⁴. Конечно, он не обиделся на письмо Карла, написал Вернер пять дней спустя. «То, что ты не хотел меня обидеть, я знаю так же хорошо, как и ты, и верю, что ты примешь мое такое же отношение к тебе. [...] Мы знаем друг друга лучше, чем кто бы то ни было»⁴⁵.

Личная привязанность и уважение, сплоченность и близкие доверительные отношения даже на большом расстоянии – все это нашло свое отражение в обширной переписке между Вернером и Карлом, которая поддерживалась на протяжении нескольких десятилетий и включала тысячи писем. Именно это, пожалуй, было решающим фактором, благодаря которому «Сименс и Гальске» в треугольнике между Берли-

ном, Санкт-Петербургом и Лондоном смогла стать успешной «всемирно известной компанией»⁴⁶. Но борьба с Лёффлером в 1880-е гг. потрепала нервы обоим братьям и осложнила их личные отношения. Когда в декабре 1887 года Вернер и Карл со своей стороны подали иск против Лёффлера, в тоне их писем уже ощущалась опасная напряженность.

В отношениях с компанией «Братья Сименс» они «принесли бы в жертву национальную гордость»⁴⁷, написал Карл 7 декабря 1887 года с намеком на предпочтение, которое Вернер отдавал «Сименс и Гальске» в вопросах бизнеса за рубежом. Ответ пришел быстро. Это «почти смешно», что Карл хотел переложить «всю вину за конфликт с Лондоном» на него, раздраженно ответил Вернер⁴⁸. В конце концов, он просто пытался защитить интересы компании в целом, думая также о ее передаче следующему поколению⁴⁹. Вернер в свою очередь обвинил Карла в том, что тот выступал на стороне Лёффлера и говорил о развитии бизнеса за рубежом из конъюнктурных соображений, забывая о целостности семейного предприятия, которое было мечтой всей жизни старшего брата.

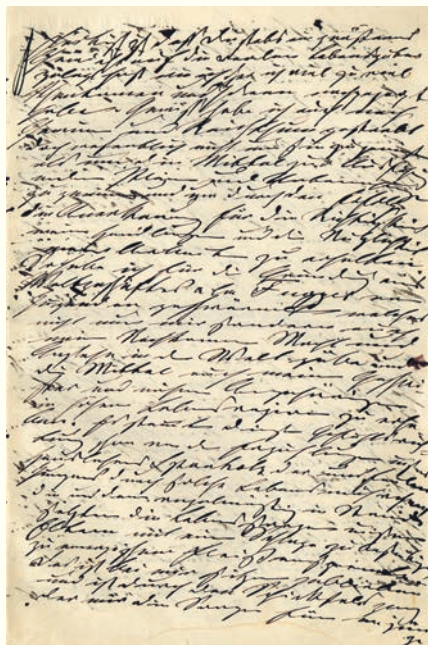
Теперь уже Карл пришел в ярость. Он, разумеется, никогда не упускал из виду интересы общего бизнеса. Только у него другое мнение на этот счет. Он был убежден, что для Вернера «финансовые интересы» играют совсем незначительную роль, а вот «национальный вопрос», наоборот, большую, написал Карл 13 декабря⁵⁰. Сам же он придерживается «более универсальной позиции»⁵¹ и рассматривает коммерческие дела не с национальной точки зрения, а, скорее, как бизнес. Поэтому Карл всегда выступал за большую самостоятельность фирмы «Братья Сименс» под руководством Лёффлера, так как, по его мнению, работы по организации глобальной подводной кабельной сети проводились из Лондона в общих интересах. Через два дня Вернер вновь высказался о расследовании по делу Лёффлера. Он считал, что «лучше вообще отказаться от лондонского бизнеса, чем позволить юридически связать местную [берлинскую] компанию по рукам и ногам, исключив ее из мирового движения! И достаточно об этом»⁵².

Но Карлу было недостаточно, и конфликт обострился. В разгар рождественских праздников оба брата написали около 30 писем, порой очень эмоциональных, которые часто опережали друг друга и этим усугубляли общий разлад. Он уже давно предоставил старшему брату свободу действий в борьбе с фирмой «Братья Сименс», написал Карл 19 декабря 1887 года. Вернер может поступать, как ему нравится, но в таком случае лучше оставить его в покое, «потому что если меня спросят, я не смогу сказать ничего, кроме своего мнения,

и снова начнется спор»⁵³. Кроме того, Вернер, кажется, невнимательно читал его письма из Санкт-Петербурга. Только так Карл мог объяснить многие недоразумения.

На следующий день после сочельника Вернер в длинном письме объяснил свое мнение о разных жизненных установках братьев. После тщательного анализа он понял, что «при одинаковой братской любви и сердечности у них различные фундаментальные представления о цели и ценности жизни»⁵⁴, что и стало причиной их противоречий:

«Фактически ты всегда делал акцент на реальных ценностях жизни, тогда как я слишком много гонялся за фантомами и идеями. Конечно, я тоже стремился к прибыли и богатству, но в большей степени не для того, чтобы наслаждаться ими, а чтобы добыть средства для осуществления других планов и дел и благодаря успеху получить признание правильности моих действий и полезности моей работы. [...] У тебя, напротив, с самого детства были стремление и талант сделать свою жизнь комфортной и наслаждаться материальными ценностями. Твое раннее погружение в петербургскую жизнь еще больше укрепило это. Отсюда и разница между нами»⁵⁵.

Фрагмент письма Вернера Карлу от 25 декабря 1887 г.

Вернер, кажется, сразу же пожалел об этих резких словах, потому что поздно вечером 25 декабря он написал второе письмо в Санкт-Петербург. В нем говорилось: «Отвечай лучше не сразу, дорогой Карл. Это действительно позор, что мы оба всегда держались вместе – и, как мне казалось, благодаря внутреннему убеждению и одинаковому образу мышления, – а сейчас ссоримся из-за пустяков»⁵⁶.

Как должен был теперь реагировать Карл? Он молчал почти две недели и 7 января 1888 года написал в ответ длинное письмо. Свою долю акций в компании «Братья Сименс» он хотел бы бросить в камин, потому что если бы «этого несчастного лондонского яблока раздора не было, мы жили бы с тобой в полной гармонии»⁵⁷. Упрек Вернера в том, что Карл хотел бы всегда жить «комфортно», он не мог пропустить. Более того, он напомнил старшему брату о своих больших успехах в прокладке подводных кабелей за последние 15 лет:

«Я, кажется, природой был создан для больших дел – куда бы ни заносила меня судьба, везде возникало что-то крупное. Чем был лондонский офис, когда я туда приехал в 1869 году, – и во что он превратился, когда я оставил его в 1880 году! Какой вклад я внес во все это, никто не знает лучше меня, или, может, правильнее сказать, никто не знает, потому что я старался вести дела без лишнего шума. Я мог бы, пожалуй, доказать, что все большие проекты, реализованные за время моего 11-летнего рабства в Лондоне: прокладка индо-европейского, российско-японского, французского и DUS-кабеля, – без моего участия не состоялись бы»⁵⁸.

На этом Карл не успокоился. Днем позже, 8 января 1888 года, он попросил свою дочь Марушу переписать длинное письмо Вернера от 25 декабря, поместив его в левой части листа. Правая колонка нужна была Карлу для ответов. Во-первых, он заявил, что, по его мнению, фундаментальные убеждения братьев не различаются. Слова Вернера о том, что Карл «всегда делал акцент на материальных благах»⁵⁹, вряд ли можно воспринимать всерьез. В конце концов, именно Карл пошел «на наибольший риск для пользы общего дела»⁶⁰:

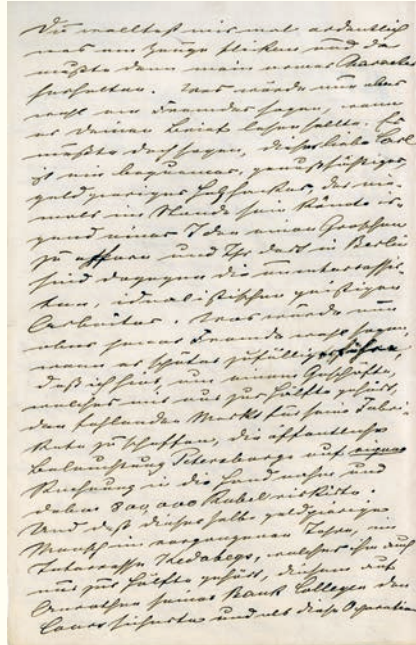
«Назови мне хотя бы одно из наслаждений жизни, которое я себе позволил! Если бы я был столь жаден до денег, то избегал бы таких сделок [...]. Ты говоришь, что у меня с самого начала были стремление и талант сделать свою жизнь комфортной и наслаждаться материальными ценностями. И при этом я был в семье вечным странником. Множество переездов стоили мне целое состояние, а жизнь на «Фарадее» была, конечно же, весьма комфортной! Наконец, что касается наслаждения благами жизни, я хотел бы знать, в чем состояли эти блага»⁶¹.

Его участие в бизнесе «Сименс и Гальске», по мнению Карла, Вернер оценил абсолютно неправильно. Он очень сердито реагировал на утверждение Вернера, что старший брат принял его и Вильгельма в 1850-е гг. «сначала как младших партнеров»⁶² в телеграфно-строительную компанию «Сименс и Гальске». Это было «ошибочное утверждение»⁶³, написал Карл. Он, напротив, был принят в качестве равноправного партнера в 1855 году благодаря его достижениям в российском телеграфном бизнесе. Вернер вряд ли мог считать и Вильгельма младшим партнером: «[...] если ты не хочешь, чтобы Вильгельм перевернулся в гробу, то лучше не говори так о нем»⁶⁴.

Вообще у Карла всегда вызывало большую досаду то, что его собственные заслуги перед «Сименс и Гальске» не получали надлежащей оценки. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в статье о Сименсах имя Карла находится «в одном ряду с Гансом, Вальтером и Отто, у которых не было никаких особых достижений»⁶⁵. Что же «касается благодарности, которую я должен к тебе испытывать за то, что ты по-отечески принял меня в юности и затем постоянно, включая и последние годы, оставался для меня преданным братом»⁶⁶, то этого он никогда не забудет. Но за свои достижения в бизнесе Карл требовал признания, которое он заслужил.

Письмо Вернера ранило Карла так глубоко, поскольку он фактически с юности подчинялся воле старшего брата и для блага компании терпел немалые лишения. На свой длинный, 14-страничный ответ он потратил много времени и эмоций. Тем более удивителен тот спокойный и деловой тон, которым он пытался опровергнуть обвинения Вернера. Но самым поразительным было другое: Карл так никогда и не отправил это письмо. Три дня спустя, 11 января 1888 года, он написал новое письмо Вернеру. «Твой дорогой брат, – написал Карл, – с которым ты прожил долгую жизнь в полной гармонии, спорил только по делу и, конечно, без всякой злобы. Так зачем же в этот случайно вспыхнувший костер подбрасывать новую порцию дров!». Ведь:

«Ты хотел по-настоящему отчитать меня, мишенью для этого должен был стать мой слабый характер. Но что сказал бы незнакомец, если бы ему довелось прочитать твое письмо? Он подумал бы, что этот Карл – ленивый, жадный до наслаждений, корыстолюбивый недотепа, который никогда не мог пожертвовать ни копейки на какую-либо идею, а вот вы там, в Берлине, наоборот, бескорыстные, идеалистические, высокоморальные. [...] Если вообще есть люди в мире, способные по-

Фрагмент письма Карла Вернера от 11 января 1888 г.

жертвовать свои деньги ради достижения намеченных целей, так я в первом ряду среди них. [...] Твой верный, жадный до наслаждений, корыстолюбивый недотепа и брат Карл»⁶⁷.

Вернер получил это письмо из Санкт-Петербурга 15 января 1888 года и постарался со своей стороны разрядить ситуацию. В бизнесе все акционеры должны «всегда доверять разуму другой стороны, в противном случае дело не пойдет»⁶⁸, написал он в ответ в тот же день. Без сомнения, Вернер не хотел обидеть брата, это была бы «совершенно нелепая идея!»⁶⁹. Хотя, по его мнению, принципиальная разница между ними кроется в их стиле управления, но при всех отличиях он никогда не сомневался в силе характера Карла. «С сердечным приветом от твоего злобного, эгоистичного, дряхлого брата»⁷⁰, – так, с ироническим подтекстом, закончил свое письмо Вернер.

После недель конфликтов в январе 1888 года братья снова были вместе и быстро вернулись к обычным доверительным отношениям. Им срочно нужно было обратить серьезное внимание на бизнес, так как «Сименс и Гальске» столкнулась с новым вызовом в конкурентной борьбе, который поставил будущее компании под угрозу.

Рост конкуренции

Внутренний «кризис Лёффлера»⁷¹ после смерти Вильгельма доставлял Вернеру и Карлу много забот. Он забирал силы и энергию в то время, когда развитие дела требовало предельного внимания. Ведь в Берлине уже появился конкурент, стремительному взлету которого братья ничего не могли противопоставить.

После того как Вернер Сименс выступил против непосредственного участия своей компании в предприятиях, связанных с освещением, берлинский предприниматель Эмиль Ратенау перехватил инициативу. Весной 1884 года Ратенау заложил в Берлине по американскому образцу первую электростанцию в Германии и впервые обеспечил целый район города электрическим светом⁷². Надеясь на быструю экспансию, Ратенау построил в Берлине в том же году собственную фабрику по производству ламп и стал в меньшей степени зависеть от поставок «Сименс и Гальске». В последующие годы он усилил работу с городскими электростанциями и частными потребителями в других городах Германии.

Весной 1887 года Вернер Сименс и Эмиль Ратенау заменили заключенный четыре года назад договор новым соглашением о дальнейшем сотрудничестве между двумя компаниями, оговорив в нем большую свободу действий⁷³. «Немецкое эдисоновское общество» получило право производить свою собственную электротехническую продукцию, несмотря на то что «Сименс и Гальске» осталась поставщиком для крупных центральных станций. Этим Ратенау смог добиться полного отделения своей компании от Томаса Эдисона. 23 мая 1887 года общим собранием участников «Немецкого эдисоновского общества» было принято решение о значительном увеличении капитала и переименовании во «Всеобщую электрическую компанию» (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft), сокращенно AEG. В дополнение к осветительной технике ключевым направлением фирмы являлось производство моторов и электродвигателей⁷⁴. Впервые в своей истории компания братьев Сименс столкнулась с серьезным конкурентом в Германии. За первые 10 лет существования AEG смогла увеличить свой капитал в четыре раза⁷⁵. На рубеже XX века у нее было больше сотрудников, чем у «Сименс и Гальске»⁷⁶.

Восхождение AEG в 1880-е гг. пришлось на «самое слабое десятилетие»⁷⁷ с момента основания «Сименс и Гальске», даже несмотря на быстрый рост производства. Конфликт с Лёффлером угрожал целост-

ности компании. Кроме того, конкуренция с АЕГ требовала организационных изменений, на которые Вернер уже не мог решиться. Он был невысокого мнения о деятельности акционерных обществ и внешних заимствованиях капитала. Вернер хотел держать под собственным контролем «Сименс и Гальске» и не быть «слугой»⁷⁸ – это он дал понять в письме Карлу еще в 1870 году. Однако приверженность семейному принципу ведения дел, так ярко выраженная в структуре «всемирно известной компании» в Берлине, Лондоне и Санкт-Петербурге, оказалась теперь главным недостатком в конкурентной борьбе с АЕГ.

У АЕГ было все, чего не хватало «Сименс и Гальске»: динамичный и профессиональный менеджмент, не связанный структурой семейного бизнеса; фокус на электротехнике и форсирование ее развития; благодаря современной форме акционерного общества – доступ к внешнему финансированию для быстрой экономической экспансии⁷⁹. По сравнению с АЕГ 40-летняя компания «Сименс и Гальске» была устаревшей, негибкой и не могла реагировать на стремительный рост более прогрессивных конкурентов⁸⁰.

Особенно различия между «Сименс и Гальске» и АЕГ проявились в высшем руководстве двух компаний. Вернер и Карл Сименс выросли в доиндустриальном мире в Ленте и Менцендорфе и представляли традиционный патриархальный стиль управления. Родившийся в 1838 году в Берлине Эмиль Ратенау принадлежал к новому поколению предпринимателей. Ратенау изучал машиностроение и, работая на машиностроительном заводе в 1870-е гг., получил опытом управления предприятием. Кроме того, Ратенау соединял технические знания с глубоким пониманием основ бизнеса – производства, экономики и маркетинга, что у братьев Сименс в значительной степени отсутствовало⁸¹. В финансовом мире 1880-х гг. промышленная и экономическая экспансия все больше финансировалась с помощью долгосрочных кредитов, что Ратенау считал наилучшим решением. Даже Георг Сименс, который в качестве представителя «Дойче Банка» был членом Наблюдательного совета АЕГ, спустя несколько лет пришел к определенному мнению, что его «деловые интересы лежат на стороне АЕГ», как писал он в 1894 году шурина Герману Герцу, в то время как «сердце принадлежит «Сименс и Гальске»⁸².

В этой напряженной ситуации Вернер и Карл прибегли к стереотипу, который получил широкое распространение во всем обществе и появился в обиходе братьев Сименс еще с 1850-х гг. «Еврейская компания Эдисона» приносит «сейчас много неприятностей»⁸³, писал

Вернер в октябре 1882 года Карлу. Эмиль Ратенау исповедовал иудейскую веру, как и многие его партнеры по бизнесу. Через несколько дней после письма Карлу Вернер написал Фридриху, что теперь вступил в «острую борьбу» с «еврейской компанией [...]». Глупо, что эти люди напали на нас, но я всегда оказываюсь на месте!»⁸⁴. Даже когда через полгода «Сименс и Гальске» и «Немецкое эдисоновское общество» пришли к согласию, Вернер продолжил высказываться подобным образом. «Союз Сименса и Эдисона» – это «звучит хорошо»⁸⁵, и создание «Эдисоновского общества» он считал весьма перспективным, о чем писал в феврале 1883 года Карлу: «Это делается, конечно, еврейями, но они очень дельные»⁸⁶.

Особенно в отношении нелюбимых ими финансовых дел оба брата порой поругивали «денежных евреев»⁸⁷, по выражению Вернера, использованному в одном из писем Карлу в 1859 году. Тем самым они воспроизводили широко распространенный образ, который в Германии и в России в последней трети XIX века трансформировался в биологически-расистский антисемитизм⁸⁸. Только Вильгельм, единственный из братьев, дистанцировался от таких высказываний. «В чем вы хотите обвинить бедных евреев? – написал он Вернеру в феврале 1881 года. – Это мне очень напоминает Средневековье, когда их притесняли, потому что они самые умные и, кроме того, распяли Христа»⁸⁹.

Тон писем Карла, напротив, становился все жестче. В России евреям разрешалось селиться только в западных провинциях, и именно поэтому в некоторых регионах был высокий процент еврейского населения⁹⁰. Нужно «знать русские еврейские провинции, чтобы судить о том, какая это чума»⁹¹, – писал Карл Вильгельму в марте 1882 года. За год до этого, после убийства Александра II, начались жестокие погромы против бедного в основной массе еврейского населения, которые распространились на большей части юго-запада царской России⁹². Карл пытался объяснить эти вспышки насилия. «От евреев, – писал он в апреле 1882 года Вернеру, – в российских западных провинциях страдает каждый. Они там – господа, кем они скоро станут и в Германии. [...] Вся собственность окажется в руках евреев, а германцы станут их работниками. [...] Русских нельзя упрекать в том, что они изо всех сил стараются держать евреев как можно дальше от себя, ибо, ввиду их количества, ясно, что те скоро станут их господами»⁹³.

Эти высказывания Карла выходят далеко за рамки всех предыдущих комментариев братьев Сименс. Откуда взялась эта внезапная резкость, из его писем неясно. Возможно, на Карла повлияли им-

пульсы тогдашней антисемитской публицистики или он заразился атмосферой травли, которая царил в России во время погромов?⁹⁴ Вернер также был удивлен неожиданными вспышками младшего брата. «Да ведь ты стал абсолютным антисемитом!»⁹⁵, – ответил он на письмо Карла 5 мая 1882 года. Вернер, правда, в принципе симпатизировал таким идеям. Он, мол, тоже придерживается мнения о том, «что бурное распространение евреев вызывает опасения. [...] Но дело не так плохо, как ты думаешь»⁹⁶. Евреям не хватает «технического склада ума, который сделал наше время великим», и вдобавок у них нет «таланта к управлению»⁹⁷. Кроме того, он считал необходимой эмансипацию от традиционного иудаизма, иначе такие погромы, как в России, станут повторяться в будущем. Вернеру, правда, стоило бы более четко дистанцироваться от высказываний своего младшего брата. В конце концов, большим примером для него служило «международное предприятие по образу и подобию дела Ротшильдов»⁹⁸, которое находилось во владении еврейской семьи.

Необходимость реформ

С братьями Сименс с 1880-х гг. конкурировала не только AEG Эмиля Ратенау. Другие компании, такие как «Фельтен и Гийом» (Felten & Guillaume), «Шуккерт и Ко» (Schuckert & Co.), «В. Ламейер и Ко» (W. Lahmeyer & Co.), «Объединенная электрическая компания» (Union-Elektricitäts-Gesellschaft, UEG) и «Гелиос АГ» (Helios AG), отбирали у «Сименс и Гальске» большую долю рынка⁹⁹. Особенно нюрнбергская компания Шуккерта, которая в 1893 году была преобразована в электроэнергетическую корпорацию – «Акционерную электрическую компанию» (Elektrizitäts-Aktiengesellschaft, сокращенно EAG), строила все больше электростанций. В 1890-е гг. компания EAG ввела в строй несколько центральных станций – больше, чем «Сименс и Гальске» и AEG, вместе взятые¹⁰⁰. Еще в середине 1870-х гг. около половины всех занятых в германской электротехнической промышленности работали для «Сименс и Гальске»¹⁰¹. Однако компания вскоре должна была потерять такое доминирующее положение.

В царской России также прошли те времена, когда «Сименс и Гальске» в отсутствие конкурентов в значительной мере могла полагаться на государство как на основного клиента. Прежде всего, немецкие элек-

тротехнические компании с 1880-х гг. увеличили инвестиции в Россию¹⁰². Усилившееся соперничество оказывало значительное давление на «Сименс и Гальске», так как конкуренты с более высоким качеством и лучшими ценами могли быстро захватить долю рынка. В изменившихся рыночных условиях ее «старая репутация как чересчур дорогой»¹⁰³ была очень невыгодной для компании, писал Карл Вернеру в июне 1892 года.

Это давало о себе знать не только в сфере телекоммуникаций, в которой конкурирующие компании «ЭйТи энд Ти» (American Telephone and Telegraph, сокращенно AT&T), «Вестерн Электрик» (Western Electric) и «Эрикссон» (Ericsson) с большим успехом внедряли телефоны¹⁰⁴. В энергетической отрасли «Сименс и Гальске» в России также развивалась медленными темпами. Вопреки ожиданиям после «триумфального проезда»¹⁰⁵ императора Александра на Московской промышленной выставке, с 1882 года застопорились сделки, связанные с электрическим трамваем. Почти 15 лет компания не получала ни одного заказа, в отличие от АЕГ, в 1892 году заключившей договор на электрический трамвай в Киеве, за которым последовали другие железнодорожные проекты¹⁰⁶. Благодаря «Обществу электрического освещения» Карл смог продемонстрировать успехи в нескольких крупных, престижных проектах, но и в осветительном деле началась серьезная конкуренция¹⁰⁷.

Первоначальный энтузиазм Карла относительно электротехнического бизнеса из-за жесткой конкуренции быстро развеялся. Брат Вернер «даже представить не может, сколько хлопот доставляет мне «Общество электрического освещения»¹⁰⁸, как написал он летом 1889 года. В письмах снова появились регулярные жалобы на здоровье. «Теперь мне так плохо, что любое волнение стоит бессонной ночи»¹⁰⁹, – писал Карл в ноябре 1889 года. У него были серьезные проблемы с сердцем, и он хотел хотя бы немного отойти от управления «Сименс и Гальске». Учитывая большую нагрузку в делах, он в любом случае предпочел бы «рисковать лучше деньгами, чем жизнью»¹¹⁰. Но что станет с российской компанией в случае отказа Карла от работы? Его сын Вернер не мог, да и не хотел брать на себя руководство. В профессионализм управленческого персонала в Санкт-Петербурге Карл не верил. Выходом могли бы стать либо продажа русского бизнеса «Сименс и Гальске», либо поиск подходящего компетентного партнера.

В начале апреля 1889 года Карл сообщил племяннику Вильгельму, что ведет переговоры с конкурентом по этому вопросу. «Слияние

Зигмунд Шукерт (1846–1895).
Без даты

Эмиль Ратенау (1838–1915).
Около 1890 г.

с АЕГ» было бы для него «крайне желательно»¹¹¹, написал Карл Вильгельму. Разумеется, семья Сименс должна сохранить контроль в этой объединенной компании. Он «не хотел быть проглоченным АЕГ, а наоборот, хотел поглотить ее»¹¹²; как говорилось в другом письме Вильгельму от 9 апреля 1889 года. Вкладом Ратенау в совместное предприятие могли бы стать его связи в финансовом сообществе, т. е. именно то, чего недоставало «Сименс и Гальске» для дальнейшего расширения бизнеса. «Итак, деньги сюда, а евреев – отсюда»¹¹³, – так Карл представил свой план.

Эмиль Ратенау был готов вести переговоры с Карлом о слиянии с «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге. 23 декабря 1889 года директор АЕГ Феликс Дойч приехал в российскую столицу, чтобы получить общее представление о компании¹¹⁴. Следующие недели стали для Карла откровением в отношении профессионализма в управлении предприятием основного конкурента. Феликс Дойч, которому едва исполнился 31 год, был очень способным и за короткое время поднялся до поста директора АЕГ. Господин Дойч «не произвел неприятного впечатления»¹¹⁵, как довольно сдержанно написал Карл Вернеру 23 декабря 1889 года. Но через неделю он восторженно сообщил брату, что поражен манерой держаться Феликса Дойча, который моложе его почти на

30 лет. «Этот Дойч, кажется, умный мальчик, и его поведение до сих пор было образцовым»¹¹⁶, – говорилось в письме Карла от 29 декабря 1889 года. Он по-настоящему завидует AEG «из-за этого Дойча. Говорить с ним о делах очень приятно»¹¹⁷.

Результаты финансовой ревизии, напротив, должны были порадовать Карла гораздо меньше. «Сименс и Гальске», заключил Феликс Дойч, производит слишком дорогую, устаревшую технику и устанавливает неконкурентоспособные цены. В полном шоке Карл изучил расценки AEG на осветительное оборудование, которые были почти на 30% ниже уровня цен «Сименс и Гальске». От Дойча не ускользнуло, «к сожалению, ничего»¹¹⁸, как Карл написал Вернеру. Более того, он обнаружил серьезные недостатки в организации складского хозяйства и «очень подозрительные статьи»¹¹⁹ в бухгалтерском балансе. При таких обстоятельствах Карл потерял надежду, что AEG будет участвовать в его петербургском бизнесе. Вместо желанного сотрудничества это могло означать конкуренцию в России с компанией, которая превосходила «Сименс и Гальске» во всех отношениях. «В случае если AEG построит здесь, в районе моего «Общества электрического освещения», центральные станции по новой модели, с мощным оборудованием и дешевой электроэнергией, моя компания будет разорена»¹²⁰, – написал Карл 7 января 1890 года Вернеру.

Феликс Дойч уже вернулся к тому времени в Берлин, чтобы поделиться с Ратенау своими впечатлениями от Санкт-Петербурга. Этот отчет был «довольно неблагоприятный»¹²¹, как несколько дней спустя Вернер узнал от Ратенау. Феликс Дойч позже в своих мемуарах описал плохое состояние компании «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге, которая не отвечала высоким требованиям AEG:

«Когда в Германии после основания «Немецкого эдисоновского общества» электрическое освещение стало играть важную роль, «Сименс и Гальске» предприняла то же самое в России, но дело велось так по-дилетантски, что из этого ничего не могло получиться. [...] О передаче предприятия [AEG] речи не было. Небольшие центральные станции, построенные на понтонах, не могли предоставить нам возможность дальнейшего развития, и сделки компании были слишком несущественными для того, чтобы вкладывать значительные капиталы и строить заводы»¹²².

Георг Сименс пытался весной 1889 года вмешаться в переговоры в качестве посредника. Но Ратенау решил, что в сложившихся условиях нет необходимости ехать в Санкт-Петербург и обсуждать с Карлом сотрудничество двух компаний¹²³.

«Эдисоновы евреи»¹²⁴ АЕГ, как сформулировал Карл в 1885 году в письме Вернеру (Феликс Дойч также был по происхождению евреем), не считали деятельность «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге перспективной. Карл, тем не менее, не воспринял это как личную обиду, а наоборот, выразил конкурентам глубочайшее уважение. 20 января 1890 года он написал Вернеру:

«Жаль, что в нашей компании нет таких людей, как Ратенау и Дойч! Они знающие, порядочные, и с ними можно иметь дело. [...] Я видел, что Дойч занимается предпринимательством с истинным удовольствием. Через неделю он знал здешний бизнес лучше, чем все наши служащие, вместе взятые»¹²⁵.

Это признание Карла одновременно являлось осознанием своей слабости: если Феликс Дойч за несколько дней узнал петербургский бизнес лучше, чем его сотрудники, значит, этой компанией занимались не очень хорошо. В последние десятилетия такое положение дел не имело для «Сименс и Гальске» – единственного крупного поставщика в Российской империи – негативных последствий. Однако теперь, ввиду растущей конкуренции, собственные недостатки стали очевидными. В АЕГ были «еврейские таланты, которые у нас полностью отсутствуют»¹²⁶, написал Карл 3 августа 1890 года Вернеру.

Означало это не что иное, как профессиональный менеджмент, современную организационную структуру, целенаправленное внедрение научных исследований и разработок, а также доступ к дополнительному капиталу, который можно получить от размещения акций на бирже, если энергетический бизнес будет расти. Компании «Сименс и Гальске» нужно было многому и, главное, быстро научиться, если она не хотела проиграть в конкурентной борьбе с АЕГ. Были ли в состоянии оба стареющих брата Сименс подвергнуть свою международную фирму этому испытанию, чтобы она сама могла стать «чем-то вроде АЕГ»¹²⁷? По крайней мере в отношении российского отделения у Карла было мало оптимизма. «Если бы можно было найти покупателя на все предприятие! Я этой историей сыт по горло!»¹²⁸, – написал он летом 1892 года Вернеру в полном разочаровании.

Наследники вступают в свои права

Превращение AEG в одного из самых опасных конкурентов «Сименс и Гальске» происходило в то время, когда вопрос о преемственности в компании становился все более актуальным. К концу 1887 года истек срок принятого семь лет назад учредительного договора, так что братьям предстояло обсудить его продление¹. Карлу вот-вот должно было исполниться 58 лет, Вернеру 13 декабря исполнялся 71 год. Скоропостижная кончина Вильгельма в возрасте 60 лет показала, насколько важно своевременное урегулирование порядка наследования. Наконец, заявленная Вернером цель состояла в том, чтобы его «международное предприятие по образу и подобию дела семьи Фуггер» обеспечило «наследникам власть и престиж в мире»². Для этого двум оставшимся братьям необходимо было договариваться.

«Было бы совершенно естественно, если бы ты оставил берлинское гнездо своим мальчикам, а я петербургское – моему»³, – еще в 1880 году писал Карл Вернеру в ходе обсуждения нового учредительного договора. В нем братья установили, что в будущем сыновья Вернера – Арнольд и Вильгельм, сын Карла – Вернер, а также наследник Вильгельма станут преемниками⁴. С самого начала Карл настаивал на скорейшей реализации этого соглашения. Вернер должен «постепенно сосредоточиться на смене поколений» и «подготовить обоих юношей к соответствующим позициям»⁵, предложил он в мае 1880 года. «Им обоим следует участвовать в делах, чтобы наши сотрудники со временем к ним привыкли и приняли как своих будущих боссов. [...] Ты должен как можно скорее организовать процесс таким образом, чтобы твои мальчики включились в текущую деятельность»⁶.

На фото: акция компании «Сименс и Гальске АГ», 1897 г.

Племянники Карла: Арнольд фон Сименс (1853–1918) и Вильгельм фон Сименс (1855–1919).
Без даты

В 1882 году Арнольд, а затем в 1884 году и Вильгельм были объявлены совладельцами «Сименс и Гальске», постепенно им стали доверять управление делами⁷. Однако Вернер старался оттянуть время передачи права управления сыновьям – намного дальше, чем того хотел Карл. Когда Вернер отменил запланированную поездку из-за деловых обязательств, Карл написал брату в феврале 1885 года, что не понимает, почему тот «не может даже на некоторое время оставить Берлин [...]». Было бы очень хорошо, если бы «Вилли иногда работал самостоятельно. Он почувствует себя независимым. Убежден, что он справится. Попробуй хотя бы один раз»⁸. Но решения такого рода Вернер принимал трудно. Даже в 70-летнем возрасте он не выпускал из своих рук бразды правления в «Сименс и Гальске» и не собирался уходить из состава руководства компании, хотя его сыновья – Арнольд и Вильгельм – продемонстрировали и талант, и желание продолжать дело отца.

С Вернером, сыном Карла, все было иначе: хотя он также в 1885 году вошел в качестве акционера в «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге, его участие носило скорее формальный характер⁹. Поэтому вопросы будущего управления Санкт-Петербургским отделением оставались откры-

тыми, неопределенной была и его будущая структура, так как Вернер хотел видеть среди преемников только членов семьи. «Англия, Россия и Вена ставят для будущего глупые знаки вопроса из-за недостаточно зрелого молодого поколения»¹⁰, – написал он в июле 1887 года Карлу.

Через пять месяцев Вернер переслал брату проект соглашения, в котором предусматривалась передача бизнеса в Берлине его сыновьям – Арнольду и Вильгельму. В период споров с Карлом в письме от 25 декабря 1887 года Вернер изложил свое видение стабильного фирменного бизнеса следующим образом:

«В деловых вопросах деньги для меня – на втором плане, главное – это та империя, которую я основал и которую хочу оставить моим потомкам, чтобы они продолжали развивать ее. Я надеялся, что петербургские и лондонские предприятия будут процветать под твоим руководством. [...] Твои семейные обстоятельства и слабое здоровье, к сожалению, заставили вносить изменения, а смерть Вильгельма и его бездетность полностью разрушили эту мечту. Ситуация сложилась таким образом, что у нас обоих в Лондоне теперь только денежный интерес; на мой взгляд, то же самое относится и к Петербургу, так как ты уже устал от России, а у твоего сына нет ни склонности, ни квалификации заниматься этим делом. Итак, остается Берлин, который я всегда представлял себе как наследство моим сыновьям. Я так счастлив, что у меня два сына, которые не просто чувствуют предприятие, но и в состоянии квалифицированно продолжить сделанное нами, и третий сын, кажется, развивается в том же направлении. Им я должен при любых обстоятельствах оставить дело в таком состоянии, которое обеспечит его развитие»¹¹.

Несмотря на то что участие его сына Вернера в берлинском бизнесе не предполагалось, Карл согласился на новый договор сроком на пять лет, не приняв только один пункт¹². Вернер в письме от 25 декабря 1887 года заметил, что Карл «скорее всего, проживет дольше и дольше будет активным»¹³. Поэтому желательно, чтобы Карл продал отделение компании в Санкт-Петербурге и участвовал в управлении в Берлине: «Тогда я спокойно мог бы умереть, если бы ты как опытный советник остался вместо меня»¹⁴. Карл немедленно отверг это приглашение: «Ты опять предлагаешь идею, что я должен навсегда переехать в Берлин. [...] Я уже давно сказал, что берлинская фирма перейдет к твоим сыновьям, и я не должен путаться у них под ногами»¹⁵.

Порядок наследования был урегулирован по обоюдному согласию, как и конфликт с компанией «Братья Сименс». В мае 1888 года Вернер также достиг компромисса с Людвигом Лёффлером, выделив ему долю

акций в фирме «Братья Сименс». Когда в 1891 году Лёффлер по собственному желанию вышел из компании, Александр Сименс взял на себя управление фирмой в Лондоне¹⁶. Благодаря этому борьба за международный бизнес закончилась. В соглашении от 11 марта 1889 года берлинское и петербургское отделения «Сименс и Гальске» вместе с фирмой «Братья Сименс» зафиксировали, что все три компании могут вести бизнес в британских колониях¹⁷. Спор, продолжавшийся несколько лет и сильно испортивший отношения между Вернером и Карлом, был, наконец, разрешен.

Карл неоднократно повторял брату, что по достижении 70 лет он должен отойти от управления фирмой. Сыновьям Вернера – Арнольду и Вильгельму – было уже за 30, и они с юности были подготовлены к тому, чтобы взять ответственность за компанию на себя. Карл написал в январе 1888 года о том, что создателю предприятия пора окончательно уйти из бизнеса: «Раньше ты всегда называл мне 70 лет как границу, теперь же ты говоришь о 72 годах. Кошка просто не может не ловить мышей»¹⁸.

Однако Вернер упорно сопротивлялся. Он должен был «удовоствериться, что для дела будет полезно, если я постепенно буду выходить из него»¹⁹, – так было написано в письме четыре дня спустя. Его сыновья еще слишком молоды, чтобы взять на себя полную ответственность. Предстоит принимать серьезные решения, которые требуют «опыта и авторитета»²⁰. После заключения нового учредительного договора и преобразования компании в командитное товарищество с 1 января 1890 года Вернер только на бумаге перестал быть совладельцем «Сименс и Гальске». Он по-прежнему имел неограниченный доступ ко всем делам и оговорил право последнего слова при принятии решений²¹. Даже после того как руководство официально перешло к его сыновьям, Вернер крепко держал бразды правления в своих руках.

Влияние Вернера на дальнейшее развитие «Сименс и Гальске» оказалось пагубным²². Он тормозил необходимую модернизацию компании, не уделял внимания созданию профессиональной службы сбыта, задерживал выход на мировой рынок и отказывался от участия внешнего капитала. Как и прежде, компания «Сименс и Гальске» делала акцент на исследованиях и разработках и была единственной немецкой фирмой, работавшей во всех областях электротехники. И хотя она смогла извлечь прибыль во время экономического бума и всего за 10 лет – с 1880 до 1890 года – увеличила количество сотрудников и объем продаж в четыре раза²³, конкуренция, прежде всего со стороны

АЕГ, заставляла обращать больше внимания на стремительно развивавшееся и капиталоемкое силовое электрооборудование и двигаться вперед еще быстрее.

Последняя совместная поездка в Кедабек

Несмотря на сложную ситуацию в бизнесе, взаимоотношения между Карлом и Вернером после пережитых в декабре 1887года споров нормализовались. Несколько раз в неделю оба брата писали друг другу письма, как это происходило уже почти четыре десятилетия. Затем на некоторое время источником беспокойства стало завершение в мае 1888года британским инженером Вильямом Поулом биографии покойного брата Вильгельма. Эта книга, названная «Жизнь сэра Вильяма Сименса»²⁴, пробудила у Карла неприятные воспоминания о времени, проведенном в Лондоне. Прочитав рукопись, он сердито написал Вернеру, что подозревает Лёффлера в манипулировании историей компании «Братья Сименс», чтобы представить собственную персону в лучшем свете. В биографии не был оценен по достоинству важный вклад Карла в управление компанией и особенно в прокладку трансатлантического кабеля:

«В том факте, что эта книга будет изливать на меня желчь, я не сомневался. Вообще удивительно, что за 11лет в Лондоне я не заработал болезнь печени. Множество оскорблений, которым я там подвергся, пожалуй, могли бы этому способствовать. Вероятно, моя простата поглотила все. Любой, кто прочитает книгу, не получит ни малейшего представления о том, что кроме тебя и Вильгельма в компании «Братья Сименс» был еще и третий брат»²⁵.

Вернер взялся за урегулирование этого вопроса и попросил жену покойного Вильгельма прояснить с автором биографии участие Карла в прокладке трансатлантического кабеля. Ведь он сам следил за работами на ирландском побережье и ясно помнил «волнение и радость»²⁶, когда Карл поднял кабель с глубины 5 километров. Анна, вдова Вильгельма, договорилась с Вильямом Поулом о внесении в книгу необходимых изменений. Соответствующие места рукописи были переписаны, и в том же 1888году появилась первая биография одного из братьев Сименс. Вернера этот эпизод, должно быть, натолкнул на некоторые раздумья, поскольку он хотел остаться в памяти будущих поколений в качестве основателя «всемирно известной компании». Когда в 1890 году

биография Вильгельма была опубликована на немецком языке, Вернер уже начал писать мемуары и призвал двух оставшихся к тому времени в живых братьев сделать то же самое²⁷. Ему «очень хотелось бы, чтобы появились три наши автобиографии», написал он в июле 1890 года Карлу, после того как уже обратился к Фридриху и получил от него «весьма милое жизнеописание»²⁸. Карл отнесся к этому сдержанно; поначалу он считал, что должен, «стиснув зубы»²⁹, написать воспоминания, но в конечном счете отказался. «[С братом Фрицем] совсем другое дело»³⁰, – написал он 3 августа 1890 года Вернеру:

«У него были выдающиеся изобретения и, в общем, своя сфера деятельности. Мои мемуары, напротив, должны быть крепко связаны с твоими и с биографией Вильгельма, а то особое, что я мог бы, вероятно, рассказать, вряд ли будет интересно публике, так как я не таков, чтобы моя личность вызвала у нее интерес. Если бы я захотел что-то рассказать о коммерческих вопросах, то получилось бы пересечение с жизнеописанием Вильгельма и с твоими воспоминаниями. [...] Дело в том, что за последние годы у меня было так мало успехов, и я совсем не в настроении хвастаться достижениями прежних времен. Если ты хорошенько подумаешь, уверен, ты согласишься со мной»³¹.

В первый раз объемные мемуары Вернера были изданы в 1892 году. Когда Вернер писал свои воспоминания, у него возникло желание еще хотя бы раз провести время с Карлом. В июне 1886 года он написал младшему брату, что очень хотел бы «некоторое время снова пожить вместе»³². Осенью того же года они запланировали общую поездку на Кавказ, которую, правда, пришлось отменить из-за деловых обязательств. Только через четыре года, когда Вернер официально стал просто членом командитного товарищества «Сименс и Гальске», брата, наконец, совершили совместное путешествие в Кебадек.

Вернер в последний раз посещал медеплавильный завод, после поспешного отъезда Карла с Кавказа в 1868 году, и тогда ему очень понравился этот регион³³. Однако с тех пор в Кебадеке произошли большие изменения. Несмотря на освоение новых участков под лесозаготовки, по-прежнему ощущалась нехватка топлива для производства меди, и в начале 1880 года завод из-за отсутствия угля был остановлен на семь недель³⁴. Поэтому после возвращения в Санкт-Петербург Карл предпринял новую попытку решить проблему с медеплавильным заводом.

21 апреля 1881 года он сообщил Вернеру, что шведский предприниматель Людвиг Нобель, брат будущего учредителя Нобелевской пре-

мии Альфреда, поделился с ним «хорошей идеей»³⁵. Нобель вместе со своим братом Робертом был ведущим нефтяным предпринимателем России и сделал Баку центром своего бизнеса. Карл знал его с начала 1860-х гг.³⁶ Предложение Нобеля заключалось в следующем: нефть транспортировать по железной дороге в район Кедабека, а оттуда перекачивать по трубам на завод. Эта технология пришла из Америки и успешно использовалась на 10-километровом трубопроводе Нобеля в Баку. Карл с восторгом писал, что на жидком топливе эффективность Кедабека «навверняка»³⁷ значительно увеличится. Вернер медлил с принятием решения, поэтому строительство трубопровода пока не было осуществлено³⁸.

Тогда Карл в 1888 году построил на линии Закавказской железной дороги станцию для нефтяных цистерн, от которой нефть перевозили в Кедабек сначала на мулах, а позднее – гужевым транспортом³⁹. Правда, его собственные нефтяные скважины в Царских Колодцах уже не были продуктивными, требовалось увеличение инвестиций в освоение новых месторождений, а также модернизация завода. В результате переговоров с Людвигом Нобелем Карл принял решение прекратить добычу нефти. От аренды месторождений отказались, а нефтеперегонный завод был продан⁴⁰. Кедабек получал теперь нефть из Баку. В 1886 году в Кедабеке по проекту Фридриха Сименса была пущена в эксплуатацию первая в мире большая плавильная печь на жидком топливе. Также благодаря дальнейшей модернизации стоимость топлива для медеплавильного завода уменьшилась на 50%⁴¹.

После этих первых успехов Карл решил продолжить использование жидкого топлива⁴². В 1890 году, против воли Вернера, он настоял на строительстве нефтепровода, после завершения которого нефть с железнодорожной станции можно было перекачивать в высокогорную долину Кедабека на высоту около 1000 метров и расстояние 25 километров. Трубы поставляла фирма братьев Макса и Рейнхарда Маннесманов, которые были партнерами покойного Вильгельма по сталелитейному заводу в Уэльсе⁴³. Даже если бы стоимость строительства трубопровода в конечном итоге превысила первоначальную смету в четыре раза, то переход на жидкое котельное топливо гарантированно обеспечивал бы стабильную работу завода.

Медеплавильный завод братьев Сименс превратился в крупное инновационное предприятие, которое стало известно далеко за пределами Кавказа. В апреле 1890 года в Кедабеке в течение двух дней находился итальянский принц, впоследствии король Виктор Эммануил III.

Во время охоты на медведя на Кавказе. Впереди сидят (слева направо): депутат рейхстага Фридрих Хаммахер, Вернер и Карл фон Сименсы. 1890 г.

В сентябре того же года министр финансов России Иван Вышнеградский объявил о своем визите⁴⁴. Наконец, в начале октября 1890 года Вернер, которому было уже 74, и Карл встретились в Кедабеке, и их приезд вызвал повышенное внимание со стороны местных жителей⁴⁵.

Вернер прибыл вместе со своей второй женой Антонией, младшей дочерью Гертой, которая позднее вышла замуж за Карла Гарриеса, а также депутатом рейхстага Фридрихом Хаммахером. Все новые объекты в Кедабеке произвели на них сильное впечатление. «Повсюду царит порядок и видна активная работа»⁴⁶, – написал Вернер 13 октября 1890 года своим сыновьям. Вернер и Карл осмотрели медеплавильный завод, а оставшееся свободное время потратили на отдых. В лесу под Кедабеком они охотились на медведя и несколько раз ходили в горы⁴⁷. Обратный путь лежал через Баку, Москву и Санкт-Петербург, где Вернер также давно не был. Как написал Карл после возвращения Вернера в Берлин, «наше совместное путешествие всегда будет вызывать самые приятные воспоминания. Ведь все было так чудесно, что лучшего и желать невозможно»⁴⁸.

Весной 1891 года состоялась еще одна встреча, на этот раз всех трех братьев – Вернера, Карла и Фридриха – в английском Шервуде, где у покойного Вильгельма была усадьба⁴⁹. Через полтора года, в октябре

1892-го, Карл и Вернер провели вместе несколько дней в Баден-Бадене. Оттуда Карл отправился в Италию и только в ноябре вернулся в Россию. Там он получил известие, что его любимый брат Вернер 6 декабря, незадолго до 76-й годовщины со дня рождения, скончался. «Глубоко потрясен»⁵⁰, – немедленно телеграфировал он племяннику Арнольду.

Новый исполнительный директор в Санкт-Петербурге

Смерть Вернера нанесла Карлу глубокую рану. Он был обязан старшему брату образованием и технической подготовкой, возможностью реализоваться в телеграфном бизнесе и партнерством в телеграфно-строительной компании «Сименс и Гальске». Кроме того, тесные и доверительные отношения с Вернером имели для него огромное значение. «Как же мне сейчас одиноко, не могу Вам передать»⁵¹, – написал Карл через три дня после смерти Вернера Георгу Болтону. Умерший брат был для него «вторым отцом»⁵². Из-за болезни Карл не смог поехать на похороны в Берлин, о чем чрезвычайно сожалел. Но как заверил он на следующий день после смерти Вернера племянника Арнольда, «если вы будете нуждаться во мне и если я буду опять здоров, то по первому зову приеду в Берлин»⁵³. Две недели спустя в письме сыну Вернера Вильгельму он выразил глубокую скорбь:

«Как мне его сейчас не хватает и как будет не хватать долгое, долгое время, не могу даже описать тебе. Не забывай, что мы более 40 лет регулярно делились всем, что волновало наши сердца. Редко я получал от него меньше одного письма в неделю, и наоборот. Мы на самом деле всегда жили вместе, хотя физически долго были так далеко друг от друга. А теперь вдруг это кончилось, и я, конечно, чувствую себя очень одиноким. Человек привыкает ко всему, и я тоже со временем привыкну, но сейчас это очень тяжело»⁵⁴.

После смерти Вернера Карл, как старший в семье, стал «главой дома»⁵⁵, т. е. компании «Сименс и Гальске». В связи с этим возник вопрос, как он будет справляться с этой новой ответственностью. В последние годы своей жизни Вернер неоднократно настаивал на том, чтобы после его смерти Карл переехал в Берлин и поддерживал обоих его сыновей, Арнольда и Вильгельма, в управлении компанией. Но это желание всегда встречало сопротивление со стороны Карла, поскольку его семья жила в Санкт-Петербурге. Кроме того, он не видел производствен-

ной необходимости для переезда, так как, в отличие от Вернера, считал, что его племянники смогут управлять компанией самостоятельно. Он был готов приехать в Берлин на какое-то время, если его попросят, и дать советы, о чем Карл и написал в январе 1888 года брату Вернеру⁵⁶. В остальном он хотел предоставить свободу действий молодому поколению для предстоящих решений. 21 декабря 1892 года Карл писал своему племяннику Вильгельму:

«Возможно, вы не знаете, что во время каждого моего приезда в Берлин ваш дорогой отец говорил мне, что в том случае, если он умрет раньше, мне следует переехать в Берлин. [...] Я никогда не обещал выполнить это его пожелание, а всегда настаивал на том, что не хотел бы мешать его сыновьям. И я всегда буду придерживаться этого, но если речь пойдет о вашем благополучии или о судьбе нашего дела, вы всегда можете рассчитывать на меня»⁵⁷.

Карл сдержал это обещание. После смерти Вернера он быстро наладил переписку со своими племянниками, обменивался с ними деловой информацией, давал рекомендации, если они спрашивали его, но никогда не лез с непрошеными советами и нравоучениями⁵⁸. В январе 1893 года Карл отправился в Берлин на несколько недель, чтобы обсудить с Вильгельмом и Арнольдом актуальные проблемы. В Шарлоттенбург, где Вернер жил последнее время, он не поехал: «Мне было бы слишком тоскливо»⁵⁹, – написал он 21 января 1893 года Арнольду.

Вид со стороны парка на дом в Гостилицах под Санкт-Петербургом. Около 1900 г.

Вернер фон Сименс.
1892 г.

После смерти Вернера нужно было прояснить два неотложных вопроса. С одной стороны, завершение строительства электротехнического предприятия требовало капиталов, которые семья в одиночку не могла предоставить. С другой стороны, Карл хотел обсудить со своими племянниками будущее отделения в Санкт-Петербурге. Учитывая быстрый экономический рост в Германии, он считал, что необходимо все имеющиеся ресурсы инвестировать в Берлин⁶⁰. Однако Карл был убежден, и об этом он написал до своего отъезда из Петербурга Вильгельму, «что в хороших руках здешнее предприятие со временем может стать очень прибыльным, но в данный момент деньги лучше зарабатывать за рубежом [за пределами России], поэтому я считаю необходимым сконцентрировать на этом все возможные ресурсы»⁶¹. Племянник, конечно, знал, что Карл уже давно «хотел отделаться от российских предприятий [...]»⁶². «Сердцем я не прирос к России, напротив, в последние годы она мне осточертела»⁶³.

В течение некоторого времени Карл вел переговоры с французской группой инвесторов, проявивших интерес к российскому отделению «Сименс и Гальске». Но, как и при переговорах с AEG, его надежды не оправдались. «Эти предприятия и светотехническая компания останутся, видимо, сидеть на нашей шее»⁶⁴, – сообщил Карл в марте

1893 года Арнольду. Теперь он стал искать компетентного преемника для управления делами в Петербурге. Георг Сименс связался со своим шурином Германом Герцем.

Герман Герц был представителем нового поколения профессиональных управленцев, многие из которых заняли руководящие должности в немецкой промышленности в последней трети XIX века⁶⁵. В отличие от Карла, у него было университетское образование, он изучал математику и физику в Берлине и в 1884 году завершил обучение по специальности «электротехника» в Техническом университете Дармштадта⁶⁶. Свою карьеру Герц начал на основанной в 1884 году Эмилем Ратенау берлинской электростанции, затем перешел в AEG. В 1891 году, в возрасте всего лишь 30 лет, он стал членом Правления.

Для технических и организационных талантов Герца перспективы в быстро растущей AEG были превосходными. То, что Карл мог ему предложить в России, должно было показаться еще более заманчивым: управление компанией, которая насчитывала 640 сотрудников и по-прежнему оставалась лидером в Российской империи, а также ответственность за производство и маркетинг, причем в значительной мере в условиях независимости от берлинской «Сименс и Гальске»⁶⁷. Эти аргументы, как и финансовые стимулы – очень хорошая зарплата – убедили его⁶⁸. С 1 октября 1893 года Герман Герц взял на себя управление отделением в Санкт-Петербурге, а Карл избрал местом постоянного проживания Берлин, где помогал своим племянникам управлять делами. Прошло ровно 40 лет с тех пор, как осенью 1853 года он, молодой человек, начал заниматься строительством русского телеграфа. Однако у Карла не было грустных мыслей по этому поводу. В августе 1893 года он писал Вильгельму, что был «в приподнятом настроении»⁶⁹ после того, как Герц подписал контракт, и радовался, что теперь может, наконец, передать ему управление делами в Санкт-Петербурге. После месячного переходного периода Карл понял, что вполне может поручить на своего преемника полную ответственность. В конце августа он писал Георгу Болтону о том, что ему хотелось бы продолжать оказывать помощь двум своим племянникам в Берлине по принципиальным вопросам корпоративного управления и только летние месяцы проводить в России.⁷⁰

Как выглядел русский бизнес «Сименс и Гальске», когда Герман Герц осенью 1893 года приступил к работе? Согласно заключению Эмиля Ратенау и Феликса Дойча тремя годами ранее, дела в компании обстояли не очень-то хорошо, в противном случае AEG согласилась

Карл фон Сименс в кругу руководства компании «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге. 1893 г.

бы принять в ней участие. Нехватка средств не позволила быстро расширить осветительный бизнес. В структуре организации были слабые места, которые Карл со своим не слишком квалифицированным управленческим персоналом исправить не мог⁷¹. Мнение Германа Герца было также вполне определенным. В ноябре 1893 года он писал сестре Элизе:

«К[арл] Сименс – это человек, которого я чем больше узнаю, тем больше уважаю, прежде всего за его благородный образ мыслей, и он со мной во всех отношениях предупредителен. Однако, по моему мнению, в том, что касается правильно организованной работы и тщательности ведения дел, он является мне скорее помехой, чем советником. Я радуюсь, когда он уходит, так как не могу каждый день часами слышать одни и те же истории»⁷².

Раздражение Герца имело конкретную причину. Незадолго до своего отъезда Карл сомнительными действиями с акциями затронул интересы некоторых акционеров «Общества электрического освещения». Теперь потерпевшие угрожали подать жалобу министру финансов России. У Карла «здесь в торгово-промышленных кругах [...]

незавидная репутация», и теперь он, вероятно, «немного побаивается Петербурга»⁷³, – написал Герц в феврале 1894 года своей сестре. Кроме того, были еще и такие проблемы, как неэффективное производство, недостаток квалифицированных управленческих кадров и отсутствие профессиональной кадровой системы внутри корпорации, о которых Герц знал по опыту работы в АЕГ и решить которые, несмотря на крупномасштабные реформы компании в 1892 году, Карл не смог⁷⁴. Компания «Сименс и Гальске» по-прежнему ориентировалась на государственные заказы и продолжала игнорировать частных клиентов. Это было тем более плохо, что главными конкурентами в России были немецкие электротехнические компании⁷⁵. То, что несколько лет назад было отражено в заключении по итогам переговоров с Феликсом Дойчем и Эмилом Ратенау, подтвердилось, и Герц увидел собственными глазами: отделение «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге находится в тяжелом кризисе.

Усилия Герца по реформированию вскоре принесли первые успехи. На кабельном заводе в Чекушах под Санкт-Петербургом он запустил литейный цех и прокатный стан для доставляемой из Кедабека меди. Кроме того, производственные мощности завода на Васильевском острове были значительно увеличены, что позволило повысить выпуск агрегатов для железных дорог и динамо-машин. Если в 1894 году «Сименс и Гальске» произвела в Петербурге только 123 динамо-машины, то через год – уже 514⁷⁶. Теперь он должен избавиться от существовавшего до сих пор «производственного свинства»⁷⁷, – так писал Герц в феврале 1896 года своей сестре. «Сименс и Гальске» также извлекла пользу из экономического бума 1890-х гг., когда российское государство начало осуществлять активную индустриальную политику под руководством министра финансов Сергея Витте. В 1890–1900 гг. Россия достигла самого высокого экономического роста среди всех европейских стран – более 8%⁷⁸.

Этот подъем Герц хотел использовать прежде всего в энергетическом бизнесе и планировал в течение пяти лет увеличить оборот «Сименс и Гальске» в России в три раза⁷⁹. В 1896 году компания проложила электрическую трамвайную линию в Нижнем Новгороде, после того как АЕГ четырьмя годами ранее получила контракт на строительство трамвайных линий в Киеве⁸⁰. В последующие годы «Сименс и Гальске» построила электростанции в Москве, Варшаве, Одессе, Вильнюсе и других крупных городах⁸¹. Кроме того, компания достигла, наконец, успеха в работе с частными клиентами. Герц открыл отделе-

ния в важнейших промышленных регионах империи. Этот потенциал Карл совершенно не использовал. Вскоре у «Сименс и Гальске» появились бюро в Москве, Варшаве, Одессе и Харькове. Они осуществляли также и техническую поддержку клиентов⁸².

Успехи Герца Карл воспринял с удовлетворением, хотя мало что понимал в практике управления нового генерального директора. Он писал 23 августа 1896 года племяннику Вильгельму, что Герц «не утратил немецкой основательности, которая так не нравится русским», а также в АЕГ приобрел «еврейский стиль ведения дел»⁸³. В свою очередь Герц мало что получал от нового руководства компании в Берлине. «С компанией «Сименс и Гальске» все идет к логическому завершению»⁸⁴, – сообщил он в мае 1896 году сестре Элизе. Он оставался в Санкт-Петербурге до тех пор, пока мог возглавлять российское отделение компании относительно независимо от Берлина, в надежде на то, что сможет сам приобрести его⁸⁵.

Трудности выхода на биржу

Карл уже давно осознавал недостатки семейного бизнеса. Он никогда в принципе не препятствовал стремлению Вернера создать «международное предприятие по образу и подобию дела Ротшильдов», которое должно быть в собственности многих поколений семьи Сименс. Но по сравнению со старшим братом Карл демонстрировал гораздо более высокую степень открытости в отношении мер, которые могли бы обеспечить долгосрочное влияние семьи и будущее компании в условиях возрастающей конкуренции. Вопреки мнению Вернера он настаивал на приглашении Людвиг Лёффлера, человека не из семьи, в качестве генерального директора фирмы «Братья Сименс». Разным у братьев было и отношение к фондовой бирже и к вопросу о том, какая правовая форма позволила бы «Сименс и Гальске» конкурировать с таким серьезным соперником, как АЕГ.

В январе 1883 года, еще до основания АЕГ, Карл предложил вывести отделение в Санкт-Петербурге на биржу, чтобы в результате быстрого привлечения финансирования началось расширение энергетического бизнеса⁸⁶. Но эта идея долго была нереализованной, так как «Общество электрического освещения» с правом продажи акций на бирже Карл создал много позднее. Однако опыт в российском ос-

ветительном бизнесе, как и быстрая экспансия на рынок AEG, заставили Карла задуматься о конкурентных преимуществах акционерного общества перед семейной фирмой. В конце 1888 года он написал Вернеру:

«Недавно я писал тебе, что у меня есть идея основания «Сименс и Гальске» в правовой форме акционерного общества, и с тех пор я обдумываю ее все больше. [...] Не подлежит сомнению, что нам предстоит длительная ожесточенная борьба с AEG, и, само собой разумеется, обе стороны будут нести кровавые потери. [...] Без поддержки своих акционеров AEG не смогла бы за столь короткий промежуток времени стать крупной и сильной, и она вскоре опередит нас, особенно если ей удастся привлечь действительно дельные рабочие кадры. Я далек от мысли, что могу убедить тебя, но хотелось бы это обсудить»⁸⁷.

Но от своего старшего брата Карл получил жесткий отказ. На реорганизацию компании «Братья Сименс» в акционерное общество в 1880 году он согласился неохотно и только при условии, что большая часть акций останется под контролем семьи. Последующее противостояние с Людвигом Лёффлером подтвердило его худшие опасения и усилило страх потери контроля над компанией. «Сименс и Гальске» – это «та империя, которую я основал и которую хочу оставить моим потомкам, чтобы они продолжали развивать ее»⁸⁸, – говорилось в эмоциональном письме Вернера от 25 декабря 1887 года. От биржевых операций он в принципе хотел воздержаться⁸⁹.

Карл отличался прагматичным отношением к бизнесу, поэтому был менее подвержен влиянию эмоций. «Фирма – это просто собственность, как и любое другое владение»⁹⁰, – написал он в апреле 1888 года Вернеру, когда старший брат был озабочен будущим компании. Карл считал, что если выход на рынок целесообразен по экономическим соображениям, то не следует из-за упрямства заикливаться на семье. Через восемь месяцев он снова представил предложения по подготовке выхода «Сименс и Гальске» на рынок:

«Моя интуиция подсказывает мне, что ты до самой кончины должен оставаться главой нашего дела, и вопрос только в поиске подходящей формы. Акционерные общества имеют председателя Правления [имеется в виду Наблюдательный совет], который осуществляет лишь общее руководство, в то время как директора отделений заботятся о реальном производстве. [...] Такова моя идея, но ты, конечно, лучше знаешь, что тебе больше нравится»⁹¹.

Карл фон Сименс.
Около 1885 г.

Но Вернер не был готов идти на компромисс. Он согласился на преобразование компании в командитное товарищество и формальную передачу управления своим сыновьям Арнольду и Вильгельму лишь в 1890 году. В последующие годы финансовые проблемы «Сименс и Гальске» усугубились, а конкуренция обострилась. В 1893 году «Сименс и Гальске» должна была впервые в своей истории взять кредит у «Дойче Банка» в размере десяти миллионов марок на расширение энергетического бизнеса⁹².

Годом ранее прошло первичное размещение акций нюрнбергской энергетической компании «Шуккерт и Ко» на рынке, и летом 1894 года Карл с тревогой написал об этом Вильгельму. Акционерные общества имеют перед «Сименс и Гальске» преимущество, «потому что у них так много участников, которые пойдут за ними в огонь и воду»⁹³. В 1894 году у фирмы закончился последний контракт с AEG, который до того гарантировал «Сименс и Гальске» исключительное право на производство больших динамо-машин. AEG сразу же начала собственное производство, продолжая оказывать на компанию серьезное давление⁹⁴. «Конкуренция будет день ото дня сильнее, и мы должны упорно трудиться, если хотим идти с ними в ногу, – написал Карл 26 июля 1894 года Вильгельму. – Производить дешевле и сократить расходы – вот что не-

обходимо. Мы слишком чувствительны, и от этого надо отказаться. Евреи чрезвычайно безжалостны по отношению к нам»⁹⁵.

Вильгельм начал постепенно прислушиваться к идее выхода на биржу. В октябре 1896 года Карл написал ему, как он рад, что «племянник наконец убедился в невозможности продолжать дело при такой организации семейного бизнеса на данный момент»⁹⁶. Поддержка пришла от дальних родственников: после того как Георг Сименс в 1896 году вышел из состава Наблюдательного совета АЕГ, он подключил «Дойче Банк» к публичному размещению акций «Сименс и Гальске». 3 июля 1897 года – в год 50-летия со дня основания – «Сименс и Гальске» была преобразована в акционерное общество⁹⁷. Активы и обязательства бывших командитистов были обменены на акции стоимостью 28 миллионов марок, и дополнительно были выпущены акции для членов семьи Сименс более чем на семь миллионов марок. Первоначальный капитал «Сименс и Гальске АГ» составил таким образом 35 миллионов марок – именно с такой же капитализацией вышла на рынок АЕГ, которая была моложе на 40 лет⁹⁸.

Как складывалась ситуация с бывшей телеграфно-строительной компанией «Сименс и Гальске» после выхода на рынок? Отказались ли преемники Вернера всего через пять лет после его смерти от идеала семейного «международного предприятия по образу и подобию дела Ротшильдов»⁹⁹? Означал ли выход на рынок потерю контроля семьи над компанией, которая, по представлениям Вернера, должна дать «потомкам силу и влияние в мире»¹⁰⁰? Стала ли фирма «Сименс и Гальске АГ» таким акционерным обществом, акционеры которого, как и в АЕГ, ориентированы только на прибыль, а не на традиционные принципы ведения бизнеса? Ни одно из этих опасений, которые Вернер неоднократно высказывал в качестве аргументов против выхода на рынок, не оправдалось. Карл и два его племянника действовали достаточно осторожно, чтобы и в новой корпорации семья сохранила все нити в своих руках.

Все акции, выпущенные в июле 1897 года, первоначально принадлежали семье. Кроме того, в уставе компании было зафиксировано долгосрочное влияние семьи. Вопреки действовавшим при создании акционерных обществ правилам, председатель Наблюдательного совета «Сименс и Гальске АГ» получил серьезное влияние на управление компанией¹⁰¹. Карл, так долго добивавшийся выхода компании на рынок, стал «главой дома», т. е. первым председателем Наблюдательного совета «Сименс и Гальске АГ».

«Хоть немного насладиться свободой»

Переход от семейной фирмы к представленной на рынке компании не означал для «Сименс и Гальске АГ» полного прощания с прошлым. Благодаря созданию корпорации Карл и его племянники хотели облегчить доступ к капиталу, чтобы выдержать конкуренцию в условиях расширения энергетического бизнеса. Они также решили обратиться к руководителю государственного ведомства социального страхования Тонио Бёдикеру, эксперту в области менеджмента, и пригласить его в качестве внешнего генерального директора для реализации организационных реформ внутри компании. В то же время исполнительная дирекция была под контролем со стороны Наблюдательного совета и таким образом оставалась в руках семьи¹⁰². Кроме того, предприятие в Кедабеке, компания «Ландор Сименс Стил Компани», а также Горно-промышленное общество угольной шахты «Центр» (Braunkohlegrube Gewerkschaft Centrum) в Шенкендорфе под Берлином, которое Вернер приобрел в 1888 году¹⁰³, не были включены в корпорацию, но все еще оставались – против воли Карла – в собственности семьи¹⁰⁴.

Была ли эта необычная конструкция из смеси компонентов акционерного общества и семейной фирмы перспективна? Видимо, нет, во всяком случае по мнению Георга Сименса, признанного авторитета в области финансирования компаний в немецкой электротехнической промышленности. Об особых полномочиях председателя Наблюдательного совета Георг Сименс написал:

«Я никогда не видел такого тормоза, как эта инструкция. Теоретически по закону Наблюдательный совет должен за всем наблюдать и все знать, по проекту устава компании «СиГ» Наблюдательный совет должен все согласовывать и без него ничего не может происходить, тем самым будет уничтожена любая юридическая функция дирекции. Я бы посоветовал «Дойче Банку» не связываться с таким учреждением на долгосрочную перспективу»¹⁰⁵.

Негативная оценка Георга Сименса была справедлива на начальном этапе, по крайней мере в отношении цены акций. И хотя в последующие годы «Сименс и Гальске» не испытывала трудностей при финансировании дальнейшего расширения компании путем эмиссии акций¹⁰⁶, но биржевой курс развивался так неблагоприятно, что за период 1899–1903 гг. акции потеряли более 20% своей стоимости, по общему мнению, из-за сложной рыночной ситуации. Дивиденды за

тот же период времени упали с первоначальных 10% до 4%¹⁰⁷. После исправления серьезных недостатков прошлых лет Тонио Бёди-керу удалось частично модернизировать организационные структуры и тем самым лучше приспособить компанию к обостряющейся конкуренции. В немецком и международном энергетическом бизнесе утраченные позиции «Сименс и Гальске» были постепенно восстановлены¹⁰⁸.

Через год после первичного размещения акций в Берлине Карл вывел на фондовый рынок также и отделение в Санкт-Петербурге, и в апреле 1898 года была создана компания «Русские электротехнические заводы Сименс и Гальске АГ» (Russische Elektrotechnische Werke Siemens & Halske AG) со штаб-квартирой в столице России. В то время в компании было 1188 сотрудников, два заводских комплекса в Петербурге и отделения в Москве, Харькове, Одессе и Варшаве¹⁰⁹. В последующие годы Герц продолжил развивать электротехнический бизнес в России. В 1899 году «Сименс и Гальске» начала строительство электрической трамвайной сети в Москве и в украинском Житомире. Через три года компания построила на Кавказе первую гидроэлектростанцию в царской России. Уже в 1900 году капитал компании вырос с первоначальных 4 миллионов до 7 миллионов рублей¹¹⁰.

Электрический трамвай «Сименс и Гальске» в Москве. 1899 г.

Акция «Русских электротехнических заводов Сименс и Гальске АГ». 1898 г.

«Глава дома» стал также председателем Наблюдательного совета «Русских электротехнических заводов Сименс и Гальске АГ» в России. Он получал от Герца в письменном виде еженедельные отчеты о состоянии бизнеса, но в повседневную деятельность компании не вмешивался¹¹¹. Карл, вероятно, собирался постепенно полностью уйти из бизнеса и передать ответственность за управление подрастающему поколению. «Всю жизнь я был рабом дела и теперь могу, наконец, хоть немного насладиться свободой»¹¹², – написал он племяннику Вильгельму осенью 1896 года. Благодаря успешному выходу на рынок в Берлине и Санкт-Петербурге был определен курс на дальнейшее развитие компании. После 50 лет изнурительного и зачастую негативно сказывавшегося на здоровье служения на благо «Сименс и Гальске» почти 70-летний человек хотел посвятить остаток своей жизни заслуженному отдыху.

Три свадьбы

Личную свободу Карл всегда очень ценил. Как и его брат Вернер, он ежегодно путешествовал по Италии, на юг Франции, в Альпы или отправлялся на курорты в Бад-Тельц, Бад-Киссинген, Бад-Эмс, Карлсбад (Карловы Вары. – *Ред.*) и Баден-Баден. В России у него было имение Хмелево, любимое место отдыха в выходные дни и летние месяцы. Там Карл с большим энтузиазмом занимался сельским хозяйством, что доставляло ему радость¹. Он часто приезжал в имение с дочерьми, чтобы сбежать от суеты большого города. Иногда Карл брал с собой овдовевшую невестку Аннетту, которая жила в Хаапсалу на Балтийском побережье Эстонии².

Сын Карла Вернер в 1879 году вернулся в столицу России, но по-прежнему находился в поисках своего пути. После неудавшейся учебы в Оксфорде он начал работать в «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге. В 1881 году Вернер вместе с отцом ездил в Кедабек и в течение нескольких последующих лет активно занимался бизнесом. Но проблемы со здоровьем мешали ему постоянно работать в компании. Как Карл писал в январе 1881 года своему брату Вернеру, сын в данный момент «добросовестно изучает практический бухгалтерский учет», но из-за плохого зрения «сделать может очень мало»³.

В конце 1881 года Карла удивило внезапное решение сына. 29 ноября он сообщил брату в Берлин, что его сын Вернер неожиданно обручился с русской девушкой Наташей Гаврилюк. Она была дочерью моряка из Одессы, «очень красивая»⁴, но ей было всего 16 лет и она совершенно не говорила по-немецки. Вернер и Наташа встретились

На фото: Карл фон Сименс в парадном мундире по случаю возведения его в дворянство. 1895 г.

Наталья Сименс (1867–1931),
которую в семье называли Наташа,
жена Вернера, сына Карла

в июне, на обратном пути из Кедабека, на борту корабля, капитаном которого и был ее отец. Эта помолвка не соответствовала социальному положению сына крупного промышленника, основавшего самую большую электротехническую компанию России, но Карла, казалось, это не беспокоило. «Для меня главное, что он счастлив»⁵, – написал он в конце ноября 1881 года в Берлин. Свадьба была довольно скромная и состоялась двумя месяцами позже в тогда еще финском городе Выборге. Карл сообщил брату Вернеру, что они лишь планировали совершить небольшую поездку из Санкт-Петербурга «всей семьей в Выборг, чтобы там женить Вернера [...]»⁶.

После свадьбы Вернер не хотел надолго оставаться в столице. Он много путешествовал со своей женой по Западной Европе и в последующие годы лишь на некоторое время возвращался в Россию. В делах компании он участвовал от случая к случаю и был занят больше личными интересами. Он неплохо играл на скрипке⁷, ему даже принадлежал настоящий инструмент Страдивари. Летом 1888 года Вернер переехал на виллу вблизи Баден-Бадена, где увлеченно продолжал занятия игрой на скрипке. Четыре года спустя он какое-то время занимался фермерством в Лотарингии, чего поначалу отец не одобрял. «Жить в таком захолустье! Сама мысль о том, что меня бы там похоронили,

скучна»⁸, – написал Карл после посещения фермы брату Вернеру. Но в то же время Карл старался понять своего замкнутого сына и принять его решения. «Если страсть Вернера к сельскому хозяйству не остынет, значит, его желание заниматься этим действительно сильно, – написал он брату. – В таком случае я даже рад, что он оказался в этой грязной глуши»⁹. Хотя бы эта любовь к занятиям сельским хозяйством объединяла отца и сына. В конце концов в 1895 году Вернер окончательно вышел из состава акционеров российского отделения «Сименс и Гальске», и на его место был принят племянник Карла Арнольд¹⁰.

Карлу часто бывало трудно понять сына, а вот к своим двум дочерям он всегда относился с большой сердечностью¹¹. Втроем они проводили много времени на побережье Балтийского моря, на немецких курортах и особенно в Хмелеве, которое с 1880 года стало центром жизни семьи¹². Карл, как овдовевший отец, должен был ввести обеих дочерей в высшее общество Санкт-Петербурга, что было для него непростой задачей. «Поиск подходящей партии»¹³ для Лотти и Маруши стоил ему много времени, о чем он сообщил в январе 1881 года брату Фридриху. «Так и бывает, когда имеешь пару взрослых дочерей»¹⁴. По достижении 20 лет Лотти и Маруша считались девушками на выданье, что налагало особую ответственность на отца. Так как Лотти уже отказалась один раз от помолвки, ее отец стал «в таких вопросах очень осторожным»¹⁵.

Поэтому Карлу приходилось появляться вместе с дочерьми в высшем свете – нравилось это ему или нет. В феврале 1882 года он сообщил Вернеру, что Лотти и Маруша дали театральное представление перед аудиторией, «собрав всеобщие аплодисменты»¹⁶. Но он не желал бы слишком часто таких событий в своем доме, «потому что это доставляет невероятные хлопоты»¹⁷. Участия в больших балах в Санкт-Петербурге Карл все же не мог избежать. К концу зимнего сезона балов в марте 1882 года он написал Вильгельму, что у них было «слишком много увеселительных мероприятий» и он рад, «что сезон скоро закончится»¹⁸.

Позднее дочери Карла, вероятно, укрепили знакомства с двумя молодыми людьми, потому что на Рождество 1882 года Лотти сообщила своей кузине Анне о двух джентльменах из круга друзей, которые пригласили их в гости. По ее словам, она еще не могла сообщить «никаких подробностей об этом [...]»¹⁹, но в последующие месяцы девушки часто общались с Акселем фон Буксгевденом и Георгом фон Гревеницем. Перед отъездом на летний отдых в Хмелево две юные дамы попрощались с провожавшими их юношами – «нашими бароном-блондином

Дочь Карла Мария с бароном Георгом фон Гревеницем, предположительно по случаю их обручения в 1884 г.

и бароном-брюнетом»²⁰, грустно смотревшими вслед отходящему поезду, как написала Лотти в июне 1888 года своей кузине.

Через шесть месяцев Карл объявил о помолвке своей старшей дочери с бароном Акселем фон Буксгевденом, который происходил из потомственной семьи остзейских (балтийских. – *Ред.*) немцев. Лотти в этот раз долго обдумывала свое решение, и, как Карл написал в феврале 1884 года Вернеру, он был «очень доволен»²¹ избранником дочери. Аксель казался ему «порядочным, красивым и умным юношей, и что касается его любви к Лотти, то она не вызывает никакого сомнения»²². 24 апреля 1884 года состоялась свадьба, а уже через шесть недель Карл сообщил брату, «что и Маруша, наконец, определилась со своим суженым»²³. 24 октября 1884 года младшая дочь вышла замуж за барона Георга фон Гревеница. Карл был доволен союзом и в случае со вторым зятем, который состоял на дипломатической службе и члены семьи которого занимали высокие должности в Российской империи. Как Карл писал Вернеру, он верил в то, что ей будет «очень хорошо с Гревеницем, поскольку у него много положительных качеств и он обожает Марушу»²⁴.

Так прошел 1884 год, наполненный большим количеством торжеств и радостных волнений, но в конце года семью ожидало печальное событие. 31 декабря умерла старушка Зильберберг, которая жила в семье в течение нескольких десятилетий и после смерти Марии занималась

воспитанием девочек и следила за их образованием. «Мои дети скорбят, будто это была их мать»²⁵, – написал Карл спустя две недели Вернеру. «Какая странная ирония судьбы, ведь она умерла в последний день того года, когда обе мои девочки вышли замуж. Цель ее жизни была выполнена!»²⁶.

Образцовое имение

Свадьбы любимых дочерей состоялись одна за другой, что очень радовало Карла, которому на тот момент было уже 55 лет. У него не возникало тоски из-за изменений в жизни Лотти и Маруши. Напротив, Карл, воспитывавший детей без жены, был счастлив освободиться от большой ответственности за двух незамужних дочерей, «потому что все эти женихи в течение последних восьми лет стоили мне много нервов, а порой и неприятностей»²⁷. На вопрос брата Фридриха о повторной женитьбе Карл ответил, что ни в коем случае не думает об этом, так как «стал слишком стар»²⁸. Дети оставались неотъемлемой частью его жизни. Сын Вернер с женой Наташей по полгода гостили у Карла в Санкт-Петербурге. Маруша и ее муж Георг также сначала жили в квартире Карла на берегу Невы. К тому же дочери планировали провести лето вместе с ним в Хмелеве, и он «не будет чувствовать себя одиноким»²⁹, как написал Карл в июне 1884 года брату Вернеру.

По поводу своего одиночества Карлу можно было не беспокоиться, так как в последующие годы его семья стала быстро увеличиваться. Весной 1885 года он сообщил Вернеру, что гордится появлением на свет своей первой внучки – Маргарет, которую Лотти родила 5 мая³⁰. Пять месяцев спустя он написал в Берлин, что «снова стал бабушкой [так в оригинале!]»³¹ после того, как 29 сентября Маруша родила свою первую дочь – Александру. В последующие годы у Карла появилось много внуков, которые стали важной частью его жизни³². Лотти родила еще трех дочерей, Катарину, Фелиситас и Мариелот, и сына Карла Отто, а Маруша – четырех сыновей: Петера, Георга, Вильяма и Николауса – и дочь Марию. Однако Карла не покидало беспокойство за здоровье членов семьи³³. «В действительности я удивляюсь, как мне удалось выдержать все те страдания, которые выпали на долю моей семьи»³⁴, – писал он жене племянника Вильгельма в сентябре 1903 года, когда Маруша должна была перенести операцию в Берлине.

Дочь Карла Шарлотта с мужем Акселем фон Буксгвеном и дочерьми Маргарет и Катариной. 1890 г.

С увеличением семьи поездка в Хмелево, находившееся в 200 километрах от Санкт-Петербурга, становилась для Карла все более хлопотной затеей. До имения нельзя было добраться на поезде, из-за чего оно не подходило для коротких поездок с внуками на выходные. Долгое время Карл обдумывал идею приобретения еще одной усадьбы недалеко от столицы, как сделал его брат Вернер, купив в 1887 году замок вблизи Берлина в Бисдорфе³⁵. Наконец, в 1889 году ему повезло, и 16 февраля он написал Вернеру, что купил имение Гостилицы вблизи императорского дворца в Петергофе, примерно в 40 километрах к юго-западу от Санкт-Петербурга. Большая часть походящего на замок дома была возведена еще в XVIII веке³⁶. Он был построен в 1730-е гг. по воле генерал-фельдмаршала Бурхарда Кристофа фон Мюнниха (Христофора Антоновича Миниха. – *Ред.*), а в 1825 году приобретен семьей Потемкина, который перестроил дом, заново оформив парк с мельницей, оранжереей и площадкой для верховой езды. Некоторое время имение принадлежало барону Федору Егоровичу Врангелю, который в 1889 году перепродал его Карлу.

Площадь нового имения составляла более 7000 гектаров. Гостилицы с их лугами, реками и обширными лесами очень понравились Карлу³⁷. Дом находился всего в нескольких километрах от железно-

дорожной станции, и можно было в течение трех часов добраться до Санкт-Петербурга³⁸. Там он провел лето 1889 года, приводя в порядок обветшавшее здание, а затем занялся запущенным парком и организацией домашнего хозяйства³⁹. В конце 1889 года все было обустроено, и Карл смог принять в Гостилицах Феликса Дойча, приехавшего с рабочим визитом в петербургское отделение «Сименс и Гальске». Он был поражен радушием хозяина. «Время, проведенное там, было интересным и приятным, – написал Феликс Дойч в своих мемуарах. – Карл Сименс – настоящий аристократ – был чрезвычайно любезен, и я с удовольствием вспоминаю вечера, которые провел в его красивом доме»⁴⁰.

Имение в Гостилицах соответствовало социальному положению Карла, стиль жизни которого с ростом благосостояния, как и у многих других промышленников Европы, напоминал уклад дворянства⁴¹. Мальчик из простой семьи, который еще в 1848 году вместе со своими братьями боролся за либеральные реформы и выступал против доминирования монархии, по прошествии всего нескольких десятилетий

Дом в Гостилицах.
Вход в салон.
Около 1912 г.

стал вращаться в кругах крупной буржуазии и высшей аристократии России. У него были очень хорошие связи при дворе и в экономических кругах столицы, по размеру своих финансовых ресурсов, он не уступал представителям высшего класса. Приобретение респектабельной недвижимости являлось, таким образом, подтверждением благосостояния и социального положения успешного предпринимателя.

В последующие годы Карл регулярно проводил летнее время с детьми и внуками в Гостилицах, а также использовал имение для приема высокопоставленных гостей, в осенние месяцы он часто приглашал их на охоту. Как-то приезжал даже министр внутренних дел Иван Горемыкин вместе со своими дочерьми⁴², в другой раз гостили австрийский и немецкий послы⁴³. Карл прекрасно понимал, что контакты в политических кругах и при царском дворе необходимо поддерживать, в том числе и для коммерческих целей. Он писал 31 декабря 1892 года племяннику Вильгельму, что, когда в парадном мундире приехал засвидетельствовать свое почтение по случаю серебряной свадьбы принца Александра Ольденбургского, то это было всего лишь «тем, что принято делать в здешних краях. Никогда не знаешь, чем могут быть полезны в будущем эти господа»⁴⁴.

Участие в общественно-политической жизни

Карл умел мастерски поддерживать необходимые ему неформальные связи и прекрасно понимал, как завоевать доверие влиятельных людей. Для развития и расширения бизнеса «Сименс и Гальске» в России его контакты в Санкт-Петербурге имели первостепенное значение, однако знакомства Карла в высшем обществе не ограничивались только Российской империей. Во время путешествий и лечения на многочисленных курортах он встречался с промышленниками, политиками и представителями европейского высшего общества. Будучи в октябре 1892 года в Баден-Бадене в гостях у сына Вернера, он получил приглашение на чай от великой княгини Луизы⁴⁵. В марте 1903 года в Монте-Карло промышленник из Верхней Силезии Фриц Фридлендер, в то время один из самых состоятельных людей Германии, пригласил Карла вместе с дочерью Лотти на обед⁴⁶. Выросший в скромных условиях Карл, брату которого 50 лет назад было сложно заплатить за его конфирмацию, в настоящее время являлся одним из богатейших промышлен-

ленников России. Он, как и его братья Вернер, Вильгельм и Фридрих, смог высоко продвинуться по социальной лестнице. «Приятно, что менцендорфским мальчикам удалось собственными силами выбиться в люди»⁴⁷, – писал Вернер Карлу еще в 1879 году.

Вернер как глава фирмы ощущал особенно большую ответственность перед компанией и ее сотрудниками, а также перед обществом⁴⁸. В 1860 году он вошел в Национальный союз, который выступал за объединение германских государств под эгидой Пруссии. После выборов 1862 года Вернер в течение четырех лет был депутатом земельного парламента Пруссии от прогрессивной народной партии. В рамках своей политической деятельности в 1870 году он выступил за создание единой патентной системы в Германской империи и, как и его брат Вильгельм в Англии, участвовал в формировании многочисленных научно-технических ассоциаций.

По сравнению с научной и социально-политической деятельностью старших братьев Карл был менее активен. В то время как три брата получили докторские степени: Вернер – в 1860 году в Берлинском университете, Вильгельм – в 1870 году в Оксфордском и Фридрих в 1901 году – в Дрезденском техническом университете, Карл мало внимания уделял исследованиям, хотя, судя по переписке с братьями, обладал обширными знаниями. Только во время жизни в Лондоне он интенсивно занимался научными разработками, а также принимал участие в подготовке нескольких патентов⁴⁹. В Санкт-Петербурге не хватало сил и необходимых условий для интенсивной научно-технической деятельности. В феврале 1867 года он писал Вернеру: «Уже 14 лет я живу в этой полудивилизованной стране, и что касается науки, тоже стал полудикарем. Из-за того, что я был так занят делами фирмы, а также из-за отсутствия подходящего круга общения я стал больше бизнесменом, чем техническим специалистом [...]»⁵⁰. Тем не менее Карл оказывал поддержку Комиссии по технической подготовке в Императорском русском техническом обществе и в 1899 году стал почетным инженером Электротехнического института в Санкт-Петербурге⁵¹.

В сфере политики Карл придерживался идеологии Национального союза и хотел объединения Германии, считая это хорошей идеей, но не смог или не захотел помогать немецкому национальному движению из-за рубежа. Он никогда не увлекался поощрением искусства, и вся благотворительная деятельность распространялась скорее на ближайшее окружение. На протяжении многих лет Карл финансово поддерживал членов семьи, а также многолетних добросовестных сотрудников «Сименс и Гальске»⁵².

Поначалу это были единичные благотворительные акции для ближайших соратников и членов их семей. После смерти механика Розенталя в результате несчастного случая во время строительства российской телеграфной линии Карл выступил в ноябре 1854 года за выплату пенсий родственникам погибших. Он всегда помогал служащим и рядовым работникам при возникновении трудностей и в чрезвычайных ситуациях⁵³. Во время голода на Кавказе Карл закупал продукты питания и за минимальную плату отдавал их сотрудникам в Кедабеке⁵⁴. В случае с закрытием фарфорового завода в имении Хмелево в 1881 году Карл дождался весны, «потому что здесь у нас еще суровая зима, и у внезапно уволенных людей не будет ни работы, ни хлеба»⁵⁵, – писал он Вернеру. В том же году параллельно с кабельным заводом в Чекушах он построил жилые дома для работников⁵⁶. Даже после его смерти заслуженные сотрудники из Санкт-Петербурга получали специальные пенсионные пособия из частных фондов Карла⁵⁷.

Благотворительные мероприятия Карла в большинстве случаев были связаны с производственно-экономической политикой предприятия. Голод на Кавказе угрожал не только прекратить снабжение сотрудников продовольствием, но и остановить дальнейшую работу завода. Служебные квартиры в Чекушах находились в престижном районе города, так что «деньги [...] в любом случае были вложены неплохо»⁵⁸. Речь шла об адресной поддержке, которая зависела от доброй воли владельцев бизнеса и приходилась лишь на небольшую группу людей. Первые 20 лет существования компании у «Сименс и Гальске» не было как таковой системы социальной помощи. То же самое касалось и огромного количества других компаний того времени⁵⁹.

Только в конце 1860-х гг., когда «Сименс и Гальске» уже превратилась в крупное предприятие, насчитывавшее около 1000 сотрудников, братья впервые подняли вопрос о формировании долгосрочных социальных фондов. Решающим фактором для организации систематического корпоративного страхования рабочих явилось окончание контрактов по сервисному обслуживанию телеграфа в 1867 году. В течение 12 лет братья вкладывали значительные средства в резервный фонд для оплаты контрактов на техническое обслуживание. Эти средства теперь были свободны, поэтому возник вопрос, как распорядиться 50 тысячами рублей.

25 мая 1868 года Вернер предложил выплатить часть средств руководству – так называемым административным сотрудникам в Санкт-Петербурге, которые преуспели в работе на благо российского телеграфа⁶⁰. Младший брат решительно не согласился с этим. «Хорошим

результатом в данном случае мы обязаны не нашим административным сотрудникам, а удачным контрактам, которых добились без их участия»⁶¹, – ответил он Вернеру 17 июня 1868 года. Вместо этого Карл предложил инвестировать деньги в фонд обеспечения инвалидов, а проценты использовать для поддержки сотрудников фирмы. Вернер согласился, и в 1869 году было создано два разных фонда. Для «Фонда поддержки административных сотрудников» оба брата пожертвовали сумму почти в 24 тысячи талеров, а для «Фонда поддержки рабочих» – 2122 талера⁶².

Через четыре года по случаю 25-летия компании оба фонда были преобразованы в один общий⁶³ под названием «Касса пенсионной помощи рабочим, служащим, вдовам и сиротам»⁶⁴. Создав этот фонд, братья преследовали цели не только социальной, но и кадровой политики. В июле 1868 года Вернер написал Карлу, что он и Иоганн Георг Гальске с самого начала «рассматривали фонд как средство удержания людей»⁶⁵. Цель состояла в том, чтобы сохранять постоянство кадрового состава рабочих и, в долгосрочной перспективе, удерживать квалифицированных работников в компании. Сотрудники, которые уходили из фирмы, теряли все пенсионные права. Были приняты и другие социально-политические меры, напрямую выгодные для рабочих. В 1872 году рабочая неделя в «Сименс и Гальске» в Берлине была сокращена до 54 часов, то же правило было введено через год и в Санкт-Петербурге⁶⁶.

«Верноподданный Сименс»

Поскольку Карл сосредоточил свои силы в значительной степени на компании, то и первое официальное признание в российской империи он получил исключительно благодаря успехам в предпринимательской деятельности. В 1868 году за достижения «Сименс и Гальске» он удостоился Императорского ордена Святой Анны 3-й степени, а через восемь лет – ордена Владимира 4-й степени за заслуги в Кедабеке⁶⁷. На Всероссийской промышленной выставке в Москве в 1882 году, а также на электротехнической выставке в Санкт-Петербурге в 1886 году Карла наградили орденом Святого Станислава 2-й степени и орденом Святой Анны 2-й степени за «полезную деятельность в области отечественной промышленности»⁶⁸.

Карл сначала считал подобные награды слишком незначительными. В 1868 году он даже хотел вернуть орден Святой Анны «с жестким письмом», потому что эта «филькина грамота» является низшей наградой в России и его достижения не оценены по заслугам⁶⁹. Однако со временем награды стали более высокого уровня и, следовательно, более престижными. В 1889 году Александр III наградил Карла крестом ордена Святого Владимира за его «заслуживающую похвалы деятельность»⁷⁰, а также в знак благодарности за успешные проекты по освещению Санкт-Петербурга⁷¹. То есть Карл получил самые высокие награды для человека его социального положения. Поскольку, как он писал Вернеру в январе 1889 года, у него не было дворянского титула и он был просто предпринимателем, от присуждения таких высоких наград у него «дух захватывает»⁷².

Годом ранее император Фридрих III пожаловал Вернеру дворянский титул, от которого старший брат, в свете своего пренебрежительного отношения к прусско-германской монархии, был совсем не в восторге. Не спрашивая, они выбрали его для посвящения в благородное сословие, о чем Вернер написал 8 мая 1888 года Карлу, и теперь он уже не мог отказаться, не спровоцировав скандал с императорским двором: «Это же надо так попасть впросак! [...] Досадно будет терпеть поток нескончаемых поздравлений, не имея возможности показать моих искренних чувств!»⁷³.

Карл трезво оценил получение братом дворянства. Это, в конце концов, награда, и «с точки зрения присуждающего, даже очень высокая»⁷⁴, ответил он через несколько дней. Дворянское сословие пользовалось в Германии большими привилегиями, которые Вернеру и его потомкам могли пригодиться. «Таким образом, лучше оставаться спокойным, как это и сделали многие до тебя»⁷⁵. Карл и сам на протяжении многих лет относился к государственной власти очень прагматично, и это в значительной степени помогало компании.

Карл, даже активно занимаясь благотворительностью начиная с 1880-х гг., всегда преследовал материальные цели. Он являлся одним из основателей электротехнического отделения Императорского русского технического общества, которое издавало свой журнал, что было хорошей рекламой для «Сименс и Гальске»⁷⁶. Поддержка Красного Креста на Промышленной выставке 1882 года в Москве, за которую он получил награду, означала для компании крупный успех в области маркетинга. Регулярные пожертвования в различные учреждения немецкой общины, в частности в Евангелическо-лютеранскую церковь

в Санкт-Петербурге, являлись естественными для предпринимателя его уровня⁷⁷.

С возрастом Карл стал посвящать больше времени научным и социальным вопросам. В декабре 1892 года Электротехническое общество присвоило ему звание почетного члена⁷⁸. В ноябре 1890 года его избрали действительным членом Попечительского совета детского приюта принца Ольденбургского в Санкт-Петербурге, а еще через год он стал членом Совета директоров⁷⁹. В январе 1892 года Карл был награжден Командорским крестом Ольденбургского дома⁸⁰. Пять месяцев спустя император Александр III назначил его членом Попечительского совета института для умственно отсталых людей в Санкт-Петербурге.

Предпринимательские успехи и активная благотворительная деятельность Карла должны были быть вознаграждены. По указу от 25 февраля 1895 года Николай II присвоил «верноподданному Сименсу» дворянский титул. В знак «признания Вашей исключительно полезной деятельности в области отечественной промышленности и Ваших заслуг, – говорилось в Указе императора, – Мы даруем Вам, Сименс, [...]

Документ о присвоении Карлу звания почетного члена Электротехнического общества в Санкт-Петербурге. 1892 г.

возведение в потомственное дворянство Российской империи, и это право распространяется также на рожденных до сего момента детей»⁸¹.

Возвращение в Берлин

К моменту получения дворянского титула Карл фон Сименс уже практически не жил в России. После того как в октябре 1898 года управление компанией в Санкт-Петербурге было передано Герману Герцу, он вопреки своему прежнему намерению вернулся в Берлин. Его племянники не хотели полностью отказываться от использования опыта и репутации Карла и считали полезным дальнейшее участие старейшего члена семьи и «главы дома» в делах компании. Поэтому Карл не мог пока наслаждаться «свободой», а вместо этого арендовал квартиру на Маттейкирхштрассе, 33, в районе Тиргартен, в непосредственной близости от будущего центрального офиса компании на Асканишер Платц, куда компания переехала в 1901 году⁸². Смена места жительства и прежде всего разлука с дочерьми давались Карлу нелегко, хотя он по-прежнему регулярно встречался с ними. Он написал еще до переезда 12 октября 1898 года своему брату Фридриху, жившему в Дрездене: «Мы оба [...] видеться будем чаще, чем до сих пор»⁸³. Незадолго до этого умер еще один старший брат – Фердинанд. Теперь Карл и Фридрих, который был старше его на два года, остались «последними двумя могиканами» из братьев Сименс и должны «держаться вместе, пока судьба позволит это нам»⁸⁴.

Карл не вмешивался в повседневную деятельность «Сименс и Гальске АГ» в Берлине, ограничиваясь представительскими функциями и задачами, представлявшими особую важность. «Что я должен дальше делать в компании?»⁸⁵, – написал он в июле 1898 года племяннику Вильгельму. «Каждый сам приобретает свой опыт»⁸⁶. Карл регулярно обменивался с племянником письмами и просил информировать о развитии фирмы⁸⁷. При принятии серьезных и принципиальных решений он не навязывал племянникам своего мнения, а выступал в роли консультанта и в качестве председателя Наблюдательного совета осуществлял надзорную функцию в компании.

Результатами деятельности фирмы Карл не был удовлетворен, так как дочерние предприятия, например сталелитейный завод в Ландоре, поглощали значительные финансовые ресурсы. Он писал племяннику Вильгельму 22 августа 1898 года, что тот должен признать, «мы из рук

Диплом о присвоении Карлу звания действительного члена Попечительского совета детского приюта принца Петра Ольденбургского в Санкт-Петербурге. 1890 г.

вон плохо работали в последние годы. [...] Все подсчитав, можно резюмировать, что, несмотря на невероятный экономический рост, мы за последние пять лет понесли гораздо больше убытков, чем заработали»⁸⁸. Племяннику «также следует принимать во внимание», говорилось дальше в письме, что Карл «вырос в более скромных условиях» и не привык «терять миллионы». «Сименс и Гальске» нужно, как и AEG, сосредоточиться на основном бизнесе – электротехнике, требовал Карл, который сам в прошлом был ответственным за ряд убыточных непрофильных предприятий. С возрастом ослабевала его прежняя склонность к рискованным инвестициям и к новым бизнес-идеям. «Я и так принимаю все слишком близко к сердцу, а с возрастом и ухудшением здоровья это еще больше усугубилось, – признался Карл в письме Вильгельму. – Сопровождаемость организма уменьшилась»⁸⁹.

К форсированию Вильгельмом международного роста компании и особенно к основанию «Американской электрической компании Сименс и Гальске» (Siemens & Halske Electric Company of America) Карл отнесся очень скептически. Завод, который был открыт в Чикаго

Карл и Фридрих – «последние могикане» из братьев Сименс – с сестрой Софией Кромэ. Около 1893 г.

в 1892 году дочерней компанией, сторел 2 августа 1894 года, и Карл решительно выступил против дальнейших дорогостоящих инвестиций в США или где-либо еще⁹⁰. «Тебе, дорогой Вилли, я советую пока подалеже отложить в сторону твои идеи по завоеванию мира. Ты хотел бы во всех развитых странах завладеть рынком, везде иметь преимущества, но ты обдумал это недостаточно, так как нужно огромное количество надежных и эффективных людей, но таких очень мало»⁹¹, – писал он в июле 1898 года племяннику. Вильгельм же руководствовался не столько наивной «идеей завоевать мир», сколько требованиями жесткой конкуренции с AEG. Эмиль Ратенау резко усилил в 1890-е гг. международный бизнес, основав многочисленные представительства в Европе и в мире. Через год после выхода на биржу, в 1897 году, товарооборот AEG был намного выше, чем у компании «Сименс и Гальске АГ»⁹².

Работая в качестве консультанта у своих племянников в управлении «Сименс и Гальске АГ», Карл начиная с 1893 года являлся также председателем Совета директоров в компании «Братья Сименс» и руководил дальнейшим расширением дочерней фирмы, в которой с 1901 года работал младший сын Вернера – Карл Фридрих фон Сименс⁹³. Кроме того, он был председателем Наблюдательного совета Горнопромышленного

общества угольной шахты «Центр»⁹⁴, состоял в Совете директоров компаний «Ландор Сименс Стил Компани» и «Берлин-Шарлоттенбургер Штрассенбан АГ» (Berlin-Charlottenburger Straßenbahn AG)⁹⁵. Такое количество обязанностей стоило ему много нервов. Он просто уже не обладал «необходимой выносливостью» и не соответствовал «нынешним потребностям компании»⁹⁶, написал Карл 29 июля 1898 года Вильгельму. Через три недели он сообщил ему, что намерен скоро отказаться от должности консультанта:

«Что касается моего положения, я думаю, что настало время уйти в отставку. Твой отец тоже ушел в 70-летнем возрасте, а мне через пару месяцев исполнится столько же. Это неправильно, когда человек понимает, что у него становится меньше сил, но по-прежнему хочет работать больше и больше. Он выглядит смешно. Что ты скажешь, если я объявлю в качестве даты 1 января 1899 года? К этому моменту будет уже 48 лет, как я занят в делах компании, и из них 44 года являюсь совладельцем. Твой отец проработал 40 лет, так что я даже превзошел его»⁹⁷.

«На благо наших потомков»

«Я стремлюсь к комфортной жизни и к любимой работе, приносящей доход»¹. Этими словами Карл описал 30 лет назад в письме Вернеру свои жизненные цели, когда принял решение в феврале 1867 года переехать с больной женой Марией на Кавказ. Два его старших брата, в большей степени поглощенные научными, исследовательскими и предпринимательскими делами, вряд ли могли это понять. Вильгельм считал беспокойность Карла состоянием своего здоровья «плодом его мнительности», а регулярные поездки на курорты – следствием его «лени»². И хотя Вернер в целом с пониманием относился к нестабильному физическому и эмоциональному состоянию младшего брата, он все же считал, что Карл хочет «сделать свою жизнь вполне комфортной и наслаждаться ею»³.

Карла глубоко возмущали такие заявления старших братьев. Ведь в конечном итоге, как писал он во время серьезного спора с Вернером в январе 1888 года, именно он был тем, кто в решающей степени способствовал быстрому росту «Сименс и Гальске»⁴. Сперва тщетные попытки организовать бизнес в Лондоне и Париже, затем столь значимое для компании строительство телеграфа в России и становление Кедабека как одного из крупнейших медеплавильных заводов в Российской империи, прорыв в деле прокладки подводного кабеля в Лондоне в 1870-е гг. и, наконец, успешное создание осветительного бизнеса в Санкт-Петербурге – все это едва ли указывает на склонность Карла к комфорту. Скорее, он был тем, кто, в отличие от Вернера, не гнался «за призраками и идеями», а преследовал «практические цели»⁵ в вопросах развития компании.

На фото: Карл фон Сименс (крайний справа) со своим двоюродным братом Георгом и его матерью Марией. 1900 г.

Своему брату Вернеру и его видению «международного предприятия по образу и подобию дела семьи Фуггер» Карл оставался верен всю свою жизнь. В треугольнике между Берлином, Лондоном и Санкт-Петербургом Карл всегда был «необходимым связующим звеном»⁶ между братьями и обеспечивал сплоченность семьи. Именно поэтому вряд ли можно упрекать его в чрезмерной склонности к комфорту или даже лени, аргументировал Карл. Напротив, его прагматический подход заключался в том, «что успешный бизнес в конечном итоге должен выражаться в цифрах»⁷, и это прекрасно дополняло научные амбиции Вильгельма и предпринимательский идеализм Вернера. Поэтому Карл, как в 1929 году в Годовом отчете компании «Сименс» совершенно правильно было сказано о нем в связи со 100-летием со дня его рождения, «в меньшей степени был изобретателем или конструктором и в большей – организатором крупных предприятий, и именно благодаря этому особому таланту он создал прочную основу для финансового процветания «Сименс и Гальске»⁸. Его гибкость, готовность идти на риск и перемещаться на большие расстояния, в дополнение к его организаторским талантам, дипломатическим навыкам и способности быстро завоевывать доверие, сыграли решающую роль в превращении маленькой телеграфно-строительной фирмы в международную компанию.

В то же время Карлу из-за семейных забот зачастую бывало трудно совместить стремление «к комфортной жизни и к любимой работе, приносящей доход». Строительство телеграфа не только оказалось чрезвычайно выгодным в финансовом плане, но и помогло ему совершить крутой подъем по социальной лестнице: сначала – до высших кругов буржуазии, а затем – и до русского дворянства. Но сложные проекты, изнуряющие как физически, так и морально, были не всегда «любимыми». Более того, их следствием стали проблемы со здоровьем, которые усугублялись семейными невзгодами Карла. В результате до глубокой старости ему не суждено было наслаждаться «комфортной» жизнью⁹.

Карл внес существенный вклад в развитие «Сименс и Гальске» и становление глобальной компании, в которой он был первым председателем Наблюдательного совета. Но в то же время он не разделял мечту своего брата Вернера о международном предприятии, которое из поколения в поколение оставалось бы в семейной собственности¹⁰. Более того, в письмах Карл, наряду с гордостью за свои успехи, неоднократно выражал разочарование и грусть из-за многочисленных

личных потерь и ударов судьбы. Раннюю смерть жены Марии он так и не смог пережить и всегда боялся за здоровье любимых детей. В июне 1869 года, когда через четыре месяца после смерти Марии у его сына было обнаружено хроническое и потенциально опасное для жизни заболевание легких, Карл обеспокоенно написал брату Вернеру:

«Если напоследок я обречен потерять еще и моего мальчика или вообще всех своих детей, тогда у меня останется лишь одно желание – последовать за ними как можно скорее. Что за злой рок! [...] Благо, хоть Мария не должна больше разделять мою участь!»¹¹.

Только с возрастом Карл смог добавить «комфорта» в свою жизнь. С середины 1870-х гг. он регулярно сообщал в своих письмах о поездках, в которые обычно брал с собой дочерей. В декабре 1879 года он впервые провел с Лотти и Марушей шесть недель на французском побережье Средиземного моря. Ницца была, «пожалуй, самым красивым местом, которое я видел до сегодняшнего дня»¹², как писал он оттуда Вернеру, и мягкий зимний климат ему также чрезвычайно понравился. Три года спустя Карл снова провел с дочерьми зиму на Лазурном Берегу, но впоследствии из-за большого времени на дорогу из Санкт-Петербурга они не ездили всей семьей на средиземномор-

Английская набережная в Ницце. Около 1890 г.

Сын Карла Вернер со своей второй женой Норой (1874–1941) и сестрой Марией. Около 1895 г.

ское побережье¹³. После возвращения в Берлин Карл в основном проводил летние месяцы в Гостилицах, а также периодически отдыхал на одном из немецких курортов.

Лишь в конце 1890-х гг. он снова отправился с сыном Вернером в длительную поездку на Средиземное море. Брак Вернера с Наташей оказался бездетным, он развелся с ней в 1894 году и женился годом позже на Элеоноре Фюсли, происходившей из известной цюрихской семьи¹⁴. Отцом Норы, как ее называли близкие, был художник Вильгельм Фюсли. С Вернером ее связывала любовь к музыке, культуре и аристократическому образу жизни в высшем обществе Европы¹⁵. 13 сентября 1896 года у них родился сын Вернер Карл Генрих, который, однако, умер в возрасте 16 месяцев¹⁶.

Через несколько недель после смерти внука Карл совершил с Вернером и Норой длительную поездку по Северной Африке, во время которой семья могла отвлечься от горя, пережитого в связи с потерей ребенка. Они втроем проплыли на корабле вверх по Нилу, сначала – в Асуан, а затем продолжили путь дальше на юг¹⁷. Это было последнее большое путешествие Карла с сыном. Два года спустя Вернер за-

Карл (в белой кепке) со своими дочерьми Марией (слева), Шарлоттой (справа) и ее мужем Акселем фон Буксгевденем в крымской резиденции Вернера, сына Карла. Без даты

болел во время летнего отдыха в Гостилицах и спустя некоторое время скончался – по предположению отца, от холеры¹⁸. Для Карла внезапная смерть его 43-летнего сына, произошедшая 22 июля 1900 года, была шоком. «Я многое пережил в своей жизни, но все имеет свои пределы»¹⁹, – написал он днем позже Тонио Бёдикеру.

Со смертью сына Вернера у Карла не осталось наследников по мужской линии, что в дальнейшем отразилось на истории рода. Как и многие другие процветающие представители буржуазии, семья Сименс создала в 1873 году семейный фонд, который должен был заботиться о сохранении исторического наследия и тем самым способствовать единению рода²⁰. Брат Карла Вернер принимал особенно активное участие в регулярных семейных встречах, которые проводились на малой родине – в Гарце. Дети Вернера в 1915 году выкупили родительский дом в Госларе, в котором в настоящее время находится семейный архив. Карла также волновала память предков. Когда в начале 1861 года обсуждался вопрос о финансировании ухода за могилами родителей в Менцендорфе, он изъявил желание разделить затраты. «И не забывая об этом, – написал Карл 23 января 1861 года Вернеру. – Меня постоянно

терзает мысль, что ты всегда полностью и без размышлений оплачиваешь подобные семейные расходы. Поскольку у меня есть возможность, я хотел бы принять в этом посильное участие»²¹.

Другим важным аспектом поддержания семейной традиции было составление генеалогического древа, ведущего свои корни с XVI века – от родоначальника Ананиаса Сименса. В родословную, однако, были включены лишь потомки мужского пола, и только они и их жены могли стать членами семейного фонда. Со смертью сына Вернера и внука Вернера Карла Генриха у Карла «прервалась мужская линия»²², как указано в генеалогическом древе.

Тем не менее Карл, для которого тесные семейные узы на протяжении всей жизни имели особое эмоциональное значение, продолжал участвовать в делах семьи. Через четыре недели после внезапной смерти сына он написал Вильгельму о своем плане «создать фонд на благо наших потомков». Об этом же он «сообщил своим дочерям, и они всецело поддержали его»²³.

После смерти сына отношения Карла с дочерьми стали еще более близкими²⁴. Лотти и Маруша были в постоянной переписке с отцом, который в последующие годы продолжал регулярно встречаться с ними. Но чем старше становился Карл, тем сильнее ощущал одиночество. 24 мая 1904 года в возрасте 77 лет умер его брат Фридрих. Теперь Карл был «последний из могикан»²⁵, как он написал два дня спустя племяннику Вильгельму. Из одиннадцати братьев и сестер в живых осталась еще лишь младшая сестра София.

Кризис и слияние

Даже на рубеже веков племянники все еще не могли обходиться без поддержки дяди Карла в делах компании, несмотря на очередные превратности судьбы, выпавшие на его долю, и его преклонный возраст. Важный шаг для укрепления позиций в обострившейся с 1880-х гг. конкурентной борьбе семья сделала с выходом предприятия на биржу в 1897 году. В то время как компания АЕГ расширила свои производственные площади в Обершёненайде в восточной части Берлина, фирма «Сименс и Гальске» переехала в новый просторный комплекс в западной части города – Шпандау. Все берлинские предприятия «Сименс и Гальске» постепенно были объединены и расположились

Кабельный завод в Вестэнде, первое предприятие будущего Сименсштадта. Около 1899 г.

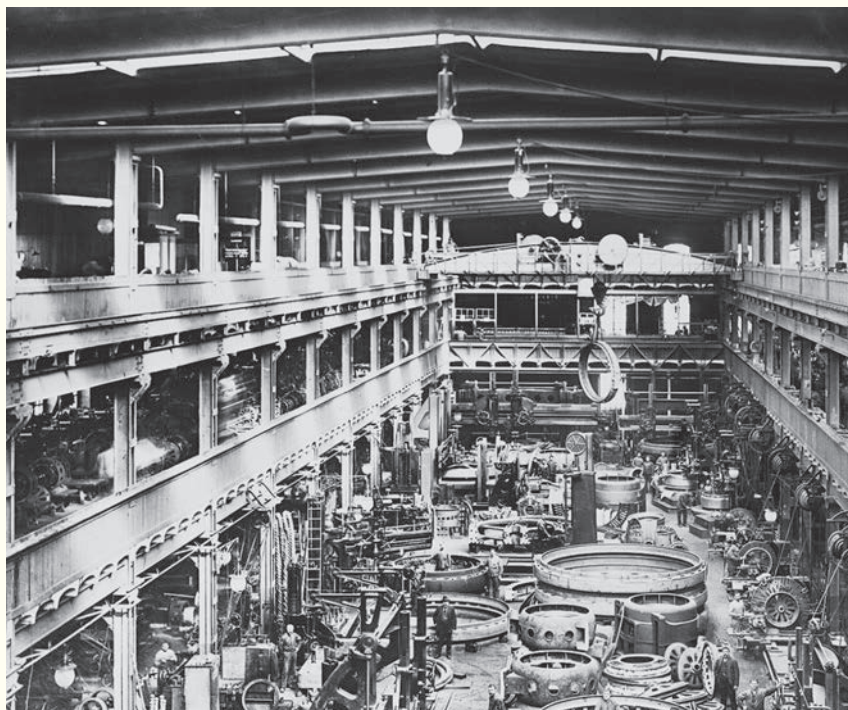
на северном берегу реки Шпрее, в нескольких километрах от места ее впадения в Хафель, в районе, который позднее стал называться «Сименсштадт» – «город «Сименс»»²⁶. Берлин, население которого в 1880–1910 гг. выросло приблизительно с одного до более чем трех с половиной миллионов человек, превратился в эти годы в мировой центр электротехнической промышленности. Накануне Первой мировой войны около трети всей электротехнической продукции в мире производилось в Германии, причем основная ее часть – в «электрополисе»²⁷ Берлине.

В конце XIX века в электротехническом бизнесе наблюдался стремительный рост. Во второй половине 1890-х гг. в Германии количество электростанций увеличилось со 180 до 774, а электрических железных дорог – в три раза, более чем до 150²⁸. Только в 1897–1900 гг. оборот «Сименс и Гальске АГ» вырос с 50 млн марок до более чем 75 млн. К тому времени уже семь крупных немецких электротехнических предприятий вели конкурентную борьбу за сегменты рынка, но лидером по-прежнему оставался Эмиль Ратенау. К 1900 году оборот компании AEG превысил 100 млн марок; другие конкуренты, такие как нюрнбергская EAG (ранее – «Шуккерт и Ко»), также серьезно выиграли от подъема немецкой электротехнической промышленности²⁹. В то же время AEG и EAG активно вели бизнес за рубежом. В 1899 году EAG создала в Санкт-Петербурге «Русское акционерное общество Шуккерт и Ко»

(Russische Gesellschaft Schuckert & Co.), а два года спустя Эмиль Ратенау преобразовал существовавшие в стране сбытовые бюро в «Русское общество Всеобщей электрической компании» (Russische Gesellschaft AEG). На рубеже веков AEG работала в глобальном масштабе, открыв отделения в большинстве европейских стран³⁰.

Бум закончился быстро. После стремительного расширения энергетического бизнеса на рубеже веков произошло насыщение рынка, что привело к усилению конкуренции между электротехническими компаниями. Георг фон Сименс, которому в 1899 году также был дарован дворянский титул, предсказал надвигающийся кризис в условиях обострившейся конкурентной борьбы. «Падение спроса на электричество превзойдет все опасения», – написал он 6 октября 1900 года своему шурину Герману Герцу, и он ожидал «в течение ближайших трех лет колоссальное банкротство»³¹. Георг фон Сименс считал Эмиля Ратенау наиболее способным из предпринимателей в немецкой

Цех по производству машин переменного тока на предприятии «Заводы Сименс-Шуккерт» в Нюрнберге. Около 1906 г.

электротехнической промышленности. Именно с Ратенау, а не со своими родственниками Сименсами он предпочел принять необходимые меры предосторожности в связи с предстоящим оздоровлением отрасли. Вероятно, он был «глупцом»³², как продолжал Георг в своем письме Герцу, когда в 1896 году покинул Наблюдательный совет AEG, чтобы поддержать выход «Сименс и Гальске» на биржу:

«Ты знаешь, что я невысокого мнения о руководстве [«Сименс и Гальске»]. Господа не умеют считать и, следовательно, часто просчитываются. У них в компании нет толковых адвокатов и квалифицированных коммерсантов, и хотя их контракты хорошо спланированы, но выполняются скверно. Несмотря на то что в научном плане они находятся на высоте, в делах все время уступают. Предприятию не хватает должной организации, а руководству – решительности»³³.

Георг фон Сименс не пережил начавшийся через год экономический спад: он умер 23 октября 1901 года³⁴. Особенно тяжело кризис ударил по немецкой электротехнической промышленности, потому что после подъема 1890-х гг. в ней существовал большой избыток производственных мощностей. Бурное развитие энергетического бизнеса, в том числе в области токов высокого напряжения, было связано с долгосрочным финансированием, которого в условиях кризиса не хватало маленьким электротехническим фирмам.

В начале большой волны слияний и поглощений в немецкой электротехнической промышленности свою независимость сохранили только экономически сильные компании³⁵. В 1902 году произошло слияние «Объединенной электрической компании» (UEG) с AEG, куда через несколько лет вошли также совместные «Заводы Фельтен и Гийом-Ламейер» (Felten & Guillaume-Lahmeyerwerke). В 1900 году обанкротилось саксонское «Акционерное общество электростанций» (Actiengesellschaft Elektrizitätswerke), а через несколько лет то же самое произошло с компанией «Гелиос АГ». Нюрнбергская EAG в результате кризиса также испытывала финансовые трудности, которые компания не смогла преодолеть самостоятельно. Через несколько недель переговоров в феврале 1903 года она заключила соглашение с «Сименс и Гальске», которое привело к слиянию двух предприятий³⁶. «Сименс и Гальске АГ» оставила за собой направления деятельности, связанные с электротехникой слабых токов, в то время как подразделения обеих компаний, занимающиеся сильными токами, были объединены в рамках нового предприятия «Заводы Сименс-Шуккерт ГмбХ»

(Siemens-Schuckertwerke GmbH, сокращенно SSW). Контрольный пакет в нем принадлежал «Сименс и Гальске», остальная часть уставного капитала – AEG. Изначальная концентрация «Сименс и Гальске» на производстве, что было всегда очень важным для покойного основателя фирмы Вернера Сименса, уступила место более сильной направленности на деятельность в качестве холдинговой компании. В 1904–1905 финансовом году более половины ее активов приходилось на долевое участие³⁷.

Слияние с бывшей фирмой «Шуккерт» означало для «Сименс и Гальске» большой успех, так как объединенная компания теперь могла догнать AEG и в области электротехники сильных токов³⁸. Насколько важен был этот шаг, показало развитие бизнеса в последующие годы. Уже в 1903 году на «Заводах Сименс-Шуккерт» насчитывалось вдвое больше сотрудников, чем в подразделениях «Сименс и Гальске», специализировавшихся на слабых токах. Бизнес в области сильных токов превзошел в несколько раз по обороту слаботочное направление деятельности³⁹. В 1903 году в объединенной компании работало около 25 тысяч человек, а к началу Первой мировой войны это число увеличилось до более чем 81 тысячи.

Как и AEG, «Сименс и Гальске» вышла из кризиса немецкой электротехнической промышленности более сильной. При этом, несмотря на создание «Заводов Сименс-Шуккерт», под руководством племянников Карла, Арнольда и Вильгельма, ей так и не удалось полностью ликвидировать отставание от AEG. Благодаря возобновившемуся в 1904 году экономическому росту обе компании получали высокие прибыли. AEG даже смогла отстоять свои лидирующие позиции в электротехнической промышленности Германии и Европы⁴⁰. В то же время оба конкурирующих предприятия продолжали сотрудничать в определенных областях. В мае 1903 года они основали компанию «Телефункен. Общество беспроводного телеграфа» (Telefunken Gesellschaft für drahtlose Telegraphie m.b.H.). Это ознаменовало переход к третьему поколению электрической связи после проводной телеграфии и телефонии⁴¹.

Карл был доволен объединением «Заводов Сименс-Шуккерт», хотя непосредственно в переговорах о слиянии не участвовал⁴². Он чувствовал себя «в последнее время очень старым», как написал Вильгельму 10 февраля 1903 года, предпочел «быть свободным от любой ответственности» и «уже совсем не подходил на роль представителя компании»⁴³. Одиннадцать дней спустя во втором письме племянни-

ку Карл подтвердил, что ни в коем случае не намерен занимать какую-либо должность в руководстве «Заводов Сименс-Шуккерт». Он хотел наконец уйти с поста председателя Наблюдательного совета и консультировать племянников лишь в экстренных случаях. «Мое сердце до конца моих дней останется с вами, и если я вам понадобится, то всегда к вашим услугам»⁴⁴.

Но племянники все же не хотели отпускать дядю из Наблюдательного совета, да и сам Карл считал целесообразным по крайней мере сохранить за собой место в Правлении компании «Братья Сименс», а также пост председателя Наблюдательного совета «Русских электротехнических заводов»⁴⁵. В особенности в Санкт-Петербурге он хотел и в дальнейшем участвовать в делах предприятия, хотя бы номинально, потому что, как писал Карл в феврале 1903 года Вильгельму, «пока я жив, русские не поверят, что я совсем отошел от дел. Они меня помнят с 1833 года, т. е. почти 52 года, и отождествляют с «Сименс и Гальске». Меня знает там каждая собака»⁴⁶.

Гёрлицкий вокзал в Берлине. 1902 г.

50 лет «Сименс и Гальске» в России

За развитием «Русских электротехнических заводов» Карл продолжал внимательно следить из Берлина, особенно когда отношения между Россией и Германией стали вызывать беспокойство. Во времена правления канцлера Отто фон Бисмарка Берлин, Санкт-Петербург и Вена играли ключевую роль в европейской политике. В этот период немецкие компании, работающие в Российской империи, процветали. Но после отставки Бисмарка в 1890 году – всего через два года после коронации императора Вильгельма II – Карл выразил серьезные опасения относительно грядущих изменений внешнеполитического курса Германии⁴⁷.

И в самом деле, к концу века неустойчивый карточный домик внешней политики Бисмарка серьезно пошатнулся. Ориентация нового руководства страны на колониальную экспансию и перевооружение флота не только отдаляла Германскую империю от такой морской державы, как Великобритания⁴⁸, но и стремительно ухудшала дипломатические отношения между Берлином и Санкт-Петербургом. С 1879 года Германия неоднократно вводила в отношении России экономические меры – например, протекционистские таможенные пошлины на импорт зерна⁴⁹. Последствия этой конфронтационной внешнеэкономической политики стали очевидны после отставки Бисмарка: царская Россия все больше ориентировалась на Францию. И хотя долгосрочные перспективы на тот момент было еще трудно оценить, Карл боялся скорого ухудшения отношений с Россией. «Если теперь дело дойдет до войны с Германией, то есть риск погибнуть, – писал он 28 августа 1891 года брату Вернеру. – Если начнется война, все будет потеряно, потому что тогда придет конец немцам и их собственности»⁵⁰. Поначалу не было никакой эскалации напряженности в германо-русских отношениях. Напротив, подписанный в 1894 году торговый договор мог укрепить двусторонние экономические связи⁵¹. «Русские электротехнические заводы» все еще сохраняли свои позиции как одно из важнейших зарубежных предприятий «Сименс и Гальске», хотя и теряли свое прежнее первостепенное значение в общем бизнесе компании.

Кризис электротехнической промышленности в начале XX века протекал в России по аналогии с Германией. В связи с насыщением рынка и жесткой конкуренцией «Русские электротехнические заво-

Вид с Невы на кабельный завод «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге. Около 1902 г.

ды» попали в водоворот этого кризиса, и во время визита председателя Правления «Сименс и Гальске» Бёдикера в 1902 году даже рассматривался вопрос продажи российской дочерней компании. Хотя этого и не произошло, но в следующем году «Русские электротехнические заводы» были поставлены под жесткий контроль головного офиса и все важные решения стали принимать в Берлине⁵². Началась волна слияний электротехнических предприятий, работающих в России. АЕГ присоединила в 1903 году российское отделение «Объединенной электрической компании»⁵³. 31 декабря того же года «Русские электротехнические заводы» и «Русское акционерное общество Шуккерт и Ко» подписали соглашение сроком на шесть лет о распределении зон влияния на рынке⁵⁴. Окончательное слияние российских отделений «Сименс и Гальске» и «Шуккерт», а также разделение сильно- и слаботочных направлений деятельности произошло в 1913 году с основанием «Русского акционерного общества Сименс-Шуккерт» (Russische Aktiengesellschaft Siemens-Schuckert) в Санкт-Петербурге⁵⁵. Кроме того, в 1906 году российские кабельные предприятия «Сименс и Гальске», АЕГ и «Фельтен и Гийом-Ламейер» были консолидированы в «Объединенные кабельные заводы» (Vereinigte Kabelwerke AG). В них же вошел и завод в Чечушах, основанный Карлом в 1881 году⁵⁶.

Ночное дежурство
руководства кабельного
завода «Сименс и Гальске»
в Санкт-Петербурге во
время стачки рабочих.
1905 г.

Пережив экономический кризис, предприятия стали активно развиваться, но их рост прервался, как только в феврале 1904 года началась Русско-японская война. В следующем году после разгона военными демонстрации рабочих в Санкт-Петербурге по всей стране вспыхнули беспорядки, которые затронули и предприятия «Сименс и Гальске»⁵⁷. Кабельный завод в Чекушах охраняли казаки, в то время как его руководство забаррикадировалось в жилом доме. Имение Геймар, находившееся вблизи эстонского побережья Балтийского моря и приобретенное дочерью Карла Лотти в 1898 году, во время волнений было разгромлено⁵⁸.

Кедабек, который Карл посетил последний раз в 1895 году вместе со своим племянником Вильгельмом, также пострадал от беспорядков⁵⁹. Преемником умершего в 1900 году Георга Болтона стал Густав Кёллес, который старался удерживать прибыль завода на приемлемом уровне, однако это становилось все труднее из-за быстрого сокращения запасов медной руды⁶⁰. В 1903 году Кёллес приобрел новое медное месторождение близ села Кварцхана к югу от черноморского порта Батуми, где был построен еще один завод⁶¹. В последующие два года в ходе революционного движения в регионе из-за массовых волнений и забастовок производство меди было приостановлено.

Учитывая тяжелые условия войны и народных восстаний, руководство компании не изъявило особого желания отметить предстоящий 50-летний юбилей «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге. Так и не отдав дань уважения традициям российского отделения,

которое занимало такое видное место в истории компании, Арнольд написал Карлу: «Сам юбилей, думаю, мы могли бы полностью проигнорировать, ведь фирма за это время стала акционерным обществом [...]»⁶².

Для будущих поколений

Поскольку Арнольд настолько непочтительно отнесся к тому большому значению, которое имело санкт-петербургское отделение компании, Карл начал активно заниматься наследием «Сименс и Гальске». За два года до этого, летом 1901 года, профессор Рихард Эренберг из Ростка обратился с просьбой к руководству «Сименс и Гальске» разрешить изучение истории развития компании и ее значения для электротехнической промышленности. Как через несколько лет Эренберг написал Вильгельму фон Сименсу, целью его работы являлось «определение новых базовых положений экономической науки»⁶³ посредством объективного методологического анализа источников. Для этого Эренберг хотел изучить историю крупных немецких компаний, но после того как Фридрих Альфред Крупп отказался от участия, он предложил свой план только «Сименс и Гальске».

Однако и в этой компании поначалу отреагировали на предложение негативно, но в итоге Карл утвердил исследовательский проект Эренберга. Он с удовольствием поделился информацией о развитии предприятия и был готов отвечать на вопросы подробно и с большим интересом, основываясь на собственной истории. Кроме того, Карл разрешил профессору использовать переписку братьев Сименс. Он попросил секретаря рассортировать письма в хронологическом порядке и постепенно отправлял их Эренбергу. Учитывая большое количество документов, как Карл оповестил исследователя 14 июня 1902 года, он будет «[продолжать] пересылку до тех пор, пока Вы не напишете, что я должен ее прекратить»⁶⁴.

Эренберг был в восторге. Историческое развитие компании можно было «подробно изучить по этим письмам», как сообщил он Карлу 26 августа 1902 года, и они представляют «большую ценность также с точки зрения электротехники»⁶⁵. Эренберг призывал Карла как «единственного из ныне живущих представителей поколения основателей» эти письма «срочно собрать в центральном архиве семьи и компании»:

«Что касается архива, то я хотел бы назвать его «Архив «Сименс» и с радостью готов содействовать его созданию советами относительно упорядочения и регистрации [...]. Петербургские, лондонские и берлинские бухгалтерские книги и документы, представляющие ценность для изучения предприятий «Сименс», также должны быть включены в архив»⁶⁶.

Эта идея понравилась Карлу. Он обязательно будет «следить за развитием событий», касающихся «создания архива семьи и компании «Сименс»⁶⁷, сообщил он через две недели Эренбергу. Карл немедленно отправил профессору два пакета с письмами братьев Сименс и пообещал навести справки о местонахождении остальных документов.

Из первоначальных изысканий Эренберга в последующие годы вырос крупный исследовательский проект, к которому Карл продолжал проявлять большой интерес. Он поддерживал контакт с Эренбергом и в конце 1904 года, когда была завершена первая версия текстов, предложил заняться их редактированием⁶⁸. Он был не совсем удовлетворен некоторыми содержательными моментами и особенно критиковал отображение роли умершего в 1890 году Иоганна Георга Гальске, представленной, по его мнению, недостаточно отчетливо. Тем не менее, как писал Карл своему племяннику Вильгельму, Эренберг «взял это из писем и на самом деле все было именно так. [...] Я не знал, что мне делать, потому что с помощью редактуры вряд ли можно было это исправить. Тогда пришлось бы перечеркнуть всю историю. Но в подтверждение своей правоты Эренбергу ведь достаточно предъявить мне мои собственные письма твоему отцу»⁶⁹.

В феврале 1906 года Эренберг завершил работу над книгой «Предприятия братьев Сименс», в которой на основании писем представил на 510 печатных страницах историю компании до 1870 года. В предисловии профессор подчеркнул вклад Карла, который позволил ему заглянуть в исторические документы семьи и компании. «С вечной благодарностью, – написал Эренберг, – буду я сам и будет наука помнить о том, что семья Сименс безоговорочно передала в руки ученых и всего народа сокровища своего архива»⁷⁰.

До официального основания в 1907 году архива «Сименс» – одного из первых корпоративных архивов в Германии – Карл не дождался⁷¹. После внезапной смерти сына Вернера ему удалось восстановиться эмоционально и физически, и в последующие годы он часто путешествовал. Он остался в тесном контакте со своей овдовевшей невесткой Норой и навестил ее в апреле 1902 года в Риме⁷². В том же году Карл с племян-

Карл (крайний справа) в кругу родственников. Вверху (слева направо): Вернер Фердинанд фон Сименс и Александр Кромэ; внизу (слева направо): Вильгельм фон Сименс, Нора фон Сименс, Элли фон Сименс, мать Норы Эмма Фюсси, София Кромэ. Без даты

ником Вильгельмом предпринял вторую поездку в Северную Африку, где они посетили руины Карфагена, которые произвели на него большое впечатление. В начале 1903 года он провел несколько недель со своей дочерью Лотти в Каннах⁷³.

Однако физическое состояние Карла ухудшилось в результате апоплексического удара в октябре 1903 года, после которого у него парализовало левую руку и он в течение долгого времени не мог ходить⁷⁴. В последующие месяцы ему удалось постепенно восстановиться от инсульта благодаря длительному лечению и врачебной помощи. Весну 1904 года он провел со своей сестрой Софией и невесткой Норой в Сан-Ремо, где также навестил племянницу из семейства Капгер. Открытый всему новому, Карл совершил эту поездку на автомобиле, что он особо подчеркнул в письме Вильгельму⁷⁵. На обратном пути в Берлин он встретился в городе Констанц на Боденском озере со своей дочерью Лотти. В апреле 1904 года его здоровью был нанесен очередной удар в результате тромбоза сосудов головного мозга⁷⁶.

Из-за ухудшения самочувствия Карла о его работе в компании не было и речи. В декабре 1904 года он сложил с себя полномочия председателя Наблюдательного совета «Сименс и Гальске» после 55 лет актив-

ной работы в компании⁷⁷. Уход был для него «довольно болезненным, но принес и чувство удовлетворения», о чем он написал племяннику Вильгельму: «К чему эта комедия! Я уже ни на что не годен»⁷⁸. Ввиду серьезных проблем со здоровьем он не видел никакой возможности продолжать заниматься делами компании. После инсульта он «изо всех сил пытался» выздороветь, а теперь решил: «Пусть все идет своим чередом»⁷⁹.

В свою берлинскую квартиру Карл так и не вернулся. В январе 1905 года он некоторое время провел у дочери Маруши в Веймаре, где ее муж Георг состоял на дипломатической службе Российской империи, а затем отправился к племяннику Вильгельму в Шарлоттенбург⁸⁰. Весну он провел в клинике Мартинсбрун в Меране (город в Южном Тироле. – *Ред.*), а лето – в Хайлигендамме на побережье Балтийского моря⁸¹.

В начале 1906 года Карл лечился в санатории живописного местечка Горбио вблизи курорта Ментона на Лазурном Берегу Средиземного моря. На этот раз ему было настолько плохо, что даже «писать и думать уже очень трудно»⁸², как посетовал Карл 7 января племяннику Вильгельму. В течение следующих недель состояние его здоровья резко ухудшилось. В свой 77-й день рождения – 3 марта – Карл уже не мог говорить. Он заболел воспалением легких и часто был без сознания. «Он редко узнавал своих близких», как писал Арнольд 19 марта Вильгельму, «при этом выглядел очень несчастным и много плакал»⁸³. Два дня спустя Карл фон Сименс скончался на Французской Ривьере в том мягком климате, который он так любил.

Эпилог

Когда 35 лет спустя, осенью 1941 года, армия вермахта взяла в кольцо осады Ленинград, Гостилицы уже давно были руинами¹. В дни Гражданской войны в России имение было разграблено белой армией, а после победы большевиков использовалось как свиноферма. В сентябре 1941 года немецкие войска оккупировали Гостилицы и в течение почти трех лет блокады Ленинграда использовали имение как свой опорный пункт. Во время наступления советских войск, прорвавших в январе 1944 года блокаду и освободивших город, там шли ожесточенные бои, в ходе которых имению был нанесен большой урон.

Дочери Карла к тому времени уже давно покинули Россию. После того как муж Лотти Аксель был убит большевиками в ходе Гражданской войны в 1919 году, она больше не вернулась со своими детьми в бывшую Российскую империю. В 1924 году Лотти приняла гражданство Лихтенштейна, а умерла два года спустя в возрасте 67 лет в Цюрихе. Маруша также бежала вместе со своей семьей из революционной России и умерла через месяц после начала Второй мировой войны – 2 октября 1939 года – в Баден-Бадене, где была похоронена и ее старшая сестра².

Маруша не дожидаясь бомбардировок немецких городов союзными войсками, во время которых серьезные разрушения были нанесены и Берлину. Так, район Тиргартен, где в последние годы жил Карл, был почти полностью стерт с лица земли, равно как и территория Иерусалимского кладбища, где находились могилы Карла, его жены Марии, сына Вернера и умершей в младенчестве дочери Элеоноры³. Сильно пострадали также заводы в Сименсштадте. Особенно серьезно в результате бомбардировок зимой 1944–1945 гг. были повреждены производственные площади на берегу реки Шпрее⁴. 20 апреля 1945 года предприятия были закрыты, спустя пять дней Красная армия заняла этот район.

Бывшая международная компания «Сименс и Гальске» в 1945 году находилась на грани краха. Первую мировую войну и военное поражение Германии в 1918 году она пережила, лишившись, однако, большей части зарубежной собственности. Так, с национализацией предприятий «Братья Сименс», «Русские электротехнические заводы» и «Русское акционерное общество Сименс-Шуккерт» были утрачены три важнейшие иностранные дочерние компании⁵. В 1920-е гг. фирма «Сименс и Гальске» под руководством младшего сына Вернера – Карла Фридриха фон Сименса – участвовала в экономическом подъеме Веймарской республики, а также смогла значительно расширить свой бизнес за рубежом⁶. После прихода к власти национал-социалистов на первый план вышла гонка вооружений, что обеспечило небывалый рост компании.

Что касается численности сотрудников, на всех предприятиях «Сименс и Гальске» и «Заводах Сименс-Шуккерт» в 1939 году было занято 187 тысяч работников, и в тот период компания являлась крупнейшей среди электротехнических и четвертой по величине в мире⁷. Шесть лет спустя все это было разрушено. В результате бомбардировок союзников и последующего демонтажа промышленных объектов от «электрополиса» Берлина, бывшего глобального центра электротехнической промышленности, почти ничего не осталось. Фирма «Сименс и Гальске» утратила 98% своих производственных мощностей, «Заводы Сименс-Шуккерт» – 85%⁸. Кроме того, компания потеряла всю зарубежную собственность и разветвленную сеть продаж по всему миру⁹.

Перед Германом фон Сименсом, внучатым племянником Карла, который после смерти Карла Фридриха в 1941 году стал «главой дома», в послевоенный период стояла трудная задача восстановления компании. После освобождения из американского лагеря для интернированных Герман фон Сименс всячески старался сохранить целостность предприятий «Сименс и Гальске» и «Заводов Сименс-Шуккерт», в то время как союзники, напротив, стремились уничтожить компанию¹⁰. И только в ходе нараставшей холодной войны в конце 1940-х гг. она смогла окончательно восстановить свое единство и сохранить независимость. Руководство компании не видело больше возможности для размещения головного офиса в разделенном Берлине. В апреле 1949 года штаб-квартира «Сименс и Гальске» была перенесена в Мюнхен, а «Заводов Сименс-Шуккерт» – в Эрланген.

После денежной реформы (1948 года. – *Ред.*) в трех западных оккупационных зонах Германии фирма «Сименс и Гальске» продемонстрировала устойчивый рост и уже в начале 1950-х гг. сумела достичь предвоен-

Могила Карла фон Сименса на Иерусалимском кладбище в берлинском районе Кройцберг. 2012 г.

ного уровня производства. Двигателем экономического подъема стал быстро развивавшийся бизнес в области сильных токов. Так, в течение 1950–1954 гг. «Заводы Сименс-Шуккерт» смогли удвоить свой оборот¹¹. В 1956–1957 финансовом году экспорт составил четверть общего объема продаж предприятия. Эрнст фон Сименс, сын Карла Фридриха, ставший с 1956 года «главой дома», с помощью возрождения международного бизнеса создал необходимые условия для успешного возвращения компании на мировые рынки¹². В 1966 году «Сименс и Гальске АГ» и «Заводы Сименс-Шуккерт» были объединены в «Сименс АГ» (Siemens AG), а в 1971 году председателем Наблюдательного совета концерна стал Петер фон Сименс, внук Вильгельма. В течение следующих 20 лет компания переживала значительный рост благодаря укреплению мировых экономических связей и интернационализации бизнеса. В 1969–1986 гг. объем продаж «Сименс АГ» вырос в четыре раза, а доля экспорта в нем стала еще более значимой¹³.

Опасение Георга фон Сименса, высказанное в 1897 году относительно того, что серьезное влияние семьи в лице председателя Наблюдательного совета на управление концерном окажется «тормозом» в его развитии, не оправдалось. Более того, учреждение такого института,

как «глава дома», стало стабилизирующим фактором, который во многом помогал сохранить целостность компании на протяжении двух мировых войн и нескольких серьезных экономических кризисов. Так, до 1981 года пост председателя Наблюдательного совета «Сименс АГ» постоянно занимал член семьи. В то же время компании AEG, которой Георг фон Сименс отдавал предпочтение, еще начиная с 1960-х гг. приходилось бороться с серьезными трудностями. В 1982 году предприятие Эмиля Ратенау, основанное им почти за 100 лет до этого, было вынуждено объявить о начале судебного производства во избежание банкротства. В 1985 году оно перешло к компании «Даймлер-Бенц АГ» (Daimler-Benz AG)¹⁴.

«Сименс АГ», напротив, после Второй мировой войны удалось сохранить свои лидирующие позиции в немецкой электротехнической промышленности и вновь войти в число ведущих международных компаний¹⁵. И значительная составляющая успеха этого глобального игрока со штаб-квартирой в Мюнхене сейчас приходится именно на международный бизнес. Годовой отчет концерна показал, что в общем объеме продаж в 2011 году доля заказов за пределами Германии превысила 85%. Таким образом, международный бизнес вновь приобрел то значение, которое он имел в период становления предприятия, когда Карл Сименс за счет строительства российского телеграфа заложил основу для дальнейшего роста будущей «всемирно известной компании»¹⁶.

Приложение

Степень изученности темы исследования

До сих пор еще не было глубокого изучения биографии Карла фон Сименса, которое могло бы сравниться с работой Вильяма Поула «Жизнь сэра Вильяма Сименса» или с исследованием Вильфреда Фельденкирхена «Вернер фон Сименс. Изобретатель и предприниматель международного уровня»¹. В рамках широкого эмпирического анализа Рихард Эренберг впервые опубликовал в 1906 году историю под названием «Предприятия братьев Сименс»². Несмотря на ряд методических недочетов, как, например, то, что Эренберг не ссылается ни на одну научную работу, примечательным в его книге является признание заслуг трех братьев в становлении совместного предприятия «Сименс и Гальске»³. Основное внимание в своем исследовании он уделил истории компании, а частные вопросы отошли на второй план. Книга должна была «содержать не биографию человека, а рассказ об истории предприятий», написал Эренберг в начале предисловия⁴. Но несмотря на усилия автора представить братьев Сименс как равных партнеров, складывается впечатление, что Вернер играл лидирующую роль. Помимо этого, Эренберг приписывает ему экстраординарные черты характера. Вернер фон Сименс был «в своей области деятельности примером для подражания, так же как и Бисмарк в своей», говорит автор в начале книги, и на его «славные [...] воспоминания» он «постоянно ссылается в тексте»⁵. Такие заявления Эренберга повлияли на создание некоего мифа о личности Вернера фон Сименса, который прочно утвердился в истории концерна «Сименс АГ».

В 1944 году Фридрих Хайнценберг представил первое биографическое исследование, посвященное Карлу фон Сименсу, которое базировалось на комплексном анализе переписки⁶. В этой работе акцент был сделан на начале развития международного бизнеса братьев Сименс, решающая роль в котором принадлежала Карлу. К сожалению, невозможно восстановить все аспекты создания этого очерка, насчитывавшего 130 страниц, в котором описывалась предпринимательская деятельность Карла. К концу Второй мировой войны он считался утраченным. Через 11 лет после завершения войны Зигфрид фон Вайер, ставший позд-

нее директором Архива «Сименс АГ», опубликовал краткий биографический очерк о Карле фон Сименсе в первом номере журнала «Традицион» (Tradition), сославшись на публикацию Хайнценберга. Но никакой новой информации в нем не содержалось⁷. Короткие зарисовки из жизни Карла фон Сименса можно найти в таких более поздних публикациях, как «Предприниматели Сименс» и выпущенное Бодо фон Девитцем и Людвигом Шайдеггером издание о Гостилицах⁸. Кроме того, я смог воспользоваться многочисленными исследованиями по истории компании, например работами Вальтера Кирхнера о российском отделении «Сименс и Гальске» и Зигфрида фон Вайера о компании «Братья Сименс»⁹.

В 1999 году в российской научной литературе появилась серьезная статья В. С. Мешкунова, посвященная Карлу фон Сименсу, в то время как в англоязычных исследованиях нет даже упоминания о братьях Сименс¹⁰. Информацию о компании «Братья Сименс» можно найти в работах о телеграфии и глобализации в XIX веке, но в них она зачастую представлена просто как английская фирма, а участие в «общем деле» компании «Сименс и Гальске» игнорируется. «К концу 1860-х гг. Британия начала глобальное использование подводных телеграфных линий»¹¹, – пишет, например, Питер Дж. Хагилл в своем исследовании по истории развития коммуникаций, не учитывая специфику компании «Братья Сименс» и роль подданного Российской империи Карла фон Сименса в прокладке трансатлантического кабеля. Работа Пауля Исаака, изучавшего биографию Томаса Эдисона, едва ли соответствует реальному положению вещей, поскольку в ней говорится о том, что в середине XIX века ни одна страна, кроме США, не имела таких возможностей для развития этого бизнеса¹². В то время как молодой телеграфист Эдисон быстро сделал карьеру в Америке и основал компанию «Дженерал Электрик», Карл Сименс переселился в Россию и внес существенный вклад в преобразование «Сименс и Гальске» во «всемирно известную компанию». Таким образом, продолжает оставаться насущной потребность в сравнительном исследовании истории международных фирм и предпринимательской деятельности в области телеграфной связи в XIX веке.

Теоретические основы

Какую познавательную информацию несет в себе обращение к биографической литературе? Для Карла фон Сименса решающим аргументом

против написания мемуаров было то, «что представленная в них личность должна быть интересна уже сама по себе», как говорилось в его письме брату Вернеру от 3 августа 1890 года¹³. Ссылаясь на научно-инновационные достижения старших братьев, Карл пришел к такому выводу: я не могу предложить то, «что могло бы привлечь внимание публики, поскольку я не в состоянии сделать так, чтобы моя личность сама по себе вызывала ее интерес»¹⁴.

Даже беглого взгляда на жизненный путь Карла, его семью и международный опыт ведения бизнеса достаточно для того, чтобы усомниться в подобной самооценке. Карл фон Сименс сыграл значительную роль в становлении телеграфного дела «Сименс и Гальске» и его развитию во «всемирно известную компанию». Таким образом, Карла с полным основанием можно причислить к лучшим предпринимателям второй половины XIX века, которые внесли вклад в индустриализацию Европы и создание новых средств связи во все более глобализирующемся мире. Биография Карла фон Сименса выделяется тем, что он вел международную деятельность. Карл, единственный из трех братьев Сименс, был непосредственно задействован в работе на трех ключевых рынках – Германии, России и Англии. По мнению Питера Ф. Друкера, в 1850-х гг. «Сименс и Гальске» практически «изобрела»¹⁵ модель современной международной компании, и Карл фон Сименс сыграл в этом значительную роль.

Обращение к биографической литературе может, как пишет Ганс Эрих Бёдекер со ссылкой на Якоба Буркхардта, помочь преодолеть «безликую структурность истории» тем, что наряду с фактами сама личность индивида оказывается задействованной в описании «социальных, культурных, политических взаимосвязей». Необходимо добавить сюда также и связи экономические¹⁶. Отношения в рамках так называемого общего дела «Сименс и Гальске» в первом поколении семьи предпринимателей строились на доверии и в основном на неформальных договоренностях между тремя братьями Сименс. Поэтому структурную целостность «Сименс и Гальске» и ее превращение во «всемирно известную компанию» нужно рассматривать только с учетом развития внутрисемейных отношений, в которых Карл играл центральную роль, выступая посредником между двумя старшими братьями – Вернером и Вильгельмом.

Концепция взаимосвязи между структурой и результатом возможных действий отдельного индивида поддерживалась также сторонниками «центрированного институционализма акторов» (действующие физические или юридические лица, субъекты какой-либо сферы человеческих отношений. – *Ред.*).

С точки зрения исторической науки эта концепция развилась из критики детерминированного институционального понимания, например, в рамках новой институциональной экономики она определяет «правила выявления закономерностей человеческого поведения» и интерпретирует индивидуальные решения как следствие институциональных «ограничений» (constraints)¹⁷. Согласно институциональной экономике, акторы действуют рационально, пытаясь достигнуть только тех целей, которые находятся в рамках данных институциональных условий (ограниченная рациональность). Институты могут принимать как формальные измерения (контракты, имущественные права), так и неформальные, под которыми следует понимать культурологические структурные модели, объясняющие закономерности экономических действий. Так, у Макса Вебера можно найти предпосылки к неинституциональным теориям, которые учитывают религиозные нормы как варианты воздействия¹⁸.

Основное внимание в новой институциональной экономике в традициях Дугласа Норта уделяется институциональным структурам, их генезису и воздействию. Они в значительной степени пренебрегают взаимодействием между акторами и институтами. Фриц Шарпф и Ренате Майнц создали теорию актор-центрированного институционализма, в которой «институты рассматриваются и как зависимые, и как независимые переменные» и не оказывают «никакого определяющего влияния»¹⁹. Именно в этой концепции учитывается потенциал акторов, способных из индивидуальных предпочтений принимать решения и тем самым содействовать созданию новых или изменению уже существующих институциональных механизмов:

«С одной стороны, институты интерпретируются не только как результат эволюционного развития и воспринимаются как данность, но и под воздействием акторов могут быть намеренно иначе сформулированы и изменены. Поэтому институты рассматриваются как часть концепции, ориентированной на акторов, и тем самым могут быть зависимыми или независимыми переменными. С другой стороны, из-за ограничения дефиниции институтов в регулирующих аспектах, часто серьезно воспринимаются только формально повторяющиеся условия, потому что в институциональном контексте действия отдельного индивида допустимы и ограничены, но не определены как таковые»²⁰.

Таким образом, актор-центрированному институционализму удастся совместить структуралистский и индивидуальный подход в данной теории. Хотя, с одной стороны, существующие институциональные ме-

ханизмы влияют на решения акторов, но, с другой стороны, и акторы могут активно влиять на генезис институтов. Институциональные изменения или полную реорганизацию институциональных структур, например компании, можно объяснить, только принимая во внимание конкретные цели заинтересованных сторон²¹. В случае «Сименс и Гальске» это была конкретная цель Вернера – создание «всемирно известной компании», к достижению которой стремились оба младших брата, причем Карл с большей охотой, чем Вильгельм.

Понятие институционального предпринимателя как специфической формы акторов хотя и встречается в институциональной экономике Дулгаса Норта, но концептуально остается неопределенным²². Норт не уделяет должного внимания разрушительному и созидательному потенциалу предпринимателей, роль которых заключается именно в модификации существующих институциональных структур. Этот пробел заполняют уже новые исследования, в которых учитывается влияние институциональной структуры на поведение отдельного индивида, но в то же время подчеркивается важная роль предпринимателей. Так, Кемин Ян в теоретическом введении в свое исследование о предпринимательской деятельности в Китае интегрирует определение предпринимателя в понимании Йозефа Шумпетера в институциональную экономику. Он характеризует предпринимателей как «исследователей и разрушителей рутины»²³. Они действуют в рамках существующих институциональных механизмов, но в то же время ориентированы на изменение существующего равновесия. Именно эта «модель поведения, меняющая действующие правила»²⁴, составляет основу предпринимательской деятельности:

«Если все так однозначно, то экономическая эффективность является просто результатом следования существующим правилам. Но следующий правилам индивид не сможет вести успешную конкурентную борьбу, потому что конкурентные преимущества чаще всего являются результатом довольно неравномерного распределения возможностей и ресурсов. Именно различия в восприятии и способности извлекать пользу из неопределенности объясняют конкурентоспособность и, вследствие этого, различия в экономических показателях»²⁵.

Таким образом, предпринимателей можно отнести к «пионерам», понимая под этим «основоположник[ов]» и «новатор[ов]», являющихся «первооткрывателями в той или иной области»²⁶.

Для институционально-теоретического анализа предпринимательской деятельности важно фокусировать внимание не только на изобретении и внедрении технических инноваций, но и на вопросе о том, как

предприниматели могут развивать стабильные организационные структуры в условиях конкуренции. Говард Олдрич определяет предпринимательство как «создание новых институтов», а предпринимателей – как «людей, которые создают институты»²⁷. В случае с «Сименс и Гальске» переговорный процесс при заключении деловых контрактов наглядно иллюстрирует большую сложность в создании формальных институциональных организационных структур. На мой взгляд, определяющим фактором являлись неформальное общение и основанное на доверии взаимодействие трех братьев, которые во многом определяли организационную сплоченность компании и в значительной степени влияли на корпоративную культуру²⁸. Особенным было то, что организационные структуры «Сименс и Гальске» развивались в международном контексте с его специфическими возможностями и особыми требованиями.

«Мультинациональная» компания, по мнению Питера Ф. Друкера, характеризуется сильной международной направленностью, которую можно измерить, например, посредством измерения объема прямых иностранных инвестиций или наличием долевого участия в зарубежном бизнесе²⁹. Мультинациональные компании, следовательно, имеют «национальный стержень», даже если их деятельность распространяется на иностранные рынки. Джеффри Джонс считает, что они являются «главной движущей силой трансграничных перемещений инвестиций, торговли и знаний, находясь в центре процесса глобализации»³⁰. Полагаю, Вернер фон Сименс с готовностью бы согласился с таким определением «Сименс и Гальске» в качестве мультинациональной «всемирно известной компании» с центром в Берлине.

В то время как концептуализация подобных компаний базируется на национальных категориях, в «транснациональных» компаниях эти категории сильно ослаблены или отсутствуют вовсе. В соответствии с определением, предложенным Кристофером А. Бартлеттом и Сумантрой Гошалом, транснациональный бизнес отвечает следующим критериям: «характерная конфигурация активов и деятельности, распределение организационных ролей и обязанностей и упрощение процессов обучения»³¹. Эти три критерия, по крайней мере, подтверждаются по отношению к поколению основателей «Сименс и Гальске». Распределение ресурсов было комплексным процессом и осуществлялось в рамках так называемого общего дела. Берлин до 1870-х гг. играл лишь незначительную роль с точки зрения количественных объемов бизнеса. Аналогичным образом были распределены организационные обязанности – как, например, в случае с Индо-Европейской теле-

графной линией: три брата в Берлине, Лондоне и Тифлисе совместно осуществили настоящий транснациональный телеграфный проект. Наконец, подтверждением данной теории является то, что центральное место в «Сименс и Гальске» занимало внутрикорпоративное обучение. Изобретениями в области телеграфии Вернер в значительной степени обязан своему брату Вильгельму. В 1854 году Карл в России начал экспериментировать с «татарским гальваноскопом», который доработал Вернер в Берлине, благодаря чему компания совершила серьезный финансовый прорыв, обеспечив дальнейшее расширение бизнеса.

В результате я определяю «Сименс и Гальске» в первом поколении основателей как транснациональную компанию. Имели место обмен мнениями и личные доверительные отношения трех братьев – Вернера, Вильгельма и Карла. При принятии стратегических решений, несмотря на весь авторитет Вернера, царили равноправные условия. Российский подданный Карл фон Сименс, состоявший в браке с русской немкой, отец троих детей, имевших российское гражданство, много лет работавший на компанию в Лондоне, Париже, Санкт-Петербурге, Тифлисе и, наконец, в Берлине, воплощал этот транснациональный характер компании совершенно особым образом.

Основные источники и литература

Средством связи между тремя братьями Сименс являлись письма – и это удивительно, учитывая, что их высокотехнологичная компания работала в области телеграфии. Приблизительно 7500 этих писем за период 1841–1898 гг. сохранилось в Историческом институте «Сименс». Карл был получателем или отправителем 3697 писем, которые являются основой моего исследования.

Орфография XIX века в некоторых случаях сильно отличается от современных норм. Имя Карла, например, писалось братьями по-разному. Для удобочитаемости в цитатах я унифицировал написание его имени, остальные же отступления от правил орфографии и грамматики оставил без изменений. Большая часть писем составлена в форме фонетической транскрипции. Вполне вероятно, что процесс становления правил практической транскрипции повлек за собой дополнительные орфографические ошибки, как, например, при написании умяутов.

Обращая внимание на даты написания писем, нужно учитывать, что в России переход на григорианский календарь был завершен только после Октябрьской революции. Это означает, что в XIX веке русский календарь на 13 суток отставал от западноевропейского. Русская православная церковь все еще следует юлианскому календарю. В примечаниях и в самом тексте все годы приведены в соответствие с григорианским календарем. В некоторых случаях нельзя было точно определить, по какому календарю датировано письмо. В этих случаях я оставлял дату, которая использовалась в первоисточнике. Название мест приводится в соответствии с правилами немецкой транскрипции. При цитировании географических названий я использовал названия, соответствующие времени описываемых событий, как, например, Константинополь вместо Стамбула.

Частная переписка Карла фон Сименса не была опубликована. Его единственное автобиографическое сочинение – короткие заметки на полях их с Вернером писем, сделанные позднее – в 1902 году. Причиной этого, вероятно, стал проект книги Эренберга, для которой Карл отбирал письма и подготавливал их к публикации. Эти заметки весьма информативны и дают в ретроспективе хорошее представление о различных аспектах бизнеса. Однако они не заменяют автобиографию или дневник. Важным источником являются воспоминания Вернера фон Сименса, которые, вопреки оценке Рихарда Эренберга, нужно рассматривать не «беспрекословно», а критически³². Но как любое автобиографическое исследование, они слишком сильно ориентированы на автора и дают лишь ограниченное представление о развитии предприятия.

Большинство сохранившихся писем относится к переписке Карла с Вернером (3262 из 3697). После смерти Вернера 6 декабря 1892 года ситуация резко меняется: от переписки Карла с его единственным оставшимся братом Фридрихом сохранилось лишь несколько писем. Вот почему при анализе последнего этапа жизни я в основном опирался на переписку Карла с племянниками – Арнольдом и Вильгельмом. Тем не менее корреспонденция, приходящаяся на период после переезда Карла в 1893 году в Берлин, довольно скудна.

Помимо писем я анализировал обширную деловую документацию на немецком, русском и английском языках в Историческом институте «Сименс», а также письма дочерей Карла, Лотти и Маруши, из частного архива Бодо фон Девитца, материалы из Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА), множество публикаций³³, архивы газет «Нью-Йорк Таймс», «Таймс» и журнала «Л' Анвенсьон».

Примечания

Пролог

- 1 Письмо Вильгельма Вернеру от 6.9.1874, написано в Кингусси, Шотландия. Согласно телеграмме Карла от 7.9.1874, «Фарадей» спустя несколько дней после обрыва находился на 50,51° северной долготы и 1734° западной широты. Ср. сообщение в *The Times* от 8.9.1874.
- 2 Richard Ehrenberg: «Seekabel-Unternehmungen», Manuskriptkapitel aus dem unveröffentlichten zweiten Band über die Unternehmungen der Brüder Siemens, S. 92, in: SAA 38/8/2). Вернер упоминает в своих мемуарах глубину около 5600 метров // Werner von Siemens: *Lebenserinnerungen*. München 2008, S. 402. Впервые опубликованы в 1892 году. За восемь лет до того однажды уже удалось поднять трансатлантический кабель после обрыва. Однако это происходило на меньшей глубине – около 4 километров, причем на восстановление потребовалось более 30 дней. См.: Gerhard Weinreich: *Das «teuerste Tau» der Welt. 140 Jahre telegraphischer Verkehr Europa-Amerika // Post- und Telekommunikationsgeschichte* (1999), 1, S. 80-87, здесь 86.
- 3 von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 402.
- 4 См. статью в «Нью-Йорк Таймс» от 10.6.1875 об успешном окончании прокладки кабеля. А также: von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 403. «Нью-Йорк Таймс» называет дату обрыва кабеля 10.9.1874 и местонахождение «Фарадея» в 600 милях от ирландского побережья. Но корреспонденция в «Таймс» и переписка братьев Сименс эту информацию, однако, не подтверждают. См. также: письмо Карла Рихарду Эренбергу от 14.6.1902, написано в Дрездене // SAA 3/Li 591.
- 5 von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 402. См. также: письма Вернера его жене Антонии // Friedrich Heintzenberg (Hg.): *Aus einem reichen Leben*. Werner von Siemens – In Briefen an seine Familie und an Freunde. 2. Auflage. Stuttgart 1953, S. 266 и далее.
- 6 Jorma Ahvenainen: *The Role of Telegraphs in the 19th Century Revolution of Communications // Michael North (Hg.): Kommunikationsrevolutionen. Die neuen Medien des 16. und 19. Jahrhunderts (Wirtschafts- und Sozialhistorische Studien 3)*. 2. Auflage. Köln, Weimar, Wien 2001, S. 73–80, здесь 75.
- 7 Tom Standage: *The Victorian Internet. The Remarkable Story of the Telegraph and the Nineteenth Century's Online Pioneers*. London 1998. О революционном характере телеграфии см.: Peter Lyth, Helmuth Trischler: *Globalisation, History and Technology*

gy. An Introduction // Peter Lyth / Helmuth Trischler (Hg.): Wiring Prometheus. Globalisation, History and Technology. Aarhus 2004, S. 7–20. Michael North: Einleitung // Michael North (Hg.): Kommunikationsrevolutionen. Die neuen Medien des 16. und 19. Jahrhunderts (Wirtschafts- und Sozialhistorische Studien 3). 2. Auflage. Köln, Weimar, Wien 2001, S. IX–XIX, здесь XII; Cornelius Neutsch: Erste «Nervenstränge des Erdballs» // Hans-Jürgen Teuteberg / Cornelius Neutsch (Hg.): Vom Flügeltelegraphen zum Internet. Geschichte der modernen Telekommunikation. Stuttgart 1998, здесь 59. См. также: Roland Wenzlhuemer: «Less Than No Time». Zum Verhältnis von Telegrafie und Zeit // Geschichte und Gesellschaft 37(2011)4, S. 592–613.

Введение

Пионер глобализации

- 1 См. в: Roland Wenzlhuemer: Editorial – Telecommunication and Globalization in the Nineteenth Century // Historical Social Research 35 (2010), 1, S. 7–18; Roland Wenzlhuemer: The Dematerialization of Telecommunication: Communication Centres and Peripheries in Europe and the World, 1850–1920 // Journal of Global History (2007), 2, S. 345–372; Daniel R. Headrick: The Invisible Weapon. Telecommunications and International Politics 1851–1945. Oxford 1991.
- 2 Standage: The Victorian Internet (1998), S. 52 и далее, а также: Headrick: The Invisible Weapon (1991), S. 3 и далее.
- 3 Headrick: The Invisible Weapon (1991). О влиянии электромагнитной телеграфии на дипломатию см.: David Paul Nickles: Under the Wire. How the Telegraph Changed Diplomacy (Harvard Historical Studies 144). Cambridge, Mass 2003.
- 4 Yrjö Kaukiainen: Shrinking the world: Improvements in the speed of information transmission, с. 1820–1870 // European Review of Economic History 5 (2001), S. 1–8.
- 5 Письмо Вернера Карлу от 4.11.1866, без указания места написания.
- 6 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1868, написано в Берлине.
- 7 Wilfried Feldenkirchen: Siemens: Von der Werkstatt zum Weltunternehmen. 2. aktualisierte und erweiterte Auflage. München 2003. Erstmal veröffentlicht 1997.
- 8 Письмо Карла Вернеру от 7.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 9 Wilfried Feldenkirchen: Werner von Siemens. Erfinder und internationaler Unternehmer. 2. überarbeitete und ergänzte Auflage. München 1996. Erstmal veröffentlicht 1992, S. 308.
- 10 William Pole: The Life of Sir William Siemens. London 1888.
- 11 Последнее издание: von Siemens: Lebenserinnerungen (2008).
- 12 Письмо Карла Вернеру от 30.7.1890, написано в Санкт-Петербурге.
- 13 Письмо Карла Вернеру от 3.8.1890, написано в Гостилицах.

Глава 1

В простых условиях

- 1 Werner Siemens-Stiftung: Siemens Familienbilder. Zug 2009. Siemens-Familienstiftung / Werner Siemens-Stiftung: Stammbaum der Familie Siemens. München

- 1985, S. 83. По случаю 600-летия обнаружения первого документа об упоминании фамилии Сименс в Госларе в 1984 году заново обработан Зигфридом фон Вайером. См. далее в генеалогическом древе соответствующих членов семьи.
- 2 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 37, 479. В генеалогическом древе есть краткое упоминание о том, что Кристиан Фердинанд поступил в Геттингенский университет в 1806 году // Siemens-Familienstiftung / Werner Siemens-Stiftung: Stammbaum der Familie Siemens (1985), S. 139.
 - 3 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 37.
 - 4 В генеалогическом древе есть имя Элеонора Иоганна Магдалена Георгина Дайхман, урожденная Шайтер. Свои письма она подписывала Хелена Дайхман // Siemens-Familienstiftung / Werner Siemens-Stiftung: Stammbaum der Familie Siemens (1985), S. 140.
 - 5 Вернер рассказывал о «счастливой жизни» родителей в Ленте, вспоминая, что речь шла о женитьбе по любви: Lebenserinnerungen (2008), S. 39. В 1839 году в опубликованном письме Кристиана Фердинанда после смерти Элеоноры четко указывалось, что это была гармоничная пара // Письмо Кристиана Фердинанда Вернеру от 16.7.1839, написано в Менцендорфе.
 - 6 Hans-Ulrich Wehler: Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Zweiter Band 185–1845/49. München 2008, S. 27 и далее.
 - 7 См.: Ilona Buchsteiner: Aspekte von Gesellschaft, Wirtschaft und Politik in Mecklenburg in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Ilona Buchsteiner (Hg.): Die mecklenburgischen Großherzogtümer im deutschen und europäischen Zusammenhang 185 bis 1871 (Rostocker Beiträge zur Deutschen und Europäischen Geschichte 11). Rostock 2002, S. 53–73; Axel Lubinski: Gutswirtschaft und Gutsherrschaft in Mecklenburg-Strelitz im 18. und 19. Jahrhundert – Chancen und Hemmnisse einer ländlichen Sozialordnung // Landesheimatverband Mecklenburg-Vorpommern (Hg.): Vom Anfang und Ende Mecklenburg-Strelitzer Geschichte. Friedland 2001, S. 197–216.
 - 8 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 41.
 - 9 Письмо Элеоноры Сименс Вернеру от 3.7.1838, написано в Менцендорфе.
 - 10 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 41.
 - 11 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 62.
 - 12 Письмо Карла Вернеру от 23.10.1837, написано в Санкт-Петербурге.
 - 13 Письмо Кристиана Фердинанда Вернеру от 8.7.1839, написано в Менцендорфе.
 - 14 Письмо Кристиана Фердинанда Вернеру от 16.7.1839, написано в Менцендорфе.
 - 15 Письмо Кристиана Фердинанда Матильде от 6.8.1839, написано в Менцендорфе.
 - 16 Письмо Кристиана Фердинанда Вильгельму от 12.11.1839, написано, вероятно, в Менцендорфе.
 - 17 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 41.
 - 18 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 43.
 - 19 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 45.
 - 20 Письмо Кристиана Фердинанда Вернеру от 14.11.1836, написано в Менцендорфе.
 - 21 Письмо Элеоноры Вернеру от 26.7.1838, написано в Менцендорфе.

- 22 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 43.
- 23 Max Weber: Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus: Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie I (UTB 1488). 9. Auflage. Tübingen 1988, S. 17–206. Вебер опубликовал исследование поначалу в двух статьях в журнале Zeitschrift Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik в 1904–1905 гг.
- 24 Max Weber: Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus Herausgegeben und eingeleitet von Dirk Kaesler. München 2004.
- 25 См. например: письмо Карла племяннику Вильгельму от 26.10.1902, написано в Висбадене во время лечения гипнозом дочери Маруши: «У нас есть врачи, которые еще некоторое время назад осуждали гипноз, а сегодня все они верят в него. Они даже не стыдятся своей прежней глупости. Я восхищаюсь турками: они ничему не удивляются и только восклицают: Аллах велик, а Мухаммед его пророк! Христиане верят в самые невероятные вещи, и если один из них уверяет, что видел то, что другие пока не видят, его считают ослом, хотя на самом деле они сами ослы». См. также: письмо Карла Вернеру от 16.7.1884, написано в Санкт-Петербурге.
- 26 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 45 и далее.
- 27 Gerhard Ahrens: Von der Franzosenzeit bis zum Ersten Weltkrieg 1806–1914: Anpassung an Forderungen der neuen Zeit // Antjekathrin Graßmann (Hg.): Lübeckische Geschichte. 4. verbesserte und ergänzte Auflage. Lübeck 2008, S. 539–685, здесь 560 и далее.
- 28 August Roth: Friedrich August Siemens // Siemens-Zeitschrift 6 (1926), 12, S. 581–590, здесь 581.
- 29 Письмо Ганса Сименса Вильгельму от 26.9.1841, написано в Менцендорфе.
- 30 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 48, 53.
- 31 О движении «Jung-Lübeck» см.: Ahrens: Von der Franzosenzeit bis zum Ersten Weltkrieg (2008), S. 612.
- 32 Письмо Вильгельма Вернеру от 21.2.1843, написано в Гамбурге.
- 33 Письмо Вильгельма Вернеру от 21.2.1843, написано в Гамбурге. Ср. также: письмо Вернера Вильгельму от 2.4.1845 // Heintzenberg: Aus einem reichen Leben (1953), S. 9 и далее.
- 34 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 51 и далее.
- 35 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 61.
- 36 Письмо Хелены Дайхман Карлу от 11.8.1845, написано в Любеке.
- 37 Письмо Вильгельма Вернеру от 18.11.1843, написано в Магдебурге.
- 38 Письмо Вернера Вильгельму от 10.5.1844, написано в Берлине.
- 39 Письмо Карла Хелене Дайхман от 10.5.1844, написано в Берлине // SAA 2/Li 596.
- 40 Письмо Вернера Вильгельму от 11.8.1845, написано в Берлине. См. также: письмо Фридриха Вильгельму от 25.9.1845, написано в Берлине.
- 41 Письмо Карла Вильгельму от 25.9.1845, написано в Берлине.
- 42 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 78 и далее.
- 43 Письмо Вернера Вильгельму от 2.4.1846, написано в Берлине.
- 44 Письмо Вернера Вильгельму от 11.3.1845, написано в Берлине.
- 45 Письмо Вернера Вильгельму от 20.5.1846, написано в Берлине. Ср. также:

- письмо Вернера Вильгельму от 25.1.187 // Heintzenberg: Aus einem reichen Leben (1953), S. 30.
- 46 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 169.

Глава 2

«Лучший предприниматель из всех нас»

- 1 Wenzlhuemer: Editorial – Telecommunication and Globalization (2010), S. 15; Jürgen Osterhammel: Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München 2009, S. 1025; Anton A. Huurdeman: The Worldwide History of Telecommunications. Hoboken 2003, S. 24; Hans-Jürgen Teuteberg: Einführung in das Thema // Hans-Jürgen Teuteberg / Cornelius Neutsch (Hg.): Vom Flügeltelegraphen zum Internet. Geschichte der modernen Telekommunikation. Stuttgart 1998, S. 7–13, здесь 9 и далее.; Richard A. Schwarzlose: The Nation's Newsbrokers. Volume 1: The Formative Years, from Pretelegraph to 1865. Evanston, Ill. 1989, S. 81 и далее.
- 2 Peter J. Hugill: Global Communications since 1844. Geopolitics and Technology. Baltimore 1999, S. 27.
- 3 Geoffrey Jones: Multinationals and Global Capitalism. From the Nineteenth to the Twenty-First Century. Oxford 2005, S. 25. Джонс говорит о телеграфе как о «самом важном изобретении XIX века». См. также: Osterhammel: Die Verwandlung der Welt (2009), S. 1025; Alfred Dupont Chandler: The Visible Hand. The Managerial Revolution in American Business. Cambridge, Mass. 1978, S. 79 и далее.
- 4 Письмо Карла Фридриха Гаусса Вильгельму Олберсу от 20.11.183, цит. по: Kilian Künzi: Einleitung // Kilian Künzi (Hg.): In 28 Minuten von London nach Kalkutta. Aufsätze zur Telegrafiegeschichte aus der Sammlung Dr. Hans Pieper im Museum für Kommunikation, Bern (Schriftenreihe des Museums für Kommunikation, Bern). Zürich 2000, S. 11–11, здесь 35.
- 5 См. подробнее: Huurdeman: The Worldwide History of Telecommunications (2003), S. 48 и далее; Künzi: Einleitung (2000), S. 35 и далее; Manfred Bernhardt: Entwicklungsgeschichte der elektrischen Telegrafie bis zur Einführung des öffentlichen Fernschreibdienstes in Deutschland. Kurzfassung // Archiv für deutsche Postgeschichte (1992), 1, S. 53–59.
- 6 Hugill: Global Communications since 1844 (1999), S. 27; Jeffrey Kieve: The Electric Telegraph. A Social and Economic History. Newton Abbot 1973, S. 31 и далее. См. также: Richard R. John: Network Nation. Inventing American Telecommunications. Cambridge, Mass. 2010, S. 24 и далее.
- 7 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 62.
- 8 Письмо Вернера Вильгельму от 1.10.186, написано в Берлине.
- 9 Письмо Вильгельма Вернеру от 25.12.186, написано в Манчестере.
- 10 Определение термина см.: Clemens Wischermann / Anne Nieberding: Die institutionelle Revolution. Eine Einführung in die deutsche Wirtschaftsgeschichte des 19. und frühen 20. Jahrhunderts (Grundzüge der modernen Wirtschaftsgeschichte 5). Stuttgart 2004, S. 79.

- 11 Wehler: Deutsche Gesellschaftsgeschichte II (2008), S. 244.
- 12 Wischermann / Nieberding: Die institutionelle Revolution (2004), S. 78. Об особенностях структуры немецкой индустриализации см. также: Dieter Ziegler: Das Zeitalter der Industrialisierung (185–1914) // Michael North (Hg.): Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Ein Jahrtausend im Überblick. München 2000, S. 192–281.
- 13 Osterhammel: Die Verwandlung der Welt (2009).
- 14 Wischermann / Nieberding: Die institutionelle Revolution (2004), S. 78.
- 15 Было исследовано 120–150 берлинских предпринимателей за период с 1830 по 1870 г. Семейное наследование происходило по профессии отца. См.: Wehler: Deutsche Gesellschaftsgeschichte II (2008), S. 186.
- 16 См., например: письмо Карла Вернера от 20.10.1879, написано в Лондоне; письмо Карла Вернера от 28.11.1860, написано в Санкт-Петербурге.
- 17 Письмо Карла Рихарду Эренбергу от 18.06.1902, написано в Дрездене.
- 18 Цит. по: Friedrich Heintzenberg: Carl Heinrich von Siemens. Ort unbekannt 1944, S. 14. Предположительно речь идет о письме Вернера Вильгельму от 13.12.1889, место написания неизвестно. См. также: SAA 3/Li 565.
- 19 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 175.
- 20 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 175.
- 21 Письмо Карла Вернера от 11.1.1888, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернера от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 22 Письмо Вернера Вильгельму от 21.8.1848, написано в Берлине.
- 23 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 175.
- 24 Письмо Вильгельма Вернера от 25.12.186, написано в Манчестере.
- 25 Письмо Вернера Вильгельму от 10.8.1847, написано в Берлине.
- 26 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 95.
- 27 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 63 и далее.
- 28 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 49.
- 29 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1887, написано в Шарлоттенбурге.
- 30 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 28.
- 31 Письмо Вернера Вильгельму от 29.11.187, написано в Берлине.
- 32 О предыстории революции 1848 г. см.: Wolfgang J. Mommsen: 1848. Die ungewollte Revolution. Frankfurt am Main 1998, S. 18 и далее.
- 33 О европейской революции 1848 г. см.: Dieter Dowe / Heinz-Gerhard Haupt / Dieter Langewiesche (Hg.): Europa 1848. Revolution und Reform. Bonn 1998.
- 34 Письмо Фридриха Вильгельму от 20.3.1848, написано в Берлине. О мартовском восстании в Берлине см.: Rüdiger Nachtmann: Epochenschwelle zur Moderne. Einführung in die Revolution von 1848/49. Tübingen 2002, S. 49 и далее. А также: Wehler: Deutsche Gesellschaftsgeschichte II (2008), S. 720 и далее.
- 35 Письмо Фридриха Вильгельму от 20.3.1848, написано в Берлине. См. также: письмо Вернера Вильгельму от 20.3.1848, написано в Берлине // Conrad Matschoß (Hg.): Werner Siemens. Ein kurzgefaßtes Lebensbild nebst einer Auswahl seiner Briefe. Band 1. Berlin 1916, S. 53 и далее.
- 36 Nachtmann: Epochenschwelle zur Moderne (2002), S. 133 и далее.
- 37 Dieter Langewiesche: Revolution in Deutschland. Verfassungsstaat – Nationalstaat –

- Gesellschaftsreform // Dieter Dowe/Heinz-Gerhard Haupt/Dieter Langewiesche (Hg.): Europa 1848. Revolution und Reform. Bonn 1998, S. 167–196, здесь 181 и далее.
- 38 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 1 Б. См. также: письмо Вернера Вильгельму от 6.4.1848 // Heintzenberg: Aus einem reichen Leben (1953), S. 30 и далее.
- 39 Langewiesche: Revolution in Deutschland (1998), S. 185.
- 40 Mommsen: 1848 (1998), S. 314 и далее.

Глава 3

Деньги на обучение потрачены не зря

- 1 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 28 и далее. См. также: Katrin Petersen: Die elektrische Telegrafienlinie zwischen Berlin und Frankfurt am Main // Das Archiv – Magazin für Kommunikationsgeschichte (2009), 3, S. 78–82.
- 2 Письмо Вернера Вильгельму от 21.8.1848, написано в Берлине.
- 3 Wehler: Deutsche Gesellschaftsgeschichte II (2008), S. 775. См. также: Nachtmann: Epochenschwelle zur Moderne (2002), S. 181.
- 4 Hans-Ulrich Wehler: Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Dritter Band 1849–1914. München 2008, S. 543
- 5 Письмо Вернера Карлу от 21.1.1849, написано в Берлине. См. об этом также: письмо Вернера Вильгельму и Фридриху от 22.1.1849 // Heintzenberg: Aus einem reichen Leben (1953), S. 44 и далее.
- 6 Письмо Вернера Вильгельму от 5.3.1849, написано в Берлине.
- 7 Письмо Вернера Вильгельму от 10.11.1849, место написания не указано.
- 8 Письмо Вернера Вильгельму от 13.12.1849, место написания не указано // SAA 3 / Li 565.
- 9 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 151 и далее.
- 10 Письмо Вернера Вильгельму от 28.8.1850, написано в Берлине. См. также: von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 139 и далее.
- 11 Письмо Вернера Вильгельму от 25.2.1851, написано в Аахене.
- 12 Robert C. Allen: The British Industrial Revolution in Global Perspective. Cambridge 2009.
- 13 Eric J. Hobsbawm: Industry and Empire. From 1750 to the Present Day (The Penguin Economic History of Britain 3). [1968]. London 1990, S. 115.
- 14 Hobsbawm: Industry and Empire (1990). Appendix, Schaubild 24.
- 15 Kieve: The Electric Telegraph (1973), S. 46 и далее, 103 и далее.
- 16 Письмо Вильгельма Вернеру от 17.1.1850, написано в Бирмингеме. См. также: Pole: The Life of Sir William Siemens (1888), S. 84.
- 17 Sigfrid von Weiher: Die englischen Siemens-Werke und das Siemens-Überseegeschäft in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts (Schriften zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte 38). Berlin 1990, S. 21. Ср. также текст соглашения между «Сименс и Гальске» и Вильгельмом от 16.3.1850 // von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 182.
- 18 Письмо Вернера Вильгельму от 26.9.1848, написано в Берлине.
- 19 О Британской империи во времена правления королевы Виктории см.: Trevor

- O. Lloyd: *The British Empire 1558–1995*. 2. Aufl. Oxford 1996, S. 171.
- 20 Louise Purbrick: Introduction, в: Louise Purbrick (Hg.): *The Great Exhibition of 1851. // New Interdisciplinary Essays*. Manchester, New York 2001, S. 1–25. См. также в: Franz Bosbach / John R. David (Hg.): *Die Weltausstellung von 1851 und ihre Folgen*. München 2002.
- 21 Письмо Вернера Вильгельму от 26.3.1851, написано в Берлине.
- 22 О конкуренции на рынке телеграфии в Германии см.: Huurdeman: *The World-wide History of Telecommunications* (2003), S. 76.
- 23 Feldenkirchen: *Siemens* (2003), S. 30 и далее. См. также: Dorothea Zoebel: *Siemens in Berlin. Spaziergänge durch die Geschichte der Elektrifizierung*. Berlin 2008, S. 52; Ernst Waller: *Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens. I. Teil (1847–1860)*, S. 4.
- 24 По инициативе Вернера в детстве Вильгельм брал частные уроки английского языка. Возможно, Вернер заранее готовил также Карла и Фридриха к жизни в Англии. См.: von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 61.
- 25 Pole: *The Life of Sir William Siemens* (1888), S. 72.
- 26 Письмо Фридриха Вернеру, пригл. май 1851 г., без указания места написания. См. также: Rotth: *Friedrich August Siemens* (1926).
- 27 von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 169.
- 28 Письмо Карла Вернеру от 6.9.1851, написано в Лондоне; письмо Карла Вернеру от 1.6.1851, написано в Лондоне.
- 29 Письмо Вильгельма Вернеру от 10.8.1851, написано в Бирмингеме.
- 30 Feldenkirchen: *Siemens* (2003), S. 33. См. также: von Weiher: *Die englischen Siemens-Werke* (1990), S. 22. Всего во Всемирной выставке в Лондоне участвовало 1270 экспонентов из Германии.
- 31 Письмо Вернера Карлу от 11.10.1851, цит. по: von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 168.
- 32 Charlotte Tacke: *Von der Zweiten Republik bis zum Ersten Weltkrieg // Ernst Hinrichs* (Hg.): *Kleine Geschichte Frankreichs*. Bonn 2005, S. 311–360 здесь 319 и далее. Pierre Lévêque: *Die revolutionäre Krise von 1848–1851 in Frankreich. Ursprünge und Ablauf // Dieter Dowe / Heinz-Gerhard Haupt / Dieter Langewiesche* (Hg.): *Europa 1848. Revolution und Reform*. Bonn 1998, S. 85–124, здесь 118.
- 33 Письмо Карла Вильгельму от 31.12.1851, написано в Париже. См. также: письмо Вернера Карлу от 26.12.1851, написано в Берлине; письмо Вернера Вильгельму от 3.7.1850, написано в Берлине.
- 34 Письмо Карла Вильгельму от 31.12.1851, написано в Париже.
- 35 Письмо Карла Вернеру от 4.1.1852, написано в Париже.
- 36 Письмо Карла Вернеру от 4.1.1852, написано в Париже.
- 37 Письмо Вильгельма Вернеру от 11.12.1851, вероятно, написано в Париже.
- 38 Künzi: *Einleitung* (2000), S. 45 и далее.
- 39 Вернер был очень заинтересован в защите патентных прав. В учредительном договоре «Сименс и Гальске» он закрепил за собой право на одну треть возможного дохода от использования его патентов за границей. См.: Feldenkirchen: *Siemens* (2003), S. 9.
- 40 Письмо Карла Вернеру от 8.3.1852, написано в Париже.

- 41 Письмо Фридриха Карлу от 14.3.1852, написано в Берлине.
- 42 Письмо Карла Вильгельму от 18.3.1852, написано в Париже.
- 43 Письмо Вильгельма Карлу от 11.3.1852, написано в Манчестере.
- 44 Письмо Карла Вильгельму от 18.3.1852, написано в Париже.
- 45 Письмо Карла Вильгельму от 14.3.1852, написано в Париже.
- 46 L'Invention. Journal de la propriété industrielle, 1.4.1852, S. 2.
- 47 Письмо Карла Вильгельму от 14.4.1852, написано в Париже.
- 48 Письмо Вильгельма Карлу от 31.3.1852, написано в Лондоне.
- 49 Письмо Фридриха Вильгельму от 20.4.1852, написано в Берлине.
- 50 Письмо Карла Вернеру от 12.7.1852, написано в Париже.
- 51 Письмо Карла Вильгельму от 28.9.1852, написано в Париже.
- 52 Письмо Карла Вернеру от 12.7.1852, написано в Париже.
- 53 Письмо Карла Вернеру от 6.9.1852, написано в Париже.
- 54 Письмо Карла Вернеру от 11.9.1852, написано в Париже.
- 55 Письмо Карла Вернеру от 11.9.1852, написано в Париже.
- 56 Письмо Карла Вильгельму от 28.9.1852, написано в Париже.
- 57 Письмо Вильгельма Карлу от 4.10.1852, написано в Лондоне.
- 58 Письмо Вернера Карлу от 24.7.1852, написано в Берлине.
- 59 Письмо Карла Вернеру от 4.1.1852, написано в Париже.
- 60 Письмо Карла Вильгельму от 27.5.1852, написано в Париже.
- 61 Письмо Карла Вильгельму от 28.9.1852, написано в Париже.
- 62 Письмо Карла Вернеру от 20.12.1852, написано в Париже.
- 63 Письмо Карла Вернеру от 10.12.1852, написано в Париже.
- 64 Письмо Вернера Карлу от 16.12.1852, написано в Берлине.
- 65 Письмо Карла Вильгельму от 12.12.1852, написано в Париже; письмо Карла Вернеру от 12.12.1852, написано в Париже.
- 66 Письмо Карла Вернеру от 9.1.1853, написано в Париже.
- 67 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 169.
- 68 Письмо Вернера Карлу от 2.11.1860, место написания не указано.
- 69 Письмо Карла Вернеру от 12.12.1852, написано в Париже.
- 70 Pole: The Life of Sir William Siemens (1888), S. 89.

Глава 4

Строительство телеграфа в России

- 1 Письмо Карла Вернеру от 27.1.1853, написано в Лондоне. Далее следует постскрипtum: «Лозунг: Бразилия совсем недалеко отсюда». См. также: письмо Вернера Вильгельму от 28.12.1852, написано в Берлине.
- 2 Письмо Карла Вернеру от 27.1.1853, написано в Лондоне.
- 3 Приведенная статистика по России не включает в себя данные по Финляндии и среднеазиатским ханствам. Peter Gatrell: The Tsarist Economy 1850–1917 London 1986, S. 50.
- 4 См. в: Klaus Zernack: Zum Epochencharakter der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts in der Geschichte Russlands // Klaus Zernack (Hg.): Handbuch der Geschichte

- Russlands. Band 2: 1613–186. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. Stuttgart 2001, S. 870–934.
- 5 См.: Nikolaus Katzer: Nikolaus I. 1825–1855 // Hans-Joachim Torke (Hg.): Die russischen Zaren. 1547–1917 3. aktualisierte und überarb. München 2005, S. 289–314.
 - 6 Обзор экономической ситуации в России см. в: Walther Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands 185–1914. St. Katharinen 1986, S. 16 и далее. А также: Klaus Heller: Industrielles Unternehmertum in Rußland vor 1917: Politische, ökonomische und soziale Rahmenbedingungen // Bernd Heidenreich / Klaus Heller / Martin Hoffmann (Hg.): Rußlands unternehmerische Vergangenheit: Ein Wegweiser in die Zukunft? Vorträge eines gemeinsamen Seminars mit der Hessischen Landeszentrale für politische Bildung. Berlin 1996, S. 9–29; William L. Blackwell: The Industrialization of Russia. 2. überarbeitete Auflage. Arlington Heights 1982.
 - 7 Jurij Petrov: Formen, Typen und Besonderheiten des russischen vorrevolutionären Unternehmertums // Bernd Heidenreich / Klaus Heller / Martin Hoffmann (Hg.): Rußlands unternehmerische Vergangenheit: Ein Wegweiser in die Zukunft? Vorträge eines gemeinsamen Seminars mit der Hessischen Landeszentrale für politische Bildung. Berlin 1996, S. 31–52, здесь 41. О предпринимательстве в России см. также статьи: Jörg Gebhard / Rainer Lindner / Bianka Pietrow (Hg.): Unternehmer im Russischen Reich. Sozialprofil, Symbolwelten, Integrationsstrategien im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Osnabrück 2006; Dietmar Dahlmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat». Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998. А также: Erik Amburger: Der fremde Unternehmer in Russland bis zur Oktoberrevolution im Jahre 1917 // Tradition 1 (1956), 1, S. 337–35.
 - 8 Письмо Карла Эренбергу от 18.6.1802, написано в Дрездене // SAA 3/Li 591. А также: письмо Карла Вернера от 21.1.1844, написано в Санкт-Петербурге. См. также: Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 36 и далее, 335; Walther Kirchner: The Industrialization of Russia and the Siemens Firm 1853–1890 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 22 (1974), 3, S. 321–357, здесь 337
 - 9 Richard Mowbray Haywood: Russia Enters the Railway Age, 1842–1855. New York 1998, S. 1. О строительстве железных дорог в России см. также: Frithjof Benjamin Schenk: Die Produktion des imperialen Raumes. Konzeptionelle Überlegungen zu einer Sozial- und Kulturgeschichte der russischen Eisenbahn im 19. Jahrhundert // Karl Schlögel (Hg.): Mastering Russian Spaces. Raum und Raumbewältigung als Problem der russischen Geschichte. München 2011, S. 109–127; Carsten Goehrke: Russland. Eine Strukturgeschichte. Paderborn, München, Wien, Zürich 2010, S. 125.
 - 10 Вернер в 1847 г. в Гамбурге обговорил с российским посланником Струве строительство телеграфной линии между Берлином и Санкт-Петербургом // Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 22. О графе Клейнмихеле см.: Немцы России. Энциклопедия. Т. 2: К–О. / Пред. ред. коллегии В. Карев. М., 2004. С. 110.
 - 11 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 177.

- 12 Haywood: *Russia Enters the Railway Age* (1998), S. 464.
- 13 von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 177.
- 14 SAA 68/Li 141, P. Röhlh: *Die Firma Siemens & Halske und deren Fabrikation in Russland*. St. Petersburg 19.11.1898, S. 6. См. также: письмо Вернера Карлу от 24.7.1852, написано в Берлине.
- 15 Письмо Вернера Карлу от 21.11.1852, написано в Берлине. См. также: письмо Вернера Карлу от 16.12.1852, написано в Берлине.
- 16 von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 191.
- 17 von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 191 и далее. См. также следующие письма: Вернера Вильгельму от 10.5.1853, написано в Берлине; Вернера Вильгельму от 12.5.1853, написано в Берлине. См. также две рукописи из Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (РГИА), ф. 207, оп. 4r1853, д. 889, л. 1–4; ф. 207, оп. 4r1853, д. 889, л. 23–24.
- 18 Письмо Карла Вернеру от 25.7.1853, написано в Варшаве.
- 19 Письмо Вернера Вильгельму от 4.8.1853, написано в Берлине.
- 20 Письмо Вернера Карлу от 24.6.1853, написано в Санкт-Петербурге.
- 21 Письмо Карла Вернеру от 6.8.1853, написано в Санкт-Петербурге. О значении и положении немецких купцов и предпринимателей в дореволюционной России см.: Dietmar Dahlmann: *Einleitung. Die Unternehmerschaft des Russischen Reiches vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges* // Dietmar Dahlmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat». *Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Essen 1998, S. 13–23, здесь 14 и далее.
- 22 Письмо Вернера Карлу, июль 1853 г, написано в Берлине.
- 23 von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 198. Источник цитаты, которую здесь использует Вернер, не сохранился.
- 24 von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 198. См. также: письмо Карла Вернеру от 8.8.1853, написано в Санкт-Петербурге.
- 25 Письмо Карла Вернеру от 14.9.1853, написано в Санкт-Петербурге.
- 26 Письмо Вернера Карлу от 3.11.1853, написано в Берлине.
- 27 Письмо Карла Вернеру от 26.10.1853, написано в Санкт-Петербурге.
- 28 von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 198. См. также: Kirchner: *Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands* (1986), S. 22.
- 29 Письмо Карла Вернеру от 16.1.1854, написано в Санкт-Петербурге.
- 30 См. обзор в: Winfried Baumgart: *Der Krimkrieg 1853–1856: Ein Überblick* // Georg Maag / Wolfgang Pyta / Martin Windisch (Hg.): *Der Krimkrieg als erster europäischer Medienkrieg*. Berlin 2010, S. 209–220.
- 31 Fikret Adanir: *Der Krimkrieg von 1853–1856* // Klaus Zernack (Hg.): *Handbuch der Geschichte Russlands*. Band 2: 1613–1856. *Vom Randstaat zur Hegemonialmacht*. Stuttgart 2001, S. 1189–1235, здесь 1237 и далее.
- 32 Письмо Вернера Карлу от 16.10.1853, написано в Берлине.
- 33 Письмо Карла Вернеру от 26.10.1853, написано в Санкт-Петербурге.
- 34 О строительстве российского телеграфа см. также письма Германа Капгера

- Вернеру и Карлу в 1853 г. и 1854 г. // SAA 3/Li 621, а также SAA 3/Lk 521. См. также письма Карла, написанные в Варшаве и Санкт-Петербурге в 1853 г. и 1854 г. // SAA 3/Lk 562.
- 35 Письмо Карла Вернеру от 13.12.1853, написано в Санкт-Петербурге. См. также письма Карла Иоганну Георгу Гальске // SAA 3/Li 266.
 - 36 Письмо Карла Вернеру от 13.12.1853, написано в Санкт-Петербурге.
 - 37 Письмо Карла Вернеру от 13.12.1853, написано в Санкт-Петербурге.
 - 38 Письмо Карла Вернеру от 26.10.1853, написано в Санкт-Петербурге.
 - 39 Письмо Вернера Вильгельму, без указания даты, место неизвестно. Цит. по: Richard Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens. Erster Band. Bis zum Jahre 1870. Jena 1906, S. 77. См. также: письмо Вернера Карлу от 27.7.1854, написано в Берлине.
 - 40 Письмо Карла Вернеру от 15.8.1854, написано в Санкт-Петербурге.
 - 41 Письмо Карла Гальске от 17.9.1854, написано в Санкт-Петербурге.
 - 42 Письмо Вернера Карлу от 20.9.1854, написано в Берлине, с пометкой Карла о строительстве телеграфа, сделанной в 1902 г. О прокладке телеграфной линии см. переписку между Карлом и Вернером осенью 1854 г.
 - 43 Письмо Карла Гальске от 8.11.1854, написано, вероятно, в Санкт-Петербурге. Цит. по: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 81.
 - 44 Письмо Вернера Карлу от 22.11.1854, написано в Берлине.
 - 45 Письмо Карла Вернеру от 4.1.1855, написано в Киеве.
 - 46 Письмо Карла Вернеру от 19.1.1855, написано в Николаеве.
 - 47 Письмо Карла Вернеру от 15.1.1855, написано в Одессе.
 - 48 Письмо Карла Вернеру от 29.11.1854, написано в Довске.
 - 49 См. письмо Карла Вернеру от 23.12.1854, написано в Киеве.
 - 50 См. письмо Германа Каппера Вернеру от 18.1.1855, написано в Санкт-Петербурге // SAA 3/Li 621.
 - 51 Письмо Вернера Карлу от 22.5.1855, написано в Санкт-Петербурге.
 - 52 Письмо Вернера Карлу от 30.5.1855, написано в Санкт-Петербурге. Когда точно была завершена прокладка кабеля до Симферополя, в письмах не указано. В конце 1855 г. линия уже была в эксплуатации. См.: письмо Карла Вернеру от 17.12.1855, написано в Санкт-Петербурге.
 - 53 Согласно Вальтеру Кирхнеру, расстояние составляло 9000 километров. Предположительно, была засчитана также телеграфная линия между Москвой и Санкт-Петербургом, которая не была проложена компанией «Сименс и Гальске». Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 23.
 - 54 Письмо Вернера Вильгельму от 5.12.1854, написано, вероятно, в Берлине. Цит. по: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 83.
 - 55 Письмо Вернера Карлу от 21.1.1854, написано в Берлине. См. также: письмо Вернера Карлу от 6.2.1854, написано в Берлине.
 - 56 Письмо Вернера Карлу от 9.2.1854, написано в Берлине.
 - 57 Письмо Карла Вернеру от 6.11.1854, написано в Санкт-Петербурге.
 - 58 Письмо Вернера Карлу от 22.11.1854, написано в Берлине.

- 59 Письмо Карла Вернеру от 26.11.184, написано в Киеве.
- 60 См. также: von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 201 и далее.
- 61 Письмо Карла Гальске от 18.9.184, написано, вероятно, в Санкт-Петербурге.
- 62 Письмо Вернера Вильгельму от 6.2.1854, написано, по всей вероятности, в Берлине: «Россия доставляет много забот. Деньги не поступают, и нет позитивных новостей о заключении контрактов». См. также: Ehrenberg: *Die Unternehmungen der Brüder Siemens* (1906), S. 75.
- 63 Согласно Эренбергу, речь идет о сумме в 140 тысяч рублей. Ehrenberg: *Die Unternehmungen der Brüder Siemens* (1906), S. 474.
- 64 См. к примеру: письмо Вернера Вильгельму от 4.5.1854, цит. по: Ehrenberg: *Die Unternehmungen der Brüder Siemens* (1906), S. 76; а также: письмо Карла Вернеру от 15.2.1854, написано в Санкт-Петербурге.
- 65 Письмо Вернера Вильгельму от 4.5.1854, написано в Берлине.
- 66 Kirchner: *Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands* (1986), S. 25.
- 67 Письмо Карла Вернеру от 27.12.184, написано в Киеве.
- 68 Письмо Вернера Карлу от 1.7.1854, написано в Динабурге; письмо Карла Вернеру от 16.3.1855, написано в Санкт-Петербурге.
- 69 Feldenkirchen: *Werner von Siemens* (1996), S. 294.
- 70 Письмо Карла Вернеру от 20.10.1854, написано в Довске.
- 71 Письмо Карла Вернеру от 12. 2.1855, написано в Санкт-Петербурге.
- 72 Письмо Вернера Карлу от 12.3.1855, написано в Берлине. О рисках, связанных с контрактами на техническое обслуживание (ремонтные контракты) см. также: Kirchner: *Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands* (1986), S. 47.
- 73 Werner Siemens: *Wissenschaftliche und technische Arbeiten. Zweiter Band: Technische Arbeiten. 2. Auflage. Berlin 1891*, S. 92. См. также: письмо Карла Вернеру от 16.3.1855, написано в Санкт-Петербурге.
- 74 von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 211. См. также: Feldenkirchen: *Werner von Siemens* (1996), S. 89 и далее.
- 75 Письмо Вернера Карлу от 30.5.1855, написано в Санкт-Петербурге.
- 76 Kirchner: *Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands* (1986), S. 25. См. также: Kirchner: *The Industrialization of Russia* (1974), S. 345 и далее.
- 77 Ehrenberg: *Die Unternehmungen der Brüder Siemens* (1906), S. 92. См. также: Wilfried Feldenkirchen: *Die Firma Siemens im Russischen Reich vor 1914 // Dietmar Dahlmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat». Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998*, S. 167–188, здесь 177 и далее; Kirchner: *Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands* (1986), S. 48; Ernst Waller: *Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens. IV. Teil (1897–1918)*, S. 94 и далее. Финансовые итоги компании, включая доходы от контрактов на техническое обслуживание (ремонтные контракты), отражены в следующей работе: Ehrenberg: *Die Unternehmungen der Brüder Siemens* (1906), S. 503 и далее. О прибыли и убытках «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге см. также отчет Карла по случаю первичного размещения акций компании (IPO) в 1898 г. Данный отчет в 1913г. Герман Герц переслал племяннику Карла – Виль-

- гельму Сименсу: SAA 68/Li 141, Письмо Германа Герца Вильгельму Сименсу от 20.1.1813, написано в Санкт-Петербурге.
- 78 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 294.
- 79 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 296. В: Feldenkirchen: Die Firma Siemens im Russischen Reich (1998), S. 175, Фельденкирхен указывает другие данные: оборот немецкой компании составил 60 тысяч талеров, российского представительства – 509 тысяч талеров.
- 80 Объем основного капитала вырос с 1853 по 1854 г. с 40 тысяч талеров до 260 тысяч талеров. Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 91.
- 81 Письмо Вернера жене Матильде от 23.4.1855, написано в Берлине. Цит. по: Heintzenberg: Aus einem reichen Leben (1953), S. 104 и далее.
- 82 Письмо Вернера Карлу, июль 1853, написано в Берлине.
- 83 Письмо Вернера Карлу от 6.11.1853, написано в Берлине.
- 84 Письмо Вернера Карлу от 12.3.1855, написано в Берлине.
- 85 SAA Z 21, Учредительный договор между Вернером Сименсом и И. Г. Гальске в Берлине и Карлом Сименсом в Санкт-Петербурге от 1.1.1855 г. Предположительно, договор был заключен задним числом, так как еще в марте 1855 г. Вернер и Карл в письме обсуждали его условия.
- 86 Письмо Карла Вернеру от 19.3.1855, написано в Санкт-Петербурге.

Глава 5

Ubi bene ibi patria?

- 1 Письмо Карла Вернеру от 11.8.1870, написано в Лондоне.
- 2 Письмо Карла Георгу Болтону от 1.8.1898, место написания неизвестно. См. также письмо Карла Вернеру от 20.3.1890, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 15.1.1887, написано в Санкт-Петербурге. О национальной идентификации проживающих в Санкт-Петербурге этнических немцев с момента основания Германской империи см.: Margarete Busch: Deutsche in St. Petersburg 1865–1914. Identität und Integration. Essen 1995, S. 216.
- 3 Письмо Вернера Карлу от 31.1.1853, написано в Берлине.
- 4 Латинское слово patria можно перевести как «родина» и как «место рождения». См. Ernst Lautenbach: Latein–Deutsch: Zitate–Lexikon. Quellennachweise. Münster 2002, S. 545.
- 5 Письмо Вернера Вильгельму от 29.11.1857, написано в Берлине.
- 6 В качестве примера см. SAA 2/Li 500; SAA 2/Li 506; SAA 3/Li 505.
- 7 См. статьи: Karl Schlögel / Frithjof Benjamin Schenk / Markus Ackeret (Hg.): Sankt Petersburg. Schauplätze einer Stadtgeschichte. Frankfurt am Main u.a 2007. О впечатлениях Вернера от его поездок в Санкт-Петербург см.: von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 178 и далее.
- 8 Юхнева Наталья. Немцы в многонациональном Петербурге // Немцы в России. Люди и судьбы. Спб., 1998, с. 57–68; Busch: Deutsche in St. Petersburg (1995), S. 21. См. также: Reinhard Nachtigal: Orte des deutschen St. Petersburg / Leningrad // Karl Schlögel / Frithjof Benjamin Schenk / Markus Ackeret (Hg.): Sankt Petersburg.

Schauplätze einer Stadtgeschichte. Frankfurt am Main u. a. 2007, S. 109–122.

- 9 Письмо Карла Вернеру от 2.9.1853, написано в Санкт-Петербурге.
- 10 Письмо Карла Вернеру от 2.9.1853, написано в Санкт-Петербурге.
- 11 Письмо Карла Вернеру от 3.1.1854, написано в Санкт-Петербурге.
- 12 Письмо Карла Вернеру от 3.1.1854., написано в Санкт-Петербурге.
- 13 Письмо Карла Вернеру от 3.1.1854, написано в Санкт-Петербурге.
- 14 Письмо Карла Вернеру от 3.1.1854, написано в Санкт-Петербурге.
- 15 Письмо Карла невестке Матильде Сименс от 14.5.1854, написано в Санкт-Петербурге.
- 16 См. примечания Карла от 175.1902 на полях письма Вернера Карлу от 5.9.1854, написанного в Варшаве. А также: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 68 и далее.
- 17 Об истории семьи Капгер см.: <http://www.prohliis-online.de/heimatverein/seiten/daten/inhalt6-1.htm>. Дата последней редакции 2.2.2012. См. также: Siemens-Familienstiftung / Werner Siemens-Stiftung: Stammbaum der Familie Siemens (1985), S. 169. А также: FA 92.
- 18 Письмо Карла Вернеру от 29.11.1854, написано в Довске.
- 19 Письмо Карла Вернеру от 29.11.1854, написано в Довске.
- 20 Письмо Карла Вернеру от 7.2.1855, написано в Москве.
- 21 Письмо Вернера Карлу от 10.3.1855, написано в Берлине.
- 22 Письмо Карла Вернеру от 16.3.1855, написано в Санкт-Петербурге.
- 23 Письмо Карла невестке Матильде Сименс от 14.5.1854, написано в Санкт-Петербурге.
- 24 Письмо Карла Вернеру от 3.1.1854, написано в Санкт-Петербурге.
- 25 Письмо Вернера своей жене Матильде от 31.7.1855, написано в Берлине, цит. по: Heintzenberg: Aus einem reichen Leben (1953), S. 106 и далее.
- 26 Письмо Вернера Карлу от 12.3.1855, написано в Берлине.
- 27 Письмо Вернера Карлу от 15.8.1855, написано в Берлине. См. также: письмо Фридриха Карлу от 26.9.1856, написано в Ньюкасле.
- 28 Письмо Вернера Карлу от 30.9.1855, написано в Берлине.
- 29 Письмо Карла Вернеру от 12.10.1855, написано в Риге.
- 30 Письмо Вернера Карлу от 10.11.1855, написано в Берлине.
- 31 Письмо Карла Вернеру от 18.8.1855, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 12.10.1855, написано в Риге. См. также: von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 207. О местоположении отделений компании «Сименс и Гальске» см.: SAA 68/Li 141, Otto von Have: Die früheren russischen Unternehmungen der Firma Siemens & Halske. Siemensstadt Juni 1926.
- 32 Письмо Карла Вернеру, написано между 1711. и 21.11.1855 в Санкт-Петербурге, датировано по юлианскому календарю.
- 33 Письмо Марии Сименс, урожд. Шперл, Матильде Химли, без указания даты, написано, вероятно, в июле 1856 г. в Берлине, SAA 2/Li 510. См. также: письмо Альмы Сименс Матильде Сименс от 11.7.1856, написано в Вольдегке, SAA 2/Li 491. А также: письмо Матильды Химли жене Вернера – Матильде, без указания даты и места // SAA 7002.

- 34 Письмо Карла Вернеру, написано между 1711.и 21.11.185 в Санкт-Петербурге, датировано по юлианскому календарю.
- 35 Письмо Карла Вернеру от 12.10.185, написано в Риге.
- 36 Письмо Карла Вернеру от 12.10.185, написано в Риге.
- 37 Письмо Карла Вернеру от 12.10.185, написано в Риге.
- 38 Письмо Вернера Карлу от 30.9.1855, написано в Берлине.
- 39 Письмо Вернера Карлу от 30.9.1855, написано в Берлине.
- 40 Письмо Вернера Карлу от 30.9.1855, написано в Берлине.
- 41 Письмо Вернера Карлу от 30.9.1855, написано в Берлине.
- 42 Письмо Карла Вернеру от 10.11.185, написано в Санкт-Петербурге, датировано по юлианскому календарю.
- 43 Письмо Карла Вернеру от 12.10.185, написано в Риге.
- 44 Письмо Карла Вернеру от 12.10.185, написано в Риге.
- 45 Письмо Карла Вернеру от 31.10.185, написано в Санкт-Петербурге.
- 46 Письмо Карла Вернеру от 31.10.185, написано в Санкт-Петербурге.
- 47 Письмо Карла Вернеру от 12.10.185, написано в Риге.
- 48 Письмо Карла Вернеру от 12.10.185, написано в Риге.
- 49 Письмо Карла Вернеру от 12.10.185, написано в Риге.
- 50 Письмо Вернера Карлу от 18.10.185, написано в Берлине.
- 51 Об истории понятия «родина» и об изменениях в его значении в XIX веке см.: Rolf Petri: *Deutsche Heimat 1850–1950 // Comparative Studies in Society and History* 11(2001), 1, S. 77–127 здесь 77; Celia Applegate: *A Nation of Provincials. The German Idea of Heimat*. Berkeley 1990, S. 7 и далее. О формировании этнической идентичности у немцев, осевших в Санкт-Петербурге, см.: Busch: *Deutsche in St. Petersburg* (1995), S. 231 и далее.
- 52 См. например: письмо Карла Вернеру от 1.10.188, написано в Москве; письмо Вернера Карлу от 23.1.185, написано в Берлине. См. также: Georg Siemens: *Der Weg der Elektrotechnik. Geschichte des Hauses Siemens. Band I: Die Zeit der freien Unternehmung 1847–1910. 2. wesentlich überarbeitete Auflage*. Freiburg, München 1961. Erstmals veröffentlicht 1947, S. 383 и далее.
- 53 Письмо Карла Вернеру от 1.6.188, написано в Санкт-Петербурге.
- 54 Письмо Карла Вернеру от 9.2.1854, написано в Санкт-Петербурге.
- 55 См. например: письмо Карла Вернеру от 8.3.1864, написано в Санкт-Петербурге.
- 56 Kirchner: *Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands* (1986), S. 33. См. также статьи о славянофилах и западниках: Hans-Joachim Torke (Hg.): *Lexikon der Geschichte Russlands*. München 1985.
- 57 См. об этом: Jörg Gebhard / Rainer Lindner: *Unternehmer in Russland und im Königreich Polen vor 1914. Historischer Raum, soziale Gestalt, kulturelle Dimension // Jörg Gebhard / Rainer Lindner / Bianka Pietrow (Hg.): Unternehmer im Russischen Reich. Sozialprofil, Symbolwelten, Integrationsstrategien im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Osnabrück 2006, S. 13–42, здесь 24 и далее; Petrov: *Formen, Typen und Besonderheiten* (1996), S. 42.
- 58 Klaus Heller: *Auf dem Weg zum Bourgeois? Das Moskau der Kaufleute vor 1917* Gesellschaftliche Vorurteile gegenüber dem «Kaufmann» im alten und neuen

Russland // Jörg Gebhard / Rainer Lindner / Bianka Pietrow (Hg.): Unternehmer im Russischen Reich. Sozialprofil, Symbolwelten, Integrationsstrategien im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Osnabrück 2006, S. 45–75, здесь 46; Klaus Heller: Geschichte des modernen Unternehmertums in Russland bis 1917: Digitales Handbuch zur Geschichte und Kultur Russlands und Osteuropas; Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 16 и далее.

- 59 Письмо Вернера Вильгельму от 20.5.186, без указания места, цит. по: SAA 3/Li 565.
60 Письмо Вернера Карлу от 29.2.186, написано в Берлине.

Глава 6

В поисках новых проектов

- 1 Письмо Вернера Карлу от 29.2.186, написано в Берлине.
- 2 Письмо Карла Вернеру от 11.1.186, написано в Санкт-Петербурге.
- 3 Dietrich Beyrau / Manfred Hildermeier: Von der Leibeigenschaft zur frühindustriellen Gesellschaft (1856 bis 1890) // Gottfried Schramm (Hg.): Handbuch der Geschichte Russlands. Band 3: 1856–1945 Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat. Stuttgart 1983, S. 6–201, здесь 9.
- 4 Heinz-Dietrich Löwe: Alexander II. // Hans-Joachim Torke (Hg.): Die russischen Zaren. 1547–1917 3., aktualisierte und überarb. Auflage. München 2005, S. 315–338, здесь 3Б.
- 5 Письмо Карла Вернеру от 24.1.185, написано в Санкт-Петербурге.
- 6 Письмо Карла Вернеру от 30.10.188, написано в Санкт-Петербурге. См. также: Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 36.
- 7 Письмо Карла Вернеру от 30.10.188, написано в Санкт-Петербурге.
- 8 Письмо Вернера Карлу от 28.1.187, написано в Вене.
- 9 См., например, письмо Карла Вернеру от 5.3.187, написано в Санкт-Петербурге. Здесь же надо вспомнить о строительстве телеграфной линии в Петергоф под Санкт-Петербургом и в Лугу. Весной 1860 г. Карл возглавил строительство телеграфной линии Киев – Кременчуг // письмо Карла Вернеру от 13.3.1860, написано в Санкт-Петербурге. О строительстве государственного телеграфа после 1855, особенно на Кавказе, см.: Simon Gelaschwili: Finanzkapital der Firma Siemens und Halske in Georgien im 19. Jahrhundert // Arbeitspapiere des Deutsch-Georgischen Arbeitskreises für Finanz- und Sozialpolitik G-12 (2010). А также: Headrick: The Invisible Weapon (1991), S. 43.
- 10 Письмо Карла Вернеру от 6.3.186, написано в Санкт-Петербурге.
- 11 Письмо Карла Вернеру от 11.7.187, написано в Санкт-Петербурге.
- 12 Письмо Карла Вернеру от 7.3.187, написано в Санкт-Петербурге.
- 13 Письмо Карла Вернеру от 5.4.1860, написано в Санкт-Петербурге. О доходах, связанных с контрактами на ремонтные работы, см. также: Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 46 и далее; Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 92.
- 14 См., например, письмо Карла Вернеру от 17.11.185, написано в Санкт-Петербурге.
- 15 Письмо Вильяма Мейера Вернеру от 18.10.185, написано в Санкт-Петербурге.

- Цит. по: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 90.
- 16 Письмо Вернера Карлу от 4.7.1856, написано в Райхенхалле.
 - 17 Письмо Карла Вернеру от 12.10.185, написано в Санкт-Петербурге.
 - 18 Письмо Карла Вернеру от 12.10.185, написано в Санкт-Петербурге.
 - 19 Письмо Вернера Карлу от 23.9.1855, написано в Меране.
 - 20 Письмо Карла Вернеру от 11.7.1857, написано в Санкт-Петербурге. См. также: David Warren Sabean: German International Families in the Nineteenth Century. The Siemens Family as a Thought Experiment // Christopher H. Johnson / David Warren Sabean / Simon Teuscher / Francesca Trivellato (Hg.): Transregional and Transnational Families in Europe and Beyond. Experiences Since the Middle Ages. New York 2011, S. 229–252, здесь 246 и далее.
 - 21 О сконструированной Фридрихом регенеративной печи см.: Hans-Joachim van den Berg: 100 Jahre Friedrich Siemens Regenerativ-Öfen. Berlin 1956. О Вильгельме см.: Pole: The Life of Sir William Siemens (1888), S. 93. А также: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 305 и далее.
 - 22 Письмо Вернера Карлу от 1.12.186, написано в Берлине. О развитии купеческих гильдий в царской России см.: Gebhard / Lindner: Unternehmer in Russland und im Königreich Polen (2006), S. 26 и далее. См. также статью «Kaufleute» // Torke: Lexikon der Geschichte Russlands (1985), S. 99 и далее.
 - 23 Письмо Карла Вернеру от 12.12.186, написано в Санкт-Петербурге. См. также: Heller: Industrielles Unternehmertum in Rußland (1996), S. 25. Об адаптации иностранных предпринимателей к ведению бизнеса в России см.: Walther Kirchner: Russian Entrepreneurship and the «Russification» of Foreign Enterprise // Zeitschrift für Unternehmensgeschichte 26 (1981), S. 79–108.
 - 24 Письмо Карла Вернеру от 30.12.1859, написано в Санкт-Петербурге. См. также: Немцы России. Энциклопедия. Т. 3: П–Я. / Пред. ред. коллегии О. Кубицкая. М., 2006, с. 440; Мешкунов В. С.: Карл Сименс – русский дворянин и электротехник // Немцы в России: петербургские немцы. Сб статей. СПб., 1999, с. 212–224. Сначала Карл состоял в купеческой гильдии в финском городе Вильманстранд (Лаппеенранта). Позднее он стал членом первой купеческой гильдии в Санкт-Петербурге. См.: SAA 19380, Adelsdiplom Carl von Siemens.
 - 25 См.: SAA 19380. Русское отчество «Федорович» заимствовано, скорее всего, из второго имени отца Карла – Кристиан Фердинанд. В источниках отчество указано сокращенно – «Федоров».
 - 26 О реформах см.: Goehrke: Russland (2010), S. 125 и далее; Beyrau / Hildermeier: Von der Leibeigenschaft zur frühindustriellen Gesellschaft (1983), S. 43 и далее, S. 102 и далее.
 - 27 Письмо Карла Вернеру от 29.3.1861, написано в Санкт-Петербурге.
 - 28 Письмо Карла Вернеру от 29.3.1861, написано в Санкт-Петербурге.
 - 29 Goehrke: Russland (2010), S. 126.
 - 30 Письмо Карла Вернеру от 22.11.186, написано в Санкт-Петербурге. Об Александре Штиглице см.: Boris V. Anan'ic: «Stieglitz & Co.». Hofbankiers in Rußland // Dietmar Dahlmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat». Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998, S. 313–325. См.

- также: Dietmar Dahlmann: Ludwig Knoop: ein Unternehmerleben // Dietmar Dahlmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat». Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998, S. 361–378; Jurij Petrov: Deutsche Unternehmer in Moskau: Das Handelshaus Wogau & Co. // Dietmar Dahlmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat». Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998, S. 379–409; Wolfgang Sartor: Das Haus Mahs. Eine internationale Unternehmerfamilie im Russischen Reich 1750–1918. St. Petersburg 2009.
- 31 Письмо Карла Вернеру от 5.3.1857, написано в Санкт-Петербурге.
 - 32 Письмо Карла Вернеру от 30.11.189, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 30.8.1858, написано в Санкт-Петербурге.
 - 33 Письмо Вернера Карлу от 18.10.188, написано в Берлине; письмо Карла Вернеру от 13.10.188, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 30.10.1858, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 1.7.1858, написано в Санкт-Петербурге.
 - 34 Письмо Карла Вернеру от 9.11.188, написано в Берлине.
 - 35 Письмо Карла Вильгельму от 2.11.188, написано в Санкт-Петербурге.
 - 36 Письмо Карла Вильгельму от 9.11.188, написано в Санкт-Петербурге.
 - 37 Письмо Карла Вильгельму от 9.11.188, написано в Санкт-Петербурге.
 - 38 Письмо Карла Вернеру от 30.12.189, написано в Санкт-Петербурге. О производстве литой стали см. также письмо Карла Вернеру от 11.7.1859, написано в Вене.
 - 39 Письмо Карла Вернеру от 3.11.1860, написано в Санкт-Петербурге.
 - 40 Письмо Карла Вернеру от 175.186, написано в Санкт-Петербурге.
 - 41 Veugau / Hildermeier: Von der Leibeigenschaft zur frühindustriellen Gesellschaft (1983), S. 109.
 - 42 Компания «Братья Сименс и Ко» стала позднее фирмой «Заводы Сименс-Планиа» (Siemens-Planiewerke). См.: SAA 5168, SAA 6478. См. также: Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 235; Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 29.
 - 43 Письмо Карла Вернеру от 22.11.1860, написано в Санкт-Петербурге.
 - 44 См. также: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 104 и далее; SAA 68/Li 141, Werner Freund: Die Entwicklung von Siemens & Halske, St. Petersburg. Ort unbekannt 1960, S. 3 и далее.
 - 45 Письмо Карла Вернеру от 12.7.1861, написано в Санкт-Петербурге.
 - 46 Письмо Карла Вернеру от 25.4.186, написано в Санкт-Петербурге.
 - 47 Письмо Вернера Карлу от 16.7.1861, без указания места. См. также: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 322 и далее.
 - 48 Письмо Карла Вернеру от 14.1.1862, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 19.9.1861, написано в Остенде.
 - 49 Письмо Карла Вернеру от 3.3.186, написано в Санкт-Петербурге.
 - 50 Письмо Карла Вернеру от 23.10.186, написано в Санкт-Петербурге.
 - 51 Письмо Карла Вернеру от 14.5.1864, написано в Санкт-Петербурге. См. также:

Siemens-Familienstiftung / Werner Siemens-Stiftung: Stammbaum der Familie Siemens (1985), S. 176. В документе, однако, в качестве даты начала аренды Хмелево указан 1867 год.

- 52 Письмо Карла Вернеру от 172.1864, цит. по: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 111.
- 53 Письмо Карла Вернеру от 29.2.1864, написано в Санкт-Петербурге.
- 54 Письмо Карла Вернеру от 23.4.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 55 Письмо Карла Вернеру от 11.5.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 56 Письмо Вернера Карлу от 20.12.1864, без указания места. См. также: письмо Карла Вернеру от 30.1.1866, написано в Санкт-Петербурге; письмо Вернера Карлу от 27.12.1864, без указания места.
- 57 Письмо Карла Вернеру от 24.11.1864, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 13.3.1864, написано в Санкт-Петербурге.
- 58 Письмо Карла Вернеру от 27.3.1868, написано в Тифлисе; письмо Карла Вернеру от 16.1.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 59 Письмо Карла Вернеру от 18.6.1867, написано в Санкт-Петербурге.
- 60 Письмо Карла Вернеру от 27.11.1868, написано в Санкт-Петербурге.
- 61 Письмо Карла Вернеру от 29.9.1869, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 3.3.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 62 Письмо Карла Вернеру от 30.5.1871, написано в Лондоне. См. также: письмо Карла Рихарду Эренбергу от 14.6.1902, написано в Дрездене // SAA 3/Li 591.
- 63 Письмо Вернера Карлу от 25.11.1871, написано в Берлине; письмо Карла Вернеру от 3.2.1871, написано в Готе.
- 64 Письмо Карла Вернеру от 5.3.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 65 Письмо Карла Вернеру от 8.8.1869, написано в Санкт-Петербурге.
- 66 Письмо Карла Вернеру от 8.8.1869, написано в Санкт-Петербурге.
- 67 Письмо Карла Вернеру от 27.11.1868, написано в Санкт-Петербурге.
- 68 Письмо Карла Вернеру от 21.5.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 69 Письмо Карла Вернеру от 1.3.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 70 Письмо Карла Вернеру от 18.3.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 71 Письмо Карла Вернеру от 18.3.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 72 См., например: письмо Карла Вернеру от 27.3.1866, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 23.2.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 73 Письмо Карла Вернеру от 18.3.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 74 Письмо Карла Вернеру от 20.12.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 75 Письмо Карла Вернеру от 27.12.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 76 Письмо Карла Вернеру от 27.12.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 77 Письмо Карла Вернеру от 30.5.1860, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 6.6.1860, написано в Санкт-Петербурге.
- 78 Письмо Карла Вернеру от 23.10.1866, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 4.4.1865, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 29.12.1864, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 19.2.1864, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 19.5.1869, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 29.3.1864,

- написано в Санкт-Петербурге.
- 79 Письмо Карла Вернеру от 16.12.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 80 Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 33.
- 81 Письмо Карла Вернеру от 18.3.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 82 Письмо Карла Вильгельму от 2.5.1865, написано в Санкт-Петербурге; см. также: письмо Карла Вернеру от 19.2.1864, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 29.3.1866, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 12.11.1869, написано в Санкт-Петербурге.
- 83 Письмо Карла Вернеру от 25.10.1860, написано в Санкт-Петербурге.
- 84 Письмо Карла Вернеру от 1.3.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 85 Письмо Вернера Вильгельму от 4.4.1866, написано в Берлине.

Глава 7

Упорядочение общего дела

- 1 SAA Z 21, Учредительный договор от 1.10.1847, § 1.
- 2 SAA Z 21, Учредительный договор от 1.10.1847, § 1.
- 3 Письмо Вернера Карлу от 24.7.1863, написано в Киссингене.
- 4 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 389.
- 5 Feldenkirchen: Die Firma Siemens im Russischen Reich (1998), S. 185.
- 6 Письмо Вернера Карлу от 26.4.1861, без указания места.
- 7 Письмо Вернера Карлу от 29.1.1862, без указания места.
- 8 Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 325.
- 9 Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 274.
- 10 Письмо Вернера Карлу от 29.1.1862, без указания места.
- 11 Письмо Вернера Карлу от 6.1.1858, написано в Берлине.
- 12 Письмо Вернера Карлу от 11.4.1866, написано в Берлине.
- 13 Письмо Вернера и Иоганна Георга Гальске Карлу от 171.1866, написано в Берлине.
- 14 Письмо Карла Вернеру от 30.1.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 15 Письмо Карла Вернеру от 1.5.1864, написано в Санкт-Петербурге.
- 16 Письмо Вернера и Иоганна Георга Гальске Карлу от 171.1866, написано в Берлине.
- 17 Письмо Вернера Карлу от 15.12.1864, написано в Берлине.
- 18 К вопросу о количестве сотрудников: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 294. См. определение института исследования малого и среднего бизнеса: <http://www.ifm-bonn.org/index.php?id=89>. Дата последней проверки: 22.2.2012г.
- 19 Письмо Вернера Карлу от 14.5.1858, написано в Берлине. См. также: письмо Вернера Вильгельму от 3.4.1861, написано в Берлине.
- 20 Julia Kleindinst: Siemens in Österreich. Der Zukunft auf der Spur. Wien 2004, S. 28 и далее. Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 111.
- 21 Künzi: Einleitung (2000), S. 133 и далее.
- 22 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 116; Pole: The Life of Sir William Siemens (1888), S. 99 и далее.
- 23 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 33.

- 24 Письмо Вернера Карлу от 2.10.1857, написано в Санкт-Петербурге.
- 25 Письмо Вильгельма Вернеру от 29.9.1858, написано в Лондоне. См. также: Pole: *The Life of Sir William Siemens* (1888), S. 19. Учредительный договор не сохранился, но есть меморандум о договоренности между Вильгельмом, Вернером и Гальске касательно основания компании «Сименс и Гальске и К» от 29.9.1858 г. См.: von Weiher: *Die englischen Siemens-Werke* (1990), S. 186 и далее.
- 26 О Людвиге Лёффлере см.: von Weiher: *Die englischen Siemens-Werke* (1990), S. 34 и далее. Согласно Эренбергу, сотрудником Карла при строительстве российского телеграфа был не отец, а именно Людвиг Лёффлер. Ehrenberg: *Die Unternehmungen der Brüder Siemens* (1906), S. 462. См. также: von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 491.
- 27 См.: Waller: *Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens I*, S. 21.
- 28 См.: Feldenkirchen: *Siemens* (2003), S. 43; Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 92 и далее, 113; Jürgen Kocka: *Siemens und der aufhaltsame Aufstieg der AEG // Tradition* 17(1972), 3/4, S. 125–142, здесь 13; Jürgen Kocka: *Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft am Beispiel Siemens 1847–1914. Zum Verhältnis von Kapitalismus und Bürokratie in der deutschen Industrialisierung (Industrielle Welt, 11)*. Stuttgart 1969, S. 63, 111 и далее.
- 29 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 94. См. также: Ehrenberg: *Die Unternehmungen der Brüder Siemens* (1906), S. 458 и далее.
- 30 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 94.
- 31 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 109.
- 32 Письмо Вернера Карлу от 6.1.1858, написано в Берлине. Вернер рассматривал в качестве возможного руководителя венского отделения брата Вальтера.
- 33 Письмо Вернера Карлу от 23.3.1860, написано в Берлине.
- 34 von Weiher: *Die englischen Siemens-Werke* (1990), S. 49. См. также: письмо Вернера Карлу от 23.3.1860, написано в Берлине.
- 35 Письмо Вернера Вильгельму от 16.3.1864, написано в Берлине.
- 36 Письмо Вернера Карлу от 22.11.1868, написано в Берлине.
- 37 von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 175.
- 38 von Siemens: *Lebenserinnerungen* (2008), S. 231 и далее.
- 39 von Weiher: *Die englischen Siemens-Werke* (1990), S. 53; Pole: *The Life of Sir William Siemens* (1888), S. 17.
- 40 von Weiher: *Die englischen Siemens-Werke* (1990), S. 51.
- 41 von Weiher: *Die englischen Siemens-Werke* (1990), S. 54.
- 42 Письмо Карла Вернеру от 1.4.1861, написано в Санкт-Петербурге.
- 43 Headrick: *The Invisible Weapon* (1991), S. 17
- 44 Письмо Вильгельма Карлу от 16.4.1861, написано в Лондоне.
- 45 Письмо Карла Вернеру от 10.10.1861, написано в Лондоне.
- 46 Ehrenberg: *Die Unternehmungen der Brüder Siemens* (1906), S. 462.
- 47 Письмо Карла Вернеру от 14.11.1860, написано в Санкт-Петербурге. См. также: Waller: *Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens I*, S. 34.
- 48 Письмо Карла Вернеру от 14.11.1860, написано в Санкт-Петербурге.
- 49 Письмо Вернера Карлу от 12.11.1860, написано в Берлине.

- 50 Письмо Вернера Карлу от 20.5.1863, написано в Берлине.
- 51 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 261 и далее.
- 52 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 261.
- 53 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 61.
- 54 Письмо Вернера Карлу от 19.4.1861, написано в Берлине. См. также: Коска: Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft (1969), S. 77.
- 55 Письмо Вернера Карлу от 1.5.1861, написано в Берлине.
- 56 Письмо Вернера Карлу от 31.8.1861, написано в Берлине.
- 57 Информацию о показателях товарооборота компании см.: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 296; Ernst Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens. II. Teil (1861–1880), S. 1. См. также: Kleindinst: Siemens in Österreich (2004), S. 30.
- 58 Письмо Карла Вильгельму от 1.3.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 59 Письмо Вернера Карлу от 31.8.1861, написано в Берлине. См. также: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 428.
- 60 Письмо Вернера Карлу от 4.11.1861, без указания места. См. также: письмо Вернера Вильгельму от 29.5.1863, написано в Берлине. О роли Вернера во взаимоотношениях с братьями см. также: Sabeau: German International Families (2011), S. 237 и далее.
- 61 Письмо Вернера Карлу от 4.11.1861, без указания места.
- 62 Письмо Карла Вернеру от 27.2.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 63 Письмо Карла Вернеру от 10.4.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 64 Письмо Вернера Карлу от 20.5.1863, написано в Берлине. См. также: Mary K. Geiter: William Penn. Harlow, London, New York 2000, S. 108.
- 65 Письмо Вильгельма Вернеру от 10.12.1888, цит. по: von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 49.
- 66 Pole: The Life of Sir William Siemens (1888), S. 259 и далее. См. также: von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 121.
- 67 Письмо Вернера Карлу от 23.3.1860, написано в Берлине. См. также: Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 38.
- 68 Письмо Вернера Карлу от 3.3.1864, без указания места. См. также: письмо Вернера Карлу от 2.6.1864, написано в Берлине.
- 69 Письмо Вильгельма Вернеру от 24.12.1859, написано в Вестминстере / Лондоне. См. также: Jones: Multinationals and Global Capitalism (2005), S. 19.
- 70 Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 172.
- 71 Письмо Вильгельма Вернеру от 15.3.1857, написано в Париже. См. также: письмо Вильгельма Вернеру от 28.11.1861, написано в Лондоне.
- 72 Письмо Вильгельма Вернеру, без указания даты (около 22.5.1863), написано в Париже.
- 73 Письмо Вернера Вильгельму от 21.9.1863, цит. по: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 428.
- 74 См.: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 430 и далее. Более 1300 писем сохранилось из переписки братьев Сименс в период с 1860 по 1866 г.

- 75 Письмо Карла Вернеру от 30.3.1864, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 21.12.1887, написано в Санкт-Петербурге.
- 76 Письмо Вернера Карлу от 20.5.1863, написано в Берлине.
- 77 Письмо Вернера Карлу от 2.6.1864, без указания места. См. также: письмо Вернера Вильгельму от 28.5.1864, написано в Берлине.
- 78 Pole: The Life of Sir William Siemens (1888), S. 18.
- 79 Письмо Вернера Вильгельму от 30.5.1866, написано в Берлине; письмо Вернера Карлу от 19.5.1866, написано в Берлине. См. также: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 443 и далее.
- 80 Письмо Вернера Вильгельму от 25.9.1866, написано в Берлине.
- 81 Письмо Вернера Вильгельму от 13.11.1866, написано в Берлине.
- 82 Письмо Карла Вернеру от 4.11.1866, без указания места.
- 83 Письмо Карла Вильгельму от 3.12.1866, без указания места. Цит. по: SAA 3/Li 565. См. также: письмо Карла Вернеру от 8.2.1867, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 4.11.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 84 Письмо Карла Вернеру от 28.2.1867, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вильгельму от 16.2.1867, написано в Санкт-Петербурге.
- 85 SAA Z 21, учредительный договор между братьями Сименс – Вернером, Вильгельмом и Карлом – от 24.8.1867. См. также: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 112; Жоска: Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft (1969), S. 131. Об определении термина «общее дело» см. § 5 учредительного договора.
- 86 Письмо Карла Вернеру от 28.2.1867, написано в Санкт-Петербурге.
- 87 Письмо Карла Вернеру от 28.2.1867, написано в Санкт-Петербурге.

Глава 8

На Кавказе

- 1 Письмо Карла Вернеру от 2.10.1863, написано в Санкт-Петербурге.
- 2 Goehrke: Russland (2010), S. 91.
- 3 Beyrau / Hildermeier: Von der Leibeigenschaft zur frühindustriellen Gesellschaft (1983), S. 191.
- 4 Gustav Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg im Kaukasus, 1863–1917 Berlin 1917 // SAA 53/La 540, S. 4. См. также краткую опубликованную версию: Gustav Kölle: Aus der Geschichte eines Deutschen Berg- und Hüttenunternehmens in Russland: Das Kupferwerk Kedabeg des Hauses Siemens 1900–1906 // Tradition 10 (1965), S. 213–224.
- 5 Письмо Карла Вернеру от 29.2.1860, написано в Санкт-Петербурге. О строительстве компанией «Сименс и Гальске» телеграфа на Кавказе см.: Gelaschwili: Finanzkapital der Firma Siemens und Halske in Georgien (2010), S. 5 и далее; Andre Karbelaschwili: Die Brüder Siemens unter Georgiens Himmel, in: Georgica 13/1 (1990/91), S. 106–115.
- 6 Письмо Вальтера Карлу от 22.7.1863, написано в Тифлисе.
- 7 Письмо Карла Вернеру от 10.10.1863, написано в Санкт-Петербурге.
- 8 Письмо Вернера Карлу от 24.7.1863, написано в Киссингене.

- 9 Об Отто Сименсе см.: Siemens-Familienstiftung / Werner Siemens-Stiftung: Stamm-
baum der Familie Siemens (1985), S. 170.
- 10 Письмо Вернера Карлу от 28.11.186, без указания места. А также: письмо Вер-
нера Карлу от 4.11.186, без указания места; письмо Вернера Карлу от 19.10.186,
без указания места.
- 11 Письмо Карла Вернеру от 19.2.1864, написано в Санкт-Петербурге.
- 12 Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 387.
- 13 Письмо Карла Вернеру от 26.3.1864, написано в Санкт-Петербурге.
- 14 Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917) // SAA 53/La 540,
S. 57. Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 376 и далее.
- 15 Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917) // SAA 53/La 540, S. 5.
- 16 Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 116, 38.
- 17 О месторождении кобальтовой руды Дашкесан см.: Kölle: Geschichte des
Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917) // SAA 53/La 540, S. 170 и далее.
- 18 Письмо Вернера Карлу от 8.7.1867, написано в Берлине.
- 19 Письмо Карла Вернеру от 8.3.1867, написано в Санкт-Петербурге.
- 20 Kilian Künzi (Hg.): In 28 Minuten von London nach Kalkutta. Aufsätze zur
Telegrafiegeschichte aus der Sammlung Dr. Hans Pieper im Museum für
Kommunikation, Bern (Schriftenreihe des Museums für Kommunikation, Bern).
Zürich 2000, S. 19 и далее. См. также: Daniel R. Headrick: A Double-Edged
Sword: Communications and Imperial Control in British India // Historical Social
Research 35 (2010), 1, S. 5–65.
- 21 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 256.
- 22 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 310. См. также: Hans Pieper: In
28 Minuten von London nach Kalkutta // Kilian Künzi (Hg.): In 28 Minuten von
London nach Kalkutta. Aufsätze zur Telegrafiegeschichte aus der Sammlung Dr. Hans
Pieper im Museum für Kommunikation, Bern (Schriftenreihe des Museums für
Kommunikation, Bern). Zürich 2000, S. 119–239, здесь 159 и далее.
- 23 Headrick: The Invisible Weapon (1991), S. 21.
- 24 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 311. См. также: Pieper: In 28 Minuten
von London nach Kalkutta (2000), S. 161 и далее.
- 25 Письмо от «Сименс и Гальске» Берлин компании «Братья Сименс» Лондон, на-
писано в сентябре 1856 г. в Берлине, цит. по: Künzi: In 28 Minuten von London
nach Kalkutta (2000), S. 163.
- 26 Письмо Карла Вернеру от 175.1861, написано в Санкт-Петербурге.
- 27 Письмо Карла Вильгельму от 18.10.1865, написано в Санкт-Петербурге.
- 28 Письмо Карла Вернеру от 16.3.186, без указания места, цит. по: Ehrenberg: Die
Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 185.
- 29 Письмо Карла Вернеру от 19.7.1867, написано в Санкт-Петербурге. См. также:
письмо Карла Вернеру от 4.9.1867, написано в Санкт-Петербурге; письмо Кар-
ла Вернеру от 27.7.1867, написано в Санкт-Петербурге.
- 30 О финансировании крупных проектов по прокладке телеграфных линий,
особенно подводного кабеля, см.: Neutsch: Erste «Nervenstränge des Erdballs»
(1998), S. 57. О финансировании Индо-Европейской телеграфной линии см.:

- Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens II, S. 22 и далее.
- 31 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 313. Об Индо-Европейской телеграфной линии см. также: SAA 35/Lk 232.
 - 32 Письмо Карла Вернеру от 31.1.1867, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вильгельму от 16.2.1867, написано в Санкт-Петербурге.
 - 33 Письмо Карла Фридриху от 18.5.1867, написано в Санкт-Петербурге.
 - 34 Письмо Карла Вернеру от 14.10.1867, написано в Тифлисе; письмо Вальтера Карлу от 23.6.1867, написано в Тифлисе; письмо Вальтера Карлу от 8.5.1867, написано в Тифлисе.
 - 35 Письмо Карла Вернеру от 6.11.1867, написано в Тифлисе.
 - 36 Письмо Карла Вернеру от 11.11.1867, написано в Тифлисе.
 - 37 Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917), in: SAA 53/La 540, S. 36.
 - 38 Письмо Карла Альфреду Бернулли от 23.11.1867 без указания места, цит. по: Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917) // SAA 53/La 540, S. 29.
 - 39 Ron Chernow: Titan: The Life of John D. Rockefeller. New York 1998.
 - 40 О развитии русской нефтяной промышленности см.: Robert W. Tolf: The Russian Rockefellers. The Saga of the Nobel Family and the Russian Oil Industry. Stanford 1976.
 - 41 Письмо Карла Вернеру от 28.1.1867, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 13.6.1867, написано в Санкт-Петербурге.
 - 42 Письмо Карла Вернеру от 28.1.1867, написано в Санкт-Петербурге.
 - 43 Письмо Карла Вернеру от 28.1.1867, написано в Санкт-Петербурге.
 - 44 Письмо Вернера Карлу от 11.6.1867, написано в Берлине.
 - 45 Письмо Карла Вернеру от 11.11.1867, написано в Тифлисе. См. также: Gelaschwili: Finanzkapital der Firma Siemens und Halske in Georgien (2010), S. 19 и далее; Olga Aleksandrova: The Siemens Brothers' Kerosene Business // Oil of Russia (2009), 3; C.O. Cech: Russlands Industrie auf der nationalen Ausstellung in Moskau 1882. Kritische Betrachtungen über die wichtigsten Industriezweige Russlands. Moskau 1885, S. 282.
 - 46 Письмо Карла Вернеру от 6.1.1868, написано в Лондоне.
 - 47 Письмо Карла Вернеру от 20.1.1868, написано в Тифлисе.
 - 48 Телеграмма Отто Вернеру от 24.6.1868, отправлена из Тифлиса.
 - 49 Письмо Карла Вернеру от 27.6.1868, написано в Боржоми.
 - 50 Письмо Карла Вернеру от 16.7.1868, написано в Боржоми.
 - 51 Письмо Карла Вернеру от 20.1.1868, написано в Тифлисе.
 - 52 Письмо Карла Вернеру от 1.2.1868, написано в Тифлисе.
 - 53 Письмо Карла Вернеру от 27.6.1868, написано в Боржоми.
 - 54 Письмо Карла Вернеру от 16.7.1868, написано в Боржоми.
 - 55 Телеграмма от «Сименс и Гальске» Вернеру от 22.7.1868.
 - 56 Письмо Вернера Вильгельму от 17.8.1868, написано в Берлине.
 - 57 Письмо Карла Вернеру от 18.8.1868, написано в Берлине.
 - 58 Письмо Вернера Вильгельму от 22.7.1868, написано в Рагаце.
 - 59 Письмо Вернера Карлу от 4.8.1868, написано в Берлине.

- 60 Письмо Карла Вернеру от 2.12.1868, написано в Берлине.
- 61 Записка Карла Вернеру, сентябрь 1869, без указания места, вероятно, написана в Берлине. См. также: письмо Карла Вернеру от 12.12.1868 написано в Берлине.
- 62 Письмо Вернера Вильгельму от 29.1.1869, дополнение от 30.1.1869, написано в Берлине.
- 63 Письмо Вернера Вильгельму от 3.3.1869, написано в Берлине.
- 64 См., например: письмо Карла Вернеру от 21.3.1869 написано в Вестминстере.
- 65 Письмо Карла Вернеру от 24.3.1869, написано в Вестминстере.
- 66 См.: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 209 и далее.
- 67 Письмо Эрнста Хельтцера Георгу Сименсу от 6.5.1869, цит. по: In 28 Minuten von London nach Kalkutta (2000), S. 193 и далее. См. также: Ernst Hölzter: Erinnerungen an Herrn Dr. Georg von Siemens während seines Aufenthaltes in Persien 1868–1870 (рукопись, дата написания пригл. 1901 г.). Документы Эрнста Хельтцера: письма, статьи и рукописи (частный архив) // Dirk Schaal (Hg.): «Schade, daß man keine Wurst in einem Briefe schicken kann!» Статьи и письма инженера Эрнста Хельтцера из Персии (1835–1911 г.). Неопубликованные материалы, с. 194–197.
- 68 Künzi: In 28 Minuten von London nach Kalkutta (2000), S. 209.
- 69 Письмо Карла Вернеру от 13.4.1870, написано в Лондоне.
- 70 Цит. по: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 267.
- 71 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 313 и далее. См. также: Kenneth G. Beauchamp: History of Telegraphy (IEE History of Technology Series 26). London 2001, S. 166.
- 72 Karbelaschwili: Die Brüder Siemens (1990/91), S. 107.

Глава 9

«Прокладка кабеля по всему миру»

- 1 Josef Reindl: Der «Deutsch-Österreichische Telegraphenverein» und die Entwicklung des Telegrafwesens zwischen 1850 und 1871 // Archiv für deutsche Postgeschichte (1994), 3, S. 30–46, здесь 36.
- 2 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 294, 296.
- 3 Письмо Вернера Карлу от 12.6.1869, написано в Берлине.
- 4 См.: письмо Карла Вернеру от 8.9.1870, написано в Лондоне; письмо Карла Вернеру от 11.8.1870, написано в Лондоне; письмо Карла Вернеру от 16.7.1870, написано в Лондоне.
- 5 Pole: The Life of Sir William Siemens (1888), S. 54.
- 6 Письмо Карла Вернеру от 20.06.1869, написано в Константинополе.
- 7 Письмо Карла Вернеру от 29.07.1869, написано в Константинополе.
- 8 Письмо Карла Вернеру от 29.07.1869, написано в Константинополе.
- 9 Письмо Карла Вернеру от 20.06.1869, написано в Константинополе.
- 10 Письмо Вильгельма Вернеру от 8.11.1868, написано в Лондоне.
- 11 Martin Kärner: Pioniere des Projektgeschäfts. Die Gebrüder Siemens und die indoeuropäische Telegraphenlinie // Elisabeth Bittner / Walter Gregorc (Hg.): Aben-

- teuer Projektmanagement. Projekte, Herausforderungen und Lessons Learned. Erlangen 2010, S. 197–213, здесь 199.
- 12 См.: Roland Wenzlhuemer: *Globalization, Communication and the Concept of Space in Global History* // *Historical Social Research* 35 (2010), 1, S. 19–47, здесь 37; Roland Wenzlhuemer: *London in the Global Telecommunication Network of the Nineteenth Century* // *New Global Studies* 3 (2009), 1, S. 1–32; Jones: *Multinationals and Global Capitalism* (2005), S. 285; Philip L. Cottrell: *London as a Centre of Communications: From the Printing Press to the Traveling Post Office* // Michael North (Hg.): *Kommunikationsrevolutionen. Die neuen Medien des 16. und 19. Jahrhunderts (Wirtschafts- und Sozialhistorische Studien 3)*. 2. unveränderte Auflage. Köln, Weimar, Wien 2001, S. 157–178; Hugill: *Global Communications since 1844* (1999), S. 28; Headrick: *The Invisible Weapon* (1991), S. 24.
 - 13 Osterhammel: *Die Verwandlung der Welt* (2009), S. 1023. См. также: Beauchamp: *History of Telegraphy* (2001), S. 74 и далее.
 - 14 Huurdeman: *The Worldwide History of Telecommunications* (2003), S. 132 и далее; Robert Boyce: *Submarine Cables as a Factor in Britain's Ascendancy as a World Power, 1850–1914* // Michael North (Hg.): *Kommunikationsrevolutionen. Die neuen Medien des 16. und 19. Jahrhunderts (Wirtschafts- und Sozialhistorische Studien 3)*. 2. unveränderte Auflage. Köln, Weimar, Wien 2001, S. 81–99, здесь 84 и далее; Kieve: *The Electric Telegraph* (1973), S. 112. См. также: Headrick: *The Invisible Weapon* (1991), S. 35 и далее.
 - 15 Цит. по: Headrick: *The Invisible Weapon* (1991), S. 36. Siehe auch: Wenzlhuemer: «*Less Than No Time*» (2011), S. 597 и далее; Hugill: *Global Communications since 1844* (1999), S. 32.
 - 16 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 144.
 - 17 Письмо Вернера Вильгельму от 11.11.1865 написано в Берлине.
 - 18 Письмо Вернера Вильгельму от 11.11.1865 написано в Берлине. См. также два письма более позднего времени: письмо Вернера Карлу от 25.12.1888, написано в Шарлоттенбурге: «Получение большой прибыли посредством единичных удачных контрактов на прокладку кабеля действительно приятно, но не является основой нашей деятельности и не гарантирует удачное ведение дел и в дальнейшем. Я настаиваю на том, чтобы берлинское подразделение продолжало оставаться надежным оплотом семьи!»; письмо Вернера Карлу от 22.12.1888, написано в Шарлоттенбурге: «Конечно, очень приятно, что Лондон время от времени получает возможность хорошо заработать на прокладке кабеля, и нам довольно часто сопутствовало везение, в частности Лондону удается выставить нереально высокие цены, так как люди не знают более дешевых источников, но такое ведение дел не является в долгосрочной перспективе залогом успешной и стабильной работы».
 - 19 Письмо Карла Вернеру от 17.8.1869, написано в Ишле.
 - 20 Письмо Карла Вильгельму от 11.10.1869, написано в Берлине.
 - 21 von Weiher: *Die englischen Siemens-Werke* (1990), S. 81. Подробно об этом: Pole: *The Life of Sir William Siemens* (1888), S. 189 и далее.
 - 22 Письмо Карла Вернеру от 2.12.1887 написано в Санкт-Петербурге.

- 23 Письмо Карла Вернеру от 2.12.1869, написано в Вестминстере.
- 24 Письмо Вернера Карлу от 22.6.1872, написано в Берлине. См. также письмо Вернера в редакцию издательства Отто Шпамера в Лейпциге от 18.11.1872, написано в Берлине // Conrad Matschoß (Hg.): Werner Siemens. Ein kurzgefaßtes Lebensbild nebst einer Auswahl seiner Briefe Band 2. Berlin 1916, S. 540 и далее.
- 25 Письмо Карла Вернеру от 26.6.1872, написано в Лондоне.
- 26 Письмо Карла Вернеру от 10.7.1872, написано в Лондоне.
- 27 Письмо Карла Вернеру от 21.1.1870, написано в Вестминстере.
- 28 Письмо Карла Вернеру от 8.2.1870, написано в Вестминстере. О «Грэйт Нозерн Телеграф Компани» см.: Beauchamp: History of Telegraphy (2001), S. 142 и далее; Erik Vaark: The Telegraph and China's Technological Modernization, 1860–1890 (Contributions in Asian Studies 6). Westport, Conn. 1997, S. 81 и далее; Headrick: The Invisible Weapon (1991), S. 43 и далее; Jorma Ahvenainen: The Far Eastern Telegraphs. The History of Telegraphic Communications between the Far East, Europe and America before the First World War (Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia. Ser. B., Band 216). Helsinki 1981.
- 29 Письмо Карла Вернеру от 8.2.1870, написано в Вестминстере. О развитии кабельного бизнеса в 1860-х гг. см. также: Künzi: Einleitung (2000), S. 95 и далее.
- 30 SAA Z 21, Дополнение от 16.5.1871 к учредительному договору, который был заключен 24.8.1867 в Берлине между Вернером, Вильгельмом и Карлом Сименс.
- 31 Письмо Карла Вернеру от 6.4.1870, написано в Лондоне.
- 32 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 294.
- 33 Письмо Карла Вернеру от 7.9.1870, написано в Лондоне.
- 34 Письмо Карла Вернеру от 17.12.1872, написано в Вестминстере.
- 35 J. D. Scott: Siemens Brothers 1858–1958. An Essay in the History of Industry. London 1958, S. 38; Role: The Life of Sir William Siemens (1888), S. 210 и далее.
- 36 Kevin O'Rourke / Jeffrey G. Williamson: Globalization and History. The Evolution of a Nineteenth-century Atlantic Economy. Cambridge, Mass., London 1999.
- 37 Подробно о трансатлантической телеграфной связи раннего периода: Weinreich: Das «teuerste Tau» der Welt (1999).
- 38 Standage: The Victorian Internet (1998), S. 80.
- 39 Hugill: Global Communications since 1844 (1999), S. 31.
- 40 Simone Müller: The Transatlantic Telegraphs and the Class of 1866 – the Formative Years of Transnational Networks in Telegraphic Space, 1858–1888/89 // Historical Social Research 35 (2010), 1, S. 237–259; Kève: The Electric Telegraph (1973), S. 112 и далее.
- 41 Weinreich: Das «teuerste Tau» der Welt (1999), S. 86.
- 42 Headrick: The Invisible Weapon (1991), S. 4.
- 43 Hugill: Global Communications since 1844 (1999), S. 33.
- 44 Hugill: Global Communications since 1844 (1999), S. 32.
- 45 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 74 и далее. См. также: Siemens-Familienstiftung / Werner Siemens-Stiftung: Stammbaum der Familie Siemens (1985), S. 184 и далее; Karl Helfferich: Georg von Siemens. Ein Lebensbild aus Deutschlands großer Zeit. Berlin 1923, S. 101 и далее. Георг Сименс уже в 1870 г. проинформировал Карла о предстоящем создании «Дойче Банка» и его запла-

- нированной международной ориентации. См.: письмо Георга Сименса Карлу от 26.1.1870, написано в Берлине // FA 131.
- 46 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 84.
- 47 Письмо Вернера Карлу от 26.2.1873, цит. по: von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 90.
- 48 Письмо Вернера Карлу от 26.2.1873, цит. по: von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 90. А также: письмо Вернера Карлу от 25.2.1873, написано в Берлине: «Наш интерес должен быть в первую очередь консервативным. Прошу тебя, дорогой Карл, оказать активное содействие в решении этого вопроса. Я полагаю, на данный момент мы могли бы ограничиться прокладкой бразильского кабеля. Этого более чем достаточно для наших активов, в частности для имеющихся в наличии свободных средств. Если дела пойдут хорошо, у нас, скорее всего, появятся лучшие возможности для новой деятельности, потому что тогда нам будут больше доверять, чем сейчас. Так что советую воспользоваться удобным случаем и определенно отказаться от этой затеи, тем более от прокладки американского кабеля. Лучше понести потери в связи с отказом от контракта, чем завоевать репутацию мошенников и обманщиков, что было бы для меня невыносимым».
- 49 Письмо Карла Вернеру от 6.4.1870, написано в Лондоне.
- 50 Письмо Карла Вернеру от 7.8.1872, написано в Лондоне. См. также: Sigfrid von Weiher / Herbert Goetzler: Weg und Wirken der Siemens-Werke im Fortschritt der Elektrotechnik 1847–1972. Ein Beitrag zur Geschichte der Elektroindustrie (Zeitschrift für Unternehmensgeschichte, Beiheft 21). 3. neubearbeitete und erweiterte Auflage. Wiesbaden 1981, S. 35 и далее.
- 51 Письмо Карла Вернеру от 7.8.1872, написано в Лондоне.
- 52 Richard Ehrenberg: «Seekabel-Unternehmungen», Manuskriptkapitel aus dem unveröffentlichten zweiten Band über die Unternehmungen der Brüder Siemens, S. 75 и далее // SAA 38/8/2.
- 53 Pole: The Life of Sir William Siemens (1888), S. 207.
- 54 Detlef Hechtel: Kabelleger – Spezialschiffe im Dienste der Nachrichtentechnik // Deutsche Telekom Unterrichtsblätter 52 (1999), 22, S. 616–633, здесь 616.
- 55 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 260.
- 56 Письмо Вернера Карлу от 25.2.1873, написано в Берлине.
- 57 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 96. А также: письмо Вернера жене Антонии от 5.7.1874 // Heintzenberg: Aus einem reichen Leben (1953), S. 266. См. также заметку в «Таймс» от 3.7.1874 о предполагаемом столкновении «Фарадея» с айсбергом.
- 58 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 98.
- 59 Письмо Вильгельма Вернеру от 6.9.1874, написано в шотландском Кингусси.
- 60 Письмо Карла Вильгельму от 22.12.1874, написано на борту «Фарадея».
- 61 Письмо Карла Вернеру от 20.9.1875, написано в Лондоне.
- 62 См. также: письмо Карла Рихарду Эренбергу от 14.6.1902, написано в Дрездене // SAA 3/Li 591.
- 63 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 406. Скотт пишет об этом: «[...] критической точкой было решение о прокладке трансатлантического кабеля,

- и успех этой затеи, более чем что-либо другое, повлиял на развитие компании «Братья Сименс». Scott: Siemens Brothers (1958), S. 56.
- 64 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 407.
- 65 Письмо Карла Вернеру от 1.10.1879, написано в Лондоне.
- 66 Письмо Карла Вернеру от 30.9.1879, написано в Лондоне.
- 67 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 107 и далее. Только в 1874–1897 гг. компанией «Братья Сименс» был проложен морской кабель общей длиной в 25 тысяч морских миль. См.: Ernst Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens. III. Teil (1881–189), S. 89.
- 68 Hugill: Global Communications since 1844 (1999), S. 39 и далее; Headrick: The Invisible Weapon (1991), S. 66 и далее. См. также: Nickles: Under the Wire (2003); Peter McMahon: Global Control. Information Technology and Globalization since 1845. Cheltenham, Northhampton 2002, S. 26.
- 69 Так, сразу после прокладки первого трансатлантического кабеля были скорректированы цены на биржах в Чикаго, центре экспорта зерна на американском Среднем Западе, и Ливерпуле, крупнейшем порту по выгрузке импортного груза в Европе. См.: Mette Ernaes / Karl Gunnar Persson: The Gains from Improved Market Efficiency: Trade Before and After the Transatlantic Telegraph // European Review of Economic History 14 (2010), S. 361–381 O'Rourke / Williamson: Globalization and History (1999), S. 5, 219 и далее. О взаимосвязи между телеграфией и грузовыми судами см.: Byron Lew / Bruce Carter: The Telegraph, Coordination of Tramp Shipping, and Growth in World Trade 1870–1910 // European Review of Economic History 10 (2006), 2, S. 147–173.
- 70 Künzi: Einleitung (2000), S. 101 и далее.
- 71 Osterhammel: Die Verwandlung der Welt (2009), S. 1023, 1027; Headrick: The Invisible Weapon (1991), S. 28.
- 72 Ahvenainen: The Role of Telegraphs (2001), S. 75 и далее. См. также: Wenzlhuemer: Globalization, Communication and the Concept of Space (2010), S. 33 и далее.
- 73 Цит. по: Rolf Walter: Die Kommunikationsrevolution im 19. Jahrhundert und ihre Effekte auf Märkte und Preise // Michael North (Hg.): Kommunikationsrevolutionen. Die neuen Medien des 16. und 19. Jahrhunderts (Wirtschafts- und Sozialhistorische Studien 3). 2. unveränderte Auflage. Köln, Weimar, Wien 2001, S. 179–190, здесь 188.
- 74 Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens II, S. 41; von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 110.

Глава 10

Обманутые ожидания

- 1 Письмо Карла Вернеру от 21.5.1866, написано в Санкт-Петербурге.
- 2 Письмо Карла Вернеру от 17.8.1869, написано в Ишле.
- 3 Письмо Карла Вернеру, без указания даты; согласно заметке на полях, письмо было написано 12.11.1869 в Вестминстере.
- 4 См.: письмо Карла Вернеру от 7.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 5 Pole: The Life of Sir William Siemens (1888), S. 27.

- 6 Карл поселился в доме №2, Вильгельм – в доме №3. Письмо Карла Вернеру от 8.11.180, написано в Лондоне. См. также: письмо Карла Вернеру от 13.1870, написано в Лондоне; письмо Карла Вернеру от 26.11.1869, написано в Лондоне.
- 7 См., например: письмо Вернера (сына Карла) Вильгельму (сыну Вернера) от 4.3.187, написано в Лондоне // SAA 2/Li 544; письмо Карла Вернеру от 4.3.187, написано в Лондоне.
- 8 Письмо Вернера Вильгельму от 30.5.1870, написано в Лондоне. Карл написал Вильгельму из Константинополя 29.7.1869 следующее: «Сегодня день моей помолвки, грустный день, который когда-то был самым счастливым в моей жизни. В воспоминаниях он таким же счастливым и останется навсегда».
- 9 Письмо Вернера Вильгельму от 30.5.1870, написано в Лондоне.
- 10 Письмо Отто Вернеру от 7.5.1870, написано в Тифлисе. См. также: Siemens-Familienstiftung / Werner Siemens-Stiftung: Stammbaum der Familie Siemens (1985), S. 170.
- 11 Письмо Вернера Вильгельму от 31.10.187, написано в Берлине.
- 12 Письмо Карла Вернеру от 23.5.1872, написано в Лондоне. См. также: письмо Карла Вернеру от 9.9.1872, написано в Ганновере; письмо Карла Вернеру от 22.5.1872, написано в Лондоне.
- 13 Письмо Матильды Вильгельму от 25.12.187, написано в Киле // SAA 3/Lk 556. См. также: письмо Карла Вернеру от 21.8.188, написано в Хмелеве; письмо Карла Вернеру от 21.6.188, написано в Хаапсалу.
- 14 Письмо Карла Вернеру от 10.12.1872, написано в Лондоне.
- 15 Письмо Вернера Карлу от 14.12.1872, написано в Берлине.
- 16 Письмо Карла Вернеру от 13.3.187, написано в Лондоне.
- 17 Письмо Карла Вернеру от 14.12.187, написано в Лондоне. См. также: письмо Карла Вернеру, без указания даты (вероятно, от 5.6.1869), написано в Вене.
- 18 Письмо Карла Вернеру от 19.3.187, написано в Сейнт-Леонардс-он-Си.
- 19 Письмо Карла Вернеру от 19.3.187, написано в Сейнт-Леонардс-он-Си.
- 20 Письмо Вернера (сына Карла) Вильгельму (сыну Вернера) от 3.1.1872, написано в Лондоне // SAA 2/Li 544.
- 21 Письмо Вернера (сына Карла) Вильгельму (сыну Вернера) от 3.1.1872, написано в Лондоне // SAA 2/Li 544. См. также: письмо Лотти кузине Анне от 8.1.188, написано в Санкт-Петербурге, письмо из частного архива Бодо фон Девитца.
- 22 Письмо Матильды Вильгельму от 25.12.187, написано в Киле // SAA 3/Lk 556.
- 23 Письмо Вернера Карлу от 12.7.1861, без указания места.
- 24 Письмо Карла Вернеру от 31.10.187, написано в Лондоне. См. также: письмо Карла Вернеру от 1.12.187, написано в Лондоне.
- 25 Письмо Карла Вернеру от 13.4.187, написано в Лондоне.
- 26 Письмо Карла Вернеру от 2.5.187, написано в Лондоне. Речь идет о дочери Вернера Анне, которая родилась в 1858 году. Siemens-Familienstiftung / Werner Siemens-Stiftung: Stammbaum der Familie Siemens (1985), S. 191.
- 27 Письмо Карла Вернеру от 26.7.1877, написано в Бад-Эмсе. См. также: письмо Карла Вернеру от 26.7.187, написано в Санкт-Морице.
- 28 Письмо Карла Вернеру от 12.4.1879, написано в Лондоне.

- 29 Письмо Карла Вернеру от 23.2.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 30 Beatrice Böniger (Hg.): «My Dear Old Schnitzelchen». Mahler und Lorent 1810–1960, Zwei deutsch-englische Familien, Dokumente, Briefe, Fotos (Archiv der Zeitzeugen 11), S. 44.
- 31 Письмо Карла Вернеру от 24.1.1877, написано в Лондоне.
- 32 Письмо Карла Вернеру от 26.1.1877, написано в Лондоне.
- 33 Письмо Карла Вернеру от 4.8.1877, написано в Бад-Эмсе.
- 34 Письмо Карла Вернеру от 31.12.1879, написано в Ницце.
- 35 SAA 68/Li 141, P. Röhl: Die Firma Siemens & Halske und deren Fabrikation in Russland. St. Petersburg 19.11.1898, S. 7
- 36 Письмо Вернера Карлу от 24.2.1872, написано в Берлине.
- 37 Письмо Вернера Карлу от 24.2.1872, написано в Берлине. См. также: письмо Карла Эренбергу от 18.6.1872, написано в Дрездене // SAA 3/Li 591.
- 38 SAA 68 Li 141, Alfred A. Schwartz: Bericht über REW S&H und RSSW. Berlin 1938, S. 7.
- 39 SAA 68/Li 141, Werner Freund: Die Entwicklung von Siemens & Halske, St. Petersburg. Ort unbekannt 1960, S. 2. См. также: письмо Карла Вернеру от 1.5.1879, письмо Карла Вернеру от 19.11.1877, написано в Лондоне. См. также статью об Эрнсте Марии Бауэре, который начиная с 1878 г. недолгое время управлял фарфоровым заводом // SAA 60/Lm 166.
- 40 Письмо Вернера Отто от 24.10.1870, написано в Берлине. См. также письмо Вернера Отто от 2.9.1871, написано в Берлине // Matschoß: Werner Siemens (1916), S. 33 и далее.
- 41 Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917) // SAA 53/La 540, S. 50.
- 42 Письмо Карла Вернеру от 22.10.1873, написано в Кедабеке.
- 43 Письмо Карла Вернеру от 22.5.1879, написано в Лондоне.
- 44 О британском экономическом развитии с 1870-х гг. см.: Martin Dauntun: Wealth and Welfare. An Economic and Social History of Britain 1851–1951 (Economic and Social History of Britain). Oxford 2007, S. 170 и далее; Sidney Pollard: Entrepreneurship, 1870–1914 // Roderick Floud / Donald McCloskey (Hg.): The Economic History of Britain Since 1700. Volume 2: 1860–1939. 2. Aufl. Cambridge 1994, S. 62–89.
- 45 Kieve: The Electric Telegraph (1973), S. 138 и далее.
- 46 Письмо Карла Вернеру от 13.12.1875, написано в Лондоне.
- 47 Письмо Карла Вернеру от 16.12.1875, написано в Лондоне.
- 48 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 103.
- 49 Письмо Карла Вернеру от 7.8.1872, написано в Лондоне.
- 50 Письмо Карла Вернеру от 26.7.1877, написано в Бад-Эмсе.
- 51 Письмо Карла Вернеру от 21.8.1879, написано в Лондоне. См. также: Richard Ehrenberg: «Seekabel-Unternehmungen», глава рукописи из неизданного второго тома о предприятиях братьев Сименс, S. 123 и далее // SAA 38/8/2. Судя по воспоминаниям Вернера, изобретенный Карлом изолированный стальной кабель нашел применение при более поздней прокладке кабеля компании «Братья Сименс». См.: von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 404.
- 52 Письмо Карла Вернеру от 8.3.1880, написано в Лондоне.
- 53 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 294. О количестве сотрудников см.

также: Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens III, S. 90.

- 54 Письмо Карла Вернеру от 4.4.1878, написано в Лондоне.
- 55 Письмо Карла Вернеру от 26.7.1877, написано в Бад-Эмсе.
- 56 Письмо Карла Вернеру от 10.10.1878, написано в Лондоне.
- 57 Письмо Карла Вернеру от 1.10.1878, написано в Белладжо.
- 58 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 110.
- 59 Письмо Вернера Карлу от 1.3.1879, написано в Берлине.
- 60 Письмо Карла Вернеру от 31.12.1879, написано в Ницце. См. следующую цитату из письма Карла Вильгельму от 28.12.1881, написано в Санкт-Петербурге: «Сердечно поздравляю тебя и Анну с наступающим Новым годом! Что принесет нам следующий год? С возрастом уже не с таким оптимизмом смотришь в будущее».
- 61 Письмо Карла Вернеру от 1.3.1880, написано в Лондоне.
- 62 Письмо Карла Вернеру от 1.3.1880, написано в Лондоне.
- 63 Письмо Карла Вернеру от 1.3.1880, написано в Лондоне.
- 64 См., например: письмо Вернера Карлу от 16.1.1880, написано в Берлине.
- 65 Письмо Карла Вернеру от 4.8.1877, написано в Бад-Эмсе.
- 66 Письмо Карла Вернеру от 1.3.1880, написано в Лондоне.
- 67 Письмо Карла Вернеру от 11.1.1880, написано в Ницце.
- 68 Письмо Карла Вернеру от 11.1.1880, написано в Ницце.
- 69 Письмо Карла Вернеру от 24.2.1880, написано в Лондоне.
- 70 Письмо Карла Вернеру от 1.3.1880, написано в Лондоне. См. также: письмо Карла Вернеру от 29.3.1880, написано в Борнмуте.
- 71 Письмо Маруши кузине Анне от 26.6.1880, написано в Лондоне, письмо из частного архива Бодо фон Девитца.
- 72 Биограф Вильгельма написал об этом следующее: «4 августа 1880г. Карл Сименс с семьей покинул Англию и переехал опять в Санкт-Петербург. С огромным сожалением д-р Сименс и его жена расстались с родственниками, с которыми счастливо провели последние 11 лет». См.: Pole: The Life of Sir William Siemens (1888), S. 348. См. также: письмо Карла Вернеру от 31.8.1880, написано в Нордернее; письмо Карла Вернеру от 25.8.1880, написано в Нордернее.

Глава 11

Триумфальное возвращение

- 1 Письмо Маруши кузине Анне 13.11.1880, написано в Санкт-Петербурге, письмо из личного архива Бодо фон Девитца.
- 2 См.: Beyrau/Hildermeier: Von der Leibeigenschaft zur frühindustriellen Gesellschaft (1983), S. 102 и далее.
- 3 Christoph Schmidt: Russische Geschichte 1547–1917 (Oldenbourg-Grundriß der Geschichte 33). München u. a. 2003, S. 88.
- 4 Goehrke: Russland (2010), S. 126; Beyrau/Hildermeier: Von der Leibeigenschaft zur frühindustriellen Gesellschaft (1983), S. 124; Blackwell: The Industrialization of Russia (1982), S. 31 и далее.

- 5 Beyrau/Hildermeier: Von der Leibeigenschaft zur frühindustriellen Gesellschaft (1983), S. 192 и далее.
- 6 Löwe: Alexander II. (2005), S. 334 и далее.
- 7 См.: Heinz-Dietrich Löwe: Alexander III. 1881–1894// Hans-Joachim Torke (Hg.): Die russischen Zaren. 1547–1917 3., aktualisierte und überarb. Auflage. München 2005, S. 339–353; Detlef Jena: Die russischen Zaren in Lebensbildern. Augsburg 2003, S. 452 и далее.
- 8 Письмо Карла Вернеру от 27.1.1886, написано в Санкт-Петербурге. См. также: Löwe: Alexander III. (2005), S. 341.
- 9 Письмо Вернера Карлу от 2.4.1881, написано в Берлине.
- 10 Письмо Карла Вернеру от 13.4.1881, написано в Санкт-Петербурге.
- 11 Письмо Карла Вернеру от 12.6.1881, написано в Санкт-Петербурге.
- 12 Письмо Карла Вернеру от 12.6.1881, написано в Санкт-Петербурге.
- 13 Письмо Карла Вернеру от 12.6.1881, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 9.6.1881, написано в Кедабеке.
- 14 Письмо Карла Вернеру от 12.6.1881, написано в Санкт-Петербурге.
- 15 Письмо Карла Вернеру от 12.6.1881, написано в Санкт-Петербурге.
- 16 Blackwell: The Industrialization of Russia (1982), S. 32 и далее.
- 17 Письмо Карла Вернеру от 30.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 18 Письмо Карла Фридриху от 31.1.1881, написано в Санкт-Петербурге. См. также: SAA 12129.
- 19 О конкретных данных см.: Gelaschwili: Finanzkapital der Firma Siemens und Halske in Georgien (2010), S. 11.
- 20 E. Chaustoff: Betriebswirtschaft des Kupfererzbergwerks Kedabeg im Kaukasus // Bergwirtschaftliche Mitteilungen 4 (1913), 2, S. 25–36, здесь 26.
- 21 Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917)// SAA 53/La 540, S. 63 и далее.
- 22 Joachim Mai: Das deutsche Kapital in Russland 1850–1894 (Veröffentlichungen des Historischen Instituts der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald 4). Berlin (Ost) 1970, S. 187.
- 23 Письмо Карла Вернеру от 21.12.1887, написано в Санкт-Петербурге. А также: письмо Карла племяннику Вильгельму от 22.8.1898, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600. Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917)// SAA 53/La 540, S. 82 и далее.
- 24 Письмо Карла Вернеру от 7.3.1881, написано в Санкт-Петербурге.
- 25 См. подробнее: SAA 68/Li 141, Werner Freund: Die Entwicklung von Siemens & Halske, St. Petersburg. Ort unbekannt 1960, S. 4. Фройнд предполагает, что в период 1862–1880 гг. Городок поглощал 38% общей прибыли «Сименс и Гальске».
- 26 Письмо Карла Вернеру от 7.3.1881, написано в Санкт-Петербурге.
- 27 Письмо Карла Вернеру от 15.11.1881, написано в Санкт-Петербурге.
- 28 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 44. См. также данные по объему продаж: Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens II, S. 55 и далее. Таким образом, телеграфный бизнес вплоть до середины 1870-х гг. занимал доминирующую

- рующее положение в компании.
- 29 См.: Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 55 и далее. О развитии сильноточной техники см. также: William J. Hausman / Peter Hertner / Mira Wilkins: *Global Electrification. Multinational Enterprise and International Finance in the History of Light and Power, 1878–2007* (Cambridge Studies in Global Enterprise). Cambridge 2008, S. 9 и далее.
 - 30 Письмо Вернера Вильгельму от 4.12.1866, написано в Берлине.
 - 31 См.: Sigfrid von Weiher / Herbert Goetzeler: *Die erste elektrische Bahn – Berlin 1879* // Manfred Benzenberg / Anton Joachimsthaler (Hg.): *1879–1979 – 100 Jahre elektrische Eisenbahn*. Starnberg 1979, S. 14–19. С. Trettin: *75 Jahre Gleichstrommaschine*, в: *Siemens-Zeitschrift* 22 (1942), S. 11–29.
 - 32 О различиях между сильноточной и слаботочной техникой см.: Wilfried Feldenkirchen: *Siemens 1918–1945*. München 1995, S. 441.
 - 33 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 294.
 - 34 SAA 68 Li 141, Alfred A. Schwartz: *Bericht über REW S&H und RSSW*. Berlin 1938, S. 12. См. также письмо Карла Вильгельму от 10.3.1882, написано в Санкт-Петербурге: «Петербургский бизнес будет и в дальнейшем успешным только в том случае, если мы сейчас получим монополию».
 - 35 Письмо Карла Вернеру от 2.5.1881, написано в Санкт-Петербурге. См. также: Kirchner: *Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands* (1986), S. 30.
 - 36 Карл приобрел участок в 1862 г. вместе с лесопилкой в Струпове. См.: письмо Карла Вернеру от 16.12.1862, написано в Санкт-Петербурге. См. также: Ehrenberg: *Die Unternehmungen der Brüder Siemens* (1906), S. 30.
 - 37 Письмо Карла Вернеру от 21.6.1882, написано в Санкт-Петербурге.
 - 38 SAA 68/Li 141, P. Röhl: *Die Firma Siemens & Halske und deren Fabrikation in Russland*. St. Petersburg 19.11.1898, S. 13. См. также: письмо Карла Вильгельму от 28.6.1883, написано в Берлине.
 - 39 Kirchner: *Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands* (1986), S. 30. См. также: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 173 и далее.
 - 40 Письмо Карла Фридриху от 30.4.1883, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Фридриху от 23.1.1883, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 22.6.1882, написано в Санкт-Петербурге.
 - 41 SAA 68 Li 141, Alfred A. Schwartz: *Bericht über REW S&H und RSSW*. Berlin 1938, S. 13. См. также: письмо Карла Вернеру от 16.7.1881, написано в Санкт-Петербурге.
 - 42 Также в: Friedrich Heintzenberg: *Carl Heinrich von Siemens*. Ort unbekannt 1944, S. 141.
 - 43 Письмо Карла Вернеру от 3.2.1881, написано в Санкт-Петербурге. Об информации о выставке см.: Cech: *Russlands Industrie* (1885).
 - 44 Письмо Карла Вернеру от 30.11.1881, написано в Санкт-Петербурге.
 - 45 Письмо Карла Вернеру от 24.9.1882, написано в Москве.
 - 46 Письмо Карла Вернеру от 24.9.1882, написано в Москве.
 - 47 Письмо Карла Вернеру от 1.10.1882, написано в Хмелеве.
 - 48 Письмо Карла Вернеру от 24.9.1882, написано в Москве. См. также: SAA 68/Li 141, циркуляр Nr. 242 компании «Сименс и Гальске», касающийся цен на вы-

- ставке, от 5.1.1899, написан в Санкт-Петербурге.
- 49 Письмо Карла Вернеру от 29.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 50 Письмо Карла Вернеру от 21.6.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 51 Об истории уличного освещения в городах см.: Wolfgang Schivelbusch: Zur Geschichte der künstlichen Helligkeit im 19. Jahrhundert. München, Wien 1983, S. 22. О начальных этапах развития осветительного бизнеса «Сименс и Гальске» в России: SAA 68/Li 141, Alfred A. Schwartz: Bericht über REW S&H und RSSW. Berlin 1938, S. 9 и далее. Об электрификации см. также: Jill Jonnes: Empires of Light: Edison, Tesla, Westinghouse, and the Race to Electrify the World. New York 2003.
- 52 См. в: Schivelbusch: Zur Geschichte der künstlichen Helligkeit (1983), S. 56 и далее.
- 53 Hausman / Hertner / Wilkins: Global Electrification (2008), S. 75.
- 54 Paul Israel: Edison. A Life of Invention. New York, NY 1998, S. 206.
- 55 Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens III, S. 40 и далее.
- 56 Письмо Карла Вернеру от 10.5.1877, написано в Лондоне. См. также ответное письмо Вернера Карлу от 13.5.1877, написано в Берлине. А также: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 145 и далее.
- 57 Письмо Карла Вернеру от 23.12.1878, написано в Лондоне.
- 58 Письмо Карла Вернеру от 23.5.1877, написано в Лондоне.
- 59 Письмо Карла Вернеру от 21.11.1887, написано в Париже; письмо Карла Вернеру от 11.11.1887, написано в Париже. См. также: Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens III, S. 47 и далее.
- 60 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 57.
- 61 Письмо Карла Вернеру от 1.10.1879, написано в Лондоне.
- 62 Письмо Карла Вернеру от 24.6.1880, написано в Лондоне.
- 63 Письмо Карла Вернеру от 9.2.1880, написано в Лондоне. См. также: письмо Карла Вернеру от 21.10.1879, написано в Лондоне; письмо Карла Вернеру от 8.10.1879, написано в Лондоне.
- 64 Hausman / Hertner / Wilkins: Global Electrification (2008), S. 76.
- 65 Письмо Карла Вернеру от 4.5.1882, написано в Лондоне. См. также: письмо Карла Вернеру от 20.12.1881, написано в Санкт-Петербурге.
- 66 Kocka: Siemens und der unaufhaltsame Aufstieg der AEG (1972), S. 128, 135.
- 67 Hausman / Hertner / Wilkins: Global Electrification (2008), S. 10 и далее; Israel: Edison (1998), S. 214.
- 68 Manfred Pohl: Emil Rathenau und die AEG. Mainz 1988, S. 39; Kocka: Siemens und der unaufhaltsame Aufstieg der AEG (1972). См. также: письмо Вернера Эмилю Ратенау от 20.11.1880, написано в Берлине // Matschoß: Werner Siemens (1916), S. 678 и далее. Об истории компании AEG см.: Peter Strunk: Die AEG. Aufstieg und Niedergang einer Industrieliegende. Berlin 2002.
- 69 Karl Helfferich: Georg von Siemens. Ein Lebensbild aus Deutschlands großer Zeit. Berlin 1923, S. 51 и далее. См. также текст контракта: Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens III, Anlage 4.
- 70 Письмо Вернера Карлу от 5.3.1888, написано в Берлине.
- 71 Helfferich: Georg von Siemens 2 (1923), S. 55.

- 72 Письмо Вернера Карлу от 28.12.1878, написано в Берлине.
- 73 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 86 и далее; Kocka: Siemens und der unaufhaltsame Aufstieg der AEG (1972), S. 130 и далее. О необходимости больших капиталовложений см. также: Hausman / Hertner / Wilkins: Global Electrification (2008), S. 19.
- 74 О так называемом «объединенном бизнесе» (с целью предложения конечного продукта из одних рук заказчику) см.: Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 86 и далее. А также: Hausman / Hertner / Wilkins: Global Electrification (2008), S. 54, 96. О позиции Вернера касательно «объединенного бизнеса» см.: Helfferich: Georg von Siemens 2 (1923), S. 59.
- 75 Письмо Карла Вильгельму от 28.6.1888, написано в Берлине.
- 76 Письмо Карла Вернеру от 28.2.1888, написано в Санкт-Петербурге. О заключении контракта с Эдисоном см.: письмо Вернера Вильгельму от 16.3.1888, написано в Берлине.
- 77 Письмо Карла Вернеру от 7.5.1885, написано в Санкт-Петербурге. Mai: Das deutsche Kapital in (1970), S. 160. До 1894 г. Карл являлся председателем Правления банка, банком-партнером которого, наряду с другими, был Гамбургский частный банк М. М. Warburg & Co.
- 78 Письмо Вернера Карлу от 20.3.1888, написано в Берлине.
- 79 Письмо Карла Вернеру от 22.4.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 80 Письмо Карла Вернеру от 20.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 81 Письмо Карла Вернеру от 22.5.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 82 Письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вильгельму от 28.6.1888, написано в Берлине; Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 35.
- 83 Friedrich Heintzenberg: Carl Heinrich von Siemens. Ort unbekannt 1944, S. 144.
- 84 См. также: Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 34. А также краткое содержание книги Кирхнера на английском языке: Kirchner: The Industrialization of Russia (1974); Walther Kirchner: Siemens and AEG and the Electrification of Russia, 1890–1914 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 30 (1982), 3, S. 399–428.
- 85 Письмо Карла Вернеру от 17.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 86 О влиянии государства на индустриализацию России см.: Blackwell: The Industrialization of Russia (1982), S. 25 и далее.
- 87 Письмо Карла Вернеру от 20.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 88 Письмо Карла Вернеру от 30.1.1888, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 13.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 89 Письмо Карла Вернеру от 2.11.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 90 Mai: Das deutsche Kapital in (1970), S. 200. Автор здесь ссылается на статью Вернера Сименса от 1887 г.
- 91 Письмо Карла Вернеру от 7.11.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 92 Письмо Карла Вернеру от 11.1.1886 написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 5.2.1886, написано в Санкт-Петербурге.
- 93 Письмо Карла Вернеру от 11.1.1886 написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 5.2.1886, написано в Санкт-Петербурге.

- 94 Письмо Карла Вернеру от 14.2.1887 написано в Санкт-Петербурге.
- 95 Письмо Карла Вернеру от 29.1.1887 написано в Санкт-Петербурге.
- 96 Письмо Карла Вернеру от 31.1.1888, написано в Санкт-Петербурге. О концессии электрических компаний см.: Hausman / Hertner / Wilkins: *Global Electrification* (2008), S. 58.
- 97 Письмо Карла Вернеру от 12.12.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 98 Письмо Карла Вернеру от 2.11.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 99 Письмо Карла Вернеру от 19.1.1886, написано в Санкт-Петербурге.
- 100 Письмо Карла Вернеру от 22.1.1886, написано в Санкт-Петербурге.
- 101 Письмо Карла Вернеру от 15.1.1887 написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 22.1.1886, написано в Санкт-Петербурге.
- 102 Письмо Карла Вернеру от 15.2.1887 написано в Санкт-Петербурге.
- 103 Mai: *Das deutsche Kapital in* (1970), S. 200.
- 104 Kirchner: *Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands* (1986), S. 96 и далее.
- 105 Kirchner: *Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands* (1986), S. 96 и далее. Об «Обществе электрического освещения» см. также: SAA 3/Lg 181, SAA 376.
- 106 SAA 9111, Schneider: *Die früheren Siemens-Werke in Rußland. Ort unbekannt* 2.8.1927, S. 9.
- 107 Письмо Карла Вернеру от 10.3.1886, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 2.4.1886, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 9.1.1886, написано в Санкт-Петербурге.

Глава 12

Конфликты, кризисы, конкуренция

- 1 Письмо Карла Вернеру от 24.2.1880, написано в Лондоне. Подробнее об этом: von Weiher: *Die englischen Siemens-Werke* (1990), S. 110 и далее. См. также: письмо Карла Вернеру от 31.12.1879, написано в Лондоне. Одно время Карл подумывал о продаже компании «Братья Сименс», однако позже отказался от этой идеи. См.: письмо Карла Вернеру от 1.5.1880, написано в Лондоне.
- 2 SAA Z 21, Учредительный договор между Вернером, Вильгельмом и Карлом Сименс, заключен в декабре 1880 г. См. выписку из учредительного договора компании «Братья Сименс и Ко Лимитед» в немецком переводе: Waller: *Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens III, Anlage 2*. А также: von Weiher: *Die englischen Siemens-Werke* (1990), S. 112. Акции были распределены следующим образом: «Сименс и Гальске» Берлин: Вернер 50%, Вильгельм 25%, Карл 25%; «Братья Сименс» (Лондон): Вернер 35%, Вильгельм 45%, Карл 20%; «Сименс и Гальске» Санкт-Петербург: Вернер 35%, Вильгельм 20%, Карл 45%.
- 3 SAA Z 21, Учредительный договор между Вернером, Вильгельмом и Карлом Сименс, заключен в декабре 1880 г. От общего управления капиталом отказались в конце 1882 г. См.: SAA Z 21, Учредительный договор от 1.1.1888.
- 4 SAA Z 21, Учредительный договор между Вернером, Вильгельмом и Карлом Сименс, заключен в декабре 1880 г.

- 5 Scott: Siemens Brothers (1958), S. 69. См. также: Sabean: German International Families (2011), S. 24 и далее.
- 6 Письмо Карла Вернеру от 1.10.1879, написано в Лондоне. См. также: письмо Карла Вернеру от 30.9.1879, написано в Лондоне.
- 7 Письмо Карла Вернеру от 30.1.1878, написано в Лондоне. См. также: Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. 407 и далее. А также: von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 49 и далее.
- 8 Письмо Карла Вернеру от 16.12.1888, написано в Лондоне. См. также письмо Вернера Карлу от 6.2.1888, написано в Берлине: «Благодаря огромной работе, на которую ты потратил и тратишь до сих пор много времени и сил, у нас появились электрифицированная железная дорога с ее практическим применением и производство хороших ламп накаливания [...]! Для этого необходимы десятки изобретений, которые должны быть сделаны и проработаны! И вы [Карл и Вильгельм] видите уже готовый продукт, по которому незаметны муки его появления на свет!»
- 9 Письмо Вернера Карлу от 25.4.1888, написано в Берлине.
- 10 Письмо Вернера Вильгельму от 18.5.1881, написано в Берлине. См. также: письмо Вернера Вильгельму от 27.1.1878, написано в Берлине.
- 11 Письмо Вернера Карлу от 174.1863, без указания места.
- 12 Телеграмма Марии Гордон Карлу от 19.11.1888, отправлена из Лондона. Телеграмма была передана вместе с перепиской братьев.
- 13 Письмо Вернера Карлу от 4.11.1886, без указания места. О значимости семьи в предпринимательском мышлении Вернера см. также: Kocka: Siemens und der unaufhaltsame Aufstieg der AEG (1972), S. 132 и далее.
- 14 См. также: письмо Вернера Карлу от 4.3.1880, написано в Берлине.
- 15 По этой причине нет писем братьев по вопросу наследника в Лондоне.
- 16 Письмо Карла Вернеру от 31.12.1879, написано в Ницце. А также: письмо Карла Вернеру от 12.5.1886, написано в Санкт-Петербурге. О Людвиге Лёффлере см. также: von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 33 и далее; Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens III, S. 31 и далее.
- 17 Письмо Вернера Карлу от 4.11.1886, без указания места.
- 18 См.: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 192 и далее; von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 131 и далее.
- 19 Письмо Карла Вернеру от 25.10.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 20 Оригинал текста договора не сохранился. См. копию: von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 136. А также: выдержку письма Вернера Людвигу Лёффлеру от 13.9.1886, SAA 68/В 219.
- 21 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 154.
- 22 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1888, написано в Шарлоттенбурге. См. также: von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 136 и далее.
- 23 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1888, написано в Шарлоттенбурге.
- 24 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1888, написано в Шарлоттенбурге. См. также: von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 135 и далее.
- 25 Письмо Вернера Карлу от 22.12.1888, написано в Шарлоттенбурге. О колони-

- альной политике Германии см.: Sebastian Conrad: Deutsche Kolonialgeschichte (Beck'sche Reihe). München 2008, S. 22 и далее; Klaus Hildebrand: Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler 1871–1945. Stuttgart 1995, S. 87 и далее.
- 26 Письмо Карла Вернеру от 26.7.1877, написано в Бад-Эмсе.
 - 27 См.: письмо Карла Вернеру от 1.10.1879, написано в Лондоне. Письмо Карла Вернеру от 24.9.1879, написано в Лондоне. Письмо Карла Вернеру от 23.12.1887, написано в Лондоне.
 - 28 Письмо Карла Вернеру от 26.12.1887, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 25.10.1887, написано в Санкт-Петербурге.
 - 29 Письмо Карла Вернеру от 30.12.1887, написано в Санкт-Петербурге.
 - 30 Письмо Карла Вернеру от 30.12.1887, написано в Санкт-Петербурге.
 - 31 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 137 См. также: письмо Вернера Карлу от 25.9.1856, написано в Меране.
 - 32 Письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
 - 33 «Братья Сименс» устанавливали более высокие цены, чем «Сименс и Гальске». Из-за этого была опасность, что в условиях конкуренции они поменяются местами. См.: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 194.
 - 34 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 141.
 - 35 См. также: письмо Карла Вернеру от 12.12.1887, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 7.12.1887, написано в Санкт-Петербурге.
 - 36 Письмо Карла Вернеру от 26.7.1877, написано в Бад-Эмсе. См. также: Scott: Siemens Brothers (1958), S. 68.
 - 37 Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens, S. 41 и далее.
 - 38 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 163.
 - 39 Письмо Карла Вернеру от 29.5.1887, написано в Санкт-Петербурге.
 - 40 Письмо Карла Вернеру от 19.4.1887, написано в Санкт-Петербурге.
 - 41 Письмо Карла Вернеру от 21.4.1887, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Вернера Карлу от 25.4.1887, написано в Берлине; письмо Вернера Карлу от 22.4.1887, написано в Берлине.
 - 42 Письмо Карла Вернеру от 21.4.1887, написано в Санкт-Петербурге.
 - 43 Письмо Карла Вернеру от 21.4.1887, написано в Санкт-Петербурге.
 - 44 Письмо Карла Вернеру от 21.4.1887, написано в Санкт-Петербурге.
 - 45 Письмо Вернера Карлу от 25.4.1887, написано в Берлине.
 - 46 Всего сохранилось 3 259 писем из переписки между Карлом и Вернером. Общее количество писем было значительно больше, так как не все из них сохранились до наших дней. О важности семейных взаимоотношений для развития бизнеса см. также: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 187 и далее.
 - 47 Письмо Карла Вернеру от 7.12.1887, написано в Берлине.
 - 48 Письмо Вернера Карлу от 10.12.1887, написано в Берлине.
 - 49 Письмо Вернера Карлу от 10.12.1887, написано в Берлине.
 - 50 Письмо Карла Вернеру от 13.12.1887, написано в Санкт-Петербурге.
 - 51 Письмо Карла Вернеру от 13.12.1887, написано в Санкт-Петербурге.
 - 52 Письмо Вернера Карлу от 15.12.1887, написано в Берлине.

- 53 Письмо Карла Вернеру от 19.12.1887 написано в Санкт-Петербурге.
- 54 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1887 написано в Шарлоттенбурге.
- 55 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1887 написано в Шарлоттенбурге.
- 56 Письмо Вернера Карлу от 25 декабря 1887г. (второе письмо за вечер), написано в Шарлоттенбурге.
- 57 Письмо Карла Вернеру от 7.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 58 Письмо Карла Вернеру от 7.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 59 Письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 60 Письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 61 Письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге. См. также письмо Карла Вернеру от 21.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 62 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1887 написано в Шарлоттенбурге.
- 63 Письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 64 Письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 65 Письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 66 Письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 67 Письмо Карла Вернеру от 11.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 68 Письмо Вернера Карлу от 15.1.1888, написано в Шарлоттенбурге.
- 69 Письмо Вернера Карлу от 15.1.1888, написано в Шарлоттенбурге.
- 70 Письмо Вернера Карлу от 15.1.1888, написано в Шарлоттенбурге.
- 71 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 160.
- 72 Pohl: Emil Rathenau und die AEG (1988), S. 48 и далее, 83.
- 73 Helfferich: Georg von Siemens 2 (1923), S. 70 и далее.
- 74 Kocka: Siemens und der unaufhaltsame Aufstieg der AEG (1972), S. 138; Pohl: Emil Rathenau und die AEG (1988), S. 94 и далее.
- 75 Pohl: Emil Rathenau und die AEG (1988), S. 113.
- 76 Kocka: Siemens und der unaufhaltsame Aufstieg der AEG (1972), S. 125.
- 77 Kocka: Siemens und der unaufhaltsame Aufstieg der AEG (1972), S. 140. См. также: Pohl: Emil Rathenau und die AEG (1988), S. 117 и далее; Kocka: Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft (1969), S. 201 и далее; Helfferich: Georg von Siemens 2 (1923), S. 81 и далее.
- 78 Письмо Вернера Карлу от 10.2.1870, написано в Берлине.
- 79 Об изменениях в структуре менеджмента в немецких компаниях в последней трети XIX века см.: Wischermann / Nieberding: Die institutionelle Revolution (2004), S. 83, 239 и далее; Toni Pierenkemper: Unternehmensgeschichte. Eine Einführung in ihre Methoden und Ergebnisse. Stuttgart 2000, S. 195 и далее. Об увеличении числа акционерных обществ в области электротехнической промышленности см. также: Siemens: Der Weg der Elektrotechnik (1961), S. 18 и далее.
- 80 См. об этом Kocka: Siemens und der unaufhaltsame Aufstieg der AEG (1972), S. 13 и далее. А также: Helfferich: Georg von Siemens 2 (1923), S. 81 и далее. См. также: Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens III, S. 121 и далее.
- 81 Kocka: Siemens und der unaufhaltsame Aufstieg der AEG (1972), S. 13 и далее.
- 82 Цит. по: Helfferich: Georg von Siemens 2 (1923), S. 123. См. также: Kocka: Siemens und der unaufhaltsame Aufstieg der AEG (1972), S. 131 и далее.

- 83 Письмо Вернера Карлу от 3.10.1882, написано в Берлине.
- 84 Письмо Вернера Фридриху от 13.10.1882, написано в Берлине. О еврейском происхождении Ратенау см. также: Shulamit Volkov: *Walther Rathenau. Weimar's Fallen Statesman*. New Haven, London 2012, S. 6 и далее.
- 85 Письмо Вернера Карлу от 4.21.1882, написано в Шарлоттенбурге.
- 86 Письмо Вернера Карлу от 4.2.1883, написано в Шарлоттенбурге.
- 87 Письмо Вернера Карлу от 9.11.1889, написано в Берлине. См., например: письмо Вильгельма Карлу от 30.8.1876, написано в Вестминстере; письмо Вальтера Карлу от 28.4.1860, написано в Тифлисе; письмо Карла Вернеру от 30.12.1858, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 8.12.1854, написано в Киеве; письмо Карла Вернеру от 29.11.1854, написано в Довске; письмо Карла Вернеру от 15.8.1854, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 22.7.1854, написано в Санкт-Петербурге.
- 88 Ulrich Herbeck: *Das Feindbild vom «jüdischen Bolschewiken»*. Об истории русского антисемитизма до и во время революции в России. Berlin 2009, S. 33 и далее; Michael Kellog: *The Russian Roots of Nazism. White Émigrés and the Making of National Socialism 1917–1945*. Cambridge 2005, S. 30 и далее; Stefan Scheil: *Die Entwicklung des politischen Antisemitismus in Deutschland zwischen 1881 und 1912 (Beiträge zur Politischen Wissenschaft 107)*. Berlin 1999, S. 40; Hermann von der Dunk: *Antisemitismus zur Zeit der Reichsgründung. Unterschiede und Gemeinsamkeiten: ein Inventar // Peter Alter / Claus-Ekkehard Bärsch / Peter Berghoff (Hg.): Die Konstruktion der Nation gegen die Juden*. München 1999, S. 65–91, здесь 70 и далее. См. также: Lothar Gall: *Walther Rathenau. Porträt einer Epoche*. München 2009, S. 53.
- 89 Письмо Вильгельма Вернеру от 29.2.1881, написано в Лондоне.
- 90 Heiko Haumann: *Geschichte der Ostjuden*. 6. aktualisierte und erweiterte Auflage. München 2008, S. 80 и далее.
- 91 Письмо Карла Вильгельму от 31.3.1882, написано в Санкт-Петербурге.
- 92 Michael Aronson: *The Anti-Jewish Pogroms in Russia in 1881 // John D. Klier / Shlomo Labroza (Hg.): Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*. Cambridge 1992, здесь 48. Подробнее о погромах: Sonja Weinberg: *Pogroms and Riots. German Press Responses to Anti-Jewish Violence in Germany and Russia (1881–1882)*. Frankfurt am Main u. a. 2010, S. 117 и далее; Michael Aronson: *Troubled Waters. The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia (Series in Russian and East European Studies 13)*. Pittsburgh 1990.
- 93 Письмо Карла Вернеру от 26.4.1882, написано в Санкт-Петербурге.
- 94 О восприятии трудов Вильгельма Марра в России (также в публикациях на немецком языке) см.: John D. Klier: *German Antisemitism and Russian Judeophobia in the 1880s: Brothers and Strangers // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 37 (1989)*, 4, S. 524–540, здесь 525.
- 95 Письмо Вернера Карлу от 5.5.1882, написано в Берлине.
- 96 Письмо Вернера Карлу от 5.5.1882, написано в Берлине. См. также письмо Вернера Теодору Моммсену // Heintzenberg: *Aus einem reichen Leben (1953)*, S. 308 и далее.

- 97 Письмо Вернера Карлу от 5.5.1882, написано в Берлине.
- 98 Письмо Вернера Карлу от 4.11.186, без указания места.
- 99 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 86 и далее.
- 100 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 152.
- 101 Коска: Siemens und der unaufhaltsame Aufstieg der AEG (1972), S. 125.
- 102 Kirchner: Siemens and AEG (1982), S. 400 и далее.
- 103 Письмо Карла Вернеру от 176.1892, написано в Санкт-Петербурге.
- 104 Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 268 и далее, 283 и далее.
- 105 Письмо Карла Вернеру от 24.9.1882, написано в Москве.
- 106 Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 31,72.
- 107 Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 98.
- 108 Письмо Карла Вернеру от 24.7.1889, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 23.12.1889, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 12.11.1889, написано в Санкт-Петербурге.
- 109 Письмо Карла Вернеру от 8.11.1889, написано в Санкт-Петербурге.
- 110 Письмо Карла Вернеру от 8.11.1889, написано в Санкт-Петербурге.
- 111 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 1.4.1889, написано в Санкт-Петербурге. SAA 3/Li 600.
- 112 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 9.4.1889, написано в Санкт-Петербурге. SAA 3/Li 600.
- 113 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 9.4.1889, написано в Санкт-Петербурге. SAA 3/Li 600.
- 114 См. также: Pohl: Emil Rathenau und die AEG (1988), S. 100 и далее.
- 115 Письмо Карла Вернеру от 23.12.1889, написано в Санкт-Петербурге.
- 116 Письмо Карла Вернеру от 29.12.1889, написано в Санкт-Петербурге.
- 117 Письмо Карла Вернеру от 29.12.1889, написано в Санкт-Петербурге.
- 118 Письмо Карла Вернеру от 29.12.1889, написано в Санкт-Петербурге.
- 119 Письмо Карла Вернеру от 29.12.1889, написано в Санкт-Петербурге.
- 120 Письмо Карла Вернеру от 7.1.1890, написано в Санкт-Петербурге.
- 121 Письмо Вернера Карлу от 23.1.1890, написано в Шарлоттенбурге.
- 122 Felix Deutsch: Lebenserinnerungen. Unveröffentlichtes Manuskript. Kapitel: Rußland – Rothschild – Brodsky – Rothstein, S. 3 и далее. См. также: письмо Георга Сименса Карлу от 3.11.1894, написано в Берлине // SAA 3/Lg 181.
- 123 Письмо Карла Вернеру от 30.6.1890, написано в Гостилицах; письмо Карла Вернеру от 3.8.1890, написано в Гостилицах. См. также напечатанные письма Карла, Ратенау и Георга Сименса: Pohl: Emil Rathenau und die AEG (1988), S. 101 и далее. А также: письмо Карла Вернеру от 11.3.1890, написано в Санкт-Петербурге. См. также: Helfferich: Georg von Siemens 2 (1923), S. 12.
- 124 Письмо Карла Вернеру от 3.6.1885, написано в Санкт-Петербурге.
- 125 Письмо Карла Вернеру от 20.1.1890, написано в Санкт-Петербурге.
- 126 Письмо Карла Вернеру от 3.8.1890, написано в Гостилицах. Спустя 12 лет Карл писал Рихарду Эренбергу: «Ратенау – превосходный финансист. Это у него в крови». Письмо Карла Рихарду Эренбергу от 18.06.1902, написано в Дрездене //

SAA 3/Li 591.

- 127 Helfferich: Georg von Siemens 2 (1923), S. 127 О завышенных требованиях к управлению персоналом в «Сименс и Гальске» см. также: Kocka: Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft (1969), S. 233 и далее.
- 128 Письмо Карла Вернеру от 10.7.1892, написано в Санкт-Петербурге.

Глава 13

Глава дома

- 1 Договор был заключен в 1880г. сроком на шесть лет. Если по прошествии данного срока договор не будет расторгнут одной из сторон, то его действие автоматически продлевается на один год. В июле 1887г. оба брата достигли договоренности о новой редакции условий договора. См.: письмо Карла Вернеру от 30.7.1887 написано в Бад-Тельце; письмо Вернера Карлу от 24.7.1887 написано в Гарцбурге.
- 2 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1887написано в Шарлоттенбурге.
- 3 Письмо Карла Вернеру от 24.2.1880, написано в Лондоне.
- 4 SAA Z 21, Учредительный договор между Вернером, Вильгельмом и Карлом Сименс, заключен в декабре 1880, § 10.
- 5 Письмо Карла Вернеру от 13.5.1880, написано в Карлсбаде.
- 6 Письмо Карла Вернеру от 13.5.1880написано в Карлсбаде. См. также: письмо Карла Арнольду от 22.5.1882, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 20.1.1882, написано в Санкт-Петербурге.
- 7 Kleindinst: Siemens in Österreich (2004), S. 34 и далее; Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 191. См. также: SAA Z 21, Учредительный договор от 1.1.1888. К этому времени Карл постепенно начал передавать деловую переписку своим племянникам. См. переписку между Карлом, Арнольдом и Вильгельмом // SAA 6999.
- 8 Письмо Карла Вернеру от 10.2.1885, написано в Санкт-Петербурге.
- 9 См. официальное письмо «Сименс и Гальске» Санкт-Петербург от 6.3.1885// FA 157.
- 10 Письмо Вернера Карлу от 24.7.1887 написано в Гарцбурге.
- 11 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1887написано в Шарлоттенбурге. См. также: письмо Вернера Карлу от 14.12.1887написано в Берлине.
- 12 SAA Z 21, Учредительный договор от 1.1.1888См. также: письмо Карла Вернеру от 2.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 13 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1887написано в Шарлоттенбурге.
- 14 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1887написано в Шарлоттенбурге.
- 15 Письмо Карла Вернеру от 11.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 16 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 167 и далее.
- 17 Цит. по: von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990), S. 169. Договор находится в: SAA 68/Li 219.
- 18 Письмо Карла Вернеру от 11.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 19 Письмо Вернера Карлу от 15.1.1888, написано в Шарлоттенбурге.
- 20 Письмо Вернера Карлу от 15.1.1888, написано в Шарлоттенбурге.

- 21 SAA Z 21 Учредительный договор и контракт командитного товарищества от 8./10.1.1890.См.: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 196 и далее. См. также: письмо Вернера Карлу от 6.12.1889, написано в Шарлоттенбурге.
- 22 См.: Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 85 и далее.; Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 165 и далее, 195. О преимуществах и недостатках патриархальной предпринимательской культуры см.: Wischermann / Nieberding: Die institutionelle Revolution (2004), S. 98.
- 23 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 306 и далее.
- 24 Pole: The Life of Sir William Siemens (1888).
- 25 Письмо Карла Вернеру от 2.5.1888, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 11.5.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 26 Письмо Вернера снохе Анне от 11.5.1888, написано в Берлине.
- 27 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 29. О немецком издании биографии Вильгельма см.: William Pole: Wilhelm Siemens. Berlin 1890.
- 28 Письмо Вернера Карлу от 26.7.1890, написано в Гарцбурге.
- 29 Письмо Карла Вернеру от 30.7.1890, написано в Санкт-Петербурге.
- 30 Письмо Карла Вернеру от 3.8.1890, написано в Гостилицах.
- 31 Письмо Карла Вернеру от 3.8.1890, написано в Гостилицах.
- 32 Письмо Вернера Карлу от 24.6.1886, написано в Берлине.
- 33 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 342 и далее.
- 34 Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917)// SAA 53/La 540, S. 69.
- 35 Письмо Карла Вернеру от 21.4.1881, написано в Санкт-Петербурге. О деятельности братьев Нобель в России см.: Tolf: The Russian Rockefellers (1976), S. 50 и далее. А также: Alfred J. Rieber: Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill 1982, S. 250 и далее.
- 36 См.: письмо Карла Вернеру от 16.12.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 37 Письмо Карла Вернеру от 21.4.1881, написано в Санкт-Петербурге.
- 38 Письмо Вернера Карлу от 14.5.1881, написано в Берлине; письмо Вернера Карлу от 26.4.1881, написано в Берлине.
- 39 Письмо Карла Вернеру от 3.3.1888, написано в Санкт-Петербурге. См. также: Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917) // SAA 53/La 540, S. 74.
- 40 Письмо Карла Вернеру от 16.7.1882, написано в Хаапсалу. См. также: Gelaschwili: Finanzkapital der Firma Siemens und Halske in Georgien (2010), S. 22.
- 41 Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917)// SAA 53/La 540, S. 80 и далее.
- 42 Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917)// SAA 53/La 540, S. 88.
- 43 Письмо Вернера Карлу от 6.12.1887, написано в Шарлоттенбурге. О строительстве нефтепровода см.: Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917) // SAA 53/La 540, S. 94 и далее. А также: Tolf: The Russian Rockefellers (1976), S. 145 и далее; Chaustoff: Betriebswirtschaft des Kupfererzbergwerks Kedabeg (1913), S. 26.
- 44 Письмо Карла Георгу Болтону от 1.8.1890, без указания места // SAA 3/Li 565.
- 45 Письмо Вернера сыновьям – Арнольду и Вильгельму от 13.10.1890, написано в Кедабеке // SAA 2/Li 596; письмо Вернера сыновьям – Арнольду и Вильгельму

- му от 7.10.1890, написано в Тифлисе // SAA 2/Li 596. См. также интересные путевые заметки Вернера // von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 363 и далее.
- 46 Письмо Вернера сыновьям – Арнольду и Вильгельму от 13.10.1890, написано в Кедабеке // SAA 2/Li 596. См. также: Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917) // SAA 53/La 540, S. 99 и далее. В последующие годы медеплавильный завод в Кедабеке являлся доходным предприятием и, за исключением 1908 г., приносил ежегодную прибыль. См.: Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 90, 96; Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917) // SAA 53/La 540, Anhang, S. 8.
 - 47 Письмо Вернера сыну Вильгельму от 3.11.1890, написано в Кедабеке // SAA 2/Li 596.
 - 48 Письмо Карла Вернеру от 30.11.1890, написано в Санкт-Петербурге.
 - 49 Письмо Вернера сыну Вильгельму от 20.3.1891, написано в Шервуде // SAA 2/Li 596.
 - 50 Телеграмма Карла племяннику Арнольду от 6.12.1892, написана в Хаапсалу.
 - 51 Письмо Карла Георгу Болтону от 9.12.1892, без указания места // SAA 3/Li 565.
 - 52 Письмо Карла Георгу Болтону от 9.12.1892, без указания места // SAA 3/Li 565.
 - 53 Письмо Карла Арнольду от 7.12.1892, написано в Санкт-Петербурге // SAA 3/Li 600.
 - 54 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 21.12.1892, написано в Санкт-Петербурге // SAA 3/Li 600.
 - 55 Письмо Карла Вернеру от 30.4.1888, написано в Санкт-Петербурге.
 - 56 Письмо Карла Вернеру от 11.1.1888, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
 - 57 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 21.12.1892, написано в Санкт-Петербурге. См. также письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге, которое Карл так и не отправил: «Я всегда буду рад помочь советом твоим сыновьям, но никогда не соглашусь на сердечное приглашение переехать навсегда в Берлин. Берлинский бизнес по праву принадлежит твоим сыновьям, и я никогда не встану на их пути. [...] Я всегда буду готов приехать в Берлин на пару недель, чтобы помочь с делами, но затем я вернусь домой».
 - 58 См. также письма // SAA 3/Li 600.
 - 59 Письмо Карла племяннику Арнольду от 21.1.1892, написано в Санкт-Петербурге // SAA 3/Li 600.
 - 60 О росте немецкой экономики, который в 1890-х гг. составлял ежегодно в среднем 3%, см.: Carsten Burhop: Wirtschaftsgeschichte des Kaiserreichs 1871–1918 (UTB 3454). Göttingen 2011, S. 39 и далее.
 - 61 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 31.12.1892, написано в Санкт-Петербурге // SAA 3/Li 600.
 - 62 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 21.12.1892, написано в Санкт-Петербурге.
 - 63 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 21.12.1892, написано в Санкт-Петербурге.
 - 64 Письмо Карла племяннику Арнольду от 17.3.1893, написано в Санкт-Петербурге // SAA 3/Li 600. См. также: письмо Карла племяннику Вильгельму от 19.8.1895, написано в Хмелеве // SAA 6999. См. также: Kirchner: Die deutsche

- Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 72; Kirchner: Siemens and AEG (1982), S. 402.
- 65 Wischermann / Nieberding: Die institutionelle Revolution (2004), S. 239.
- 66 Подробно о Германе Герце см.: SAA 13/It 143; SAA 15668, Siemens Archiv: Hermann Görz 1861–1930. Eine Erinnerungsschrift anlässlich seines 100. Geburtstages. München 1961. См. также: Martin Lutz: Siemens im Sowjetgeschäft. Eine Institutionengeschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen 1917–1933 (Perspektiven der Wirtschaftsgeschichte 1). Stuttgart 2011, S. 254 и далее.
- 67 О количестве персонала см.: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 295.
- 68 Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 87.
- 69 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 15.8.1898, написано в Хмелеве // SAA 3/Li 600.
- 70 Письмо Карла Георгу Болтону от 29.8.1898, без указания места // SAA 3/Li 565.
- 71 Письмо Карла племяннику Арнольду от 24.12.1891, написано в Санкт-Петербурге // SAA 3/Li 600. О положении дел в компании и организации бизнеса в начале 1890-х гг. см. также: письмо Карла Вернеру от 9.5.1891, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 24.6.1891, написано в Санкт-Петербурге. О неквалифицированном персонале см. письмо Карла Вильгельму от 28.12.1881, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 11.1.1886, написано в Санкт-Петербурге: «Очень сложно найти надежных людей, и я еще не скоро смогу выбраться из этих неприятностей. В связи с расширением дела необходимо все больше сотрудников, а то, что дело будет расти, в этом я убежден более чем когда-либо. Если вдруг тебе на пути встретятся дельные люди, не вздумай отпускать их».
- 72 Письмо Германа Герца сестре Элизе Сименс, ноябрь 1898 г., написано в Санкт-Петербурге // SAA 9111. Данные письма являются копиями, сделанными вдовой Герца – Марией в 1957 г. в Бад-Кройцнахе и позднее переданными в архив «Сименс».
- 73 Письмо Германа Герца сестре Элизе Сименс, февраль 1894 г., написано в Санкт-Петербурге // SAA 9111.
- 74 Письмо Карла Вернеру от 17.6.1892, написано в Гостилицах. См. также: SAA 15668, Siemens Archiv: Hermann Görz 1861–1930. Eine Erinnerungsschrift anlässlich seines 100. Geburtstages. München 1961, S. 10 и далее.
- 75 SAA 15668, Siemens Archiv: Hermann Görz 1861–1930. Eine Erinnerungsschrift anlässlich seines 100. Geburtstages. München 1961, S. 9. См. также: Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 63.
- 76 SAA 68/Li 141, Alfred A. Schwartz: Bericht über REW S&H und RSSW. Berlin 1938, S. 22.
- 77 Письмо Германа Герца сестре Элизе Сименс от 9.2.1896, написано в Санкт-Петербурге // SAA 9111.
- 78 Heinz-Dietrich Löwe: Von der Industrialisierung zur Ersten Revolution, 1890 bis 1914 // Klaus Zernack (Hg.): Handbuch der Geschichte Russlands. Band 2: 1613–186. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. Stuttgart 2001, S. 203–335, здесь 223; John P. McKay: Ausländische Unternehmer im zarischen Rußland 1860–1914 // Dietmar Dahlmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große

- Zukunft vor sich hat». Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998, S. 65–86, здесь 65; Blackwell: The Industrialization of Russia (1982), S. 34 и далее, 44. См. также отчет 1900 г. о положении дел на «Русских электротехнических заводах Сименс и Гальске» // SAA 68/Li 141.
- 79 Письмо Германа Герца сестре Элизе Сименс, май 1898 г., написано в Санкт-Петербурге // SAA 9111. О развитии «Сименс и Гальске» в Санкт-Петербурге при Герце см. также: SAA 4/Lk 158, SAA 4/Lk 159, SAA 4/Lk 160.
- 80 Kirchner: Siemens and AEG (1982), S. 407.
- 81 SAA 68/Li 141, Alfred A. Schwartz: Bericht über REW S&H und RSSW. Berlin 1938, S. 22. О бизнесе по строительству трамвайных линий см. Перечень работ, выполненных компанией SSW // SAA 35/Lk 306.
- 82 SAA 68/Li 141, P. Röhl: Die Firma Siemens & Halske und deren Fabrikation in Russland. St. Petersburg 19.11.1898, S. 9. Герц концентрировался на развитии энергетического бизнеса. Сектор слаботочной техники был в запущенном состоянии, и в бизнесе по производству телефонов «Сименс и Гальске» значительно уступала шведской компании «Эрикссон». См.: Siemens: Der Weg der Elektrotechnik (1961), S. 383 и далее.
- 83 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 23.8.1896, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600. См. также похожий комментарий Карла о Феликсе Дойче в письме Карла племяннику Вильгельму от 30.8.1898, написано в Санкт-Петербурге // SAA 6999.
- 84 Письмо Германа Герца сестре Элизе, май 1896 г., написано в Санкт-Петербурге // SAA 9111. См. также: Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 86.
- 85 Письмо Германа Герца сестре Элизе от 9.2.1896, написано в Санкт-Петербурге // SAA 9111.
- 86 Письмо Карла Вернеру от 11.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 87 Письмо Карла Вернеру от 26.12.1888, написано в Санкт-Петербурге. См. также письмо Карла Вернеру от 20.1.1889, написано в Санкт-Петербурге: «В производстве осветительного оборудования мы сможем добиться высот только в случае доступа к крупному капиталу. Иначе мы опустимся до уровня обычного завода и будем вынуждены бороться со все более растущей конкуренцией». О запланированной Карлом реорганизации компании «Сименс и Гальске» в акционерное общество см.: письмо Карла Вернеру от 13.10.1891, написано в Санкт-Петербурге. А также письмо Карла Рихарду Эренбергу от 18.6.1902, написано в Дрездене // SAA 3/Li 600: «Чтобы прямо ответить на Ваш вопрос, я считаю, что успешные в делах акционерные общества более способны на внедрение новых разработок, чем семейные предприятия, так как первые располагают большим количеством свободных активов».
- 88 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1887, написано в Шарлоттенбурге. См. также: письмо Вернера Карлу от 14.12.1887, написано в Берлине.
- 89 См. также: письмо Вернера Карлу от 22.4.1888, написано в Берлине: «Я принципиально против выхода на биржу и тому подобных спекуляций».

- 90 Письмо Карла Вернеру от 30.4.1888, написано в Санкт-Петербурге; письмо Вернера Карлу от 22.4.1888, написано в Шарлоттенбурге. См. также письмо Карла племяннику Вильгельму от 19.8.1895, написано в Хмелеве // SAA 6999. «Если такое дело приходит в упадок [имеется в виду бизнес, управляемый собственником], то, как правило, фирма распадается. Семьи, которым удавалось держаться на протяжении веков, были в основном помещиками, реже – занимались торговлей, но я никогда не слышал, чтобы это были промышленники. Возможно, причина в том, что процветающие отрасли должны всегда расти, но тогда мы возвращаемся к истории о Вавилонской башне. Мы не должны упускать из виду, что в торговле и промышленности нужны люди с талантом, который не всегда сын наследует от отца. В землевладельческом деле это не является столь важным».
- 91 Письмо Карла Вернеру от 20.12.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 92 SAA 12624, Акт о погашении долга в размере 10 млн германских марок от 1893 г. Валлер и Хельферих указывают в качестве даты обращения за займом 1894 г. Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens III, S. 124; Helfferich: Georg von Siemens 2 (1923), S. 123. Фельденкирхен в вопросе даты займа указывает на 1890 г. Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 232.
- 93 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 23.7.1894, написано в Берлине // SAA 3/Li 600.
- 94 Helfferich: Georg von Siemens 2 (1923), S. 124.
- 95 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 26.7.1894, написано в Берлине // SAA 6999.
- 96 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 19.10.1896, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600.
- 97 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 92 и далее; Siemens: Der Weg der Elektrotechnik (1961), S. 186 и далее. О долевом участии Георга Сименса при выходе на биржу «Сименс и Гальске» см.: Helfferich: Georg von Siemens 2 (1923), S. 126 и далее.
- 98 Коска: Siemens und der unaufhaltsame Aufstieg der AEG (1972), S. 125.
- 99 Письмо Вернера Карлу от 4.11.1886, без указания места.
- 100 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1887, написано в Шарлоттенбурге.
- 101 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 233 и далее.
- 102 См. также: Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 91.
- 103 См.: SAA 18001.
- 104 Письмо Карла Вильгельму от 29.7.1898, написано в Гостилицах.
- 105 Цит. по: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 270. См. также: Коска: Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft (1969), S. 422 и далее; Siemens: Der Weg der Elektrotechnik (1961), S. 188 и далее.
- 106 Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens IV, S. 5.
- 107 Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens IV, S. 41. См. также: Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 88 и далее.
- 108 О реформах Бёдикера в организационных структурах предприятия см.: Коска: Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft (1969), S. 401 и далее. См. также: Hausman / Hertner / Wilkins: Global Electrification (2008), S. 98 и далее. Siemens:

Der Weg der Elektrotechnik (1961), S. 191 и далее; Helfferich: Georg von Siemens 2 (1923), S. 133.

- 109 См. об этом сообщение об учреждении // SAA 6531.A также: SAA 68/Li 141, Alfred A. Schwartz: Bericht über REW S&H und RSSW. Berlin 1938, S. 16; SAA 68/Li 141, P. Röhl: Die Firma Siemens & Halske und deren Fabrikation in Russland. St. Petersburg 19.11.1898.
- 110 Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 69. О строительстве кавказской гидроэлектростанции см.: SAA 68/Li 141, Alfred A. Schwartz: Bericht über REW S&H und RSSW. Berlin 1938, S. 23.
- 111 См. также переписку Германа Герца и Карла: SAA 3/Lc 748, SAA 3/Lc 749, SAA 3/Ld 40, SAA 4/Lk 157, SAA 25/Ld 359, SAA 6333, SAA 6334, SAA 6384. См. также: письмо Карла племяннику Вильгельму от 16.8.1804, написано в Буркхардсвальде под Дрезденом // SAA 6999.
- 112 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 19.10.1896, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600.

Глава 14

«Настоящий аристократ»

- 1 См.: письмо Карла Вернеру от 25.7.1890, написано в Хмелеве; письмо Карла Вернеру от 12.8.1888, написано в Хмелеве. На протяжении нескольких лет дальний родственник, Генрих Сименс, управлял имением Хмелево. См. письмо Карла Вернеру от 27.7.1867, написано в Санкт-Петербурге. См. также переписку между Карлом и Генрихом Сименс: FA 112. Позже управление имением перешло к управляющему Крёгеру, см.: SAA 3/Ld 123, SAA 4/Lk 171.
- 2 См.: письмо Карла Вернеру от 21.8.1888, написано в Хмелеве; письмо Карла Вернеру от 16.3.1888, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 22.6.1888, написано в Хаапсалу; письмо Карла Вернеру от 13.4.1881, написано в Санкт-Петербурге. Об Аннетте см. также: Siemens-Familienstiftung / Werner Siemens-Stiftung: Stammbaum der Familie Siemens (1985), S. 170.
- 3 Письмо Карла Вернеру от 8.1.1881, написано в Санкт-Петербурге.
- 4 Письмо Карла Вернеру от 29.11.1881, написано в Санкт-Петербурге. Наташа является уменьшительно-ласкательной формой русского имени Наталья.
- 5 Письмо Карла Вернеру от 29.11.1881, написано в Санкт-Петербурге.
- 6 Место было выбрано потому, что в других регионах России родившихся от смешанных браков детей крестили как православных (Карл был протестантом, Наташа – православной). См.: Busch: Deutsche in St. Petersburg (1995), S. 131. Письмо Карла Вернеру от 20.1.1882, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вильгельму от 28.12.1881, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Вернеру от 27.1.1882, написано в Санкт-Петербурге.
- 7 Письмо Карла Вернеру от 6.8.1888, написано в Баден-Бадене. А также: письмо Карла Вернеру от 5.6.1888, написано в Санкт-Петербурге. Вилла находилась недалеко от города Ибург. См. об этом: Böninger: «My Dear Old Schnitzelchen», S. 404. В учредительном договоре «Сименс и Гальске» Баден-Баден был указан

- как место жительства Вернера. См.: Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens IV, Anlage 2.
- 8 Письмо Карла Вернеру от 18.7.1887 написано в Санкт-Петербурге. Об участии сына в делах компании см.: письмо Карла Вернеру от 20.6.1892, написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 13.12.1889 написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 4.6.1888, написано в Санкт-Петербурге.
 - 9 Письмо Карла Вернеру от 18.7.1887 написано в Санкт-Петербурге.
 - 10 См. договор между Карлом и Арнольдом // SAA 14661. См. также: письмо «Сименс и Гальске» Санкт-Петербург Карлу Сименсу от 13.7.1895 // SAA 3/Ld 40. Тем не менее до 1900 г. Вернер являлся членом Наблюдательного совета «Сименс и Гальске АГ». См.: Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens IV, S. 28.
 - 11 См. письма дочерей Лотти и Маруши Карлу: SAA 3/Ld 123 и SAA 3/Ld 19.
 - 12 Письмо Лотти кузине Анне от 28.7.1881, написано в Хмелеве, письмо из личного архива Бодо фон Девитца. См. также: письмо Карла Вернеру от 12.8.1881, написано в Хмелеве.
 - 13 Письмо Карла Фридриху от 31.1.1881, написано в Санкт-Петербурге.
 - 14 Письмо Карла Фридриху от 31.1.1881, написано в Санкт-Петербурге.
 - 15 Письмо Карла Фридриху от 31.1.1881, написано в Санкт-Петербурге.
 - 16 Письмо Карла Вернеру от 4.2.1882, написано в Санкт-Петербурге.
 - 17 Письмо Карла Вернеру от 4.2.1882, написано в Санкт-Петербурге.
 - 18 Письмо Карла Вильгельму от 31.3.1882, написано в Санкт-Петербурге.
 - 19 Письмо Лотти кузине Анне от 8.1.1883, написано в Санкт-Петербурге.
 - 20 Письмо Лотти кузине Анне от 10.6.1883, написано в Хмелеве, письмо из личного архива Бодо фон Девитца. См. также: письмо Маруши кузине Анне от 28.5.1883, написано в Санкт-Петербурге, письмо из личного архива Бодо фон Девитца.
 - 21 Письмо Карла Вернеру от 16.2.1884, написано в Санкт-Петербурге.
 - 22 Письмо Карла Вернеру от 16.2.1884, написано в Санкт-Петербурге.
 - 23 Письмо Карла Вернеру от 5.6.1884, написано в Санкт-Петербурге.
 - 24 Письмо Карла Вернеру от 5.6.1884, написано в Санкт-Петербурге. О семьях Буксгевден и Гревениц см.: Bodo von Dewitz / Ludwig Scheidegger (Hg.): Die Geschichte von Gostilitz. Schloss und Gut des Carl von Siemens bei St. Petersburg. Schwerin 2009, S. 171; Немцы России. Энциклопедия. Т. 1. М., 1999, с. 280 и далее; Т. 2. М., 2004, с. 622 и далее.
 - 25 Письмо Карла Вернеру от 13.1.1885, написано в Санкт-Петербурге.
 - 26 Письмо Карла Вернеру от 13.1.1885, написано в Санкт-Петербурге.
 - 27 Письмо Карла Вернеру от 5.6.1884, написано в Санкт-Петербурге.
 - 28 Письмо Карла Фридриху от 23.6.1885, написано в Хмелеве.
 - 29 Письмо Карла Вернеру от 5.6.1884, написано в Санкт-Петербурге.
 - 30 Письмо Карла Вернеру от 7.5.1885, написано в Санкт-Петербурге. О внуках Карла см. информацию в генеалогическом древе семьи: FA 92; а также von Dewitz/Scheidegger: Die Geschichte von Gostilitz (2009), S. 161, 17.
 - 31 Письмо Карла Вернеру от 12.10.1885, написано в Хмелеве.
 - 32 См., например: письмо Карла Вернеру от 13.12.1885, написано в Санкт-

- Петербург; письмо Карла Вернеру от 3.12.188, написано в Санкт-Петербурге. См. также письма и открытки внушек Карла – Маргарет (Дейзи) и Катаринны (Китти), написанные в 1904 г. // SAA 3/Ld 1 В, SAA 3/Ld 123.
- 33 См.: письмо Карла племяннику Арнольду от 10.9.1896, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600.
 - 34 Письмо Карла Элли, жене племянника Вильгельма, от 4.10.1903, написано в Каннах, цит. по: SAA 3/Li 565.
 - 35 Письмо Вернера Карлу от 172.1887 написано в Берлине. См. также: письмо Карла Вернеру от 4.2.1888, написано в Санкт-Петербурге.
 - 36 Об истории имения в Гостилицах см.: von Dewitz / Scheidegger: Die Geschichte von Gostilitzy (2009), S. 24 и далее.
 - 37 Письмо Карла Вернеру от 29.2.1888, написано в Санкт-Петербурге.
 - 38 Письмо Карла Вернеру от 16.2.1889, написано в Санкт-Петербурге.
 - 39 См.: письмо Карла Вернеру от 16.12.1889 написано в Санкт-Петербурге; письмо Карла Вернеру от 2.7.1889, написано в Гостилицах; письмо Карла Вернеру от 22.6.1889, написано в Гостилицах. В последующие годы Карл организовал в парке форелевое хозяйство. Письмо Карла Вильгельму от 15.8.1901, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600. См. также: письмо Карла племяннику Арнольду от 7.10.1901, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600; письмо Карла Вильгельму от 19.10.1896, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600.
 - 40 Deutsch: Lebenserinnerungen, S. 111. См. также письмо Карла Вернеру от 30.6.1890, написано в Гостилицах.
 - 41 Wehler: Deutsche Gesellschaftsgeschichte III (2008), S. 173.
 - 42 О Горемыкине см.: Francis W. Cisló: Tales of Imperial Russia. The Life and Times of Sergei Witte, 1849–1915. Oxford 2011, S. 92 и далее.
 - 43 См., например: письмо Карла Арнольду от 178.1896, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600; письмо Карла Арнольду от 1.10.189, без указания места // SAA 3/Li 565; письмо Карла Вернеру от 12.8.1889, написано в Гостилицах.
 - 44 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 31.12.1889, написано в Санкт-Петербурге // SAA 3/Li 600. См. также письмо Карла Арнольду с похожим содержанием от 9.2.1896, написано в Санкт-Петербурге.
 - 45 Письмо Карла Вернеру от 22.10.188, написано в Баден-Бадене.
 - 46 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 21.3.1903, написано в Каннах // SAA 3/Li 600.
 - 47 Письмо Вернера Карлу от 26.4.1879, написано в Берлине.
 - 48 См. об этом: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 214 и далее.
 - 49 См. об этом: SAA 46/Li 247, В 1871 году Карл вместе с братом Вильгельмом участвовал в разработках системы пневматической почты; SAA 46/Li 247, В 1872 г. Карл получил британский патент № 1473 на изоляционный материал, заливные соединительные муфты для наземных кабелей и клеммовые зажимы для проводов и изоляторов; SAA 43/Ld 2. В 1872г. Карл получил британский патент № 2923 на электрический генератор с двойным Т-образным якорем, на электрический звонок, железнодорожное сигнальное устройство, звонокую сигнализацию и систему блокировки; SAA 46/Li 247. В 1878 г. Карл и Вернер полу-

- чили британский патент на телефон. В 1880 г. Карл Сименс сделал заявку № 583 на получение британского патента на локомотив с электроприводом, см.: *The Federal Reporter*, Vol. 63, October-December 1894, St. Paul, West Publishing Co., 1895 // <http://openjurist.org/63/fld/986>, дата последней проверки 29.5.2012. Согласно Зигфриду фон Вайеру, стальная арматура для морских кабелей, применяемая компанией «Братья Сименс», была разработана Карлом, см.: von Weiher: *Die englischen Siemens-Werke* (1990), S. 58.
- 50 Письмо Карла Вернеру от 28.2.1867, написано в Санкт-Петербурге.
 - 51 Diana Püplichhuysen: Savva Mamontov – Carl Siemens: Zwei Unternehmer in der Industrialisierung Russlands. Münster 2004, S. 169. Однако данный метод использовался и при наборе персонала в «Сименс и Гальске». См. также: von Dewitz / Scheidegger: *Die Geschichte von Gostilitzy* (2009), S. 152.
 - 52 О финансовой поддержке членов семьи см.: SAA 3/Li 705.
 - 53 Письмо Карла Вернеру от 29.11.1854, написано в Довске. См. также, например: письмо Карла Георгу Болтону от 11.7.1897, без указания места // SAA 3/Li 565.
 - 54 Письмо Карла Вернеру от 22.5.1879, написано в Лондоне. О социально-политических достижениях в Кедабеке см. также: Kirchner: *Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands* (1986), S. 42 и далее.
 - 55 Письмо Карла Вернеру от 24.3.1881, написано в Хмелеве.
 - 56 Письмо Карла Вернеру от 5.5.1881, написано в Санкт-Петербурге. См. также: Kirchner: *Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands* (1986), S. 83.
 - 57 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 30.3.1905, написано в Мартинсбрунне, см.: SAA 3/Li 600. См. также: FA 92, Завещание Карла Сименса, написано 15.8.1902 в Берлине. А также: SAA 3/La 7.
 - 58 Письмо Карла Вернеру от 5.5.1881, написано в Санкт-Петербурге.
 - 59 О начале производственной социальной политики в «Сименс и Гальске» см.: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 198 и далее.
 - 60 Письмо Вернера Карлу от 25.5.1868, написано в Берлине.
 - 61 Письмо Карла Вернеру от 17.6.1868, написано в Боржоми.
 - 62 Waller: *Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens II*, S. 65.
 - 63 Christoph Conrad: *Erfolgsbeteiligung und Vermögensbildung der Arbeitnehmer bei Siemens (1847–1945)* (Zeitschrift für Unternehmensgeschichte, Beiheft 36). Wiesbaden 1986, S. 99.
 - 64 Waller: *Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens II*, S. 66. См. также: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 200 и далее.
 - 65 Письмо Вернера Карлу от 18.7.1868, цит. по: Ehrenberg: *Die Unternehmungen der Brüder Siemens* (1906), S. 473. См. также: Jakob Kastl / Lyndon Moore: *Wily Welfare Capitalist: Werner von Siemens and the Pension Plan*. Stanford, Montreal 2009; Kocka: *Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft* (1969), S. 127 и далее. О производственной социальной политике того времени см.: Wischermann / Nieberding: *Die institutionelle Revolution* (2004), S. 100.
 - 66 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 200. Кирхнер указывает на то, что условия работы в иностранных компаниях в России были лучше, чем на российских предприятиях. См.: Kirchner: *Die deutsche Industrie und die*

- Industrialisierung Russlands (1986), S. 40 и далее.
- 67 Письмо Карла Вернеру от 24.9.1868, написано в Локвице. О наградах см.: von Dewitz / Scheidegger: Die Geschichte von Gostilitzy (2009), S. 151; Meškunov: Karl Siemens (1999), S. 218 и далее. См. также: РГИА, ф. 20, оп. 2, д. 889, л. 3об
- 68 SAA 19380, Патент о пожаловании дворянского титула Карлу фон Сименсу.
- 69 Письмо Карла Вернеру от 24.9.1868, написано в Локвице. См. также письмо Карла Вернеру от 3.5.1868, написано в Тифлисе.
- 70 SAA 19380, Патент о пожаловании дворянского титула Карлу фон Сименсу.
- 71 См.: РГИА, ф. 20, оп. 2, д. 889, л. 6-7об.
- 72 Письмо Карла Вернеру от 20.1.1889, написано в Санкт-Петербурге. См. об этом также: Adel und Unternehmer: Dahlmann: Einleitung (1998), S. 21 и далее; Manfred Hildermeier: Zwischen Bürgertum und Adel. Unternehmer im Zarenreich // Dietmar Dahlmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat». Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998, S. 87–99, здесь 95 и далее.
- 73 Письмо Вернера Карлу от 8.5.1888, написано в Берлине.
- 74 Письмо Карла Вернеру от 11.5.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 75 Письмо Карла Вернеру от 11.5.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 76 Püplichhuysen: Savva Mamontov – Carl Siemens (2004), S. 169.
- 77 Püplichhuysen: Savva Mamontov – Carl Siemens (2004), S. 166 и далее. См. также письмо министра финансов России Сергея Витте Герману Герцу со словами благодарности компании «Сименс и Гальске» за пожертвование в пользу благотворительной организации, учрежденной императрицей Александрой Федоровной, без указания даты // SAA 3/Ld 40. Карл предположительно являлся членом состоятельной евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра. См.: письмо Карла Вернеру от 16.3.1888, написано в Санкт-Петербурге. О приходах евангелическо-лютеранской церкви см.: Schlögel / Schenk / Ackeret: Sankt Petersburg (2007), S. 111 Busch: Deutsche in St. Petersburg (1995), S. 88 и далее, 125.
- 78 SAA GU 57.
- 79 SAA 19380, Патент о пожаловании дворянского титула Карлу фон Сименсу. См. также: SAA GU 51, Bestallungsurkunde Waisenhaus. А также: РГИА, ф. 20, оп. 2, д. 889, л. 4. По случаю 50-летнего юбилея компании одна из благотворительных организаций Берлина присвоила ему звание почетного члена, см.: письмо благотворительного общества им. Святого Владимира Карлу от 12.10.189, написано в Берлине // SAA 3/Ld 123.
- 80 Письмо Карла Вернеру от 30.1.1882, без указания места // SAA 3/Li 514.
- 81 SAA 19380, Патент о пожаловании дворянского титула Карлу фон Сименсу.
- 82 Окончательный переезд Карл совершил осенью 1894г. См.: письмо Карла Арнольду от 1.10.1894 написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600. В берлинских адресных книгах с 1895г. имеется запись: «К. Сименс, предприниматель, В. Маттейкирхштр., 33f. «Сименс и Гальске» и «Братья Сименс и Ко» (Шарлоттенбург)». См.: http://www.zlb.de/berlin_studien/projekte/adressbuch_text, дата последней проверки: 31.5.2012 О районе города, где находился зоологический сад и Маттейкирхштрассе, см.: Hartwig Schmidt: Das Tiergartenviertel. Baugeschichte eines

Berliner Villenviertels 1790–1870 (Die Bauwerke und Kunstdenkmäler von Berlin 4). Berlin 1981, S. 136и далее, 303.

- 83 Письмо Карла Фридриху от 12.10.189, написано в Санкт-Петербурге.
- 84 Письмо Карла Фридриху от 12.10.189, написано в Санкт-Петербурге. См. также: письмо Карла Георгу Болтону от 5.9.1898, без указания места // SAA 3/Li 565.
- 85 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 29.7.1898, написано в Гостилицах // SAA 6999. См. также: Siemens: Der Weg der Elektrotechnik (1961), S. 150; Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens IV, S. 95.
- 86 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 29.7.1898, написано в Гостилицах // SAA 6999.
- 87 См. переписку Карла с племянниками Арнольдом и Вильгельмом // SAA 3/Li 600 и SAA 6999. Об использовании административного здания см.: Zoehl: Siemens in Berlin (2008), S. 39.
- 88 Письмо Карла Вильгельму от 22.8.1898, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600.
- 89 Письмо Карла Вильгельму от 22.8.1898, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600.
- 90 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 73 и далее. См. также: письмо Карла племяннику Арнольду от 28.8.1894, написано в Санкт-Петербурге // SAA 3/Li 600.
- 91 Письмо Карла Вильгельму от 29.7.1898, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600. О развитии бизнеса за границей см.: Ernst Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens. Teil V (1918–1945), S. 129 и далее.
- 92 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 307.
- 93 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 30.4.1897, написано в Лондоне // SAA 6999. О долевом участии Карла в компании «Братья Сименс» см. также: SAA 20/Lc 223.
- 94 См.: SAA 18001.
- 95 Письмо Карла д-ру Розенталю от 14.11.1895, написано в Берлине // SAA 3/Li 593.
- 96 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 29.7.1898, написано в Гостилицах // SAA 6999.
- 97 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 22.8.1898, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600.

Глава 15

«Последний из могикан»

- 1 Письмо Карла Вернеру от 28.2.1867, написано в Санкт-Петербурге.
- 2 Письмо Карла Вернеру от 1.3.1880, написано в Лондоне.
- 3 Письмо Вернера Карлу от 25.12.1887, написано в Шарлоттенбурге.
- 4 Письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге. Речь идет о письме, которое не было отослано брату.
- 5 Письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 6 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008), S. 175.
- 7 Письмо Карла Вернеру от 8.1.1888, написано в Санкт-Петербурге.
- 8 Carl von Siemens // Siemens & Halske AG / Siemens-Schuckertwerke AG (Hg.): Siemens Jahrbuch. Berlin 1929, S. 3.

- 9 Для современного определения понятия «комфорт», которое в личной сфере обозначает разделение между работой и семейной жизнью, см.: Brigitta Schmidt-Lauber: *Gemütlichkeit. Eine kulturwissenschaftliche Annäherung*. Frankfurt am Main 2003, S. 11 и далее, 146.
- 10 Так писал Карл по поводу предложения Германа Герца в 1904 году, которое заключалось в объединении российского отделения «Сименс и Гальске» с другими электротехническими фирмами в Санкт-Петербурге: «[...] Если бы название «Сименс и Гальске» исчезло из России, меня бы это не сильно опечалило». Письмо Карла племяннику Вильгельму от 21.10.1904, написано в Висбадене // SAA 3/Li 600.
- 11 Письмо Карла Вернеру от 5.6.1869, написано в Вене.
- 12 Письмо Карла Вернеру от 1.12.1879, написано в Ницце. См. также: письмо Карла Вернеру от 27.1.1880, написано в Лондоне; письмо Карла Вернеру от 11.1.1880, написано в Ницце.
- 13 Письмо Карла Вернеру от 28.11.188, написано в Ницце. См. также: письмо Лотти кузине Анне от 2.12.188, написано в Ницце, письмо из личного архива Бодо фон Девитца.
- 14 См. статьи «Фюссли» и «Вильгельм Фюссли» в Историческом словаре Швейцарии // <http://hls-dhs-dss.ch> (дата обращения: 8.6.2012). О Юре Фюссли см. FA 157.
- 15 См. письмо Карлу от его сына Вернера от 16.8.189, написано в Цюрихе // FA 157; письмо Карлу от его сына Вернера от 1.8.1897, написано в Санкт-Морице // FA 157. См. также: Böninger: *My Dear Old Schnitzelchen*, S. 406.
- 16 О внучке Карла – Вернере Карле Генрихе – см. статью: *Siemens-Familienstiftung / Werner Siemens-Stiftung: Stammbaum der Familie Siemens* (1985), S. 243.
- 17 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 15.2.1898, написано на борту парохода «Принц Аббас» // SAA 6999
- 18 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 17.7.1900, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600. См. также письмо Лотти Карлу от 11.7.1900, написано в Куйвасту // FA 94; а также объявление о смерти в газете и письма с выражением соболезнования // FA 157.
- 19 Письмо Карла Тонио Бёдикеру от 23.7.1900, написано в Гостилицах // SAA 6999. См. также письмо Лотти Карлу от 23.7.1900, написано в Куйвасту // FA 94.
- 20 См.: *Sabeau: German International Families* (2011), S. 232 и далее. О совместном финансировании ухода за могилами родителей в Менцендорфе см. письмо Карла Вернеру от 23.1.186, написано в Санкт-Петербурге.
- 21 Письмо Карла Вернеру от 23.1.186, написано в Санкт-Петербурге. См. также: Friedrich Heintzenberg: *Carl Heinrich von Siemens. Ort unbekannt 1944*, S. 51 и далее.
- 22 *Siemens-Familienstiftung / Werner Siemens-Stiftung: Stammbaum der Familie Siemens* (1985), S. 243. См. также устав семейного фонда: *Siemens-Familienstiftung / Werner Siemens-Stiftung: Stammbaum der Familie Siemens* (1985), S. 41.
- 23 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 25.8.1900, написано в Куйвасту // SAA 6999.
- 24 См. также письмо Карла племяннику Арнольду от 26.7.1902, написано в Берлине // SAA 6999; письмо Карла племяннику Вильгельму от 7.10.1901, написано

- в Гостилицах // SAA 3/Li 600; письмо Карла племяннику Вильгельму от 15.8.1901, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600. См. также письма дочерей Карлу // SAA 3/Ld 19, SAA 3/Ld 123.
- 25 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 26.5.1904, написано в Буркхардсвальде // SAA 3/Li 600.
 - 26 Подробнее об этом: Wolfgang Ribbe / Wolfgang Schäche: Die Siemensstadt. Geschichte und Architektur eines Industriestandortes. Berlin 1985, S. 55 и далее. См. также: Zoehl: Siemens in Berlin (2008), S. 123 и далее.
 - 27 Peter Hertner: German Multinational Enterprise before 1914: Some Case Studies // Geoffrey Jones (Hg.): Transnational Corporations. A Historical Perspective (The United Nations Library on Transnational Corporations 2). London, New York 1993, S. 109–129, S. 120; Peter Hertner: Financial Strategies and Adaptation to Foreign Markets: The German Electro-Technical Industry and its Multinational Activities: 1890s to 1939 // Alice Teichova (Hg.): Multinational Enterprise in Historical Perspective. Cambridge 1989, S. 145–159; Sigfrid von Weiher: Berlins Weg zur Elektropolis. Technik- und Industriegeschichte an der Spree. Berlin 1974, S. 19. См. также: Burhop: Wirtschaftsgeschichte des Kaiserreichs 1871–1918 (2011), S. 17; Bernd Stöver: Geschichte Berlins. München 2010, S. 38 и далее.
 - 28 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 87.
 - 29 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 307. См. также: Hausman / Hertner / Wilkins: Global Electrification (2008), S. 17. О развитии бизнеса в «Сименс и Гальске» см. также: Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens IV, S. 32 и далее.
 - 30 Pohl: Emil Rathenau und die AEG (1988), S. 146 и далее. О представительстве AEG в России см. также: Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 74, 77.
 - 31 Письмо Георга фон Сименса Герману Герцу от 6.10.1900, написано в Берлине // SAA 9111. См. также: Helfferich: Georg von Siemens 2 (1923), S. 138 и далее.
 - 32 Письмо Георга фон Сименса Герману Герцу от 6.10.1900, написано в Берлине // SAA 9111.
 - 33 Письмо Георга фон Сименса Герману Герцу от 6.10.1900, написано в Берлине // SAA 9111. См. также: письмо Германа Герца сестре Элизе от 31.8.1900, написано в Берлине // SAA 9111.
 - 34 Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens IV, S. 6 и далее.
 - 35 См. подробнее: Wilfried Feldenkirchen: Krise und Konzentration in der deutschen Elektroindustrie am Ende des 19. Jahrhunderts // Friedrich-Wilhelm Henning (Hg.): Krisen und Krisenbewältigung vom 19. Jahrhundert bis heute. Frankfurt am Main 1998, S. 92–139. См. также: Kocka: Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft (1969), S. 323 и далее. Об AEG см.: Pohl: Emil Rathenau und die AEG (1988), S. 165 и далее. О растущей концентрации предприятий в экономике Германии см.: Burhop: Wirtschaftsgeschichte des Kaiserreichs 1871–1918 (2011), S. 33 и далее.
 - 36 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 94 и далее. А также: Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens IV, S. 73 и далее.
 - 37 Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens IV, S. 83.

- 38 См.: Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 96 и далее.
- 39 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 308, 314.
- 40 По объемам AEG оставалась до Первой мировой войны крупнейшей немецкой электрокомпанией. См.: Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996), S. 307.
- 41 См. об этом: Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 102 и далее.
- 42 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 2.3.1903, написано в Каннах // SAA 3/Li 600. См. также: письмо Карла племяннику Вильгельму от 10.2.1903, написано в Монте-Карло // SAA 3/Li 600. Карл не являлся членом Наблюдательного совета «Заводов Сименс-Шуккерт». См.: Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens IV, S. 77.
- 43 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 10.2.1903, написано в Монте-Карло // SAA 3/Li 600.
- 44 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 21.2.1903, написано в Монте-Карло // SAA 3/Li 600. См. также: письмо Карла племяннику Арнольду от 5.10.1903, написано в Висбадене // SAA 3/Li 600.
- 45 О «Русских электротехнических заводах Сименс и Гальске АГ» см. организационно-структурную схему 1906 г. (январь), в которой Карл обозначен как председатель Правления // SAA 6531.О компании «Братья Сименс» см.: Scott: Siemens Brothers (1958), S. 248.
- 46 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 21.12.1904, написано в Висбадене // SAA 3/Li 600.
- 47 Письмо Карла Вернеру от 20.3.1890, написано в Санкт-Петербурге.
- 48 О немецкой внешней политике при императоре Вильгельме II см.: Volker Ullrich: Die nervöse Großmacht. Aufstieg und Untergang des deutschen Kaiserreichs 1871–1918. 2. Aufl. Frankfurt am Main 1997, S. 182 и далее; Hildebrand: Das vergangene Reich (1995), S. 149 и далее. Siehe auch: Osterhammel: Die Verwandlung der Welt (2009), S. 573 и далее.
- 49 О немецкой таможенной политике см.: Burhop: Wirtschaftsgeschichte des Kaiserreichs 1871–1918 (2011), S. 109 и далее.
- 50 Письмо Карла Вернеру от 28.6.1891, написано в Гостилицах.
- 51 Löwe: Von der Industrialisierung zur Ersten Revolution (2001), S. 272.
- 52 Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 67, 86.
- 53 Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 79 и далее.
- 54 SAA 68/Li 141, Соглашение между компаниями «Русские электротехнические заводы Сименс и Гальске АГ» и «Русское акционерное общество Шуккерт и Ко» от 31 декабря 1903 г. SAA 9111 Schneider: Die früheren Siemens-Werke in Rußland. Ort unbekannt 2.8.1927, S. 15 и далее. А также: актовая запись д-ра Наталиса и д-ра Берлинера о «Заводах Сименс-Шуккерт» касательно контрактных договоренностей между «Русскими электротехническими заводами Сименс и Гальске АГ» и «Русским акционерным обществом Шуккерт и Ко» от 18.1.1904. // SAA 9111. См. также: Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 80 и далее.
- 55 SAA 9111 Schneider: Die früheren Siemens-Werke in Rußland. Ort unbekannt 2.8.1927, S. 21.

- 56 SAA 68/Li 141, Соглашение между компаниями «Русские электротехнические заводы Сименс и Гальске», «Русское общество АЕГ», а также «Заводы Фельтен и Гийом-Ламейер» об основании предприятия «Объединенные кабельные заводы» в Санкт-Петербурге. См. также: Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986), S. 84 и далее.
- 57 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 29.11.1904, написано в Висбадене // SAA 3/Li 600. См. также: письмо Германа Герца неизвестному адресату, февраль 1904 г., написано в Санкт-Петербурге // SAA 9111.
- 58 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 7.1.1905, написано в Ментоне // SAA 3/Li 565. О покупке Лотти имения Геймар см.: письмо Карла племяннику Вильгельму от 22.8.1898, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600. О революции 1905 г. в Прибалтике см.: James D. White: The 1905 Revolution in Russia's Baltic Provinces // Jonathan Smele / Anthony Heywood (Hg.): The Russian Revolution of 1905. Centenary Perspectives. London, New York 2005, S. 55–78, здесь 64 и далее.
- 59 Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917) // SAA 53/La 540, S. 116. О восстаниях в регионе Кедабека см.: Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917) // SAA 53/La 540, S. 143 и далее. См. также письмо Густава Кёлле Карлу от 23.1.1906, написано в Кедабеке, без подписи.
- 60 Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917) // SAA 53/La 540, S. 135.
- 61 Kölle: Geschichte des Siemens'schen Kupferwerks Kedabeg (1917) // SAA 53/La 540, S. 68, 136 и далее.
- 62 Письмо племянника Арнольда Карлу от 3.3.1904, написано в Берлине // SAA 3/Li 600.
- 63 Цит. по: Ralf Stremmel: Richard Ehrenberg als Pionier der Unternehmensgeschichtsschreibung oder: Wie unabhängig kann Unternehmensgeschichte sein? // Martin Buchsteiner / Gunther Viereck (Hg.): «Ich stehe in der Wissenschaft allein». Richard Ehrenberg (1857–1921). Norderstedt 2008, S. 143–188, здесь 153.
- 64 Письмо Карла Рихарду Эренбергу от 14.6.1902, написано в Дрездене // SAA 3/Li 591.
- 65 Письмо Рихарда Эренберга Карлу от 26.8.1902, написано в Берлине // SAA 4/Lk 68.
- 66 Письмо Рихарда Эренберга Карлу от 26.8.1902, написано в Берлине // SAA 4/Lk 68.
- 67 Письмо Рихарду Эренбергу, отправитель, вероятно, канцелярия Карла, от 9.9.1902, написано в Берлине // SAA 4/Lk 68.
- 68 Письмо Карла Рихарду Эренбергу от 16.2.1903, написано в Монте-Карло // SAA 4/Lk 68.
- 69 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 18.11.1904, написано в Висбадене // SAA 3/Li 600.
- 70 Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. vi. Эренберг, однако, не упомянул, что Карл и его племянник Вильгельм незадолго до ухода книги в печать внесли некоторые изменения в содержание, см.: Stremmel: Richard Ehrenberg als Pionier der Unternehmensgeschichtsschreibung (2008), S. 171. Запла-

нированная публикация второго тома об истории компании «Сименс и Гальске» в период после 1870 г. не была осуществлена. Вильгельм фон Сименс был против публикации уже частично готовой рукописи, так как, по его мнению, ее содержание было чрезмерно критическим. См.: Stremmel: Richard Ehrenberg als Pionier der Unternehmensgeschichtsschreibung (2008), S. 172 и далее. См. также: SAA 4/Lk 70; SAA 4/Lr 498. О дискуссиях, касающихся Рихарда Эренберга, см. также: Toni Pierenkemper: «Moderne» Unternehmensgeschichte auf vertrauten (Irr-)Wegen? // Zeitschrift für Unternehmensgeschichte 57 (2012), 1, S. 70–85, здесь 73 и далее.

- 71 Об истории архива см.: http://www.siemens.com/history/de/siemens_corporate_archives/archivgeschichte.htm. Дата последней проверки: 15.8.2012. См. также: Wilfried Feldenkirchen: 100 Jahre Siemens-Archiv – 100 Jahre erfolgreiches History Marketing // Archiv und Wirtschaft 40 (2007), 4, S. 177–184.
- 72 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 25.4.1902, написано в Риме // SAA 3/Li 600. См. также письма Норы Карлу // SAA 3/Ld 123; а также в FA 157.
- 73 Письмо Карла Вильгельму от 10.2.1903, написано в Каннах // SAA 3/Li 600; письмо Карла племяннику Вильгельму от 25.4.1902, написано в Риме // SAA 3/Li 600. О путешествии в Карфаген см.: письмо Карла Рихарду Эренбергу от 14.6.1902, написано в Дрездене // SAA 3/Li 591. А также: Sigfrid von Weiher: Carl von Siemens 1829–1906. Ein deutscher Unternehmer in Rußland und England // Tradition 1 (1956), 1, S. 13–25, здесь 25.
- 74 См.: письмо Карла племяннику Вильгельму от 21.10.1904, написано в Висбадене SAA 3/Li 600; письмо Карла Вильгельму от 10.7.1904, написано в Буркхардсвальде под Дрезденом // SAA 3/Li 600; письмо внучки Китти Карлу от 13.3.1904, без указания места // SAA 3/Ld 123. Письмо Германа Герца сестре Элизе, октябрь 1903 г. // SAA 9111. См. также: Waller: Studien zur Finanzgeschichte des Hauses Siemens IV, S. 94.
- 75 Письмо Карла Вильгельму от 28.2.1904, написано в Сан-Ремо // SAA 3/Li 600.
- 76 von Weiher: Carl von Siemens (1956), S. 25. Письмо Карла племяннику Вильгельму от 13.5.1904, написано в Констанце // SAA 3/Li 600.
- 77 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 10.7.1904, написано в Буркхардсвальде под Дрезденом // SAA 3/Li 600. В письме Карла племяннику Вильгельму от 22.8.1898, написано в Гостилицах // SAA 3/Li 600, Карл указал началом своей деятельности 1851 г., когда он выступил на международной выставке в Лондоне в качестве представителя «Сименс и Гальске». Однако его работа в компании началась еще в 1849, когда он по поручению Вернера участвовал в строительстве телеграфной линии Берлин–Кёльн.
- 78 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 21.12.1904, написано в Висбадене // SAA 3/Li 600.
- 79 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 21.12.1904, написано в Висбадене // SAA 3/Li 600.
- 80 Письмо Карла племяннице Анне Цандерс от 12.2.1905, написано в Шарлоттенбурге // SAA Z, папка с письмами Карла племяннице Анне Цандерс; письмо Германа Герца неизвестному адресату, февраль 1905, написано в Санкт-Петербурге // SAA 9111; письмо Карла Вильгельму от 27.11.1904, написано

в Висбадене // SAA 3/Li 600.

- 81 Письмо Карла Элли, жене племянника Вильгельма, от 5.8.1905, написано в Хайлигендамме // SAA 6999; письмо Карла Элли, жене племянника Вильгельма, от 15.5.1905, написано в Мартинсбрунне // SAA 6999; письмо Карла племяннику Вильгельму от 25.3.1905, написано в Мартинсбрунне // SAA 3/Li 600.
- 82 Письмо Карла племяннику Вильгельму от 7.1.1906, написано в санатории Горбио // SAA 3/Li 600.
- 83 Письмо Арнольда Вильгельму от 19.3.1906, написано в Берлине // SAA 4/Lr 563. См. также: письмо Арнольда Вильгельму от 3.3.1906, написано в Берлине // SAA 4/Lr 563.

Эпилог

- 1 von Dewitz / Scheidegger: Die Geschichte von Gostilitzy (2009), S. 64 и далее.
- 2 von Dewitz / Scheidegger: Die Geschichte von Gostilitzy (2009), S. 156.
- 3 См. SAA 20843.
- 4 Feldenkirchen: Siemens 1918–1945 (1995), S. 216.
- 5 Lutz: Siemens im Sowjetgeschäft (2011), S. 113 и далее.
- 6 Lutz: Siemens im Sowjetgeschäft (2011), S. 113 и далее.
- 7 Feldenkirchen: Siemens 1918–1945 (1995), S. 187
- 8 Feldenkirchen: Siemens 1918–1945 (1995), S. 216. См. также: von Weiher: Berlins Weg zur Elektropolis (1974), S. 149.
- 9 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 255.
- 10 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 264 и далее. О Германе Сименсе см. также: Wilfried Feldenkirchen / Eberhard Posner: Die Siemens-Unternehmer. Kontinuität und Wandel 1847–2005. Zehn Portraits. München 2005, S. 112и далее.
- 11 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 281.
- 12 Feldenkirchen / Posner: Die Siemens-Unternehmer (2005), S. 134 и далее.
- 13 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 301 и далее. См. также: Feldenkirchen / Posner: Die Siemens-Unternehmer (2005), S. 130и далее.
- 14 Подробнее об этом см.: Strunk: Die AEG (2002), S. 139 и далее.
- 15 Feldenkirchen: Siemens (2003), S. 254.
- 16 Годовой отчет «Сименс АГ» за 2011год // <http://www.siemens.com/annual/11/de/index.html> (дата обращения 20.6.2012).

Степень изученности темы исследования

- 1 Feldenkirchen: Werner von Siemens (1996); Pole: Life of Sir William Siemens (1888).
- 2 Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906).
- 3 См. также критические замечания Эренберга // Stremmel: Richard Ehrenberg als Pionier (2008), S. 184 и далее.
- 4 Ehrenberg: Die Unternehmungen der Brüder Siemens (1906), S. iii.
- 5 Там же, S. iii и далее.

- 6 Heintzenberg: Carl Heinrich von Siemens (1944).
- 7 von Weiher: Carl von Siemens (1956). Журнал «Традицион», в котором вышел очерк, является предшественником современного журнала об истории компании.
- 8 von Dewitz / Scheidegger: Die Geschichte von Gostilitzy (2009); Feldenkirchen / Posner: Die Siemens-Unternehmer (2005), S. 44 и далее.
- 9 von Weiher: Die englischen Siemens-Werke (1990); Kirchner: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands (1986); также: Siemens and AEG and the Electrification of Russia (1982); также: The Industrialization of Russia (1974).
- 10 Мешкунов В. С. Карл Сименс. 1999.
- 11 Hugill: Global Communications since 1844 (1999). См. также: Headrick: The Invisible Weapon (1991), S. 24.
- 12 Israel: Edison (1998), S. 32.
- 13 Письмо Карла Вернеру от 3.8.1890, написано в Гостилицах.
- 14 Письмо Карла Вернеру от 3.8.1890, написано в Гостилицах.
- 15 Rich Karlsgaard: Peter Drucker On Leadership // forbes.com (19.11.2004).
- 16 Hans Erich Bödeker: Biographie. Annäherungen an den gegenwärtigen Forschungs- und Diskussionsstand // Hans Erich Bödeker (Hg.): Biographie schreiben (Göttinger Gespräche zur Geschichtswissenschaft 18). Göttingen 2003, S. 9–63, здесь 15, 21. Об исследовании предпринимательской деятельности см.: Geoffrey Jones / R. Daniel Wadhvani: Entrepreneurial Theory and the History of Globalization // Business and Economic History On-Line 2007 (5), S. 1–24.
- 17 Douglass C. North: Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge 1990, S. 3.
- 18 См.: Richard Swedberg: Max Weber and the Idea of Economic Sociology. Princeton 2000, S. 108 и далее; Andrea Maurer: Der Geist des Kapitalismus – Eine institutionentheoretische Interpretation der Protestantischen Ethik // Martin Held / Gisela Kubon-Gilke / Richard Sturn (Hg.): Ökonomie und Religion (Normative und institutionelle Grundfragen der ÖkonomikJahrbuch 6). Marburg 2007, S. 63–88.
- 19 Renate Mayntz / Fritz Scharpf: Der Ansatz des akteurszentrierten Institutionalismus // Renate Mayntz / Fritz Scharpf (Hg.): Gesellschaftliche Selbstregulung und politische Steuerung. Frankfurt am Main 1995, S. 39–72, здесь 43. См. также: Fritz Scharpf: Games Real Actors Play. Actor-Centered Institutionalism in Policy Research. Boulder 1997.
- 20 Mayntz / Scharpf: Der Ansatz des akteurszentrierten Institutionalismus (1995), S. 45.
- 21 См. также различия, которые Гельмут Дитль делает между «фундаментальными институтами», понимаемыми им как интернализационные предпочтения, и «вторичными институтами» общества: Helmut Dietl: Institutionen und Zeit (Die Einheit der Gesellschaftswissenschaften 79). Tübingen 1993, S. 71 и далее.
- 22 Douglass C. North: Economic Performance Through Time // The American Economic Review 84 (1994), 3, S. 359–368, здесь 361. Так, Норт пишет: «Если институты – это правила игры, то организации и предприниматели – это игроки». Там же, стр. 361.
- 23 Keming Yang: Entrepreneurship in China. Aldershot 2007, S. 40.

- 24 Там же, стр. 36. См. также подход Джонса и Вадхвани, которые высказываются за равнозначность акторов и их окружения при анализе предпринимательской деятельности: Jones / Wadhvani: *Entrepreneurial Theory and the History of Globalization* (2007), S. 25.
- 25 Yang: *Entrepreneurship in China* (2007), S. 39. О предпринимательской деятельности в условиях нестабильности см. также: Robert F. Hébert / Albert N. Linke: *A History of Entrepreneurship*. London, New York 2009, S. 102 и далее.
- 26 О понятии «пионер» см.: Wissenschaftlicher Rat Dudenredaktion (Hg.): Duden. *Das große Fremdwörterbuch*. 4. überarbeitete Auflage. Mannheim 2007, S. 1054.
- 27 Howard E. Aldrich: *Entrepreneurship* // Neil J. Smelser / Richard Swedberg (Hg.): *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton 2005, S. 451–477, здесь 452.
- 28 Доверие может быть определено с институционально-теоретической точки зрения как «добровольное планирование рискованных издержек производства при отказе от конкретных договорных гарантий и мер борьбы с оппортунистическим поведением в ожидании, что другая сторона, несмотря на отсутствие таких гарантий, не будет вести себя оппортунистически»; причем доверие в сравнении с явно формализованными контрактами, по крайней мере теоретически, имеет более высокую эффективность, чем это можно предположить. См.: Tanja Ripperger: *Ökonomik des Vertrauens. Analyse eines Organisationsprinzips* (Die Einheit der Gesellschaftswissenschaften 101). Tübingen 1998, S. 45, 256. О понятии «доверие» см. также: Hartmut Berghoff: *Vertrauen als ökonomische Schlüsselvariable. Zur Theorie des Vertrauens und der Geschichte seiner privatwirtschaftlichen Produktion* // Karl-Peter Ellerbrock / Clemens Wischermann (Hg.): *Die Wirtschaftsgeschichte vor der Herausforderung durch die New Institutional Economics* (Untersuchungen zur Wirtschafts-, Sozial- und Technikgeschichte 24). Dortmund 2004, S. 58–71; Clemens Wischermann: *Kooperation, Vertrauen und Kommunikation: Ein Rahmenmodell des Unternehmens auf institutionenökonomischer Grundlage, oder: was macht ein Unternehmen handlungsfähig?* // Clemens Wischermann / Anne Nieberding (Hg.): *Unternehmenskommunikation deutscher Mittel- und Großunternehmen. Theorie und Praxis in historischer Perspektive* (Untersuchungen zur Wirtschafts-, Sozial- und Technikgeschichte 23). Dortmund 2003, S. 76–92; Hansjörg Siegenthaler: *Regelvertrauen, Prosperität und Krisen. Die Ungleichmäßigkeit wirtschaftlicher und sozialer Entwicklung als Ergebnis individuellen Handelns und sozialen Lernens* (Die Einheit der Gesellschaftswissenschaften 81). Tübingen 1993.
- 29 См. также: Hertner: *German Multinational Enterprise before 1914* (1993); Harm G. Schröter: *Continuity and Change: German Multinationals since 1850* // Geoffrey Jones / Harm G. Schröter (Hg.): *The Rise of Multinationals in Continental Europe*. Aldershot 1993, S. 28–48; Hertner: *Financial Strategies and Adaptation to Foreign Markets* (1989).
- 30 Geoffrey Jones: *Multinationals and Global Capitalism. From the Nineteenth to the Twenty-First Century*. Oxford 2005, S. 3.
- 31 Christopher A. Bartlett / Sumantra Ghoshal: *Managing across borders: the transnational solution*. Boston 2002, S. 19.

- 32 von Siemens: Lebenserinnerungen (2008).
- 33 Werner Siemens-Stiftung: Siemens Familienbilder. Zug 2009; Heintzenberg: Carl Heinrich von Siemens (1944); Matschoß: Werner Siemens (1916). Там же: Dirk Schaal (Hg.): «Schade, daß man keine Wurst in einem Briefe schicken kann!». Berichte und Briefe des Telegrapheningenieurs Ernst Höltzer (1835–1911) aus Persien (неопубликованная печатная версия).

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники

Корпоративный архив «Сименс», Мюнхен (SAA)

Без шифра

Письма братьев Сименс.

Документы с буквенно-цифровым шифром

SAA 2/Li 491, SAA 2/Li 510, SAA 2/Li 544, SAA 2/Li 596, SAA 3/La 7, SAA 3/Lc 748, SAA 3/Lc 749, SAA 3/Ld 40, SAA 3/Ld 1 Ø, SAA 3/Ld 123, SAA 3/Lg 181, SAA 3/Li 266, SAA 3/Li 505, SAA 3/Li 514, SAA 3/Li 565, SAA 3/Li 591, SAA 3/Li 593, SAA 3/Li 600, SAA 3/Li 618, SAA 3/Li 621, SAA 3/Li 705, SAA 3/Lk 521, SAA 3/Lk 556, SAA 3/Lk 562, SAA 4/Lk 68, SAA 4/Lk 70, SAA 4/Lk 157, SAA 4/Lk 158, SAA 4/Lk 159, SAA 4/Lk 160, SAA 4/Lk 171, SAA 4/Lr 498, SAA 4/Lr 563, SAA 13/It 143, SAA 20/Lc 223, SAA 25/Ld 359, SAA 30/Ld 366, SAA 35/Lk 232, SAA 35/Lk 306, SAA 43/Ld 2, SAA 46/Li 247, SAA 53/La 540, SAA 60/Lm 166, SAA 68/Li 141, SAA 68/Li 219, SAA Z 21, SAA GU 5I, SAA GU 57, SAA WP Görz.

Документы с цифровым шифром

SAA 38/8/2, SAA 5176, SAA 5168, SAA 6333, SAA 6334, SAA 6384, SAA 6478, SAA 6531, SAA 6999, SAA 7002, SAA 9111, SAA 12129, SAA 12624, SAA 14661, SAA 17349, SAA 18001, SAA Ø380, SAA 20843.

Архив семьи Сименс, Гослар (FA)

FA 92, FA 94, FA 157, FA 112, FA 131, FA 157.

Личный архив профессора д-ра Бодо фон Девитца, Кёльн

Письма дочерей Карла, Шарлотты фон Буксгевден и Марии фон Гревениц, кузине Анне.

Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (РГИА)

Ф. 20, оп. 2, д. 889; ф. 207, оп. 4r1853, д. 889.

Институт Лео Бека, Электронный архив, Нью-Йорк

Felix Deutsch: Lebenserinnerungen (неопубликованная рукопись).

Опубликованные источники

- Böninger, Beatrice: «My Dear Old Schnitzelchen». Mahler und Lorent 1810–1960, Zwei deutsch-englische Familien, Dokumente, Briefe, Fotos (Archiv der Zeitzeugen 11).
- Carl von Siemens, in: Siemens & Halske AG / Siemens-Schuckertwerke AG (Hg.): Siemens Jahrbuch. Berlin 1929.
- Cech, C. O: Russlands Industrie auf der nationalen Ausstellung in Moskau 1882. Kritische Betrachtungen über die wichtigsten Industriezweige Russlands. Generalbericht an das kaiserl. königl. österreichische Handelsministerium. Moskau 1885.
- Heintzenberg, Friedrich: Aus einem reichen Leben. Werner von Siemens – In Briefen an seine Familie und an Freunde. 2. Auflage. Stuttgart 1953.
- Matschoß, Conrad: Werner Siemens. Ein kurzgefaßtes Lebensbild nebst einer Auswahl seiner Briefe. Band 1 und 2. Aus Anlaß der 100. Wiederkehr seines Geburtstages. Berlin 1916.
- Höltzer, Ernst: Erinnerungen an Herrn Dr. Georg von Siemens während seines Aufenthaltes in Persien 1868–1870 (Manuskript, verf. ca. 1901). Nachlass Ernst Höltzer: Briefe, Berichte und Manuskripte (Privatbesitz), in: Dirk Schaal (Hg.): «Schade, daß man keine Wurst in einem Briefe schicken kann!». Berichte und Briefe des Telegrapheningenieurs Ernst Höltzer (1835–1911) aus Persien. Unveröffentlichte Druckfassung, S. 194–197.
- Siemens, Werner von: Lebenserinnerungen. München 2008. Erstmals veröffentlicht 1892.
- Siemens, Werner: Wissenschaftliche und technische Arbeiten. Zweiter Band: Technische Arbeiten. 2. Auflage. Berlin 1891.
- Werner Siemens-Stiftung (Hg.): Siemens Familienbilder. Zug 2009.

Архив газетных публикаций

Журнал о правах собственности «Л'Анвенсьон» (L'Invention)
<http://gallica.bnf.fr/>

Архив статей «Нью-Йорк Таймс» (New York Times)
<http://www.nytimes.com/ref/membercenter/nytarchive.html>

Электронный архив «Таймс» (The Times)
www.thetimes.co.uk/tto/archive

Список литературы

Литература на русском языке

- Мешкунов В. С.: Карл Сименс – русский дворянин и электротехник // Немцы в России: Петербургские немцы. Сб. статей. СПб, 1999, с. 211–224.
- Немцы России. Энциклопедия. Т. 1: А–И. / Пред. ред. коллегии В. Карев. М., 1999. Т. 2: К–О. / Пред. ред. коллегии В. Карев. М., 2004. Т. 3: П–Я. /

Пред. ред. коллегии О. Кубицкая. М., 2006.
Юхнева Нагалья: Немцы в многонациональном Петербурге // Немцы в России.
Люди и судьбы. СПб., 1998, с. 57–68.

Литература на иностранных языках

- Adanir, Fikret: Der Krimkrieg von 1853–186, in: Klaus Zernack (Hg.): Handbuch der Geschichte Russlands. Band 2: 1613–186. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. Stuttgart 2001, S. 1189–1235.
- Ahrens, Gerhard: Von der Franzosenzeit bis zum Ersten Weltkrieg 1806–1914: Anpassung an Forderungen der neuen Zeit, in: Antjekathrin Graßmann (Hg.): Lübeckische Geschichte. Lübeck 2008, S. 539–685.
- Ahvenainen, Jorma: The Far Eastern Telegraphs. The History of Telegraphic Communications between the Far East, Europe and America before the First World War (Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia. Ser. B., Band 216). Helsinki 1981.
- Ahvenainen, Jorma: The Role of Telegraphs in the 19th Century Revolution of Communications, in: Michael North (Hg.): Kommunikationsrevolutionen. Die neuen Medien des 16. und 19. Jahrhunderts (Wirtschafts- und Sozialhistorische Studien 3). Köln, Weimar, Wien 2001, S. 73–80.
- Aldrich, Howard E.: Entrepreneurship, in: Neil J. Smelser / Richard Swedberg (Hg.): The Handbook of Economic Sociology. Princeton 2005, S. 451–477.
- Aleksandrova, Olga: The Siemens Brothers' Kerosene Business, in: Oil of Russia (2009), 3.
- Allen, Robert C.: The British Industrial Revolution in Global Perspective. Cambridge 2009.
- Amburger, Erik: Der fremde Unternehmer in Russland bis zur Oktoberrevolution im Jahre 1917 in: Tradition 1 (1956), 1, S. 337–35.
- Anan'ič, Boris V.: «Stieglitz & Co.». Hofbankiers in Rußland, in: Dietmar Dahmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat.» Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998, S. 313–325.
- Applegate, Celia: A Nation of Provincials. The German Idea of Heimat. Berkeley 1990.
- Aronson, Michael: The Anti-Jewish Pogroms in Russia in 1881, in: John D. Klier / Shlomo Labroza (Hg.): Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge 1992.
- Aronson, Michael: Troubled Waters. The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia (Series in Russian and East European Studies 13). Pittsburgh 1990.
- Baark, Erik: The Telegraph and China's Technological Modernization, 1860–1890 (Contributions in Asian Studies 6). Westport, Conn. 1997.
- Bartlett, Christopher A.; Ghoshal, Sumantra: Managing across borders : the transnational solution. Boston 2002.
- Baumgart, Winfried: Der Krimkrieg 1853–186: Ein Überblick, in: Georg Maag / Wolfgang Pyta / Martin Windisch (Hg.): Der Krimkrieg als erster europäischer Medienkrieg. Berlin 2010, S. 209–220.
- Beauchamp, Kenneth G.: History of Telegraphy (IEE History of Technology Series 26). London 2001.
- Berg, Hans-Joachim van den: 100 Jahre Friedrich Siemens Regenerativ-Öfen. Berlin 1956.

- Berghoff, Hartmut: Vertrauen als ökonomische Schlüsselvariable. Zur Theorie des Vertrauens und der Geschichte seiner privatwirtschaftlichen Produktion, in: Karl-Peter Ellerbrock / Clemens Wischermann (Hg.): Die Wirtschaftsgeschichte vor der Herausforderung durch die New Institutional Economics (Untersuchungen zur Wirtschafts-, Sozial- und Technikgeschichte 24). Dortmund 2004, S. 58–71.
- Bernhardt, Manfred: Entwicklungsgeschichte der elektrischen Telegrafie bis zur Einführung des öffentlichen Fernschreibdienstes in Deutschland. Kurzfassung, in: Archiv für deutsche Postgeschichte (1992), 1, S. 53–59.
- Beyrau, Dietrich; Hildermeier, Manfred: Von der Leibeigenschaft zur frühindustriellen Gesellschaft (1856 bis 1890), in: Gottfried Schramm (Hg.): Handbuch der Geschichte Russlands. Band 3: 1856–1945. Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat. Stuttgart 1983, S. 6–201.
- Blackwell, William L.: The Industrialization of Russia. 2. überarbeitete Auflage. Arlington Heights 1982.
- Bödeker, Hans Erich: Biographie. Annäherungen an den gegenwärtigen Forschungs- und Diskussionsstand, in: Hans Erich Bödeker (Hg.): Biographie schreiben (Göttinger Gespräche zur Geschichtswissenschaft 18). Göttingen 2003, S. 9–63.
- Bosbach, Franz; David, John R.: Die Weltausstellung von 1851 und ihre Folgen. München 2002.
- Boyce, Robert: Submarine Cables as a Factor in Britain's Ascendancy as a World Power, 1850–1914, in: Michael North (Hg.): Kommunikationsrevolutionen. Die neuen Medien des 16. und 19. Jahrhunderts (Wirtschafts- und Sozialhistorische Studien 3). Köln, Weimar, Wien 2001, S. 81–99.
- Buchsteiner, Ilona: Aspekte von Gesellschaft, Wirtschaft und Politik in Mecklenburg in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts, in: Ilona Buchsteiner (Hg.): Die mecklenburgischen Großherzogtümer im deutschen und europäischen Zusammenhang 185 bis 1871 (Rostocker Beiträge zur Deutschen und Europäischen Geschichte 11). Rostock 2002, S. 63–73.
- Burhop, Carsten: Wirtschaftsgeschichte des Kaiserreichs 1871–1918(UTB 3454). Göttingen 2011.
- Busch, Margarete: Deutsche in St. Petersburg 1865–1914. Identität und Integration. Essen 1995.
- Chandler, Alfred Dupont: The Visible Hand. The Managerial Revolution in American Business. Cambridge, Mass. 1978.
- Chaustoff, E.: Betriebswirtschaft des Kupfererzbergwerks Kedabeg im Kaukasus, in: Bergwirtschaftliche Mitteilungen 4 (1913), 2, S. 25–36.
- Chernow, Ron: Titan: The Life of John D. Rockefeller. New York 1998.
- Cislo, Francis W.: Tales of Imperial Russia. The Life and Times of Sergei Witte, 1849–1915. Oxford 2011.
- Conrad, Christoph: Erfolgsbeteiligung und Vermögensbildung der Arbeitnehmer bei Siemens (1847–1945) (Zeitschrift für Unternehmensgeschichte, Beiheft 36). Wiesbaden 1986.
- Conrad, Sebastian: Deutsche Kolonialgeschichte. München 2008.
- Cottrell, Philip L.: London as a Centre of Communications: From the Printing Press

- to the Traveling Post Office, in: Michael North (Hg.): Kommunikationsrevolutionen. Die neuen Medien des 16. und 19. Jahrhunderts (Wirtschafts- und Sozialhistorische Studien 3). Köln, Weimar, Wien 2001, S. 157–178.
- Dahlmann, Dietmar: Einleitung. Die Unternehmerschaft des Russischen Reiches vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges, in: Dietmar Dahlmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat.» Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998, S. 13–23.
- Dahlmann, Dietmar: Ludwig Knoop: ein Unternehmerleben, in: Dietmar Dahlmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat.» Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998, S. 361–378.
- Dahlmann, Dietmar; Carmen Scheide: «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat.» Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998.
- Daunton, Martin: *Wealth and Welfare. An Economic and Social History of Britain 1851–1951 (Economic and Social History of Britain)*. Oxford 2007.
- Dewitz, Bodo von; Scheidegger, Ludwig (Hg.): *Die Geschichte von Gostilitzy. Schloss und Gut des Carl von Siemens bei St. Petersburg*. Schwerin 2009.
- Dietl, Helmut: *Institutionen und Zeit (Die Einheit der Gesellschaftswissenschaften 79)*. Tübingen 1993.
- Dowe, Dieter; Haupt, Heinz-Gerhard; Langewiesche, Dieter: *Europa 1848. Revolution und Reform*. Bonn 1998.
- Dunk, Hermann von der: Antisemitismus zur Zeit der Reichsgründung. Unterschiede und Gemeinsamkeiten: ein Inventar, in: Peter Alter / Claus-Ekkehard Bärsch / Peter Berghoff (Hg.): *Die Konstruktion der Nation gegen die Juden*. München 1999, S. 65–91.
- Ehrenberg, Richard: *Die Unternehmungen der Brüder Siemens. Erster Band. Bis zum Jahre 1870*. Jena 1906.
- Ernaes, Mette; Persson, Karl Gunnar: The Gains from Improved Market Efficiency: Trade Before and After the Transatlantic Telegraph, in: *European Review of Economic History* 14 (2010), S. 361–381.
- Feldenkirchen, Wilfried: 100 Jahre Siemens-Archiv – 100 Jahre erfolgreiches History Marketing, in: *Archiv und Wirtschaft* 40 (2007), 4, S. 177–184.
- Feldenkirchen, Wilfried: Die Firma Siemens im Russischen Reich vor 1914, in: Dietmar Dahlmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat.» Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998, S. 167–188.
- Feldenkirchen, Wilfried: Krise und Konzentration in der deutschen Elektroindustrie am Ende des 19. Jahrhunderts, in: Friedrich-Wilhelm Henning (Hg.): *Krisen und Krisenbewältigung vom 19. Jahrhundert bis heute*. Frankfurt am Main 1998, S. 92–139.
- Feldenkirchen, Wilfried: *Siemens 1918–1945*. München 1995.
- Feldenkirchen, Wilfried: *Siemens: Von der Werkstatt zum Weltunternehmen*. 2. ak-

- tualisierte und erweiterte Auflage. München 2003. Erstmals veröffentlicht 1997.
- Feldenkirchen, Wilfried: Werner von Siemens. Erfinder und internationaler Unternehmer. 2. überarbeitete und ergänzte Auflage. München 1996. Erstmals veröffentlicht 1992.
- Feldenkirchen, Wilfried; Posner, Eberhard: Die Siemens-Unternehmer. Kontinuität und Wandel 1847–2005. Zehn Portraits. München 2005.
- Gall, Lothar: Walther Rathenau. Porträt einer Epoche. München 2009.
- Gatrell, Peter: The Tsarist Economy 1850–1917 London 1986.
- Gebhard, Jörg; Lindner, Rainer: Unternehmer in Russland und im Königreich Polen vor 1914. Historischer Raum, soziale Gestalt, kulturelle Dimension, in: Jörg Gebhard / Rainer Lindner / Bianka Pietrow (Hg.): Unternehmer im Russischen Reich. Sozialprofil, Symbolwelten, Integrationsstrategien im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Osnabrück 2006, S. 13–42.
- Gebhard, Jörg; Lindner, Rainer; Pietrow, Bianka: Unternehmer im Russischen Reich. Sozialprofil, Symbolwelten, Integrationsstrategien im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Osnabrück 2006.
- Geiter, Mary K.: William Penn. Harlow, London, New York 2000.
- Gelaschwili, Simon: Finanzkapital der Firma Siemens und Halske in Georgien im 19. Jahrhundert, in: Arbeitspapiere des Deutsch-Georgischen Arbeitskreises für Finanz- und Sozialpolitik G-12 (2010).
- Goehrke, Carsten: Russland. Eine Strukturgeschichte. Paderborn, München, Wien, Zürich 2010.
- Hachtmann, Rüdiger: Epochenschwelle zur Moderne. Einführung in die Revolution von 1848/49. Tübingen 2002.
- Haumann, Heiko: Geschichte der Ostjuden. 6. aktualisierte und erweiterte Auflage. München 2008.
- Hausman, William J.; Hertner, Peter; Wilkins, Mira: Global Electrification. Multinational Enterprise and International Finance in the History of Light and Power, 1878–2007 (Cambridge Studies in Global Enterprise). Cambridge 2008.
- Haywood, Richard Mowbray: Russia Enters the Railway Age, 1842–1855. New York 1998.
- Headrick, Daniel R.: A Double-Edged Sword: Communications and Imperial Control in British India, in: Historical Social Research 35 (2010), 1, S. 5–65.
- Headrick, Daniel R.: The Invisible Weapon. Telecommunications and International Politics 1851–1945. Oxford 1991.
- Hébert, Robert F.; Linke, Albert N.: A History of Entrepreneurship. London, New York 2009.
- Hechtel, Detlef: Kabelleger – Spezialschiffe im Dienste der Nachrichtentechnik, in: Deutsche Telekom Unterrichtsblätter 52 (1999), 22, S. 616–633.
- Heintzenberg, Friedrich: Carl Heinrich von Siemens. O. O. 1944.
- Helfferich, Karl: Georg von Siemens. Ein Lebensbild aus Deutschlands großer Zeit. Erster Band. Berlin 1923.
- Helfferich, Karl: Georg von Siemens. Ein Lebensbild aus Deutschlands großer Zeit. Zweiter Band. Berlin 1923.
- Heller, Klaus: Auf dem Weg zum Bourgeois? Das Moskau der Kaufleute vor 1917 Gesellschaftliche Vorurteile gegenüber dem «Kaufmann» im alten und neuen Rus-

- sland, in: Jörg Gebhard / Rainer Lindner / Bianka Pietrow (Hg.): Unternehmer im Russischen Reich. Sozialprofil, Symbolwelten, Integrationsstrategien im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Osnabrück 2006, S. 45–75.
- Heller, Klaus: Geschichte des modernen Unternehmertums in Russland bis 1917: Digitales Handbuch zur Geschichte und Kultur Russlands und Osteuropas.
- Heller, Klaus: Industrielles Unternehmertum in Rußland vor 1917: Politische, ökonomische und soziale Rahmenbedingungen, in: Bernd Heidenreich / Klaus Heller / Martin Hoffmann (Hg.): Rußlands unternehmerische Vergangenheit: Ein Wegweiser in die Zukunft? Vorträge eines gemeinsamen Seminars mit der Hessischen Landeszentrale für politische Bildung. Berlin 1996, S. 9–29.
- Herbeck, Ulrich: Das Feindbild vom «jüdischen Bolschewiken». Zur Geschichte des russischen Antisemitismus vor und während der Russischen Revolution. Berlin 2009.
- Hertner, Peter: German Multinational Enterprise before 1914: Some Case Studies, in: Geoffrey Jones (Hg.): Transnational Corporations. A Historical Perspective (The United Nations Library on Transnational Corporations 2). London, New York 1993, S. 109–129.
- Hertner, Peter: Financial Strategies and Adaptation to Foreign Markets: The German Electro-Technical Industry and its Multinational Activities: 1890s to 1939, in: Alice Teichova (Hg.): Multinational Enterprise in Historical Perspective. Cambridge 1989, S. 145–159.
- Hildebrand, Klaus: Das vergangene Reich. Deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler 1871–1945. Stuttgart 1995.
- Hildermeier, Manfred: Zwischen Bürgertum und Adel. Unternehmer im Zarenreich, in: Dietmar Dahlmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat.» Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998, S. 87–99.
- Hobsbawm, Eric J.: Industry and Empire. From 1750 to the Present Day (The Penguin in Economic History of Britain 3). [1968]. London 1990.
- Hugill, Peter J.: Global Communications since 1844. Geopolitics and Technology. Baltimore 1999.
- Hurdeman, Anton A.: The Worldwide History of Telecommunications. Hoboken 2003.
- Israel, Paul: Edison. A Life of Invention. New York, NY 1998.
- Jena, Detlef: Die russischen Zaren in Lebensbildern. Augsburg 2003.
- John, Richard R.: Network Nation. Inventing American Telecommunications. Cambridge, Mass 2010.
- Jones, Geoffrey: Multinationals and Global Capitalism. From the Nineteenth to the Twenty-First Century. Oxford 2005.
- Jones, Geoffrey; Wadhvani, R. Daniel: Entrepreneurial Theory and the History of Globalization, in: Business and Economic History On-Line 2007 (5), S. 1–24.
- Jonnes, Jill: Empires of Light: Edison, Tesla, Westinghouse, and the Race to Electrify the World. New York 2003.
- Karbelaschwili, Andre: Die Brüder Siemens unter Georgiens Himmel, in: Georgica 13/4 (1990/91), S. 106–115.

- Karlsgaard, Rich: Peter Drucker On Leadership, in: forbes.com (19.11.2004).
- Kärner, Martin: Pioniere des Projektgeschäfts. Die Gebrüder Siemens und die indoeuropäische Telegraphenlinie, in: Elisabeth Bittner / Walter Gregorc (Hg.): Abenteuer Projektmanagement. Projekte, Herausforderungen und Lessons Learned. Erlangen 2010, S. 197–213.
- Kastl, Jakob; Moore, Lyndon: Wily Welfare Capitalist: Werner von Siemens and the Pension Plan. Stanford, Montreal 2009.
- Katzer, Nikolaus: Nikolaus I. 1825–185, in: Hans-Joachim Torke (Hg.): Die russischen Zaren. 1547–1917. München 2005, S. 289–314.
- Kaukiainen, Yrjö: Shrinking the world: Improvements in the speed of information transmission, c. 1820–1870, in: European Review of Economic History 5 (2001), S. 1–8.
- Kellog, Michael: The Russian Roots of Nazism. White Émigrés and the Making of National Socialism 1917–1945. Cambridge 2005.
- Kieve, Jeffrey: The Electric Telegraph. A Social and Economic History. Newton Abbot 1973.
- Kirchner, Walther: Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands 185–1914. St. Katharinen 1986.
- Kirchner, Walther: Russian Entrepreneurship and the «Russification» of Foreign Enterprise, in: Zeitschrift für Unternehmensgeschichte 26 (1981), S. 79–108.
- Kirchner, Walther: Siemens and AEG and the Electrification of Russia, 1890–1914, in: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 30 (1982), 3, S. 399–428.
- Kirchner, Walther: The Industrialization of Russia and the Siemens Firm 1853–1890, in: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 22 (1974), 3, S. 321–357.
- Kleindinst, Julia: Siemens in Österreich. Der Zukunft auf der Spur. Wien 2004.
- Klier, John D.: German Antisemitism and Russian Judeophobia in the 1880s: Brothers and Strangers, in: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 37 (1989), 4, S. 524–540.
- Kocka, Jürgen: Siemens und der aufhaltsame Aufstieg der AEG, in: Tradition 17 (1972), 3/4, S. 125–42.
- Kocka, Jürgen: Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft am Beispiel Siemens 1847–1914. Zum Verhältnis von Kapitalismus und Bürokratie in der deutschen Industrialisierung (Industrielle Welt 11). Stuttgart 1969.
- Kölle, Gustav: Aus der Geschichte eines Deutschen Berg- und Hüttenunternehmens in Russland: Das Kupferwerk Kedabeg des Hauses Siemens 1900–1906, in: Tradition 10 (1965), S. 213–224.
- Kubizkaja, O.: Nemcy Rossii / Die Deutschen Russlands. Èncyklopedija / Enzyklopädie, Tom 3/Band 3. Moskau 2006.
- Künzi, Kilian: Einleitung, in: Kilian Künzi (Hg.): In 28 Minuten von London nach Kalkutta. Aufsätze zur Telegrafiegeschichte aus der Sammlung Dr. Hans Pieper im Museum für Kommunikation, Bern (Schriftenreihe des Museums für Kommunikation, Bern). Zürich 2000, S. 11–117.
- Künzi, Kilian: In 28 Minuten von London nach Kalkutta. Aufsätze zur Telegrafiegeschichte aus der Sammlung Dr. Hans Pieper im Museum für Kommunikation, Bern (Schriftenreihe des Museums für Kommunikation, Bern). Zürich 2000.
- Langewiesche, Dieter: Revolution in Deutschland. Verfassungsstaat – Nationalstaat –

- Gesellschaftsreform, in: Dieter Dowe / Heinz-Gerhard Haupt / Dieter Langewiesche (Hg.): Europa 1848. Revolution und Reform. Bonn 1998, S. 167–196.
- Lautenbach, Ernst: Latein – Deutsch: Zitate-Lexikon. Quellennachweise. Münster 2002.
- Lévêque, Pierre: Die revolutionäre Krise von 1848–1851 in Frankreich. Ursprünge und Ablauf, in: Dieter Dowe / Heinz-Gerhard Haupt / Dieter Langewiesche (Hg.): Europa 1848. Revolution und Reform. Bonn 1998, S. 85–124.
- Lew, Byron; Carter, Bruce: The Telegraph, Co-ordination of Tramp Shipping, and Growth in World Trade 1870–1910, in: European Review of Economic History 10 (2006), 2, S. 147–173.
- Lloyd, Trevor O.: The British Empire 1558–1995. 2. Aufl. Oxford 1996.
- Löwe, Heinz-Dietrich: Alexander II., in: Hans-Joachim Torke (Hg.): Die russischen Zaren. 1547–1917 München 2005, S. 315–338.
- Löwe, Heinz-Dietrich: Alexander III. 1881–1894, in: Hans-Joachim Torke (Hg.): Die russischen Zaren. 1547–1917 München 2005, S. 339–353.
- Löwe, Heinz-Dietrich: Von der Industrialisierung zur Ersten Revolution, 1890 bis 1914, in: Klaus Zernack (Hg.): Handbuch der Geschichte Russlands. Band 2: 1613–1856. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. Stuttgart 2001, S. 203–335.
- Lubinski, Axel: Gutswirtschaft und Gutsherrschaft in Mecklenburg-Strelitz im 18. und 19. Jahrhundert – Chancen und Hemmnisse einer ländlichen Sozialordnung, in: Landesheimatverband Mecklenburg-Vorpommern (Hg.): Vom Anfang und Ende Mecklenburg-Strelitzer Geschichte. Friedland 2001, S. 197–216.
- Lutz, Martin: Siemens im Sowjetgeschäft. Eine Institutionengeschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen 1917–1933 (Perspektiven der Wirtschaftsgeschichte 1). Stuttgart 2011.
- Lyth, Peter; Trischler, Helmuth: Wiring Prometheus. Globalisation, History and Technology. Aarhus 2004.
- Mai, Joachim: Das deutsche Kapital in Russland 1850–1894 (Veröffentlichungen des Historischen Instituts der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald 4). Berlin (Ost) 1970.
- Maurer, Andrea: Der Geist des Kapitalismus – Eine institutionentheoretische Interpretation der Protestantischen Ethik, in: Martin Held / Gisela Kubon-Gilke / Richard Sturn (Hg.): Ökonomie und Religion (Normative und institutionelle Grundfragen der Ökonomik Jahrbuch 6). Marburg 2007, S. 63–88.
- Mayntz, Renate; Scharpf, Fritz: Der Ansatz des akteurszentrierten Institutionalismus, in: Renate Mayntz / Fritz Scharpf (Hg.): Gesellschaftliche Selbstregulierung und politische Steuerung. Frankfurt am Main 1995, S. 39–72.
- McKay, John P.: Ausländische Unternehmer im zarischen Rußland 1860–1914, in: Dietmar Dahmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat.» Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen 1998, S. 65–86.
- McMahon, Peter: Global Control. Information Technology and Globalization since 1845. Cheltenham, Northampton 2002.
- Mommsen, Wolfgang J.: 1848. Die ungewollte Revolution. Die revolutionären Bewegungen in Europa 1830–1849. Frankfurt am Main 1998.

- Müller, Simone: The Transatlantic Telegraphs and the Class of 1866 – the Formative Years of Transnational Networks in Telegraphic Space, 1858–1884/89, in: *Historical Social Research* 35 (2010), 1, S. 237–259.
- Nachtigal, Reinhard: Orte des deutschen St. Petersburg / Leningrad, in: Karl Schlögel / Frithjof Benjamin Schenk / Markus Ackeret (Hg.): *Sankt Petersburg. Schauplätze einer Stadtgeschichte*. Frankfurt am Main u. a. 2007, S. 109–122.
- Neutsch, Cornelius: Erste «Nervenstränge des Erdballs», in: Hans-Jürgen Teuteberg / Cornelius Neutsch (Hg.): *Vom Flügeltelegraphen zum Internet. Geschichte der modernen Telekommunikation*. Stuttgart 1998, S. 47–66.
- Nickles, David Paul: *Under the Wire. How the Telegraph Changed Diplomacy* (Harvard Historical Studies 144). Cambridge, Mass. 2003.
- North, Douglass C.: *Economic Performance Through Time*, in: *The American Economic Review* 84 (1994), S. 359–368.
- North, Douglass C.: *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge 1990.
- North, Michael: Einleitung, in: Michael North (Hg.): *Kommunikationsrevolutionen. Die neuen Medien des 16. und 19. Jahrhunderts* (Wirtschafts- und Sozialhistorische Studien 3). Köln, Weimar, Wien 2001, S. IX–XIX.
- O'Rourke, Kevin; Williamson, Jeffrey G.: *Globalization and History. The Evolution of a Nineteenth-century Atlantic Economy*. Cambridge, Mass., London 1999.
- Osterhammel, Jürgen: *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts*. München 2009.
- Petersen, Katrin: Die elektrische Telegrafienlinie zwischen Berlin und Frankfurt am Main, in: *Das Archiv – Magazin für Kommunikationsgeschichte* (2009), 3, S. 78–82.
- Petri, Rolf: *Deutsche Heimat 1850–1950*, in: *Comparative Studies in Society and History* 11(2001), 1, S. 77–127
- Petrov, Jurij: *Deutsche Unternehmer in Moskau: Das Handelshaus Wogau & Co., // Dietmar Dahlmann / Carmen Scheide (Hg.): «... das einzige Land in Europa, das eine große Zukunft vor sich hat.» Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Essen 1998, S. 379–409.
- Petrov, Jurij: *Formen, Typen und Besonderheiten des russischen vorrevolutionären Unternehmertums*, in: Bernd Heidenreich / Klaus Heller / Martin Hoffmann (Hg.): *Rußlands unternehmerische Vergangenheit: Ein Wegweiser in die Zukunft? Vorträge eines gemeinsamen Seminars mit der Hessischen Landeszentrale für politische Bildung*. Berlin 1996, S. 31–52.
- Pieper, Hans: *In 28 Minuten von London nach Kalkutta*, in: Kilian Künzi (Hg.): *In 28 Minuten von London nach Kalkutta. Aufsätze zur Telegrafiegeschichte aus der Sammlung Dr. Hans Pieper im Museum für Kommunikation, Bern* (Schriftenreihe des Museums für Kommunikation, Bern). Zürich 2000, S. 119–239.
- Pierenkemper, Toni: «Moderne» Unternehmensgeschichte auf vertrauten (Irr-)Wegen?, in: *Zeitschrift für Unternehmensgeschichte* 57 (2012), 1, S. 70–85.
- Pierenkemper, Toni: *Unternehmensgeschichte. Eine Einführung in ihre Methoden und Ergebnisse*. Stuttgart 2000.

- Pohl, Manfred: Emil Rathenau und die AEG. Mainz 1988.
- Pole, William: The Life of Sir William Siemens. London 1888.
- Pole, William: Wilhelm Siemens. Berlin 1890.
- Pollard, Sidney: Entrepreneurship, 1870–1914, in: Roderick Floud / Donald McCloskey (Hg.): The Economic History of Britain Since 1700. Volume 2: 1860–1939. Cambridge 1994, S. 62–89.
- Püplichhuysen, Diana: Savva Mamontov – Carl Siemens: Zwei Unternehmer in der Industrialisierung Russlands. Magisterarbeit. Münster 2004.
- Purbrick, Louise: Introduction, in: Louise Purbrick (Hg.): The Great Exhibition of 1851. New Interdisciplinary Essays. Manchester, New York 2001, S. 1–25.
- Reindl, Josef: Der «Deutsch-Österreichische Telegraphenverein» und die Entwicklung des Telegrafwesens zwischen 1850 und 1871, in: Archiv für deutsche Postgeschichte (1994), 3, S. 30–46.
- Ribbe, Wolfgang; Schäche, Wolfgang: Die Siemensstadt. Geschichte und Architektur eines Industriestandortes. Berlin 1985.
- Rieber, Alfred J.: Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill 1982.
- Ripperger, Tanja: Ökonomik des Vertrauens. Analyse eines Organisationsprinzips (Die Einheit der Gesellschaftswissenschaften 101). Tübingen 1998.
- Roth, August: Friedrich August Siemens, in: Siemens-Zeitschrift 6 (1926), 12, S. 581–590.
- Sabeau, David Warren: German International Families in the Nineteenth Century. The Siemens Family as a Thought Experiment, in: Christopher H. Johnson / David Warren Sabeau / Simon Teuscher / Francesca Trivellato (Hg.): Transregional and Transnational Families in Europe and Beyond. Experiences Since the Middle Ages. New York 2011, S. 229–23.
- Sartor, Wolfgang: Das Haus Mahs. Eine internationale Unternehmerfamilie im Russischen Reich 1750–1918, St.-Peterburg 2009.
- Scharpf, Fritz: Games Real Actors Play. Actor-Centered Institutionalism in Policy Research. Boulder 1997.
- Scheil, Stefan: Die Entwicklung des politischen Antisemitismus in Deutschland zwischen 1881 und 1912 (Beiträge zur Politischen Wissenschaft 107). Berlin 1999.
- Schenk, Frithjof Benjamin: Die Produktion des imperialen Raumes. Konzeptionelle Überlegungen zu einer Sozial- und Kulturgeschichte der russischen Eisenbahn im 19. Jahrhundert, in: Karl Schlögel (Hg.): Mastering Russian Spaces. Raum und Raumbewältigung als Problem der russischen Geschichte. München 2011, S. 109–127.
- Schivelbusch, Wolfgang: Zur Geschichte der künstlichen Helligkeit im 19. Jahrhundert. München, Wien 1983.
- Schlögel, Karl; Schenk, Frithjof Benjamin; Ackeret, Markus: Sankt Petersburg. Schauplätze einer Stadtgeschichte. Frankfurt am Main u. a. 2007.
- Schmidt, Christoph: Russische Geschichte 1547–1917 (Oldenbourg-Grundriß der Geschichte 33). München u. a. 2003.
- Schmidt, Hartwig: Das Tiergartenviertel. Baugeschichte eines Berliner Villenviertels 1790–1870 (Die Bauwerke und Kunstdenkmäler von Berlin 4). Berlin 1981.
- Schmidt-Lauber, Brigitta: Gemütlichkeit. Eine kulturwissenschaftliche Annäherung. Frankfurt am Main 2003.

- Schröter, Harm G.: Continuity and Change: German Multinationals since 1850, in: Geoffrey Jones / Harm G. Schröter (Hg.): The Rise of Multinationals in Continental Europe. Aldershot 1993, S. 28–48.
- Schwarzlose, Richard A.: The Nation's Newsbrokers. Volume 1: The Formative Years, from Pretelegraph to 1865. Evanston, Ill. 1989.
- Scott, J.D.: Siemens Brothers 1858–1958. An Essay in the History of Industry. London 1958.
- Siegenthaler, Hansjörg: Regelvertrauen, Prosperität und Krisen. Die Ungleichmäßigkeit wirtschaftlicher und sozialer Entwicklung als Ergebnis individuellen Handelns und sozialen Lernens (Die Einheit der Gesellschaftswissenschaften 81). Tübingen 1993.
- Siemens, Georg: Der Weg der Elektrotechnik. Geschichte des Hauses Siemens. Band I: Die Zeit der freien Unternehmung 1847–1910. 2. wesentlich überarbeitete Auflage. Freiburg, München 1961. Erstmals veröffentlicht 1947.
- Siemens-Familienstiftung; Werner Siemens-Stiftung: Stammbaum der Familie Siemens. Aus Anlaß der 600jährigen Wiederkehr des ersten urkundlichen Nachweises des Namens Siemens in Goslar, 1984 neu bearbeitet von Sigfrid von Weiher. München 1985.
- Standage, Tom: The Victorian Internet. The Remarkable Story of the Telegraph and the Nineteenth Century's Online Pioneers. London 1998.
- Stöver, Bernd: Geschichte Berlins. München 2010.
- Stremmel, Ralf: Richard Ehrenberg als Pionier der Unternehmensgeschichtsschreibung oder: Wie unabhängig kann Unternehmensgeschichte sein?, in: Martin Buchsteiner / Gunther Viereck (Hg.): «Ich stehe in der Wissenschaft allein.» Richard Ehrenberg (1857–1921). Norderstedt 2008, S. 143–188.
- Strunk, Peter: Die AEG. Aufstieg und Niedergang einer Industrielgende. Berlin 2002.
- Swedberg, Richard: Max Weber and the Idea of Economic Sociology. Princeton 2000.
- Tacke, Charlotte: Von der Zweiten Republik bis zum Ersten Weltkrieg, in: Ernst Hinrichs (Hg.): Kleine Geschichte Frankreichs. Bonn 2005, S. 311–360.
- Teuteberg, Hans-Jürgen: Einführung in das Thema, in: Hans-Jürgen Teuteberg / Cornelius Neutsch (Hg.): Vom Flügeltelegraphen zum Internet. Geschichte der modernen Telekommunikation. Stuttgart 1998, S. 7–13.
- Tolf, Robert W.: The Russian Rockefellers. The Saga of the Nobel Family and the Russian Oil Industry. Stanford 1976.
- Torke, Hans-Joachim: Lexikon der Geschichte Russlands. München 1985.
- Trettin, C.: 75 Jahre Gleichstrommaschine, in: Siemens-Zeitschrift 22 (1942), S. 11–29.
- Ullrich, Volker: Die nervöse Großmacht. Aufstieg und Untergang des deutschen Kaiserreichs 1871–1918. 2. Aufl. Frankfurt am Main 1997.
- Volkov, Shulamit: Walther Rathenau. Weimar's Fallen Statesman. New Haven, Conn., London 2012.
- Walter, Rolf: Die Kommunikationsrevolution im 19. Jahrhundert und ihre Effekte auf Märkte und Preise, in: Michael North (Hg.): Kommunikationsrevolutionen. Die neuen Medien des 16. und 19. Jahrhunderts (Wirtschafts- und Sozialhistorische Studien 3). Köln, Weimar, Wien 2001, S. 179–200.
- Weber, Max: Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Herausgege-

- ben und eingeleitet von Dirk Kaesler. München 2004.
- Weber, Max: Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus, in: Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie I. Tübingen 1988, S. 17–206.
- Wehler, Hans-Ulrich: Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Zweiter Band 185–185/49. München 2008.
- Wehler, Hans-Ulrich: Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Dritter Band 1849–1914. München 2008.
- Weiherr, Sigfrid von: Berlins Weg zur Elektropolis. Technik- und Industriegeschichte an der Spree. Mit einem Beitrag von Gottfried Vetter. Berlin 1974.
- Weiherr, Sigfrid von: Die englischen Siemens-Werke und das Siemens-Überseege-
schäft in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts (Schriften zur Wirtschafts- und
Sozialgeschichte 38). Berlin 1990.
- Weiherr, Sigfrid von: Carl von Siemens 1829–1906. Ein deutscher Unternehmer in
Rußland und England, in: Tradition 1 (Ø56), 1, S. 13–25.
- Weiherr, Sigfrid von; Goetzeler, Herbert: Die erste elektrische Bahn – Berlin 1879, in:
Manfred Benzenberg / Anton Joachimsthaler (Hg.): 1879–Ø79 – 100 Jahre elek-
trische Eisenbahn. Starnberg 1979, S. 14–19.
- Weiherr, Sigfrid von; Goetzeler, Herbert: Weg und Wirken der Siemens-Werke im
Fortschritt der Elektrotechnik 1847–1972. Ein Beitrag zur Geschichte der Elek-
troindustrie (Zeitschrift für Unternehmensgeschichte, Beiheft 21). 3. neubear-
beitete und erweiterte Auflage. Wiesbaden 1981.
- Wischermann, Clemens: Kooperation, Vertrauen und Kommunikation: Ein Rah-
menmodell des Unternehmens auf institutionenökonomischer Grundlage,
oder: was macht ein Unternehmen handlungsfähig?, in: Clemens Wischer-
mann / Anne Nieberding (Hg.): Unternehmenskommunikation deutscher Mit-
tel- und Großunternehmen. Theorie und Praxis in historischer Perspektive (Un-
tersuchungen zur Wirtschafts-, Sozial- und Technikgeschichte 23). Dortmund
2003, S. 76–92.
- Wissenschaftlicher Rat Dudenredaktion: Duden. Das große Fremdwörterbuch.
4. überarbeitete. Mannheim 2007.
- Weinberg, Sonja: Pogroms and Riots. German Press Responses to Anti-Jewish Vio-
lence in Germany and Russia (1881–1888). Frankfurt am Main u. a. 2010.
- Weinreich, Gerhard: Das «teuerste Tau der Welt». 140 Jahre telegraphischer Verkehr
Europa-Amerika, in: Post- und Telekommunikationsgeschichte (1999), 1, S. 80–87.
- Wenzlhuemer, Roland: «Less Than No Time». Zum Verhältnis von Telegrafie und
Zeit, in: Geschichte und Gesellschaft 37 (2011), 4, S. 592–613.
- Wenzlhuemer, Roland: Editorial – Telecommunication and Globalization in the
Nineteenth Century, in: Historical Social Research 35 (2010), 1, S. 7–18.
- Wenzlhuemer, Roland: Globalization, Communication and the Concept of Space in
Global History, in: Historical Social Research 35 (2010), 1, S. Ø–47.
- Wenzlhuemer, Roland: London in the Global Telecommunication Network of the
Nineteenth Century, in: New Global Studies 3 (2009), 1, S. 1–3.
- Wenzlhuemer, Roland: The Dematerialization of Telecommunication: Communica-
tion Centres and Peripheries in Europe and the World, 1850–1920, in: Journal of

- Global History (2007), 2, S. 345–372.
- White, James D.: The 1905 Revolution in Russia's Baltic Provinces, in: Jonathan Smele / Anthony Heywood (Hg.): The Russian Revolution of 1905. Centenary Perspectives. London, New York 2005, S. 55–78.
- Wischermann, Clemens; Nieberding, Anne: Die institutionelle Revolution. Eine Einführung in die deutsche Wirtschaftsgeschichte des 19. und frühen 20. Jahrhunderts (Grundzüge der modernen Wirtschaftsgeschichte 5). Stuttgart 2004.
- Yang, Keming: Entrepreneurship in China. Aldershot 2007.
- Zernack, Klaus: Zum Epochencharakter der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts in der Geschichte Russlands, in: Klaus Zernack (Hg.): Handbuch der Geschichte Russlands. Band 2: 1613–186. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. Stuttgart 2001, S. 870–934.
- Ziegler, Dieter: Das Zeitalter der Industrialisierung (185–1914), in: Michael North (Hg.): Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Ein Jahrtausend im Überblick. München 2000, S. 192–281.
- Zoebl, Dorothea: Siemens in Berlin. Spaziergänge durch die Geschichte der Elektrifizierung. Berlin 2008.

Источники иллюстраций

akg-images, Берлин с. 104, 111, 233

brk, Берлин с. 65, 68 (Густав ле Грэй / RMN), 212, 257 (Вильгельм Фехнер), 303

Бранденбургский музей, Берлин с. 91

Архив Фонда имени Вернера Сименса (Цуг, Швейцария) с. 132, 321

Lankenau-Oelsnitz, Russland, 1850 с. 123, 231

Архив «Лейпцигер Цайтунг» (Leipziger Zeitung), т. 1, 1849 с. 57

Остальные фотографии предоставлены Историческим институтом «Сименс» (Мюнхен) и Архивом семьи Сименс (Гослар).

Слова благодарности

В основе моих исследований лежат материалы из Архива «Сименс» в Мюнхене, входящего в Исторический институт «Сименс», а также обширная переписка и сведения об истории компании и семьи Сименс. Я сердечно благодарю д-ра Кристофа Вегенера, директора Исторического института «Сименс», и руководителя Архива «Сименс» д-ра Франка Виттендорфера за помощь в подготовке биографии и предоставление полного доступа к имеющимся в наличии оригиналам документов. Ульрих Кройцер предоставил в мое распоряжение все запрошенные материалы и поддерживал меня в поисках дополнительных источников информации. Кристофу Франку я благодарен за его кропотливую работу по подбору и экспертизе иллюстраций. Спасибо Маркусу Трэнну и Уте Шидермайер за оцифровку писем и других документов, что значительно облегчило мою работу. Благодарю Сабину Диттлер за комментарии по концепции и стилистике, а д-ра Флориана Киунтке – за помощь в подготовке разделов, описывающих прокладку трансатлантического кабеля. Татьяна Воронина провела глубокое исследование источников в Санкт-Петербурге. Профессор д-р Бодо фон Девитц любезно предоставил мне доступ к документам из его личного архива.

Слова сердечной благодарности я адресую д-ру Альмуту Бартельсу за исключительно внимательное отношение к вычитке рукописи. Спасибо д-ру Себастьяну Ульриху за заботу о выходе книги в издательстве С. Н. Векк. Д-ра Карла фон Сименса благодарю за интересные рассказы о семье, истории компании и за согласие написать предисловие. За концептуальные, содержательные и профессиональные лингвистические комментарии спасибо Карстену Гнерлиху, Дане Юрош, Тобиасу Отту, Рику Зайферту, Михаэлю Фогеле и Андреа Земсковой-Цюге. Кори Барбер постоянно поддерживала меня при работе над рукописью.

Я искренне признателен Фонду имени Марии фон Гревениц в Вадуце и лично председателю Попечительского совета г-ну Людвигу Шайдеггеру за то, что доверили мне составление данной биографии. Именно благодаря инициативе г-на Шайдеггера издана эта книга об истории жизни Карла фон Сименса.

Берлин, октябрь 2012 юда

Именной указатель

- Александр II (1818–1881), российский император 117, 121, 122, 23, 215, 222, 223, 254
- Александр III (1845–1894), российский император 212–216, 223, 224, 231–233, 256, 294, 295
- Бернулли Альфред (Bernoulli, Alfred), директор медного рудника Кедабек 157, 158, 165, 205
- Бисмарк Отто (Bismarck, Otto, 1815–1898), фон, князь, первый канцлер Германской империи 13, 99, 243, 312, 35
- Болтон Георг Вильям (Bolton, Georg William, 1832–1900), директор медного рудника Кедабек 217, 269, 272, 34
- Брегет Луи (Breguet, Louis, 1804–1888), владелец фабрики по производству часов, конструктор телеграфных линий, предприниматель 69–71
- Бретт Джон Воткинс (Brett, John Watkins, 1805–1866), британский инженер и предприниматель 186
- Буксгевден Шарлотта (Buxhoeveden, Charlotte, 1858–1926), фон, урожденная Сименс, именуемая также Лотти, старшая дочь Карла 101, 130, 131, 172, 196–198, 201, 203, 213, 285–288, 290, 303–306, 314, 316, 317, 319, 332, 423
- Вильгельм II (Wilhelm II, 1859–1941), император Германии 312
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915), министр финансов Российской империи 274
- Вышнеградский Иван Алексеевич (1832–1895), министр финансов Российской империи 268
- Гальске Иоганн Георг (Halske, Johann Georg, 1811–1890), механик, соучредитель телеграфно-строительной компании «Сименс и Гальске» 11, 20, 44, 45, 51, 53, 65, 66, 69, 88, 90, 93, 94, 96, 97, 111, 112, 112, 112, 133, 135, 136, 140–143, 145–148, 152, 153, 158, 161, 219, 238, 293, 316
- Гордон Льюис (Gordon, Lewis, 1815–1876), британский инженер, производитель кабеля 140, 142
- Гревениц Мария (Graevenitz, Marie, 1860–1939), фон, урожденная Сименс, именуемая также Маруша, младшая дочь Карла 5, 82, 101, 117, 130, 172, 197, 198, 201, 211, 23, 214, 249, 285–287, 303, 305–306, 318, 319, 332, 414, 423
- Гулд Джей (Gould, Jay, 1836–1892), американский предприниматель, спекулянт 194
- Дайхман Элеонора (Deichmann, Eleonore, 1765–1857), урожденная Шайтер, бабушка Карла 26, 31–33, 38, 39
- Дойч Феликс (Deutsch, Felix, 1858–1928), директор AEG 257–259, 273, 274, 289

- Капгер Герман (1801–187), тесть
Карла 82, 90, 94, 102–110, 112,
19–121, 130, 131, 170, 201, 202
- Клейнмихель Петр Андреевич
(1798–1869), граф, руководитель
телеграфного ведомства 79,
81–88, 90, 92, 94, 103, 106,
113, 118
- Кромэ София (Crome, Sophie,
1834–1922), урожденная Сименс,
младшая сестра Карла 29, 32, 52,
298, 306, 317, 423
- Кук Вильям Фосергилл (Cooke,
William Fothergill, 1806–1879),
сэр, британский инженер
и предприниматель 44, 50
- Лёффлер Людвиг (Löffler, Ludwig,
1831–1906), исполнительный
директор компании «Братья
Сименс» 81, 100, 143, 207, 208,
237–243, 245–247, 252, 253, 264, 265,
275, 276
- Людерс Александр, граф, русский
офицер, чиновник 80–82, 162
- Мейер Вильям (Meuer, William,
1816–1868), близкий друг Вернера
и доверенное лицо компании
«Сименс и Гальске» 62, 19, 140
- Морзе Сэмюэль (Morse, Samuel,
1791–1872), американский
изобретатель, создатель
телеграфа 45, 62
- Николай I (1796–1855), российский
император 78, 84, 88, 117
- Николай II (1868–1917), российский
император 13, 22, 295
- Нобель Людвиг (Nobel, Ludwig,
1831–1888), шведский
предприниматель 267
- Пендер Джон (Pender, John, 1816–
1896), сэр, британский
предприниматель 180, 181, 188,
187, 188, 191, 193, 206
- Ратенау Эмиль (Rathenau, Emil,
1838–1915), основатель компании
AEG 13, 28, 229, 251–255, 257–259,
272–274, 298, 307, 308, 322
- Рейтерн Михаил Христофорович
(1820–1890), фон, министр
финансов Российской империи
213, 214
- Сименс Генрих (Siemens, Heinrich,
1828–1912), дальний родственник
Карла, управляющий имением
Хмелево и стекольным заводом в
деревне Городок 126, 127
- Сименс Анна (Siemens, Anne,
1821–1901), урожденная Гордон,
жена Вильгельма 139, 140, 142,
152, 167, 189, 191, 265
- Сименс Аннетта (Siemens, Annette),
урожденная фон Кремер, жена
Отто 198–200, 283
- Сименс Арнольд (Siemens, Arnold,
1853–1918), фон, сын Вернера 203,
210, 261, 262, 269, 270, 277, 285, 310,
314, 315, 318, 323, 422
- Сименс Вальтер (Siemens, Walter,
1833–1868), брат Карла 25, 29, 32,
37, 38, 49, 52, 77, 101, 112, 157, 158,
165, 166, 171, 188, 208, 231, 238, 423
- Сименс Вернер Герман (Siemens,
Werner Hermann, 1856–1900),
фон, сын Карла 129, 130, 172, 173,
200, 201, 203, 204, 256, 261, 262,
283, 284, 287, 290, 301, 304, 305,
316, 319, 422
- Сименс Вильгельм (Siemens, Wilhelm,
1855–1919), фон, сын Вернера 201,
203, 210, 256, 257, 261, 262, 269, 270,
277, 278, 281, 287, 290, 297, 298, 306,
310, 311, 323, 315, 321
- Сименс Ганс (Siemens, Hans, 1818–
1867), брат Карла 27, 32, 33, 36,
37, 49, 51, 109, 122, 125, 133, 208,
250, 422
- Сименс Георг (Siemens, Georg,
1839–1901), фон, двоюродный
брат Карла 187, 188, 253, 258, 272,
278, 279, 301, 308, 309, 321

- Сименс Иоганн Георг (Siemens, Johann Georg, 1805–1879), инвестор телеграфно-строительной компании «Сименс и Гальске» 26, 53, 54, 69, 97, 108, 109, 188, 229
- Сименс Карл Фридрих (Siemens, Carl Friedrich, 1872–1941), фон, сын Вернера 299, 320, 422
- Сименс Кристиан Фердинанд (Siemens, Christian Ferdinand, 1787–1840), отец Карла 26–35, 55
- Сименс Мария (Siemens, Marie, 1835–1869), урожденная Капгер, жена Карла 82, 98, 99, 102, 107–110, 112, 113, 119, 120, 128–131, 30, 152, 164, 165, 169–172, 175, 177, 197, 198, 200, 201, 286, 301–303, 319, 423
- Сименс Мария (Siemens, Marie, 1819–1902), урожденная фон Шперль, жена Иоганна Георга Сименса 108, 109, 300
- Сименс Матильда (Siemens, Mathilde, 1824–1865), урожденная Друман, первая жена Вернера 72, 97, 103, 107, 150, 170, 198, 422
- Сименс Наталья (1867–1931), урожденная Гаврилюк, невестка Карла 283, 284, 287, 304, 423
- Сименс Отто (Siemens, Otto, 1836–1871), брат Карла 29, 31–33, 4, 52, 77, 101, 168, 166, 167, 171, 198, 199, 205, 208, 250, 423
- Сименс Фердинанд (Siemens, Ferdinand, 1820–1893), брат Карла 27, 32, 51, 296, 422
- Сименс Фридрих (Siemens, Friedrich, 1826–1904), брат Карла 24, 25, 29, 32–34, 36–40, 47–49, 51, 55, 56, 60, 64, 66, 77, 120, 121, 125, 14, 221, 254, 266, 267, 269, 285, 287, 291, 296, 298, 306, 332, 423
- Сименс Элеонора (Siemens, Eleonora, 1874–1941), урожденная Фюссли, именуемая также Нора, невестка Карла 304, 317, 423
- Сименс Элеонора (Siemens, Eleonore, 1792–1839), урожденная Дайхман, мать Карла 26–31, 33–55, 23
- Уитстон Чарльз (Wheatstone, Charles, 1802–1875), сэр, британский изобретатель и предприниматель 44, 45, 50
- Филд Сайрус (Field, Cyrus, 1819–1892), американский предприниматель 186, 187, 191
- Фридрих III (Friedrich III, 1831–1888), император Германии 294
- Хаммахер Фридрих (Hammacher, Friedrich, 1845–1904), депутат рейхстага 268
- Хефнер-Альтенек Фридрих (Hefner-Alteneck, Friedrich, 1845–1904), фон, конструктор «Сименс и Гальске» 227
- Химли Карл (Himly, Carl, 1811–1888), муж сестры Карла 59
- Химли Матильда (Himly, Mathilde, 1814–1878), урожденная Сименс, старшая сестра Карла 27, 31–33, 59, 131, 50, 198, 200, 201, 422
- Цандерс Анна (Zanders, Anna, 1858–1939), урожденная Сименс, дочь Вернера 202, 211, 23, 285
- Шуккерт Зигмунд (Schuckert, Sigmund, 1846–1895), изобретатель и предприниматель 255, 257
- Эдисон Томас Альва (Edison, Thomas Alva, 1847–1931), американский изобретатель и предприниматель 226, 228, 229, 252, 326
- Эренберг Рихард (Ehrenberg, Richard, 1857–1921), экономист, профессор политологии 48, 3Б, 316, 35, 32
- Яблочков Павел Николаевич (1847–1894), российский изобретатель 225–227

Указатель названий компаний

- «Акционерная электрическая компания» (Elektrizitäts-Aktiengesellschaft, EAG), ранее «Шуккерт и Ко» (Schuckert & Co.) 255, 307, 309, 310
- «Американская электрическая компания Сименс и Гальске» (Siemens & Halske Electric Company of America) 297
- «Англо-Американская телеграфная компания» (Anglo-American Telegraph Company) 187, 188
- «Атлантическая телеграфная компания» (Atlantic Telegraph Company) 186
- «Берлин-Шарлоттенбургер Штрассенбан АГ» (Berlin-Charlottenburger Straßenbahn AG) 299
- «Братья Сименс и Ко» (Gebrüder Siemens & Co., Gesco) 124, 153
- «Братья Сименс и Ко Лимитед» (Siemens Brothers & Co. Ltd.) 144, 146, 151, 153, 172, 17, 182–185, 188–195, 206–208, 227, 237–247, 249, 263–265, 275, 276, 298, 311, 30, 326
- «Всеобщая электрическая компания» (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft, AEG) 13, 22, 253, 255–29, 261, 265, 272–278, 297, 298, 306–310, 313, 322
- «Гелиос АГ» (Helios AG) 255, 309
- «Гласс Эллиот энд Ко» (Glass Elliot & Co.) 64
- «Глоуб Телеграф энд Траст Компани» (Globe Telegraph and Trust Company), сокращенно «Глоуб Компани» (Globe Company) 188, 191, 192, 206
- «Грэйт Нозерн Телеграф Компани» (Great Northern Telegraph Company) 183, 185
- «Гуттаперча Компани» (Gutta Percha Company) 64
- «Дайрект Юнайтед Стэйтс Кэйбл Компани» (Direct United States Cable Company), сокращенно «Дайрект Юнайтед Стэйтс Кэйбл» (Direct United States Cable, DUS) 17, 190, 193, 206
- «Дженерал Электрик Компани» (General Electric Company), сокращенно «Дженерал Электрик» (General Electric) 226, 326
- «Дойче Банк» (Deutsche Bank) 188, 253, 277, 279
- «Заводы Сименс-Шуккерт ГмбХ» (Siemens-Schuckertwerke GmbH, SSW) 308–310, 30, 321
- «Заводы Фельтен и Гийом-Ламейер» (Felten & Guillaume-Lahmeyerwerke), сокращенно «Фельтен и Гийом-Ламейер» (Felten & Guillaume-Lahmeyer), а также «Фельтен и Гийом» (Felten & Guillaume) 255, 309, 313
- «Индо-Европейская телеграфная компания» (Indo-European Telegraph Company) 163, 174
- «Истерн Телеграф Компани» (Eastern Telegraph Company) 180
- «Истерн энд Ассошиэйтед Телеграф Компаниз» (Eastern and Associated Telegraph Companies) 180
- «Контрагенты по ремонту и постройке императорских русских телеграфов» (Contrahenten für den Bau und die Remonte der Telegraphen-Linien im Russischen Kaiserreiche Siemens & Halske) 97, 124, 140
- «В. Ламейер и Ко» (W. Lahmeyer & Co.) 255
- «Ландор Сименс Стил Компани» (Landore Siemens Steel Company) 178, 279, 299
- Лесопилка в Струпове (Sägewerk Strupowo) 126–128, 133–135, 157, 158
- «Немецкое эдисоновское общество прикладного электричества» (Deutsche Edison-Gesellschaft für

- angewandte Elektrizität),
сокращенно «Немецкое
эдисоновское общество»
(Deutsche Edison-Gesellschaft,
DEG) 228–230, 252, 254, 258
- «Ньюэлл и Ко» (Newall & Co.),
сокращенно «Ньюэлл» (Newall)
83, 137–140, 142, 143
- «Общество по производству
телеграфных аппаратов» (Société
pour la fabrication des appareils
télégraphiques) 70
- «Общество электрического
освещения 1886 года» (Gesell-
schaft für elektrische Beleuchtung
vom Jahre 1886), сокращенно
«Общество электрического
освещения» (Lichtgesellschaft)
230, 233, 234, 256, 258, 273, 275
- «Объединенная электрическая
компания» (Union-Elektricitäts-
Gesellschaft, UEG) 255, 309, 313
- «Объединенные кабельные заводы»
(Vereinigte Kabelwerke AG) 313
- «Ост-Индская компания» (East India
Company) 66
- «Ред Си энд Индия Телеграф
Компани» (Red Sea and India
Telegraph Company) 143
- «Русские электротехнические заводы
Сименс и Гальске АГ» (Russische
Elektrotechnische Werke
Siemens & Halske AG),
сокращенно «Русские
электротехнические заводы»
(Russische Elektrotechnische
Werke) 234, 280, 281, 311–313, 320
- «Русское акционерное общество
Сименс-Шуккерт» (Russische
Aktiengesellschaft Siemens-
Schuckert) 313, 320
- «Сименс, Гальске и Ко» (Siemens,
Halske & Co.) 139, 140, 142, 143,
145, 146, 160
- Стекольный завод в деревне Городок
(Glashütte Gorodok) 125–127
- «Строительство и техническое
обслуживание телеграфа»
(Telegraph Construction and
Maintenance Company) 180, 187, 188
- «Телефункен. Общество
беспроводного телеграфа»
(Telefunken Gesellschaft für
drahtlose Telegraphie m.b.H.),
сокращенно «Телефункен»
(Telefunken) 310
- «Эдисон Джeneral Электрик»
(Edison General Electric) 226
- «Электрическая международная
телеграфная компания» (Electric
and International Telegraph
Company) 64

Указатель географических названий

- Баден-Баден 269, 283, 284, 290, 319
- Баку 217, 267, 268
- Балликелигс (залив) 192
- Батуми 314
- Берлин 11, 13, 20, 38–41, 43, 45–47,
50–53, 55, 59–61, 64, 66–72, 75,
78–82, 84, 86, 90, 92, 95, 99–102,
105–108, 110, 112, 114, 118, 120,
123–126, 133–137, 139–143, 145–153,
158, 162, 171–173, 177–179, 181–18,
195–199, 201–203, 208, 210, 211,
220–223, 226–228, 230–243, 250, 252,
253, 258, 261–272, 275, 279, 283, 284,
287, 291, 293, 296, 297, 299, 302, 303,
306, 307, 311–33, 317–21, 330–33
- Бирмингем 63, 64, 66
- Варшава 79–82, 86–88, 91, 275, 280
- Вена 37, 54, 137, 140, 145, 146, 173, 263, 312

Вулвич 144, 145, 170, 173–186, 213
 Ганновер 26, 27, 29
 Гатчина 87
 Гонконг 184
 Гослар 25, 184, 305
 Гостилицы 12, 270, 288–290, 304, 319, 326
 Динабург 87, 91
 Дрезден 123, 131, 170–173, 177, 208, 291, 296
 Калькутта 21, 59–161, 13, 147, 184, 242
 Кедабек 155–159, 161–168, 171, 201, 205, 217–219, 221, 224, 265, 267, 268, 274, 279, 283, 284, 292, 293, 301, 314
 Киев 88–90, 95, 230, 256, 274
 Киль 32, 56, 59, 60, 63, 78, 100
 Константинополь 173, 178
 Кронштадт 80–82, 84, 85, 94, 123, 124, 126
 Крым 12, 85–92, 114, 117, 118, 122, 137, 141, 161, 218, 222, 305
 Ленте 27, 28, 85, 253, 277
 Лондон 11, 5, 18, 20–22, 44, 54, 59, 63–70, 75, 77, 86, 100, 101, 107, 113, 137–139, 141–146, 148–151, 153, 159–163, 172–174, 176–186, 188–190, 193, 197–203, 205–209, 213, 219, 220, 224–227, 237–243, 245, 247, 249, 253, 266–265, 291, 301, 302, 315, 331
 Любек 27–30, 32–38, 52, 63, 65, 99, 100
 Магдебург 32, 38, 40
 Менцендорф 28–33, 35–38, 52, 61, 99, 100, 108, 289, 291, 305
 Москва 14, 79, 80, 88, 90, 94, 123, 167, 222, 228, 234, 235, 268, 275, 280, 293, 294
 Нарва 91, 126, 222
 Николаев 90, 91
 Одесса 86, 88–90, 95, 275, 280, 283
 Ораниенбаум 80, 84, 85
 Париж 21, 63, 67–75, 77, 84, 86, 92, 94, 100, 106, 107, 113, 117, 203, 206, 207, 225, 226, 228, 301, 331
 Поггенхаген 26
 Ревель 91
 Рига 80, 91, 97
 Санкт-Петербург 11, 12, 53, 22, 78–84, 86–88, 90–93, 95, 97, 100–108, 110–113, 115–119–127, 130–, 140–142, 146–148, 150, 153, 155, 169, 17, 197, 198, 201, 203, 204, 207, 208, 211, 213–217, 220–231, 233–235, 237, 240–243, 246–248, 250–253, 256–259, 266–275, 280–285, 288–297, 310–308, 305–309, 311, 33, 331, 33, 413
 Севастополь 86, 88, 90, 91, 117
 Сименсштадт (в Берлине) 307, 319
 Струпово 126, 128, 133–135, 157, 158
 Тегеран 161, 166, 168
 Тифлис 12, 153, 155, 157, 161, 166–169, 197–199, 205, 217
 Филпола 127, 128, 135
 Финляндия 88, 121, 126, 228
 Фридрихсорт 56, 57, 59, 60
 Хмелево 124–127, 133–135, 157, 158, 205, 219, 285, 287, 288, 292
 Царские Колодцы 166, 267
 Чекуши 221, 274, 292, 313
 Шанхай 184, 195
 Шарлоттенбург 243, 245, 299, 318
 Шауэн 9, 26

Биографическое издание

Мартин Лутц

Карл фон Сименс

1829–1906

**Жизнь между семьей
и всемирно известной компанией**

Ответственный редактор: А. Карпова
Литературный редактор: И. Тредлер
Перевод и редакция: Г. Вороненкова,
А. Григорьев, Е. Грицкова, Е. Эйдинова
Корректурa: Е. Эйдинова
Верстка: «ГМ продакшн груп»

В оформлении обложки использован фотопортрет Карла фон Сименса,
сделанный Артуром Джеймсом Мелуишем в 1865 году.
Фото предоставлено архивом Фонда имени Вернера Сименса.

Подписано в печать 31.07.2014.
Формат 158×240. Усл. печ. л. 27.
Тираж 1400 экз. Изд. № 1. Заказ № 1.

Издатель: ООО «Сименс», 1 Б184, Москва, ул. Большая Татарская, д. 9
Тел.: +7 495 737 10 00, e-mail: info.ru@siemens.com
www.siemens.ru

ISBN 978-5-9905647-0-1

Фрагмент генеалогического древа семьи Сименс

ЛЮДВИГ * 1812 † 1871	МАТИЛЬДА * 1814 † 1878	ВЕРНЕР * 1815 † 1815	ВЕРНЕР * 1816 † 1892	ГАНС * 1818 † 1867	ФЕРДИНАНД * 1820 † 1893	СОФИЯ ГЕНРИЕТТА * 1821 † 1821
----------------------------	------------------------------	----------------------------	----------------------------	--------------------------	-------------------------------	-------------------------------------

∞1838
КАРЛ ХИМЛИ
* 1811
† 1885

1. ∞ 1852
МАТИЛЬДА
ДРУМАН
* 1824
† 1865

∞ 1855
АЛЬМА
МЮЛЛЕР
* 1831
† 1914

∞ 1856
ЕВЛАЛИЯ
ГЕРТЦОГ
* 1835
† 1916

2. ∞ 1869
АНТОНИЯ,
рожд. СИМЕНС
* 1840
† 1900

АРНОЛЬД
* 1853
† 1918

ВИЛЬГЕЛЬМ
* 1855
† 1919

АННА
* 1858
† 1939

КЭТЕ
* 1861
† 1949

ГЕРТА
* 1870
† 1939

КАРЛ ФРИДРИХ
* 1872
† 1941

∞ 1884
ЭЛЛЕН ФОН
ГЕЛЬМГОЛЬЦ
* 1864
† 1941

∞ 1882
ЭЛЛИ,
рожд. СИМЕНС
* 1860
† 1919

∞ 1887
РИХАРД
ЦАНДЕРС
* 1860
† 1906

∞ 1884
КАРЛ АВГУСТ
ПИТШКЕР
* 1846
† 1906

∞ 1899
КАРЛ
ГАРРИС
* 1866
† 1923

1. ∞ 1898
∞ 1922
ТУТТИ
БЁТЦОВ
* 1878
† 1935

2. ∞ 1929
МАРГАРЕТ ГЕК
* 1890
† 1977

ВЕРНЕР
* 1896
† 1898

МАРГАРЕТ
* 1885
† 1962

КАТАРИНА
* 1888
† 1938

ФЕЛИСИТАС
* 1892
† 1945

МАРИЕЛОТ
* 1896
† 1911

КАРЛ ОТТО
* 1900
† 1964

КРИСТИАН ФЕРДИНАНД

* 1787

† 1840

∞1812

ЭЛЕОНОРА ДАЙХМАН

* 1792

† 1839

ВИЛЬГЕЛЬМ

* 1823

† 1883

ФРИДРИХ

* 1826

† 1904

КАРЛ

* 1829

† 1906

ФРАНЦ

* 1831

† 1840

ВАЛЬТЕР

* 1833

† 1868

АВГУСТА СОФИЯ

* 1834

† 1922

ОТТО

* 1836

† 1871

∞ 1859

АННА

ГОРДОН

* 1821

† 1901

∞ 1864

ЭЛИЗА

ВИТТГАУЭР

* 1843

† 1919

∞ 1855

БАРОНЕССА

МАРИЯ ФОН КАПГЕР

* 1835

† 1869

∞ 1852

ФРИДРИХ

КРОМЭ

* 1821

† 1883

∞ 1870

АННЕТТА

ФОН КРЕМЕР

ВЕРНЕР GERMAN

* 1856

† 1900

ШАРЛОТТА
СОФИЯ МАТИЛЬДА

* 1858

† 1926

GERMAN CARL

* 1859

† 1860

МАРИЯ
ЭЛИЗАБЕТ АГНЕС

* 1860

† 1939

ЭЛЕОНОРА

* 1868

† 1869

1. ∞ 1882

∞ 1894

НАТАЛЬЯ ГАВРИЛЮК

* 1867

† 1931

∞ 1884

БАРОН АКСЕЛЬ
ФОН БУКСГЕВДЕН

* 1856

† 1919

∞ 1884

БАРОН ГЕОРГ
ФОН ГРЕВЕНИЦ

* 1857

† 1939

2. 1895

ЭЛЕОНОРА ФЮССЛИ

* 1874

† 1941

АЛЕКСАНДРА

* 1885

† 1922

ПЕТЕР

* 1887

† 1943

МАРИЯ

* 1889

† 1966

ГЕОРГ

* 1891

† 1962

ВИЛЬЯМ

* 1897

† 1916

НИКОЛАУС

* 1902

† 1929

Три брата Сименс – Вернер, Вильгельм и Карл – вместе со своим деловым партнером Иоганном Георгом Гальске в середине XIX века создали условия для того, чтобы небольшая берлинская телеграфно-строительная фирма «Сименс и Гальске» смогла вырасти в крупную международную компанию. Мартин Лутц впервые подготовил биографию младшего из трех братьев и представил историю становления компании «Сименс», которая была и по сей день остается пионером глобализации.